

ВРЕМЕННОЕ ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО): НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ TEMPORARY SUSPENSION OF A SUSPECT (ACCUSED): SOME PROCEDURAL FEATURES OF THE APPLICATION AS A MEASURE OF PROCEDURAL COERCION

ДУДНИКОВА Каролина Валериевна,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Садовая-Кудринская ул., 9, стр. 1, г. Москва, 123242, Россия.
E-mail: karolina.dudnikova@bk.ru;

Научный руководитель:

ВАСЯЕВ Александр Александрович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Садовая-Кудринская ул., 9, стр. 1, г. Москва, 123242, Россия.
E-mail: karolina.dudnikova@bk.ru;

DUDNIKOVA Karolina Valerievna,
postgraduate student of the Department of Criminal Procedure Law
of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL).
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 1, Moscow, 123242, Russia.
E-mail: karolina.dudnikova@bk.ru;

Academic supervisor:

VASYAEV Alexander Alexandrovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL).
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 1, Moscow, 123242, Russia.
E-mail: karolina.dudnikova@bk.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения временного отстранения от должности как меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Автор исследует пробелы нормативно-правовой регламентации данной меры, анализирует проблемы определения субъектного состава правоотношений, предельных сроков применения и материального обеспечения отстраненных лиц. На основе комплексного анализа сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, включающие конкретизацию оснований временного отстранения, установление предельных сроков и порядка их продления, регламентацию процедуры восстановления в должности и компенсации причиненного вреда. Предлагаемые изменения направлены на достижение баланса между задачами уголовного судопроизводства и защитой конституционных прав граждан.

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of temporary suspension from office as a measure of procedural coercion in criminal proceedings. The author investigates gaps in the legal regulation of this measure, analyzes problems related to determining the subjects of legal relations, time limitations, and financial support for suspended persons. Based on a comprehensive analysis, specific proposals are formulated to improve legislation, including specification of grounds for temporary suspension, establishment of time limits and procedures for their extension, regulation of reinstatement procedures, and compensation for damages. The proposed changes aim to achieve a balance between the objectives of criminal proceedings and the protection of constitutional rights of citizens.

Ключевые слова: временное отстранение от должности, меры процессуального принуждения, уголовный процесс, подозреваемый, обвиняемый, основания применения, предельные сроки, материальное обеспечение, конституционные права.

Keywords: temporary suspension from office, measures of procedural coercion, criminal procedure, suspect, accused, grounds for application, time limits, financial support, constitutional rights.

Для цитирования: Дудникова К.В. Временное отстранение от должности подозреваемого (обвиняемого): некоторые процессуальные особенности применения в качестве меры процессуального принуждения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 479-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_479.

For citation: Dudnikova K.V. Temporary suspension of a suspect (accused): some procedural features of the application as a measure of procedural coercion // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 479-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_479.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В современных условиях развития российской правовой системы особую актуальность приобретает совершенствование института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, среди которых особое место занимает временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого. Несмотря на законодательное закрепление данной меры процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], многие теоретические и практические аспекты её применения до настоящего времени остаются недостаточно исследованными, что затрудняет правоприменительную практику и создает предпосылки для нарушения её единообразия.

Актуальность темы исследования обусловлена наличием существенных пробелов в нормативно-правовой регламентации временного отстранения от должности как меры процессуального принуждения. Данная проблематика приобретает особую значимость в контексте обеспечения конституционных прав граждан, закрепленных в Конституции Российской Федерации [1], в частности, права на труд (ст. 37) и права на участие в управлении делами государства (ч. 4 ст. 32).

Актуальность научной дискуссии детерминирована отсутствием консолидированной позиции в академической среде относительно спектра субъектов правоотношений, в отношении которых допустима имплементация механизма временного отстранения от должности. Кроме

того, наблюдается неоднозначность в дифференциации данной процессуальной принудительной меры с административными процедурами отстранения от должностных обязанностей, реализуемыми посредством ведомственных нормативных актов.

Цель исследования заключается в проведении всестороннего научного анализа процессуально-правовых аспектов реализации временного отстранения от должности лица, имеющего статус подозреваемого или обвиняемого, в качестве меры принудительного процессуального характера. Интегральной компонентой исследовательских задач является идентификация нормативных лакун и формирование научно обоснованных предложений по модернизации действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Методологическую основу исследования составляет метод диалектического материализма, предполагающий изучение явлений с учетом взаимосвязей и взаимозависимостей. В работе также использованы общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-юридический, анализа и синтеза, дедукции и индукции, системно-структурный, статистический методы, а также метод обобщения судебной практики.

Временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения представляет собой предусмотренное уголовно-процессуальным законом временное запрещение подозреваемому или обвиняемому исполнять должностные полномочия либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью. В соответствии со ст. 114 УПК РФ данная мера принуждения применяется по судебному решению на основании ходатайства следователя или дознавателя.

Правовая природа временного отстранения от должности обусловлена его двойственным характером. С одной стороны, данная мера направлена на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства посредством лишения подозреваемого или обвиняемого возможности использовать свое служебное положение для воспрепятствования производству по уголовному делу. С другой стороны, временное отстранение от должности имеет превентивный характер, поскольку предотвращает возможность совершения новых преступлений лицом с использованием своего служебного положения.

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно правовой природы рассматриваемой меры принуждения. Так, Т.С. Засядьков характеризует временное отстранение от должности как специфическую процессуальную операцию по временному лишению гражданина права занимать определенную должность [8].

В системе мер процессуального принуждения временное отстранение от должности занимает особое положение. В соответствии с классификацией, представленной в разделе IV УПК РФ, данная мера относится к иным мерам процессуального принуждения (глава 14), не являясь ни мерой пресечения, ни задержанием. От мер пресечения временное отстранение от должности отличается более узкой направленностью воздействия, заключающейся в лишении лица возможности использовать свои должностные полномочия, а не в ограничении его свободы передвижения или изменении образа жизни в целом.

Специфика временного отстранения от должности проявляется в его функциональной автономности при одновременной возможности применения в комплексе с иными мерами процессуального принуждения. Как обоснованно отмечают Э.К. Кутуев и Е.В. Кудрина, данная мера характеризуется самостоятельным предметом регулирования и особой целевой направленностью, что определяет её обособленное положение в системе мер принуждения [10].

Существенную теоретическую проблему представляет дифференциация уголовно-процессуального и ведомственного отстранения от должности. Анализ нормативной базы демонстрирует, что ведомственное отстранение регламентировано специальным законодательством в отношении отдельных категорий служащих (сотрудников органов внутренних дел, Следственного комитета РФ и др.) [11].

В.Ю. Стельмах справедливо указывает на недостаточную демаркацию между процессуальным отстранением по ст. 114 УПК РФ и аналогичными ведомственными процедурами [12].

Данные институты дифференцируются по пяти ключевым критериям: 1) основание применения; 2) субъект принятия решения; 3) форма оформления; 4) процедурный аспект; 5) правовые последствия.

Анализ положений УПК РФ свидетельствует о том, что законодатель не предусмотрел четких оснований для применения временного отстранения от должности. Статья 114 УПК РФ указывает лишь на процессуальный порядок применения данной меры принуждения, не раскрывая конкретных оснований для её избрания.

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют четко сформулированные основания для применения временного отстранения от должности. В.Ю. Стельмах отмечает недостаток конкретизации как оснований, так и процедуры избрания данной меры принуждения, что создает риск неединообразного правоприменения [12]. По мнению Р.Г. Бикмиева, этот пробел приводит к тому, что правоприменители при решении вопроса о необходимости временного отстранения от должности зачастую руководствуются собственным усмотрением [4].

Юридическим основанием выступает судебное решение, в котором должны быть указаны конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии фактических оснований для применения данной меры. По мнению Т.А. Бутенко, для временного отстранения от должности необходима совокупность фактических данных, подтверждающих возможность использования служебного положения для противодействия расследованию [5].

Для совершенствования правоприменительной практики целесообразно установить критерии определения необходимости применения данной меры: характер преступления, возможность воздействия на ход расследования, вероятность совершения новых преступлений, наличие зависимых от подозреваемого или обвиняемого участников процесса, а также степень опасности последствий продолжения исполнения должностных полномочий.

С.П. Желтобрюхов предлагает учитывать также общественный резонанс, который может вызвать продолжение исполнения должностных полномочий лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления [7]. Однако данный критерий не может рассматриваться

как универсальный, поскольку не во всех случаях общественное мнение может служить надежным индикатором необходимости применения меры процессуального принуждения.

Анализ нормативных положений УПК РФ и научной литературы позволяет выделить несколько категорий должностных лиц, к которым может быть применено временное отстранение от должности. В первую очередь, это должностные лица в уголовно-правовом понимании этого термина, то есть лица, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях.

М.Р. Гершишева отмечает отсутствие научного консенсуса относительно круга субъектов, подлежащих временному отстранению от должности. На практике данная мера применяется преимущественно к государственным и муниципальным служащим, руководителям государственных и негосударственных организаций, а также лицам, выполняющим управленческие функции [6].

В научной дискуссии сформировались две позиции: ограничительная (только должностные лица) и расширительная (любые работники). В.Ю. Стельмах придерживается расширительного подхода, исключая из субъектного состава лишь депутатов и судей [12]. Эта позиция согласуется с буквальным толкованием ст. 114 УПК РФ, не содержащей ограничений кроме процессуального статуса лица как подозреваемого или обвиняемого.

Целевое назначение данной меры - предотвращение противодействия расследованию и пресечение продолжения преступной деятельности - может быть актуально не только для должностных лиц, но и для рядовых работников, имеющих возможность воздействовать на ход расследования. В отношении лиц с особым правовым статусом применяются специальные нормы: депутаты не подлежат отстранению в силу особой природы их публичной деятельности, а отстранение судей регламентируется Законом РФ «О статусе судей» [2] и осуществляется квалификационной коллегией судей.

Процедура инициирования временного отстранения от должности включает четыре последовательных этапа: 1) инициирование следователем или дознавателем при наличии достаточных оснований; 2) получение согласия руководителя следственного органа или прокурора соответственно; 3) подготовка мотивированного ходатайства с указанием фактических обстоятельств и приложением подтверждающих материалов; 4) направление документов в суд по месту производства предварительного расследования.

Судебное рассмотрение характеризуется следующими особенностями: ходатайство рассматривается районным или военным судом соответствующего уровня в 48-часовой срок; заседание проводится в открытой форме единолично судьей; предметом судебной проверки выступают факт возбуждения уголовного дела, процессуальный статус лица и правильность процессуальных документов; в ходе заседания исследуются представленные материалы, заслушиваются мнения участников и проверяется наличие фактических оснований для применения данной меры процессуального принуждения.

По мнению В.Ю. Стельмах, порядок временного отстранения от должности в целом идентичен порядку заключения под стражу. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку общий алгоритм принятия решений о применении обеих мер процессуального принуждения сходен, хотя имеются и некоторые различия, обусловленные спецификой данных мер [12].

Современное нормативное регулирование временного отстранения от должности характеризуется рядом существенных пробелов, препятствующих эффективному применению данной меры процессуального принуждения. В первую очередь необходимо акцентировать внимание на существующей нормативной неопределенности статьи 114 УПК РФ в части отсутствия детализированных квалифицирующих параметров, обуславливающих правомерность имплементации временного отстранения от профессиональных обязанностей. Нормативно-правовая конструкция, избранная законодателем, характеризуется исключительной абстрактностью формулировок, ограничиваясь лишь обобщенной дефиницией о допустимости применения рассматриваемой меры процессуального принуждения при наличии достаточной фактологической базы для формирования предположения о потенциальном деструктивном воздействии подозреваемого или обвиняемого на ход уголовного судопроизводства. При этом диспозиция нормы не содержит спецификации фактических обстоятельств, которые должны служить индикаторами вероятности подобного противодействия [9].

Существенным недостатком является также неопределенность в вопросе о субъектном составе лиц, к которым может быть применена данная мера. В отличие от уголовно-правового понятия должностного лица, в уголовно-процессуальном законе отсутствует четкое указание на категории должностных лиц, подлежащих временному отстранению от должности. Данный пробел порождает дискуссии о возможности применения данной меры к различным категориям работников.

Значимой проблемой является отсутствие законодательно установленных сроков временного отстранения от должности и механизма их продления. В отличие от иных мер процессуального принуждения, для которых установлены предельные сроки действия, временное отстранение от должности может длиться весь период производства по уголовному делу до вынесения приговора, что создает риск необоснованного ограничения трудовых прав граждан.

Сохраняется нерешенным вопрос о финансовой поддержке лица, временно освобожденного от исполнения служебных обязанностей. В соответствии с текущей версией части 2 статьи 114 УПК РФ, отстраненный подозреваемый или обвиняемый имеет возможность получать ежемесячную государственную выплату, равную прожиточному минимуму для трудоспособного населения по России. Однако эта сумма часто существенно уступает его привычному доходу, что не позволяет сохранить надлежащее качество жизни.

В целях совершенствования правовой регламентации временного отстранения от должности представляется необходимым внести в уголовно-процессуальное законодательство следующие изменения.

Во-первых, целесообразно конкретизировать в ст. 114 УПК РФ основания для применения временного отстранения от должности, сформулировав их исчерпывающий перечень. К подобным основаниям можно причислить: существование достаточной информации, указываю-

щей на возможность уничтожения или подделки улик подозреваемым или обвиняемым при сохранении служебного положения; вероятность оказания им воздействия на пострадавших, очевидцев либо других участников судебного процесса; опасность продолжения противозаконных действий с использованием должностных полномочий.

Во-вторых, необходимо законодательно закрепить предельные сроки временного отстранения от должности и порядок их продления. Видится целесообразным определить начальный период временной приостановки выполнения должностных функций максимальной продолжительностью в полгода, предусматривая возможность его увеличения судебным органом по обоснованному запросу субъекта предварительного расследования при существовании особых условий, мешающих окончанию следствия в отведенные сроки.

В-третьих, следует дополнить ст. 114 УПК РФ положениями, регламентирующими порядок отмены временного отстранения от должности. Целесообразно предусмотреть возможность отмены данной меры процессуального принуждения как по инициативе следователя или дознавателя, так и по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или его защитника при отпадении оснований для ее применения.

В-четвертых, требует пересмотра система материального обеспечения временно отстраненного от должности лица. Представляется справедливым установить размер ежемесячного государственного пособия в размере не менее 50% от среднего заработка подозреваемого или обвиняемого по последнему месту работы при условии, что данное пособие не может быть ниже прожиточного минимума.

В-пятых, необходимо дополнить уголовно-процессуальное законодательство положениями о порядке восстановления в должности лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, а также о порядке возмещения ему имущественного вреда, причиненного временным отстранением от должности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения имеет значительный потенциал для обеспечения эффективного расследования преступлений, однако нуждается в существенном совершенствовании правовой регламентации. Выявленные в ходе исследования проблемы, включающие отсутствие четких критериев применения данной меры, неопределенность субъектного состава, отсутствие предельных сроков и порядка их продления, недостаточную материальную обеспеченность отстраненных лиц, требуют комплексного законодательного решения. Обоснованными представляются предложения по конкретизации оснований временного отстранения, установлению предельного шестимесячного срока с возможностью продления, совершенствованию порядка отмены данной меры и расширительному толкованию субъектного состава (за исключением лиц с особым правовым статусом). Реализация этих предложений позволит повысить эффективность применения временного отстранения от должности, обеспечивая при этом необходимый баланс между интересами уголовного судопроизводства и конституционными правами граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – Текст : непосредственный.
2. О статусе судей в Российской Федерации : Закон Российской Федерации № 3132-1 от 26 июня 1992 года (редакция от 10 июля 2023 года с изменениями от 27 ноября 2023 года). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года (редакция от 28 декабря 2024 года с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 5 февраля 2025 года). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
4. Бикмиев Р.Г. Основания применения временного отстранения от должности / Р.Г. Бикмиев // Актуальные проблемы экономики и права. Казань, 2014. № 1. С. 257-261.
5. Бутенко, Т. А. Временное отстранение от должности в уголовном процессе и возможные альтернативы его применения / Т. А. Бутенко // Юридическая практика. – 2021. – № 3 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-v-ugolovnom-protsesse-i-vozmozhnye-alternativy-ego-primeneniya> (дата обращения: 28.03.2025).
6. Гершишова, М. Р. Временное отстранение от должности как мера уголовно-процессуального принуждения: понятие, сущность, значение / М. Р. Гершишова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 4 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-kak-mera-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya-ponyatie-suschnost-znachenie> (дата обращения: 28.03.2025).
7. Желтобрюхов С.П. Временное отстранение подозреваемого (обвиняемого) от занимаемой должности / С.П. Желтобрюхов // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 35–39.
8. Засядовок Т. С. Временное отстранение от должности как одна из мер процессуального принуждения // Вестник науки. 2019. № 1 (10). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-kak-odna-iz-mer-protsessualnogo-prinuzhdeniya> (дата обращения: 28.03.2025).
9. Каштанова, Н. С. О некоторых вопросах применения временного отстранения от должности как иной меры уголовно-процессуального принуждения: теория и практика / Н. С. Каштанова // Российский судья. – 2023. – № 3. – С. 23-27. – DOI: 10.18572/1812-3791-2023-3-23-27.
10. Кутуев Э. К., Кудрина Е. В. Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник экономической безопасности. 2010. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-mer-prinuzhdeniya-v-vid-vremennogo-otstraneniya-ot-dolzhnosti> (дата обращения: 28.03.2025).
11. Семенова, О. Н. Временное отстранение от должности и «ведомственное» временное освобождение от обязанностей в связи с уголовным преследованием / О. Н. Семенова, С. Н. Ушаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 1(62). – С. 101-106; Васяев, А. А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания под стражей) в ходе судебного разбирательства / А. А. Васяев // Современное право. – 2009. – № 3. – С. 116-119.
12. Стельмах, В. Ю. Временное отстранение обвиняемого (подозреваемого) от должности: проблемы законодательной регламентации и пути их преодоления / В. Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1(85). – С. 125-135. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-125-135.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020. - Text: direct.
2. On the Status of Judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 3132-1 of June 26, 1992 (as amended on July 10, 2023, as amended on November 27, 2023). – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text : electronic.
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 28, 2024, with amendments and additions effective February 5, 2025). – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text : electronic.
4. Bikmiev R.G. Grounds for the application of temporary suspension from office / R.G. Bikmiev // Actual problems of economics and law. Kazan, 2014, No. 1, pp. 257-261.
5. Butenko, T. A. Temporary suspension from office in criminal proceedings and possible alternatives to its application / T. A. Butenko // Legal practice. – 2021. – № 3 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-v-ugolovnom-protsesse-i-vozmozhnye-alternativy-ego-primeneniya> (date of request: 03/28/2025).
6. Gershisheva, M. R. Temporary suspension from office as a measure of criminal procedural coercion: concept, essence, meaning / M. R. Gershisheva // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-kak-mera-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya-ponyatie-suschnost-znachenie> (date of appeal: 03/28/2025).
7. Zheltobryukhov, S. P. Temporary suspension of the suspect (accused) from his post / S. P. Zheltobryukhov // Russian Justice. - 2012. – No. 9. – pp. 35-39.
8. Zasyadovok T. S. Temporary suspension from office as one of the measures of procedural coercion // Bulletin of Science. 2019. No. 1 (10). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-otstranenie-ot-dolzhnosti-kak-odna-iz-mer-protsessualnogo-prinuzhdeniya> (date of application: 03/28/2025).
9. Kashtanova, N. S. On some issues of the application of temporary suspension from office as another measure of criminal procedural coercion: theory and practice / N. S. Kashtanova // The Russian Judge. – 2023. – No. 3. – pp. 23-27. – DOI: 10.18572/1812-3791-2023-3-23-27.
10. Kutuev E. K., Kudrina E. V. Problems of applying a measure of coercion in the form of temporary suspension from office // Bulletin of Economic Security. 2010. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-mer-prinuzhdeniya-v-vid-vremennogo-otstraneniya-ot-dolzhnosti> (date of notification: 03/28/2025).
11. Semenova, O. N. Temporary suspension from office and "departmental" temporary discharge from duties in connection with criminal prosecution / O. N. Semenova, S. N. Ushakov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2022. – № 1(62). – Pp. 101-106; Vasyaev, A. A. Resolution of the issue of the defendant's detention (extension of the period of detention) during the trial / A. A. Vasyaev // Modern law. - 2009. - No. 3. - pp. 116-119.
12. Stelmakh, V. Y. Temporary removal of the accused (suspect) from office: gaps in legislative regulation and ways to overcome them / V. Y. Stelmakh // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 1(85). – Pp. 125-135. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-125-135.

ВОПРОСЫ ПРАВОМЕРНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ QUESTIONS OF THE LEGALITY OF CRIMINAL PROSECUTION OF A WITNESS

ЖАМКОВА Ольга Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя».

117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ОЧУ ВО «Международный юридический институт».

127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.

E-mail: olga_zhamkova@mail.ru;

СМЫСЛОВА Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин

ОЧУ ВО «Международный юридический институт».

127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.

E-mail: veramyshh@mail.ru;

ZHAMKOVA Olga Evgenievna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

12 Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russia,

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines International Law Institute.

Kashenkin Luga str., 4, 127427, Russia.

Candidate of Law, Associate Professor.

E-mail: olga_zhamkova@mail.ru;

SMYSLOVA Vera Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines The International Law Institute..

4, st. Kashenkin lug, Moscow, 127427, Russia.

E-mail: veramyshh@mail.ru

Краткая аннотация. Анализируются отдельные аспекты процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, направленной на изобличение лиц, ранее допрошенных в качестве свидетелей, в отношении которых имеются данные, указывающие на возможную причастность их к совершению расследуемого преступления.

Abstract: The article analyzes certain aspects of the procedural activities of officials conducting a preliminary investigation aimed at exposing individuals previously interrogated as witnesses, in relation to whom there is information indicating their possible involvement in the commission of the crime under investigation.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, уголовное преследование, изобличение, причастность, свидетель, подозреваемый, обвиняемый.

Keywords: criminal procedure activity, criminal prosecution, exposure, involvement, witness, suspect, accused.

Для цитирования: Жамкова О.Е., Смыслова В.Н. Вопросы правоммерности уголовного преследования свидетеля // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 483-484. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_483.

For citation: Zhamkova O.E., Smyslova V.N. Questions of the legality of criminal prosecution of a witness // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 483-484. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_483.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает обязательный порядок действий должностных лиц, уполномоченных осуществлять уголовное судопроизводство, в случаях выявления признаков преступления (ст. 21 УПК РФ) [1].

В связи с преобразованиями уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в настоящее время сегодня трансформации подвержены такие категории уголовного процесса, как обвинение и уголовное преследование [2, С. 17].

Анализ практики применения норм уголовно - процессуального права показывает, что на начальном этапе расследования не всегда удается аккумулировать достаточный объем доказательной базы, необходимой для формирования выводов о причастности определённого лица к совершению преступления. Подозрение в совершении преступления является лишь субъективной точкой зрения следователя, не находящей выражение в соответствующем процессуальном документе и не затрагивающей интересы «заподозренного» лица, в связи с чем возникает вопрос о возможности наделения последнего определенными процессуальными правами [3, С. 36].

В судебной практике нередко возникают случаи, когда в рамках группового преступления действия отдельных участников кажутся явными, и сбор доказательств их причастности не вызывает значительных затруднений. Однако, участие иных лиц в таком преступлении может носить менее выраженный характер, что существенно усложняет процесс доказывания их вины, установление степени вовлеченности каждого соучастника в совершенное деяние. Кроме того, возникает отдельный вопрос о предотвращении необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, чье присутствие на месте происшествия носило случайный характер. С целью определения роли каждого фактически находившегося на месте преступления необходимы процессуальные действия, направленные на определение их уголовно-процессуального статуса.

В такой ситуации, как правило, сначала следователи допрашивают таковых лиц в качестве свидетелей (ст. 56 УПК РФ). В ходе допроса лицу могут задаваться вопросы относительно местоположения гражданина в момент совершения преступления, его конкретных действий, высказываний в указанный период. Подобные вопросы свидетельствуют о наличии у допрашиваемого потенциального интереса в исходе уголовного дела, который больше соответствует интересам подозреваемого, нежели свидетеля. Таким образом, следует констатировать, что статус

такого лица ближе к категории фактически подозреваемого ("заподозренного"), поскольку его интересы в данном деле выходят за рамки нейтрального свидетельства.

Существует точка зрения, согласно которой допрос лица в качестве свидетеля следователем может восприниматься как попытка ограничить конституционное право данного лица на отказ от дачи показаний против самого себя. Такая практика может привести к получению от свидетеля признаний посредством самоинкриминирования. По мнению исследователя С. П. Фурлета, подобная деятельность мешает реализации права лица на самозащиту и противодействие подозрениям, возникающим изначально, и фактически представляет собой форму скрытого уголовного преследования [4].

Тем не менее, нет оснований считать такую практику незаконной. Проводя допрос лица в качестве свидетеля, следователь включает данное лицо в систему уголовно-процессуальных отношений, что позволяет оценить собранные доказательства и установить причастность этого лица (свидетеля) к совершению преступления.

Несовершенство законодательных норм, регулирующих уголовно-процессуальный статус подозреваемого, усугубляет сложность разрешения данной ситуации. Момент, с которого лицо приобретает процессуальный статус подозреваемого, детально конкретизирован в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

В отличие от дознавателя, следователь не располагает полномочиями для признания лица подозреваемым посредством уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ. Вследствие чего лицо, ранее допрошенное в качестве свидетеля, может сразу стать обвиняемым, минуя промежуточный процессуальный статус подозреваемого.

В данном случае имеют место две следственные ситуации:

- 1) имеющиеся у следователя данные позволяют предположить причастность определенного лица к совершению преступления, при условии проведения дополнительной проверки, поскольку не достигают уровня достаточной убедительности для признания лица подозреваемым;
- 2) несмотря на наличие достаточных данных для признания лица подозреваемым, отсутствуют правовые механизмы, позволяющие следователю официально придать данному лицу процессуальный статус подозреваемого.

В научной литературе представлены разнообразные подходы к решению обозначенной проблемы. Некоторые авторы предлагают дополнить УПК РФ нормой, устанавливающей процессуальный статус лиц, в отношении которых собрано недостаточно доказательств для подтверждения их участия в преступлении. По мнению А. А. Бояринцева, законодатель зачастую наделяет участников уголовно-процессуальных отношений признаками, не позволяющими их в полной мере отнести ни к одной из существующих категорий участников уголовного судопроизводства [5, С. 23].

Так, С. П. Фурлет предлагает ввести понятие «заподозренный свидетель», подразумевающее лицо, упомянутое в сообщении о преступлении или чьи персональные данные фигурируют в показаниях участников уголовного процесса как соучастник преступления [4].

Такое лицо получает соответствующий статус либо с момента возбуждения уголовного дела, либо после вынесения специального постановления. Автор считает, что этот статус позволит данному лицу участвовать в следственных мероприятиях совместно с адвокатом, изучать протоколы следственных действий, а также освободит его от уголовной ответственности за предоставление ложных показаний или отказ от дачи показаний. Предложенная концепция является предметом дискуссий. Идея введения участника уголовного процесса, обладающего смешанными правами подозреваемого и свидетеля, в отношении которого отсутствуют четкие доказательства причастности к совершению преступлению, вызывает сомнения.

Возникает ряд важных вопросов: сможет ли такое лицо претендовать на реабилитацию, если подозрения не найдут подтверждения; каким образом будут применяться меры процессуального принуждения к этому участнику; какова будет процедура оценки показаний, предоставленных данным лицом.

Как представляется, если следователь осуществляет уголовное преследование в отношении свидетеля, обладая информацией о его возможной причастности к преступлению, но намеренно оставляет за ним статус свидетеля, такие действия следует рассматривать как сомнительные с точки зрения законности. Если же у следователя нет законных возможностей наделить лицо статусом подозреваемого, представляется разумным предложить распространение конструкции уведомления о подозрении на стадию предварительного следствия. Это позволило бы решить проблему допроса «заподозренного свидетеля» и исключило бы скрытое уголовное преследование такового лица.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 24 декабря 2001 г., № 52 (часть I), ст. 4921.
2. Кругликов А.П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М.: Норма, 2015. 688 с.
3. Фурлет С. Процессуальные технологии незаконных уголовных преследований: осуществление в отношении свидетелей скрытых уголовных преследований. 21.02.2018 [Электронный ресурс]. - URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/21/processualnye_tehnologii_nezakonnyh_ugolovnyh_presledovaniy (дата обращения: 03.03.2025).
4. Бояринцев А.А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование // Российский следователь. 2020. № 12. С. 23-26.
5. Мищенко И.В. Уголовное преследование, обвинение: исторический аспект и современное видение / И.В. Мищенко, А.Н. Щитов // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 4(171). С. 17-21.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on December 28, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation, December 24, 2001, No. 52 (part I), art. 4921.
2. Kругликов А.П. Criminal procedure: textbook for bachelors. Moscow: Norm, 2015. 688 C.
3. Furllet S. Procedural technologies of illegal criminal prosecutions: implementation of hidden criminal prosecutions against witnesses. 02/21/2018 [Electronic resource]. - URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/21/processualnye_tehnologii_nezakonnyh_ugolovnyh_presledovaniy (date of appeal: 03.03.2025).
4. Boyarintsev A.A. On the issue of the legal status of a witness against whom public criminal prosecution is being carried out // Russian investigator. 2020. No. 12. pp. 23-26.
5. Mishchenko I.V. Criminal prosecution, prosecution: historical aspect and modern vision / I.V. Mishchenko, A.N. Shields // Representative government - XXI century: legislation, comments, problems. 2019. No. 4(171). pp. 17-21.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM IMPRISONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE OF AFFAIRS

ЖИЛЯЕВ Рустам Мухамедович,

заместитель начальника центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1.

E-mail: giliaev.r.m@fsin.gov.ru;

ZHILIAEV Rustam Mukhamedovich,

Deputy director, Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences
in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Moscow, Narvskaya str., 15 а, building 1.

E-mail: giliaev.r.m@fsin.gov.ru

Краткая аннотация: в соответствии с законодательством Российской Федерации каждый осужденный вправе просить о смягчении наказания, в том числе и об условно-досрочном освобождении от лишения свободы. Проведенное автором исследование, в рамках которого были проанализированы формы статистического наблюдения о деятельности судов общей юрисдикции, отчеты Федеральной службы исполнения наказаний за 2014-2023 гг., а также результаты социологического опроса, проведенного среди руководителей исправительных учреждений, позволило сформулировать ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование рассматриваемого уголовно-правового института.

Abstract: in accordance with legislation of the Russian Federation, every convicted person shall have the right to ask for mitigation of punishment, including conditional release from deprivation of liberty imprisonment. The research carried out by the author, within the framework of which the statistical observation forms on the activities of the courts were analysed. Analysed statistical observation forms on the activities of courts of general jurisdiction, reports of the Federal Service for the Execution of Punishment for 2014-2023, as well as the results of the of a sociological survey conducted among the heads of correctional institutions, made it possible to formulate a number of proposals aimed at further improvement of the criminal-legal institute under consideration.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от лишения свободы, осужденные, Российская Федерация, анализ статистических данных, социологическое исследование, руководители мест лишения свободы.

Keywords: parole from imprisonment, convicts, Russian Federation, analysis of statistical data, sociological research, heads of places of deprivation of liberty.

Для цитирования: Жильяев Р.М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы в Российской Федерации: современное состояние // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_485.

For citation: Zhiliaev R.M. Conditional early release from imprisonment in the Russian Federation: current state of affairs // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_485.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания или смягчение назначенного наказания является конституционным правом осужденного. Так, в частности, в части 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации говорится, что «каждый осужденный имеет право просить о смягчении наказания».

Как следует из части 1 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.».

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.05.2023 № 1374-р, одним из основных направлений развития современной уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) до 2030 г. является «совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации, включая нормативно-правовое регулирование».

Для того чтобы разобраться в реальной ситуации, которая сложилась вокруг практики применения условно-досрочного освобождения от лишения свободы (далее - УДО) предлагаем обратиться к официальной статистике судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее - судебный департамент) за 2014-2023 гг. [1]

По данным судебного департамента в 2023 г. в суды поступило более 49,1 тыс. ходатайств осужденных об УДО, в 2022 г. – 59,9 тыс., в 2021 г. – 69 тыс., в 2020 г. – 82 тыс., в 2019 г. – 91,8 тыс., в 2018 г. – 99,6 тыс., в 2017 г. – 112,5 тыс., в 2016 г. – 122,5 тыс., в 2015 г. – 117,1 тыс. и в 2014 г. – 132,3 тыс. (рисунок 1).

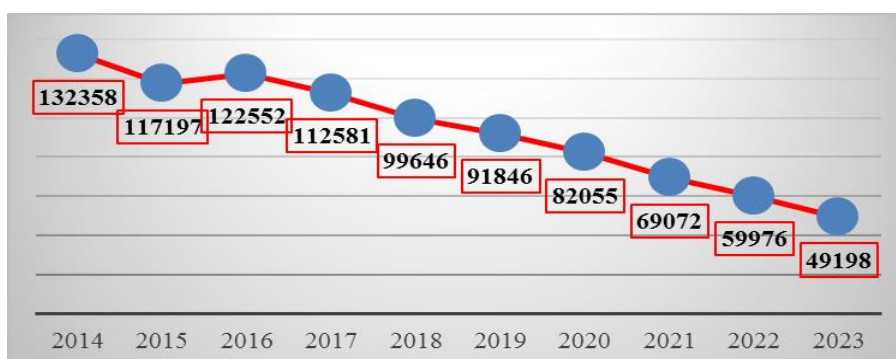

Рис. 1. Сведения о количестве ходатайств осужденных об УДО, поступивших в суды по годам (в абсолютных числах)

Как видно из представленных на рисунке 1 статических данных за рассматриваемый период времени происходило ежегодное сокращение количества обращений осужденных в суд об УДО. Исключением стал лишь 2016 г., когда количество подобных ходатайств возросло на 4,57% (рисунок 2).

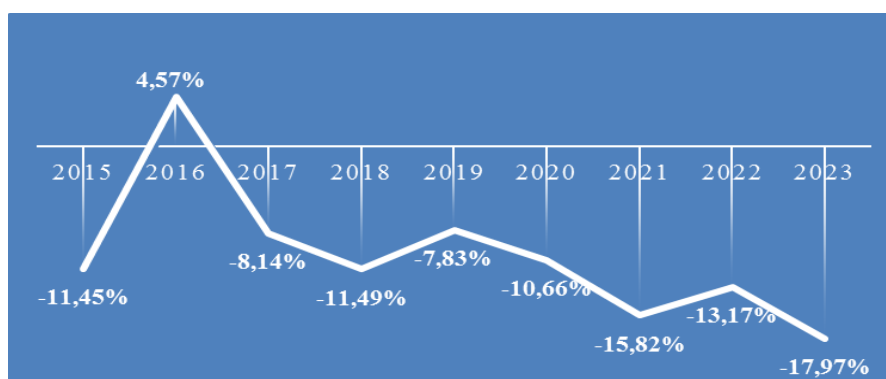

Рис. 2. Изменение количества обращения осужденных об УДО в сравнении с АППГ (в%)

Представленные наглядно на рисунке 2 расчеты свидетельствуют о сокращении числа ходатайств осужденных об УДО по сравнению с предыдущим периодом прошлого года (далее – АППГ) на 11,45% в 2015 г., 8,14% в 2017 г., 11,49% в 2018 г., 7,83% в 2019 г., 10,66% в 2020 г., 15,82% в 2021 г., 13,17% в 2022 г. и 17,97% в 2023 г., как было сказано выше, исключением стал лишь 2016 г.

Дальнейший анализ форм статического наблюдения судебного департамента показал значительное колебание и доли удовлетворенных судами ходатайств об УДО от их общего числа. Так, если в 2014 г. доля удовлетворенных судами ходатайств об УДО составляла 41,18%, то в 2019 г. данный показатель достиг максимального значения за рассматриваемый период времени и составил 49,42%. В последующие годы данный показатель стал достаточно плавно снижаться и в 2023 г. практически достиг значения девятилетней давности – 42,08%. При этом наименьшая доля удовлетворенных ходатайств осужденных об УДО наблюдалась в 2022 г. (рисунок 3).

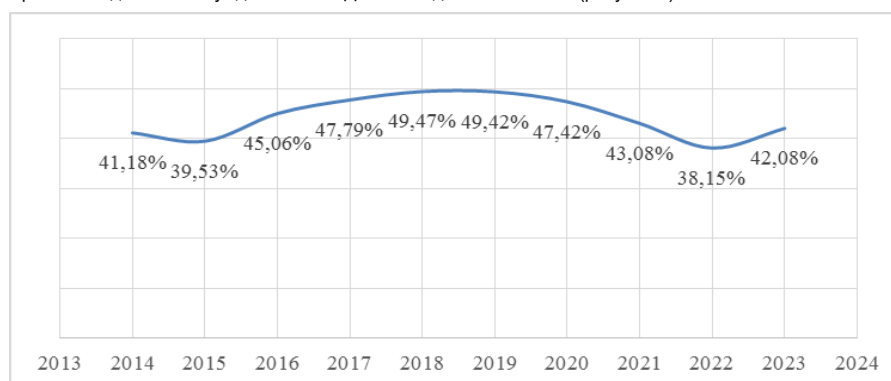

Рис. 3. Доля удовлетворенных судами ходатайств осужденных об УДО от общего числа поступивших ходатайств по годам (в%)

Для полного понимания рассматриваемой проблемы нельзя оставить без подробного рассмотрения и существующую судебную практику отказов в предоставлении УДО. Анализируемые данные позволяют выделить 2019 г. как год наименьшего числа отказов в УДО (36,44%) и, напротив, 2015 г. как год наибольшего количества отказов в УДО (47,02%) (рисунок 4)).

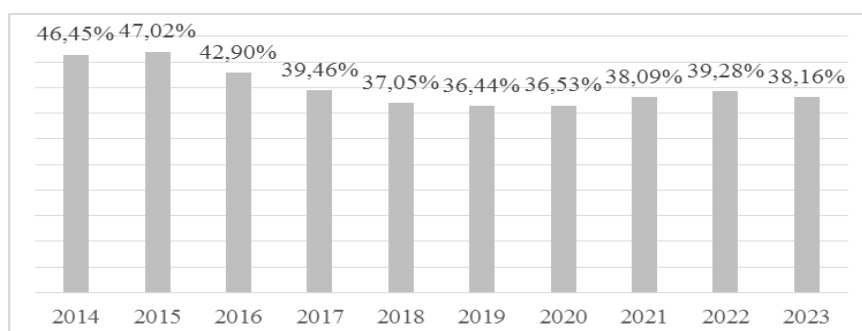

Рис. 4. Доля отказов в предоставлении УДО от общего количества поступивших ходатайств (в%)

Также за рассматриваемый период времени произошло значительное более чем в два раза снижение доли освобожденных по УДО в общем количестве освобожденных из исправительных учреждений (далее - ИУ). В частности, в 2014 г. доля освобожденных по УДО из ИУ составляла 20,30%, в 2015 г. - 16,68%, в 2016 г. - 21,73%, в 2017 г. - 21,26%, в 2018 г. - 18,83%, в 2020 г. - 16,53%, в 2021 г. - 6,26% и 2023 г. - 9,05%. Как видим, наибольшее сокращение доли освобожденных по УД из ИУ произошел в 2021 г. (6,26%) (рисунок 5)[2]

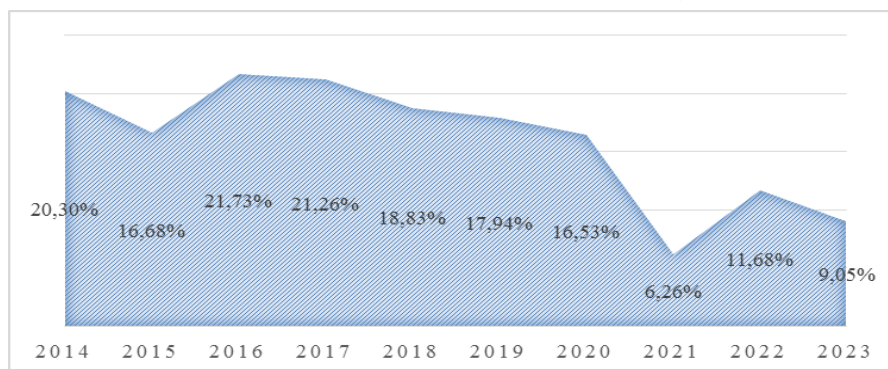

Рис. 5. Доля освобожденных из исправительных учреждений осужденных по УДО от общего количества освобожденных

В настоящее время перед органами правопорядка достаточно остро стоит проблема противодействия повторной преступности, например по данным судебного департамента, лишь только в 2023 г. судами при вынесении приговора рецидив преступлений признан у более чем 216,5 тыс. лиц, что составляет 39% от всего числа осужденных[3].

В качестве подтверждения сказанному сравним соотношение количества осужденных, освобожденных по УДО из ИУ, и осужденных вновь совершивших преступление после УДО. Так, в 2014 г. 59,91% ранее освобождённых по УДО вновь вернулись в местах лишения свободы за совершение повторных преступлений. В 2015 г. доля таких осужденных достигла наибольшего роста и составила 62,52%. С 2016 по 2020 гг. наблюдалось сокращение доли рассматриваемой категории осужденных. Однако начиная с 2021 г. по 2023 г. вновь произошло их увеличение (рисунок 6)[1].

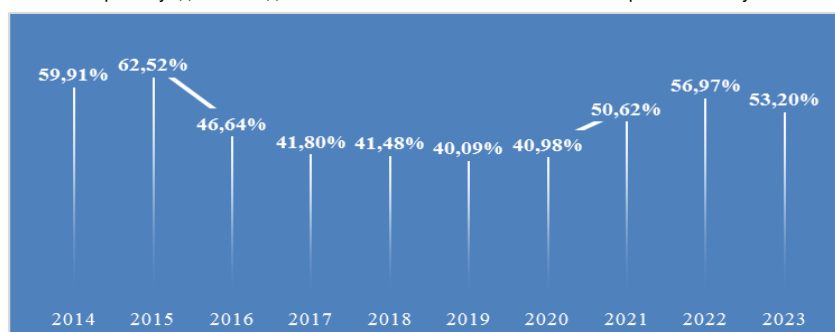

Рис. 6. Доля осужденных вновь совершивших преступление от общего количества освобожденных по УДО (в%)

В рамках настоящей работы, по нашему мнению, было бы вполне разумным обратиться к материалам ранее проведенного исследования, посвященного рассматриваемой проблеме эффективности УДО, в рамках которой авторским коллективом была разработана анкета для опроса руководителей исправительных учреждений УИС (далее - опросный лист)[4].

Опросный лист включал в себя 42 вопроса, в том числе открытые вопросы, и позволил выявить наиболее проблемные вопросы в практике применения УДО и сформулировать авторскому коллективу предложения по совершенствованию правового регулирования в данной области. Всего же, в исследовании приняло участие 2483 руководителей учреждений УИС. Учитывая требования редакционного совета настоя-

щего сборника статей приведем лишь некоторые результаты проведенного опроса, которые несомненно не утратили свою актуальность.

Первые вопросы касались мнения администрации ИУ о состоянии дел в сфере применения УДО. Так, остались вполне удовлетворенными положением дел в сфере УДО в конкретном учреждении более 71,47% респондентов. Однако при этом 40,93% респондентов заявили в неэффективности института УДО в целом. Среди причин неудовлетворенности УДО респонденты назвали: 1) неопределенность, неконкретность, «размытость» законодательно закрепленных критериев предоставления УДО (44,91%); 2) формальное отношение судейского сообщества к процедуре предоставления УДО (29,08%); 3) процедурные вопросы (31,43%); 4) утрату институтом УДО регулирующего воздействия (14,22%); 5) коррупцию (6,79); 6) ненадлежащее исполнение служебных обязанностей сотрудниками УИС (5,33%).

В следующем вопросе (вопрос № 4) респондентам было предложено выбрать из шести сформулированных вариантов решения проблемы применения УДО наиболее приемлемые. Большинство респондентов (56,25%) из числа предложенных вариантов выбрали изменение существующих критериев предоставления УДО. Каждый четвертый (25,76%) из опрошенных полагал бы необходимым увеличить сроки предоставления УДО. Каждый второй (21,33%) респондент посчитал заслуживающим внимание предложение об упрощении процедуры УДО. Иного мнения придерживались 13,96% опрошенных, которые посчитали существующую процедуру УДО слишком простой и требующей усложнения. Исключить институт УДО из уголовного законодательства предложили 5,27% опрошенных. Незначительная часть (3,97%) респондентов хотела бы уменьшить сроки предоставления УДО.

При ответе на следующие вопросы (вопрос № 23 и № 24) респонденты отобрали наиболее приемлемые основные и дополнительные критерии для предоставления УДО. К основным критериям для предоставления УДО респонденты в первую очередь отнесли: 1) тяжесть и вид совершенного преступления (61,95%); 2) необходимость отбытия части срока наказания (55,67%); 3) количество взысканий в период отбывания наказания (33,56%); 4) количество поощрений в период отбывания наказания (33,16%); 5) признание осужденного злостным нарушителем (27,14%); 6) признание вины в совершенном преступлении (26,45%); 7) совершение осужденным злостных нарушений (26,11%); характер взаимоотношений с администрацией учреждения (25,30%); 8) наличие непогашенных судимостей (20,67%); 9) количество злостных нарушений (18,36%); 10) число непогашенных судимостей (15,26%).

К дополнительным критериям для предоставления УДО эксперты отнесли: 1) трудозанятость и отношение к труду (48,93%); 2) дисциплину (41,71%); 3) мнение потерпевшего (35,20%); 4) востребованность осужденного работодателями (34,66%); 5) заглаживание вины перед потерпевшим (34,54%); отношение к учебе и активное участие в общественной жизни ИУ (33,91%); наличие временного или постоянного места жительства за пределами учреждения (32,58%); наличие социально-полезных связей на свободе (28,93%).

По результатам исследования авторским коллективом было сформулировано ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование существующего порядка предоставления УДО, среди которых:

- 1) пересмотреть существующие критерии представления к УДО;
- 2) изменить действующий порядок применения УДО;
- 3) ужесточить процедуру предоставления УДО осужденным, у которых судом признан рецидив преступлений, в особенности в отношении лиц, совершивших повторные преступления после освобождения от лишения свободы по УДО;
- 4) разделение критериев представления к УДО на основные (обязательные для представления к УДО) и дополнительные (реализуемые, но не в полном объеме). Например, отнести к основным критериям представления осужденных к УДО: тяжесть совершенного преступления; отбытия определенной части срока наказания; установление минимального размера доли возмещенного ущерба в объеме ущерба, нанесенного преступлением; подсчет количества имеющихся у осужденного взысканий и поощрений за время отбытия наказания; подсчет числа злостных нарушений осужденным установленных правил отбывания наказания; характер взаимоотношений осужденного с администрацией исправительного учреждения; признание осужденным вины; наличие непогашенных судимостей и их количество. К дополнительным критериям представления осужденных к УДО предлагается отнести: трудовую занятость и отношение осужденного к труду; дисциплинарную практику; мнение потерпевшего; примирение с потерпевшим; обучение в образовательной организации; активное участие в общественной жизни исправительного учреждения; наличие за пределами исправительного учреждения места проживания и работы; поддержание социально-полезных связей во время отбывания лишения свободы.

Список литературы:

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Форма статистической отчетности: форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 2016-2023 гг.: [сайт]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.07.2024).
2. Федеральная служба исполнения наказаний // Форма статистической отчетности ФСИН-1 «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы» раздел 2 «Сведения о движении лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» за 2014-2023 гг. [Электронный ресурс] / Доступ из автоматиз.-информационной системы «Статистика УИС» (дата обращения: 28.12.2024).
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Форма статистической отчетности: форма № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» за 2023 г.: [сайт]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.07.2024).
4. Жилиаев Р.М., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Совершенствование порядка направления осужденных в колонии-поселения и применения условно-досрочного освобождения. Аналитический обзор и законодательные инициативы. М., ФКУ НИИ ФСИН России. 2016 г. 13 с.

References:

1. Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] // Forma statisticheskoi otchetnosti: forma № 1 «Otchet o rabote sudov obshchei iurisdiktsii po rassmotreniiu ugovolnykh del po pervoi instantsii» za 2016-2023 gg.: [sait]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniia: 09.07.2024).
2. Federal'naia sluzhba ispolneniia nakazanii // Forma statisticheskoi otchetnosti FSIN-1 «Itogi deiatel'nosti uchrezhdenii, organov i predpriatii ugovolno-ispolnitel'noi sistemy» razdel 2 «Svedeniia o dvizhenii lits, soderzhashchikhsia v uchrezhdeniiakh ugovolno-ispolnitel'noi sistemy» za 2014-2023 gg. [Elektronnyi resurs] / Dostup iz avtomatiz.-informatsionnoi sistemy «Statistika UIS» (data obrashcheniia: 28.12.2024).
3. Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] // Forma statisticheskoi otchetnosti: forma № 11 «Otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniia prestupleniia» za 2023 g.: [sait]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniia: 09.07.2024).
4. Zhiliaev R.M., Pervozvanskii V.B., Strogovich Iu.N. Sovershenstvovanie poriadka napravleniia osuzhdennykh v kolonii-poseleniia i primeneniia uslovno-dosrochnogo osvobodzheniia. Analiticheskii obzor i zakonodatel'nye initsiativy. M., FKU NII FSIN Rossii. 2016 g. 13 s.

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПЕРЕВОДА ОСУЖДЕННЫХ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИЗ ОДНОГО ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ДРУГОЕ ON THE ISSUE OF THE CIRCUMSTANCES OF THE TRANSFER OF CONVICTS DURING THE PERIOD OF IMPRISONMENT FROM ONE CORRECTIONAL FACILITY TO ANOTHER

ЗИНИН Григорий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих
(по кафедре уголовного права юридического факультета)
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru;

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович,

кандидат технических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных и профессиональных дисциплин факультета внебюджетного образования
ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (Пермский институт ФСИН России).
614012, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.
E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru;

ZININ Grigory Yurievich,

candidate of law, associate professor of the institute of training of state and municipal employees
(at the department of criminal law of the faculty of law)
of the Federal State Educational Institution of Higher Education
"Academy of law and management of the Federal penitentiary service" (Academy of the FPS of Russia).
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru;

NIKOLAEV Vladimir Ivanovich,

candidate of technical sciences, associate professor,
professor of the department of social, humanitarian and professional disciplines of the faculty of extra-budgetary education
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Perm institute of the Federal penitentiary service"
(Perm institute of the FPS of Russia).
614012, Russia, Perm region, Perm, Karpinsky str., 125.
E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена правовым вопросам обеспечения раздельного содержания осужденных к лишению свободы и их перемещения в другие учреждения при отбывании наказания в силу различных обстоятельств. В ходе исследования происходит выявление пробелов в праве в данной области, анализируется судебная практика, рассматриваются мнения ученых. Таким образом поднимаются проблемы и предлагаются возможные пути их преодоления в рамках реформирования уголовно-исполнительного законодательства.

Abstract: the article is devoted to the legal issues of ensuring the separation of prisoners sentenced to imprisonment and their transfer to other institutions while serving their sentences due to various circumstances. In the course of the research, gaps in the law in this area are identified, judicial practice is analyzed, and the opinions of scientists are considered. Thus, problems are raised and possible ways to overcome them are proposed within the framework of reforming penal enforcement legislation.

Ключевые слова: лишение свободы, раздельное содержание, безопасность осужденных, перевод в другое исправительное учреждение.

Keywords: deprivation of liberty, separation, security of convicts, transfer to another correctional institution.

Для цитирования: Зинин Г.Ю., Николаев В.И. К вопросу об обстоятельствах перевода осужденных в период отбывания лишения свободы из одного исправительного учреждения в другое // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 489-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_489.

For citation: Zinin G.Yu., Nikolaev V.I. On the issue of the circumstances of the transfer of convicts during the period of imprisonment from one correctional facility to another // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 489-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_489.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Безопасность личности находится на первом плане и выступает одним из элементов безопасности общества, что связано с существованием принципа приоритета прав и свобод человека над иными ценностями, предусмотренными Конституцией РФ. Одной из целей уголовно-исполнительной системы при исполнении наказаний в виде лишения свободы является обеспечение личной безопасности осужденных. В частности, она реализуется через гарантию права осужденных на личную безопасность, которая предусмотрена в части первой статьи 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ). По своему определению исправительные учреждения выступают источниками повышенной опасности. Это связано с тем, что в исправительных учреждениях содержатся самые опасные граждане, которые совершили преступления. Именно потому вопрос обеспечения личной безопасности в таких исправительных учреждениях наиболее актуален.

Между тем перевод из одного исправительного учреждения в другое в качестве меры безопасности довольно редко встречается на практике. Однако бывают случаи, когда один и тот же осужденный постоянно переводится в разные исправительные учреждения, что связано с обеспечением его личной безопасности.

Так, например, согласно решению Советского районного суда г. Красноярск от 2020 года по делу № 2А-15390/2020 [7] осужденный Л. был переведен из одного исправительного учреждения в другое по причине обеспечения его личной безопасности. В материалах дела по этому поводу указано, что осужденный часто выступает инициатором конфликтных ситуаций, его поведение демонстративно и конфликты носят деструктивный характер. Часто идет на обман ради личной выгоды и имеет жизненную позицию, которая полностью противоречит устоявшимся социальным нормам. По этим причинам у осужденного возникла конфликтная ситуация с другим осужденным, который угрожал ему физической расправой.

Следует отметить, что довольно часто администрация переводит осужденных по своей инициативе для того, чтобы обеспечить им личную безопасность. Однако, осужденные подают в суд иски о том, что их перевод был неправомерен, так как их безопасности ничего не угрожало.

Часть 2 статьи 13 УИК РФ устанавливает, что осужденный имеет право обратиться с просьбой об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу исправительного учреждения. Данное право возникает у осужденного в случае наличия угрозы его личной безопасности. При этом должностное лицо, к которому обращается осужденный, обязан сразу же отреагировать на такую просьбу осужденного.

Часть 3 статьи 13 УИК РФ устанавливает, что решение о переводе осужденного или принятии других мер, которые устраняют угрозу, принимается по собственной инициативе начальником учреждения, а также по заявлению осужденного. Так, например, согласно решению Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 2020 года по делу № 2-221/2020 гражданин Д., будучи осужденным, при прибытии к месту отбывания наказания подал заявление к администрации учреждения с просьбой обеспечить его личную безопасность. Администрация удовлетворила просьбу осужденного и предоставила ему безопасное место на срок 90 суток. Исковые требования осужденного выражались в том, что он пробыл в безопасном месте в общей сумме более 1 года и 8 месяцев, однако его так и не перевели в другое исправительное учреждение в целях обеспечения его личной безопасности. Заявления о переводе он передавал каждые 4 месяца. Суд удовлетворил требования осужденного и обязал администрацию исправительного учреждения перевести последнего в другое исправительное учреждение [8].

Или, например, согласно решению Балахтинского районного суда Красноярского края от 2019 года по делу № 2А-239/2019 гражданин С., будучи осужденным, был переведен в другое исправительное учреждение по инициативе начальника данного исправительного учреждения по причине угрозы личной безопасности осужденного [4]. При этом следует отметить, что если осужденный сам представляет опасность для других осужденных, то он не может быть переведен в другое исправительное учреждение.

Третьим исключением выступает наличие письменного согласия осужденного на его перевод в другой регион. Как уже было указано выше, данное исключение предусмотрено частью 1 статьи 73 УИК РФ. В данном случае отсутствует угроза личной безопасности осужденного и необходимое для перевода состояние здоровья. В данном случае инициатором перевода выступает сама администрация учреждения. При этом осужденный может сам изъявить желание перевестись в другой регион. Такое желание может быть связано с обстоятельствами, которые сами по себе не дают основания для перевода, однако имеют особое значение для осужденного. Например, болезнь родственника, проживающего на территории другого региона, переезд семьи в другой регион и др. Так, осужденный имеет право самостоятельно обратиться с письменным заявлением к администрации исправительного учреждения. Однако администрация может отказать в удовлетворении его заявления.

Следует отметить, что подавляющее большинство примеров из судебной практики носят отрицательный характер рассматриваемого вопроса, то есть определения осужденному по его инициативе другого исправительного учреждения. В качестве примера можно привести решение Кировского районного суда г. Хабаровск от 2019 года по делу № 2А-329/2019 [6], согласно которому осужденный М. обратился в суд с просьбой признать незаконным решение администрации об отказе в переводе в исправительное учреждение в другом регионе. По мнению осужденного исправительное учреждение, в которое он был переведен для отбывания наказания, находится слишком далеко от его семьи и препятствует их общению. Суд решил, что доводы осужденного не имеют места быть, так как согласно УИК РФ родственники имеют право посещать осужденного, в том числе не исключена возможность телефонных звонков, свиданий, почтовых отправлений, бандеролей и др.

Аналогичный пример - решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 2014 года по делу № 2-8102/2014, когда суд пришел к таким же выводам о том, что невозможность видеться с родственниками в связи с удаленностью исправительного учреждения не относится к исключительным обстоятельствам для перевода, так как согласно УИК РФ не исключается возможность телефонных разговоров, свиданий, почтовых отправлений и бандеролей и т. д. [5]

Четвертым исключением выступает отсутствие необходимого исправительного учреждения или невозможность размещения. Данное исключение предусмотрено частью 2 статьи 73 УИК РФ, согласно которой перевод в исправительное учреждение другого региона по данному обстоятельству может производиться только при его согласовании с вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы.

Пятым исключением выступает отбывание наказания отдельными категориями осужденных. К отдельным категориям осужденных относятся несовершеннолетних, женщин и лиц, осужденные за конкретно определенные преступления. В последнем случае речь идет о части 4 статьи 73 УИК РФ, которая предусматривает следующих ситуаций: осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, при особо опасном рецидиве преступлений; при замене смертной казни лишением свободы, а также пожизненно лишенные свободы. Вышеуказанные лица отбывают свое наказание согласно месту нахождения специального учреждения, а не по территориальному принципу. Аналогичным образом решается вопрос об отбывании наказания осужденных за преступления, предусмотренные статьей 126, частями второй и третьей статьи 127.1, статьями 205 - 206, 208 - 211, 275, 277 - 279, 281, 282.1, 282.2, 317, частью третьей статьи 321, частью второй статьи 360 и статьей 361 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Подавляющее большинство ученых юристов придерживаются мнения о том, что вышеуказанный перечень преступлений не полон. Мы согласны с этим, так как вышеуказанный перечень не включает всех наиболее опасных преступлений, который причиняют значительный вред об-

щественному порядку, безопасности, государственной власти, а также миру и безопасности общества. К таким преступлениям можно отнести, например, экстремистские преступления.

В 2018 году в статьи 73 и 81 УИК РФ были внесены изменения Федеральным законом № 548-ФЗ [1]. Так, появилась новая категория осужденных, на которых не распространяется действие территориального принципа отбывания наказания: «осужденные за иные преступления, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии терроризма, исповедовании, пропаганде или распространении ими такой идеологии (при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела) и оказании ими в связи с этим в период содержания под стражей, отбывания наказания соответствующего негативного воздействия на других обвиняемых (подозреваемых)».

Однако, по нашему мнению, вышеуказанная норма создает предпосылки для злоупотребления и субъективизма, что свидетельствует о ее неправомерности. Следует отметить, что для осужденного создаются неблагоприятные последствия, когда он относится к вышеуказанной категории лиц. Такие последствия связаны с тем, что такой осужденный не сможет отбывать наказание в исправительном учреждении по месту жительства.

Во-первых, неправомерность вышеуказанной нормы связана с использованием такой правовой конструкции, как «имеется информация». Следует отметить, что в рассматриваемом положении не указано о том, что такая информация должна быть правомерной или достоверной. Исходя из формулировки такая информация может фактически отсутствовать и ее нужно просто знать. Законодатель самостоятельно подтвердил тот факт, что для перевода осужденного в другое исправительное учреждение достаточно достоверной информации, но не проверенной. Так, такая информация не может выступать доказательством, в противном случае необходимо было бы возбуждать уголовное дело. В законодательстве обычно используются такие верные формулировки, как «обоснованные подозрения», «достаточные основания полагать» и др.

Во-вторых, неправомерность вышеуказанной нормы связана с тем, что непонятно, о чем именно должна быть такая информация. Исходя из положений части 4 статьи 73 УИК РФ информация должна заключаться в том, что осужденный оказывает негативное воздействие на других осужденных. Однако такое воздействие обязательно должно быть взаимосвязано с одним из следующих «особенностей» осужденного:

- осужденный пропагандирует идеологию терроризма;
- осужденный является приверженцем идеологии терроризма;
- осужденный распространяет идеологию терроризма;
- осужденный исповедует идеологию терроризма.

Согласно статье 205.2 УК РФ пропаганда представляет собой деятельность по распространению информации и (или) материалов конкретного содержания. Так, распространение и пропаганда выступают самостоятельными вариантами поведения осужденного лица. При этом их можно рассматривать в качестве синонимов.

Исповедание можно рассматривать в следующих двух значениях:

1. Лицо открыто признает, следует чему-либо, отстаивает свои убеждения и воззрения;
2. Лицо следует какому-либо вероучению или религии.

Видно, что в первом случае исповедание связано с распространением и пропагандой, а во втором - с приверженностью идеологии терроризма.

Таким образом, между вышеуказанными «особенностями» осужденного нет четкого разграничения. При этом немаловажное юридическое значение имеет содержание идей осужденного, которые он пропагандирует, исповедует, распространяет или привержен. Так, при расследовании уголовных дел террористической направленности проводится огромное количество действий со стороны следователя для того, чтобы доказать именно террористическую направленность действий лица. Для этого следователь назначает множество судебных экспертиз, в том числе лингвистическую, культурологическую, религиоведческую и др.

В рассматриваемой же нами ситуации, должностное лицо самостоятельно оценивает наличие такой информации, он не назначает специальных судебных экспертиз и не проводит расследование. Так, исходя из своего внутреннего убеждения, должностное лицо относит действия осужденного к террористической идеологии и переводит его в другое специальное исправительное учреждение. Можно сказать, что действия должного лица носят субъективный характер, в связи с чем может быть связано с злоупотреблением полномочий.

Наличие расширенных полномочий у должностных лиц приводит к ситуациям, когда осужденные не могут оспорить то, что они отнесены к такой категории лиц. При этом, как уже было отмечено выше, достоверность и надежность полученной информации никак не проверяется. Осужденный не может даже предъявить доказательства того, что он не относится к данной категории лиц и не подлежит переводу, а также не может дать объяснения. В данном случае можно говорить о нарушении презумпции невиновности.

Шестым исключением выступает отдельное содержание бывших работников судов и сотрудников правоохранительных органов. Данное исключение предусмотрено частью 3 статьи 80 УИК РФ. Согласно определению Конституционного Суда России от 13 октября 2009 г. № 1141-О-О [2], указанное в части третьей статьи 80 УИК РФ, оно опирается на профессиональное прошлое осужденного лица, с целью создания безопасных условий отбывания наказания для лиц этой категории и для остальных заключенных.

Закономерно появляется проблема в терминологической области, следует определить кого понимать под бывшим сотрудником правоохранительных органов. К правоохранительным органам относятся органы таможенной службы, Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ), внутренних дел и др., а согласно статье 8 Федерального закона «О прокуратуре», Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» – органы внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, Вооруженные Силы Российской Федерации, пограничные войска ФСБ России. При этом одни исследователи согласно доктринальной литературе к правоохранительным относят органы, ко-

которые выполняют полицейские функции. По мнению других исследователей правоохранительные органы представляют собой отдельную самостоятельную группу государственных органов, которые имеют собственные четко установленные задачи. Это связано с различным пониманием их профессиональной деятельности. Также следует обратить внимание на мнение В.В. Ралько, который считает, что следует провести комплексный анализ всех направлений деятельности органа государственной власти для того, чтобы отнести его к правоохранительным органам [3].

Согласно нормам закона осужденные не могут быть отправлены в исправительное учреждение в другой регион по обстоятельствам, которые не относятся к вышеперечисленным.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Так, верный выбор места отбывания наказания осужденному выступает гарантией обеспечения отбывания наказания согласно международным стандартам. На сегодняшний день согласно статье 73 УИК РФ место отбывания наказания определяется по территориальному принципу, который включает в себя правило места осуждения и места проживания. При этом УИК РФ устанавливает закрытый перечень исключений из такого правила. Наличие таких исключений связано с различными объективными причинами.

Было также выяснено, что происходит формирование препятствий для реализации прав на семейную и частную жизнь при исключении конкретных категорий осужденных из общего правила территориального принципа отбывания наказания. Для осужденного создаются неблагоприятные последствия, когда он относится к категории лиц, предусмотренной частью 4 статьи 73 УИК РФ. Такие последствия связаны с тем, что такой осужденный не сможет отбывать наказание в исправительном учреждении по месту жительства.

Мы считаем часть 4 статьи 73 УИК РФ не в полной мере правомерной. Во-первых, неправомерность вышеуказанной нормы связана с использованием такой правовой конструкции, как «имеется информация». Следует отметить, что в рассматриваемом положении не указано о том, что такая информация должна быть правомерной или достоверной.

Во-вторых, неправомерность вышеуказанной нормы связана с тем, что непонятно, о чем именно должна быть такая информация. Исходя из положений части 4 статьи 73 УИК РФ информация должна заключаться в том, что осужденный оказывает негативное воздействие на других осужденных. Такое воздействие обязательно должно быть взаимосвязано с одним из следующих «особенностей» осужденного, однако между такими «особенностями» осужденного нет четкого разграничения. В связи с этим мы предлагаем исключить часть 4 из статьи 73 УИК РФ из-за ее недостаточной правомерности, либо изменить ее формулировку. По нашему мнению решение вышеуказанных проблем будет способствовать правильному достижению главной задачи, обозначенной Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, (далее – Концепция), а именно подготовке и утверждению Генеральной схемы размещения учреждений уголовно-исполнительной системы – комплекса эффективных проектно-управленческих решений, которые направлены на создание различных видов учреждений с учетом региональной специфики и мнения заинтересованных государственных органов и субъектов РФ, а также правильному достижению основных целей Концепции, которые основаны на принципах обеспечения верховенства закона, укрепления государственности, защиты и соблюдения свобод и прав человека.

Список литературы:

1. О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 548-ФЗ // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039488/> (дата обращения 11.05.2025).
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирильчука Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда России от 13 октября 2009 г. № 1141-О-О // URL: <https://base.garant.ru/1793042/> (дата обращения 11.05.2025).
3. Ралько В.В. Сущность и содержание правовой деятельности нотариата в современных правовых системах и семьях // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 6. С. 2-48.
4. Решение Балахтинского районного суда Красноярского края №2а-239/2019 // Архив Балахтинского районного суда Красноярского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AdVADijEC9mK/> (Дата обращения 07.05.2025).
5. Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы № 2-8102Я2014 – М- 6774/2014 // Архив Замоскворецкого районного суда г. Москвы. URL: <https://actofact.ru/case-77RS0007-2-8102-2014-m-6774-2014-10-06-0-0/> (дата обращения 07.05.2025).
6. Решение Кировского районного суда г. Хабаровска № 2А-329/2019 // Архив Кировского районного суда г. Хабаровска. URL: <https://actofact.ru/case-27RS0002-2a-329-2019-01-31-0-0/> (Дата обращения 07.05.2025).
7. Решение Советского районного суда № 2А-15390/2020 // Архив Советского районного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w2lgFST7Zd6h/> (Дата обращения 02.05.2025).
8. Решение Южно-Сахалинского городского суда №2-221/2020 // Архив Южно-Сахалинского городского суда. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZJKpPYnpsEru/?regular-txt=®ular-case_doc=2-221%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Южно-Сахалинский+городской+суд+%28Сахалинская+область%29®ular-judge=&_1746642558931 (Дата обращения 07.05.2025).

References:

1. On Amendments to Articles 73 and 81 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 548-FZ of December 27, 2018 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039488/> (date of appeal 05/11/2025).
2. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vyacheslav Pavlovich Kirilchuk for violation of his constitutional rights by the provisions of the article 80 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of Russia dated October 13, 2009 No. 1141-O-O // URL: <https://base.garant.ru/1793042/> (accessed 05/11/2025).
3. Ralko V.V. The essence and content of the legal activity of the notary in modern legal systems and families // Bulletin of notary practice. 2009. No. 6. pp. 2-48.
4. Decision of the Balakhtinsky District Court of the Krasnoyarsk Territory No. 2a-239/2019 // Archive of the Balakhtinsky District Court of the Krasnoyarsk Territory. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AdVADijEC9mK/> (Accessed 07.05.2025).
5. Decision of the Zamoskvoretsky District Court of Moscow No. 2-8102Я2014 – М- 6774/2014 // Archive of the Zamoskvoretsky District Court of Moscow. URL: <https://actofact.ru/case-77RS0007-2-8102-2014-m-6774-2014-10-06-0-0/> (date of appeal 05/07/2025).
6. Decision of the Kirovsky District Court of Khabarovsk No. 2A-329/2019 // Archive of the Kirovsky District Court of Khabarovsk. URL: <https://actofact.ru/case-27RS0002-2a-329-2019-01-31-0-0/> (Accessed 05/07/2025).
7. Decision of the Sovetsky District Court No. 2A-15390/2020 // Archive of the Sovetsky District Court. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w2lgFST7Zd6h/> (Accessed 05/02/2025).
8. Decision of the Yuzhno-Sakhalinsk City Court No.2-221/2020 // Archive of the Yuzhno-Sakhalinsk city court. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZJKpPYnpsEru/?regular-txt=®ular-case_doc=2-221%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Южно-Сахалинский+городской+суд+%28Сахалинская+область%29®ular-judge=&_1746642558931 (Accessed 07.05.2025).

КАК ОБОГАТИТЬ СОДЕРЖАНИЕ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ? HOW TO ENRICH THE CONTENT OF THE MASTER'S THESIS?

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, корп. 1, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, building 1, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе изучения и анализа оперативно-розыскного законодательства, научных публикаций, правоприменительной практики рассматривается методика написания магистерской диссертации, понимаемой нами как выпускная квалификационная работа научно-исследовательской направленности, самостоятельно выполненная обучающимся под руководством научного руководителя в процессе обучения по основной образовательной программе подготовки магистра, слушателями-магистрантами. На примере предложенной автором настоящей работы темы «Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью¹» проследим «острые углы», возникающие у обучаемых при ее написании, и хотим как-то помочь им их преодолеть, чтобы в конечном итоге содержание работы соответствовало установленным требованиям Минобрнауки России (приказ от 29 июня 2015 г. № 636). Нами в виде отдельных вопросов раскрыты (описаны) часто встречающиеся ошибки и упущения, и предложен наиболее оптимальный вариант их устранения. В этом контексте данная статья может быть отчасти расценена как содержащая методические указания. Автор настоящей работы не ставит перед собой цель всестороннего освещения всех вопросов, связанных с методикой написания магистерской диссертации, ибо она в отдельно взятой статье вряд ли достижима. В работе утверждается, что его совершенствование в первую очередь предполагает внедрение в практику деятельности оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, современных информационных технологий, обобщение в рассматриваемом контексте передового отечественного и зарубежного опыта оптимальной современной модели организации надзора². Мы полагаем, что собранный в рамках данной работы материал может также послужить предпосылкой для формирования частной теории прокурорского надзора за ОРД.

Abstract. Based on the study and analysis of operational investigative legislation, scientific publications, and law enforcement practice, this article examines the methodology for writing a master's thesis, which we understand as a final qualifying work of a research orientation, independently completed by a student under the guidance of a supervisor in the process of studying under the basic master's degree program, undergraduates. Using the example of the topic "Organization of prosecutorial supervision of operational investigative activities" proposed by the author of this work, we will trace the "sharp corners" that students encounter when writing it, and we want to somehow help them overcome them so that, in the end, the content of the work meets the established requirements of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Order No. 636 dated June 29, 2015). We have disclosed (described) common errors and omissions in the form of separate questions, and proposed the most optimal way to eliminate them. In this context, this article can be partly regarded as containing methodological guidelines. The author of this paper does not set himself the goal of comprehensively covering all issues related to the methodology of writing a master's thesis, because it is hardly achievable in a single article. The paper argues that its improvement primarily involves the introduction of modern information technologies into the practice of the operational units of the bodies carrying out the ORDO, and the generalization of advanced domestic and foreign experience in the context of the optimal modern model of supervision organization. We believe that the material collected in the framework of this work can also serve as a prerequisite for the formation of a private theory of prosecutorial supervision of the ORDO.

Ключевые слова: магистерская диссертация (выпускная квалификационная работа), прокурорский надзор за ОРД, методика ее написания, слушатели - магистранты, образовательные организации системы МВД России, цифровая трансформация.

Keywords: master's thesis (final qualifying work), prosecutor's supervision of the Ministry of Internal Affairs, methods of writing it, undergraduate students, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, digital transformation.

Для цитирования: Иванов П.И. Как обогатить содержание магистерской диссертации? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 493-499. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_493.

For citation: Ivanov P.I. How to enrich the content of the master's thesis? // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 493-499. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_493.

Статья поступила в редакцию: 09.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Выбор темы – весьма ответственное и глубоко продуманное решение, принимаемое магистрантом самостоятельно.

При выборе магистрантом самостоятельно темы предстоящего исследования важно добиться, чтобы она содержала элементы новизны, отражая основную идею выпускной квалификационной работы, а также в ней усматривалась теоретическая и практическая ее направленность.

Избранная нами тема магистерской диссертации, как показывает выборочный анализ специальной и юридической литературы, а также правоприменительная практика, актуальна, о чем свидетельствует совокупность обстоятельств. Укажем наиболее значимые из них.

Как известно, ОРД осуществляется узким кругом лиц – сотрудниками и их руководителями оперативных подразделений полиции. Ра-

¹ Далее – ОРД.

² Организация прокурорского надзора за ОРД представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования системы прокуратуры по реализации целей и задач, стоящих перед указанной подотраслью. Сущность же организации заключается в упорядочении, обеспечении такого состояния системы, когда каждый субъект совместной деятельности находится на своем месте и наиболее эффективно выполняет свои обязанности.

зумеется, перечень субъектов не ограничивается только ими, есть и иные¹. Тем самым не каждый руководитель может проверить состояние соблюдения в ней законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Мы полагаем, что еще одним важнейшим обстоятельством, обуславливающим осуществление прокурорского надзора за ОРД², является законодательное его закрепление прямо в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст.21). Указанный вид надзора «призван обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства путем выявления и своевременного устранения любых нарушений закона и привлечения к ответственности виновных и осуществляется от имени государства»³. Отсюда напрашивается промежуточный вывод: прокурорский надзор – это не всякая деятельность, а только деятельность по исполнению законов и подзаконных нормативных правовых актов. Подчеркнем, что такая деятельность урегулированная законом. Полномочия прокурора по надзору за ОРД и предварительным расследованием установлены ФЗ об ОРД и уголовно-процессуальным законодательством⁴.

Даже не любой прокурор может осуществлять проверку оперативных подразделений на предмет соблюдения ими законности при проведении ОРМ. Это может сделать лишь уполномоченный на то прокурор, имеющий допуск соответствующей формы, а также специально назначенный приказом вышестоящим органом прокуратуры.

Многолетняя практика показывает, что в деятельности оперативных подразделений, к большому сожалению, еще не изжиты факты нарушений законов при осуществлении ОРД. Уполномоченный прокурор, выявив их в ходе проверки, принимает меры прокурорского реагирования, чтобы своевременно устранить любые нарушения закона.

В условиях создания правового государства всякого рода нарушения в сфере ОРД вдвойне нетерпимы.

В настоящее время при организации прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности⁵, как утверждают специалисты в области теории прокурорского надзора, имеются проблемы, относящиеся к сфере его правового регулирования, а именно: несоответствие порядка правового регулирования общественно-правовым отношениям, возникающим при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД; некорректное законодательное определение предмета и пределов надзора; отсутствие законодательной регламентации полномочий прокурора; отсутствие на законодательном уровне правового регулирования организации и порядка осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД. При выборе темы нами учитывались эти проблемы, разрешение которых предполагает проведение исследования с целью установления причин, разработки комплекса необходимых для этого мер. Нормативно-правовые акты нуждаются в совершенствовании, приведении их современным реалиям. И это обстоятельство диктует необходимость углубленного их изучения и анализа с тем, чтобы на их основе сформулировать конкретные предложения и рекомендации, связанные с дальнейшим совершенствованием организации надзора.

Отрадно, что на сегодня мы располагаем достаточно большим «багажом» (перечнем) научной литературы по анализируемой нами теме. В настоящей статье мы приведем лишь работы известных специалистов в области теории прокурорского надзора, включая рассматриваемую его подотрасль. Это следующие работы:

1. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2007.
2. Дытченко Г.В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: монография, 2020 г. – 182 с.
3. Никитин Е.Л. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций для бакалавриата / Е.Л. Никитин, Г.В. Дытченко. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016.
4. Осипкин В.Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, организация, методика) : учеб. пособие. СПб., 2003.
5. Каплин М.Н. Прокурорский надзор : методические указания / М. Н. Каплин; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – 72 с.
6. Козусев А.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики / дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 310.
7. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». С приложением ведомственных нормативных актов / Журавлев М.П., Звягинцев А.Г., Кехлеров С.Г., Клочков В.В., и др.; Сост.: Рябцев В.П.; Под общ. ред.: Скуратов Ю.И. (Предисл.) — М.: Норма, 1996.

¹ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД РФ № 199 от 31 марта 2023.

² Считаю необходимым определиться о соотношении прокурорского надзора за ОРД и прокурорского права, их взаимообусловленности. Надзор прокуратуры есть регламентированная прокурорским правом деятельность по проверке исполнения законов и подзаконных нормативных правовых актов, которая характеризуется следующими основными чертами: разнородность государственной специальной деятельности; строго определенный законом объект надзора; его исключительность. Отсюда не трудно усмотреть взаимопроникновение указанных понятий «прокурорский надзор за ОРД» и «прокурорское право», что свидетельствует закономерной об их связи. К тому же сама структура прокурорского права (задачи, принципы, функции, источники, а также предмет, метод) во многом тяготеет на это.

³ Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / (И.А. Климов и др.); под ред. И.А. Климова. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. - С.393.

⁴ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. (ст.30).

⁵ Организация прокурорского надзора за ОРД предполагает: оформление в установленном порядке допуска уполномоченного прокурора; издание приказа, в котором определяется прокурор, уполномоченный осуществлять надзор за исполнением законов в ОРД, и лицо на которое возлагается ведение секретного делопроизводства; информирование в письменном виде соответствующих оперативных подразделений об уполномоченном прокуроре и лицах, ведущих секретное делопроизводство; распределение обязанностей между уполномоченными прокурорами; обеспечение ведения делопроизводства, исключающего утечку информации; обеспечение незамедлительного проведения служебной проверки в случаях ее утечки.

8. Настольная книга прокурора, под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 1139 с.

9. Судоустройство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры : Под общей редакцией А.Н. Артамонова / А. Н. Артамонов, А. С. Дежнев, В. В. Кальницкий [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 256 с.

Проведенный нами выборочный анализ различных источников показывает, что новизну диссертационного исследования, как правило, связывают:

- актуальностью самой темы исследования, степенью ее научной разработанности, особенностями предмета и объекта исследования;
- проведением комплексного изучения с позиции общей теории прокурорского надзора и разрешением проблемы, связанной с организацией прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;
- обоснованием и введением в научный оборот авторских определений: «организация прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД», «механизм осуществления прокурорского надзора», «соотношение надзора и контроля за ОРД» и др.;
- представлением уточненной классификации факторов, влияющих на организацию прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД;
- определением и рассмотрением системы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, состоящей из таких ключевых элементов как цель, задачи, объекты, субъекты, принципы.

Новизна диссертационного исследования должна заключаться также в том, что соискателем (магистрантом) предстоит разработать на основе результатов проведенного им исследования практико-ориентированные предложения по совершенствованию основных направлений (форм, методов и средств) организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД [10].

Кроме того, им же должны определяться перспективы дальнейшей разработки темы, увязывая с теми событиями и процессами, которые происходят в обществе (это прежде всего цифровизация экономики, внедрение цифровой трансформации на поднадзорных объектах, импортозамещение, специальная военная операция, антироссийские санкции).

Соискатель тем самым стремится внести определенный вклад в развитие научных знаний в области теории организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД и теории прокурорского надзора, поскольку здесь все еще имеют место пробелы, последние, как известно, необходимо восполнить. В частности, они пока что существуют в первую очередь в системе научных взглядов на теоретические основы организации указанной деятельности.

Возвращаясь к начальному этапу работы над диссертацией, остановимся на кратком анализе объекта и предмета исследования через призму обозначенной темы.

Читателям предложим свое их понимание. Мы полагаем, что такое определение объекта, как теория и практика организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, есть результат широкого его доктринального трактования, так как предполагает весьма обширный охват (круг) общественных отношений. Нас все же интересуют правоотношения, урегулированные соответствующими нормами права. Однако, как утверждает М.Н. Каплин [7], в настоящее время отсутствует прокурорское право как самостоятельная отрасль права, существует только как отрасль законодательства. В связи с этим термин «прокурорское право» пока что не является общепринятым.

Между тем в юридической литературе под объектом¹ чаще всего понимается совокупность общественных отношений, возникающих в связи с организацией прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность². При этом в качестве повода приводят такие виды деятельности, как: противоправная деятельность сотрудников оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД; прокурорская деятельность по осуществлению надзора за исполнением законов в сфере ОРД; деятельность лиц, противодействующих осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов в названной сфере. Автор настоящей статьи отчасти разделяет названную позицию исследователей.

В свою очередь предметом³ диссертационного исследования выступают закономерности, связанные с прокурорским надзором за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД [2]. Их по направленности видов деятельности, условно можно поделить на три большие группы:

- те, которые отражают вопросы организации рассматриваемого вида надзора;
- закономерности, относящиеся к тактике и методике прокурорского надзора;
- наконец, закономерности, определяющие процедуру прокурорского реагирования.

К закономерностям *первой группы*, в частности, относим: наличие причинно-следственной связи между целями и задачами надзора; существующие устойчивые связи между функциями и приоритетными направлениями рассматриваемого вида деятельности; взаимосвязь принципов организации прокурорского надзора с факторами, влияющими на нее; имеющиеся прочные связи между предметом и пределом надзора,

¹ В общем виде под объектом понимается явление (процесс), порождающее проблемную ситуацию, которая характеризуется относительной автономностью существования.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ В свою очередь предмет – это значимые с теоретической и практической точки зрения свойства, особенности или стороны объекта. Тем самым предмет исследования является частью его объекта. Объект и предмет исследования как категории научного процесса соотносятся между собой как общее и частное. Заметим, что предмет исследования определяет тему магистерской диссертации и с его помощью логически описывается объект.

его субъектами и объектами, а также системой и структурой органов, правомочных осуществлять прокурорский надзор за ОРД.

В обобщенном виде данную группу закономерностей можно представить как систему прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, состоящую из множества взаимосвязанных между собой элементов.

Закономерности, проявляющиеся при выборе тактики и методики прокурорского надзора, условно мной отнесен ко *второй группе*. Их учет при осуществлении прокурорских проверок позволяет достичь наилучших результатов при наименьших затратах сил и средств. Уполномоченный прокурор сам определяет и реализует пути организации надзора. При этом он в первую очередь принимает во внимание состояние нормативно - правового регулирования ОРД, а также правоприменительной практики в оперативных подразделениях полиции. Принято различать тактику на проверку и прокурорское реагирование. Что же касается методики прокурорского надзора, то здесь, как и при выборе тактики, уполномоченный прокурор, исходя из целей и задач надзора, определяет совокупность методов и приемов, реализация которых, по его мнению, способствуют достижению целей прокурорской проверки, а именно: выявлению и устранению нарушений законов.

Наконец, в *третью группу* нами отнесены те закономерности, которые определяют процедуру прокурорского реагирования, т.е. завершающую стадию прокурорского надзора. Как мне представляется, данный этап весьма ответственный, так как обращается особое внимание уполномоченным прокурором на вскрытые в процессе осуществления надзорной деятельности нарушения закона и одновременно им ставится вопрос об их устранении.

Определившись с объектом и предметом исследования, укажем его цель и задачи.

Целью *диссертационного исследования* является систематизация и углубление знаний по исследуемой проблематике и разработка научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Для достижения цели исследования необходимо поставить следующие задачи:

- проанализировать современное состояние правового регулирования организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;
- изучить генезис организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;
- охарактеризовать прокурорскую проверку как основной элемент организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;
- рассмотреть проблемы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;
- определить пути дальнейшего развития организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД.

Говоря о вышесказанном, магистрант должен для себя четко уяснить: **цель** – отдаленная задача, конечный результат, а задача – ближайшая цель, их несколько, а цель одна. Особо отметим: задачи направляют ход диссертационного исследования, исходя из его цели. В то же время они ограничивают такое исследование, когда их удалось решить. Приведенные общие суждения, на наш взгляд, весьма значимы, чтобы, погружаясь в суть исследуемой проблемы, не допустить перегибов и упущений.

Обогащение содержания магистерской диссертации во многом происходит за счет использования при ее подготовке различных методов научного познания исследуемой проблемы.

Как известно, методологическую основу исследования составляет общенаучный диалектический метод познания явлений и процессов реальной действительности, предполагающий их системное изучение в постоянном развитии, тесной взаимосвязи составляющих частей и взаимозависимости как внутри между данными частями, так и с факторами внешней среды. Организации прокурорского надзора за ОРД диалектический метод не чужд.

В процессе исследования помимо указанного метода следует использовать совокупность таких *общенаучных методов исследования*, как индукция и дедукция, анализ и синтез, формально-логический, сравнительно-правовой, частно-научные, включающие статистический метод, конкретно-социологический, системно-структурный и иные методы. При помощи анкетирования, например, можно изучить мнение сотрудников оперативных подразделений о деятельности уполномоченного прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов в ОРД. Использование различных методов будет способствовать выполнению требований комплексного подхода к организации данного вида прокурорского надзора.

Под углом зрения исследуемой проблемы должны анализироваться федеральные и ведомственные нормативные правовые акты, изучаться юридическая литература, отражающая вопросы организации прокурорского надзора за ОРД.

Чтобы организацию прокурорского надзора за ОРД познать во всем ее многообразии, следует подойти к ее изучению с разных сторон, применив при этом *системный подход*. Такой подход нами рассматривается как целостное единство, состоящее из множества взаимосвязанных элементов (цель, задачи, субъект и объект надзора, его предмет).

При изучении и анализе организации надзора наряду системным методом целесообразно использовать *комплексный подход*. Здесь важно иметь в виду, что комплексность и системность, хотя тесно взаимосвязаны между собой, но не тождественны.

Комплексный подход отражает социально значимую направленность организации прокурорского надзора. Он позволяет изучить ее с качественной стороны, прежде всего, характер и содержание правоотношений, возникающих между уполномоченным прокурором и оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД.

Всестороннее исследование рассматриваемой проблемы в рамках магистерской диссертации предполагает также применение струк-

турно-функционального метода как подхода в описании и объяснении организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности как системы, при котором исследуются их элементы (субъект и объект надзора, его предмет и метод и т.п.) и зависимости между ними в рамках единого целого; отдельные социальные явления (например, нарушения, допускаемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ)) выполняют определенную функцию в поддержке и изменении социальной системы, в качестве которой выступает указанная подотрасль системы прокурорского надзора.

Как нам представляется, при проведении диссертационного исследования определенную специфику накладывает использование *филологического метода*, предполагающего обращение в процессе исследования к языковой стороне текста, чтобы обеспечить академический (научный) стиль письма. Это умение выражать, обосновать свои мысли посредством краткого, при этом достаточно убедительного научного текста рукописи магистерской диссертации. В этом плане магистрант должен стремиться, чтобы максимально реализовать потенциальные возможности указанного метода.

Не менее значим применительно к данному исследованию *формально-догматический (формально-юридический) метод*, который подразумевает изучение правовых явлений (нарушений закона в сфере ОРД) в «чистом» виде, вне связи с другими социальными явлениями (правонарушениями и преступлениями).

Формально-юридический метод позволяет определять юридические понятия (например, такие специальные юридические термины, как нарушения законности сотрудниками оперативных служб, причинение ими вреда, поднадзорный орган и т.д.), выявлять их признаки, проводить классификацию, толковать содержание правовых предписаний. Его специфической чертой является отвлечение от сущностных сторон права.

В процессе выполнения диссертационного исследования также подлежат анализу нормативные правовые акты (конкретные правовые институты) [3; 4; 5] на предмет определения их качества, соответствия современным цифровым реальностям.

Под правовым институтом нами понимается группа взаимосвязанных однопорядковых юридических норм. Иными словами, это совокупность сгруппированных правовых норм в единый блок, который находится в отрасли права и регулирует разновидность общественных отношений, входящих в предмет урегулирования прокурорско-надзорной отрасли права (институт документирования; институт содействия граждан органам, осуществляющим ОРД; институт социальной и правовой их защиты).

Исследуя затронутую нами проблему, магистрант невольно может столкнуться с фактом несоблюдения требований правотворческой юридической техники. Заметим, что на сегодня существует достаточно много понятий «юридическая техника». Вот одно из них: это совокупность методов, средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере прокурорского надзора, для обеспечения их совершенства. Приведем еще одно определение данного понятия: юридическая техника – совокупность сложившихся правил и приемов разработки, оформления и систематизация нормативного материала. Наконец, под юридической техникой отдельные исследователи понимают совокупность правил, приемов и средств подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования нормативно-правовых, правоприменительных актов.

На примере Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности» можно заметить несоответствие требованиям юридической техники, так как в этом Законе не приведена норма, определяющая термины и понятия, используемые в нем. Полагаю, что можно в магистерской диссертации сформулировать в качестве одного из предложений по восполнению Закона такой нормой. В качестве примера анализа понятий можно привести статью Ишина И.А. ««Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий», опубликованную в Научном вестнике Орловского юридического института МВД России имени В.В. Луктянова [6].

После таких общих рассуждений автор настоящей статьи считает необходимым продолжить краткий анализ выше неупомянутых методов. Сюда наряду с другими мы относим социологический метод, по которым нами понимаются специальные процедуры и операции, повторяющиеся при проведении различных по целям и задачам социологические исследования и направленные на установление конкретных социальных фактов (например, допускаемые сотрудниками оперативных подразделений нарушения при исполнении Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Хотим подчеркнуть, что теорией и практикой прокурорского надзора помимо общенаучных методов нередко применяются частнонаучные, включая *социологические методы*. Такие, как наблюдение, анкетирование, интервьюирование, анализ документов.

Одним из таких методов является *наблюдение*, состоящее в непосредственном восприятии самим прокурором порядка соблюдения требований законодательства об ОРД. У него тем самым складывается определенное реальное представление о состоянии законности в данной сфере. Эти знания могут оказать значительную помощь при организации проверок уполномоченным на то прокурором. Тем самым он может заранее определить программу своих действий (иметь четко поставленную цель).

Другим не менее значимым способом выступает *опрос*, осуществляемый в форме двух основных разновидностей: *анкетирования и интервьюирования*. Данный метод чаще всего используется при углубленном научном исследовании той или иной проблемы, связанной с исполнением законов органами, осуществляющими ОРД.

Анкетный опрос предполагает получение уполномоченным прокурором интересующую его информацию посредством формулирования им вопросов в виде анкеты. Руководитель оперативного подразделения либо его подчиненный обязан выбрать ответ, подчеркнув в анкете «да» или «нет».

Как уже отмечали выше, к числу *социологических методов* относится и интервьюирование, которое проводится в форме беседы с руководителем оперативного подразделения полиции (поднадзорного органа, объекта проверки). В процессе беседы могут выясняться частота осу-

ществления ведомственного контроля, его предмет, состояние законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Другим не менее значимым методом прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, является *анализ оперативно-служебных документов* – прием получения необходимой уполномоченному прокурору информации. Как известно, документ – это средство фиксации сведений о фактах допущенных нарушений законности в сфере ОРД. Такими документами могут быть дела оперативно-го учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, учетно-регистрационная документация, законы и ведомственные нормативные правовые акты (ч. 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ).

Помимо проанализированного метода в исследовании должны использоваться математические, статистические методы обработки данных. В частности, *статистический метод* следует применять при сборе и анализе сведений о результатах прокурорского надзора за ОРД, отражаемых в статистических отчетах о работе по надзору за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (полугодовые и годовые), а также в Книге учета работы прокурора по надзору за исполнением законов об оперативно-розыскной деятельности. Думается, что *математические методы* при обработке данных в исследовании также востребованы.

Чтобы прокурорский надзор познать во всем его многообразии следует подойти к его изучению с разных сторон, применив при этом, в том числе исторический подход. *Исторический подход* – учит нас рассматривать прокурорский надзор и его организацию за определенный отрезок времени, историю его зарождения (генезис), становления и дальнейшего развития. Под историческим методом автор понимает научно обоснованный прием, основанный на изучении исследуемой нами проблемы в ее хронологической последовательности, развитии.

Многолетняя практика показывает, что значительными возможностями при исследовании располагает *сравнительно - правовой метод*, под которым нами понимается сопоставление однопорядковых юридических понятий, явлений, процессов и выяснение между ними сходства и различия. Используется он в сопоставленном изучении основных правовых систем современности. При этом весьма заметна его роль для классификации этих систем, выявления закономерностей развития.

Применительно к исследованию сравнительно - правовой метод также может быть использован. Это можно проиллюстрировать на примере двух нижеприведенных законов в части касающихся институтов содействия либо документирования преступных действий проверяемых (подозреваемых) лиц.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс», 2015.

На территории государств – участников СНГ действует *модельный закон* «Об оперативно-розыскной деятельности» (О модельном законе «Об оперативно - розыскной деятельности» : постановление Межпарламент зрению Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 6 дек. 1997 г. № 10-12).

Любое противоправное действие оценивается прежде всего с экономической точки зрения, в том числе совершаемое в сфере ОРД. На их своевременное выявление и пресечение, чтобы не наступили нежелательные последствия, направлено в исследуемом контексте прокурорский надзор.

Экономический анализ как метод изучения научного исследования избранной нами проблемы, проводимого в рамках магистерской диссертации, наиболее ярко проявляется при практической реализации института содействия особенно, когда обеспечивается правовая и социальная защита граждан, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям полиции. Использование магистрантами указанного метода расширяет границы предмета исследования, что обеспечивает, по мнению автора, получение новых знаний о системе и структуре прокурорского надзора и его организации в условиях цифровой трансформации¹.

Выше проанализированные методы и правовые институты в обобщенном виде являются слагаемыми предмета оперативно-розыскной политики [2], охватывающей наряду с иными видами деятельности прокурорский надзор, который создает определенные гарантии от произвола и беззакония, сводит к минимуму возможные ошибки и недочеты при проведении оперативно-розыскных мероприятий, предусмотрев систему сдержек и противовесов. Как видим, политический интерес непременно сопровождается при осуществлении прокурорского надзора и его организации.

Мы рекомендуем магистранту в целях насыщения содержания диссертации подвергнуть анализу также особенности правосознания участников рассмотренных в настоящей статье правоотношений.

Как известно, правосознание – одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражаются отношения уполномоченного прокурора, осуществляющего надзор в сфере ОРД [8; 9], поднадзорных органов и их сотрудников к существующему прокурорско-надзорному праву, а также к имеющим место правовым явлениям (правонарушениям). Данный тезис, безусловно, нуждается в глубоком теоретическом осмыслении через призму предмета исследования.

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, магистерская диссертация (от лат. – исследование, рассуждение) – самостоятельное научное сочинение с элементами научной новизны, основная цель которого подтвердить образовательный уровень выпускника, его способность решать научные, теоретические и

¹ Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года: приказ Генеральной прокуратуры РФ № 627 от 14 сентября 2017 г.

практические задачи. Это конечный результат проделанной магистрантом большой научно-исследовательской работы.

Во-вторых, среди основных структурных элементов магистерской диссертации выступает ее основная (главная) часть, состоящая из следующих компонентов: анализа собранного материала по выбранной теме; всесторонней характеристики объекта и предмета исследования; рассмотрения и оценки существующих теоретических концепций, взглядов, методических подходов к решению изучаемой проблемы; авторская трактовка ее решения; наконец, обязательное цитирование используемых в работе источников. Мы считаем последовательное соблюдение названных действий оправдывает свое предназначение основная часть в системе подготовки квалификационной работы.

В-третьих, содержание научного текста диссертации в обязательном порядке подлежит обработке с помощью множества методов (общетеоретических, частно-научных – сравнительно-правовой, историко-правовой, структурно-системный, специально-юридических), основными из которых, на наш взгляд, являются: проблемный анализ, системный анализ, сравнительный анализ, а также аспектный анализ.

В-четвертых, наполнение рассматриваемой работы определяется ее темой. Научное содержание должно иметь внутреннее единство и отображать ход и результаты разработки выбранной темы.

В-пятых, содержание выпускной квалификационной работы может отвечать установленным требованиям при одном условии, если магистрант при ее подготовке использовал систему (комплекс) методов при решении конкретных задач, определенных в интересах достижения им поставленной цели исследования.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Закономерности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД / П.И. Иванов // Закон и право. 2019. № 11. С. 150-152.
2. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). С. 26-33.
3. Иванов П.И. Оптимизация механизма правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в сфере импортозамещения // Сборник материалов круглого стола «Прокурорский надзор за исполнением, направленных на реализацию государственной политики в сфере импортозамещения, в том числе при производстве образцов вооружения, военной и специальной техники» (30 марта 2023 г.) / под ред. Т.А. Дикановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М. 2023. С. 132-139;
4. Иванов П.И. Прокурорский надзор за ОРД как действенный инструмент реализации принципа законности в названной сфере: организационный аспект // Правоохранительная деятельность. 2023. № 1 (11). С. 62-67;
5. Иванов П.И. Совершенствование организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД: ретроспективный анализ // Вопросы истории. 2023. № 4-2. – С. 86-93.
6. Ишин, И. А. "Противодействие преступности" или "борьба с преступностью": анализ понятий / И. А. Ишин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 3(92). – С. 213-220. – EDN IWPQBJ.
7. Каплин М.Н. Прокурорский надзор: методические указания / М. Н. Каплин; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014.
8. Луговик В.Ф. Прокурор не всегда прав: судебная практика об ответственности сотрудников оперативных подразделений полиции за невыполнение требований прокурора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 43—48.
9. Луговик В.Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 3 (5). С. 129—135;
10. Патрушев Н.А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 76—78.
11. Судостроительство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры : Под общей редакцией А.Н. Артамонова / А. Н. Артамонов, А. С. Дежнев, В. В. Кальницкий [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-88651-754-5. – EDN WVTIAE.

References:

1. Ivanov P.I. Patterns of prosecutorial supervision of the execution of laws by the bodies implementing the ORDO / P.I. Ivanov // Law and Law. 2019. No. 11. pp.150-152.
2. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 2 (63). pp.26-33.
3. Ivanov P.I. Optimization of the mechanism of legal regulation of prosecutorial supervision of the enforcement of laws in the field of import substitution // Collection of materials of the round table "Prosecutorial supervision of enforcement aimed at the implementation of state policy in the field of import substitution, including in the production of samples of weapons, military and special equipment" (March 30, 2023) / edited by T.A. Dikanova; Russian University of Public Prosecutor's Office. Russian Federation. M. 2023. pp.132-139;
4. Ivanov P.I. Prosecutor's supervision of the ORDO as an effective tool for implementing the principle of legality in this area: an organizational aspect // Law enforcement activities. 2023. No. 1 (11). pp.62-67;
5. Ivanov P.I. Improving the organization of prosecutorial supervision of the execution of laws by the bodies carrying out the ORDO: a retrospective analysis // Questions of History. 2023. No. 4-2. pp.86-93.
6. Ishin, I. A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2022. – № 3(92). – Pp. 213-220. – EDN IWPQBJ.
7. Kaplin M.N. Prosecutor's supervision: methodological guidelines / M. N. Kaplin; Yaroslav State University named after P. G. Demidov. Yaroslavl : YarGU, 2014.
8. Lugovik V.F. The prosecutor is not always right: judicial practice on the responsibility of employees of operational police units for failure to comply with the requirements of the prosecutor // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (77). pp. 43-48.
9. Lugovik V.F. Prosecutorial supervision of operational investigative activities: total control or supervision of the execution of laws // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (5). pp. 129-135;
10. Patrushev N.A. Organization of prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies engaged in operational investigative activities // Civil Service and personnel. 2021. No. 5. pp. 76-78.
11. Judicial system, organization of the prosecutor's office, preliminary investigation bodies and the legal profession : Under the general editorship of A.N. Artamonov / A. N. Artamonov, A. S. Dezhnev, V. V. Kalnitsky [et al.]. – 2nd edition, revised and supplemented. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. 256 p. ISBN 978-5-88651-754-5. EDN WVTIAE.

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 327 УК РФ ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 159 УК РФ, 233 УК РФ, 238 УК РФ, 292 УК РФ, 292.1 УК РФ, 339 УК РФ QUESTIONS OF DISTINGUISHING THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 327 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM OTHER CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLES 159, 233, 238, 292, 292.1, 339 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ИЗАКСОН Раиса Андреевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Восточно-Сибирский филиал).
664074, Россия, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а.
E-mail: raysa@mail.ru;

IZAKSON Raisa Andreevna,

Candidate of historical sciences, assistant professor of the department of criminal law,
Federal state budget-funded educational institution of higher education Russian «State University of Justice named after V.M. Lebedev»
St. Ivana Franko, 23 a, Irkutsk, Russian Federation.
E-mail: raysa@mail.ru

Краткая аннотация: Вопросы квалификации преступлений, связанных с фальсификацией и (или) оборотом поддельных официальных документов и разграничение данного состава от иных преступлений, остаются актуальными и многогранными. Автор не только анализирует объективные и субъективные признаки ст. 327 УК РФ, но выделяет ключевые критерии разграничения от иных преступлений, рассматривает спорные ситуации, возникающие в правоприменительной практике. В статье приводятся разъяснения Пленума Верховного суда РФ по рассматриваемому вопросу, а также делаются авторские выводы и обобщения, которые могут быть использованы для совершенствования законодательства и практики применения статьи 327 УК РФ.

Abstract: The issues of qualifying crimes related to the falsification and/or circulation of counterfeit official documents and distinguishing this type of crime from other crimes remain relevant and multifaceted. The author not only analyzes the objective and subjective features of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also identifies key criteria for distinguishing it from other crimes and examines controversial situations that arise in law enforcement practice. The article provides explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue under consideration, and also makes the author's conclusions and generalizations that can be used to improve the legislation and practice of applying Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: документы, мошенничество, квалификация, незаконный оборот, подлог, подделка.

Keywords: legal technology, criminal law, court, criminal law, law enforcement.

Для цитирования: Изаксон Р.А. Вопросы разграничения преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ от иных преступлений, предусмотренных статьями 159 УК РФ, 233 УК РФ, 238 УК РФ, 292 УК РФ, 292.1 УК РФ, 339 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 500-502. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_500.

For citation: Izakson R.A. Questions of distinguishing the crime provided for by Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation from other crimes provided for by Articles 159, 233, 238, 292, 292.1, 339 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 500-502. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_500.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В условиях современного общества, где информация становится одним из важнейших ресурсов, преступления, связанные с фальсификацией официальных документов, представляют собой серьезную угрозу для порядка управления. Они влияют на сферу государственного управления, правопорядка и, в конечном счёте, на безопасность граждан.

Глава 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит преступления против порядка управления, среди которых преступления, посягающие на установленный порядок документооборота, государственных наград, штампов, печатей, бланков и некоторых других предметов государственного регулирования. (ст. ст. 324 – 327.2 УК РФ) [2].

Подробнее остановимся на ст. 327 УК РФ - подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, а именно, рассмотрим вопросы отграничения ее от иных составов преступлений.

Ст. 327 УК РФ и ст. 159 УК РФ.

Следует отграничивать подделку документов как способ совершения мошенничества (159 УК РФ) или приготовления к мошенничеству от самостоятельного состава ст. 327 УК РФ. Данный вопрос разграничения этих преступлений вызывает широкий интерес ученых в связи с высокой актуальностью проблематики [4].

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда от 17 декабря 2020 года №43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 УК РФ», «совершение лицом другого преступления (например, мошенничества, контрабанды, незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации) с использованием подделанных им самим паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, а также штампов, печатей или бланков квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного

кодекса Российской Федерации и частью 1 или 2 статьи 327 УК РФ.

Вместе с тем, не требуют самостоятельной правовой оценки по части 3 или части 5 статьи 327 УК РФ действия лица в случаях, когда оно использует для совершения преступления заведомо поддельные документы, штампы, печати или бланки, изготовленные другим лицом, и их использование охватывается способом совершаемого преступления (при хищении денежных средств путем представления заемщиком поддельного документа банку или иному кредитору - статья 159.1 УК РФ; хищении денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных выплат путем представления поддельного документа в соответствующие органы, принимающие решение об этих выплатах, - статья 159.2 УК РФ...При этом приобретение, хранение, перевозка в целях использования для совершения преступления заведомо поддельных документов, штампов, печатей или бланков, изготовленных другим лицом, должны дополнительно квалифицироваться по части 3 статьи 327 УК РФ».

Данное разъяснение также дублируется и в п. 7 Постановления Пленума Верховного суда от 30 ноября 2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Из изложенного следует, что использование поддельных документов может являться способом совершения мошенничества, и тогда дополнительно 327 УК РФ не вменяется, а может иметь место совокупность преступлений 327 УК РФ и 159 УК РФ. Ключевым фактором здесь является происхождение поддельного документа: самим виновным, или же другим лицом. Кроме того, здесь имеет место еще одно обстоятельство: воспользовался ли виновный поддельным документом в процессе мошенничества, или же оно по независящим от него обстоятельством не смогло им воспользоваться. Данный случай охватывается покушением или приготовлением (если вменяется тяжкий или особо тяжкий состав) к мошенничеству, и дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требует.

Таким образом, использование поддельного документа может быть самостоятельным преступлением (при описанных выше признаках), а может быть частью объективной стороны мошенничества. При возникновении сложностей отграничения 327 УК РФ от разновидностей мошенничества, следует установить направленность умысла [1], и прибегнуть к указанным разъяснениям Верховного суда: прежде всего, обратить внимание на происхождение поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков – виновным или же третьими лицами.

Рассмотрим отграничение *статьи 327 УК РФ от статьи 233 УК РФ*. На первый взгляд, не должно возникнуть проблематики, ведь в данных статьях различен объект посягательства и четко обозначен круг предметов преступления. Видовым объектом ст. 233 УК РФ являются общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности, а в 327 УК РФ – общественные отношения в сфере порядка управления. Предметом статьи 327 УК РФ являются официальные документы, государственные награды, штампы, печати, бланки; по ч. 2 – паспорт гражданина или удостоверение, по ч. 5 – иные документы. Предметом статьи 233 УК РФ являются рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

Так, очевидно, что ст. 233 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 327 УК РФ, так как конкретизирует предмет посягательства, и, по правилам квалификации, имеет приоритет перед общей нормой при их конкуренции. Кроме того, согласно п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», данное правило подтверждается.

Однако, в случаях, если предметом посягательства является поддельный рецепт или иной документ, предписывающий право на получение сильнодействующих и/или ядовитых веществ, то в таком случае вменяется ст. 327 УК РФ, так как специальной нормы для данного предмета не предусмотрено. В рассматриваемом вопросе мы не будем говорить целесообразности включения нелегальных рецептов ядовитых веществ в ст. 233 УК РФ, но мы должны констатировать, что на данный момент законодатель не включил подложный рецепт сильнодействующих, ядовитых, одурманивающих веществ в предмет ст. 233 УК РФ, поэтому такие случаи должны квалифицироваться по ст. 327 УК РФ.

Иным образом мы рассуждаем, когда отграничиваем *ст. 327 УК РФ от ст. 238 УК РФ* - производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Помимо прочего, ст. 238 предусмотрено неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

Здесь, говоря о применении той или иной нормы, мы исходим из того, что определяем, кто является субъектом преступления.

В Постановлении пленума Верховного суда от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ разъясняется, что, по ст. 238 УК РФ «за неправомерную выдачу официального документа может быть привлечено лицо, уполномоченное выдавать такой документ от имени компетентного органа», то есть специальный субъект.

Действия лица, не обладающего признаками специального субъекта этого преступления, подделавшего официальный документ, удостоверяющий соответствие товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности, в целях его использования либо сбыта, квалифицируются по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Далее затронем вопросы разграничения *ст. 327 УК РФ от ст. 339 УК РФ* в части подлога документа военнослужащим с целью уклонения от исполнения обязанностей по военной службе. В п. 53 и 55 Постановления пленума Верховного суда от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» этот вопрос разъясняется.

Так, в зависимости от вида документа, а также обстоятельств его подделки и использования, если военнослужащий уклоняется от обязанностей военной службы путем симуляции болезни, предоставляя такой подложный документ, то его действия образуют совокупность деяний по

ст. 327 УК РФ и 339 УК РФ. «Это в случае, если военнослужащий сообщает командирам (начальникам) ложную информацию о причинах своей неявки (например, о нахождении на лечении в больнице) и в связи с этим получает разрешение находиться вне части или места службы». [3].

Если же военнослужащий не информировал командование о причинах своей неявки на службу в срок и не получал в связи с этим разрешения находиться вне части или места службы, а после прибытия в часть в целях подтверждения уважительности причины его неявки представляет командованию подложные документы, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 339 УК РФ, поскольку использование подложных документов в данном случае не является способом уклонения от исполнения обязанностей военной службы, а совершается в целях скрыть неявку на службу в срок без уважительных причин. В таких случаях при наличии соответствующих признаков содеянное подлежит квалификации по ст. 339 УК РФ и соответствующей части ст. 327 УК РФ.

Следующая статья, которая также может вызвать некоторые затруднения при разграничении со ст. 327 УК РФ – это *ст. 292 УК РФ* - служебный подлог. В данном случае, также как и при отграничении со ст. 238 УК РФ, определяющим фактором является субъект преступления.

В 292 УК РФ специальный субъект, которым может быть только:

- должностное лицо,
- государственный служащий, не являющийся должностным лицом,
- муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом.

Более того, указанные лица совершают служебный подлог именно используя свое должностное положение. Это значит, что у виновного есть доступ к официальным документам, бланкам, печатям в силу предоставленных ему обязанностей по должности. Однако, иные лица, которые также имеют доступ в служебные кабинеты государственных или муниципальных органов, но не являются должностными лицами, государственными или муниципальными служащими (работники клининга, технический персонал), не могут привлекаться по ст. 292 УК РФ за внесение заведомо ложных сведений в официальные документы или за иной подлог. В этом случае вменяется ст. 327 УК РФ - подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. Добавим, что объектом 292 УК РФ являются общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в видовым объектом ст. 327 УК РФ – отношения в сфере порядка управления, поэтому вполне закономерно и отграничение этих статей между собой по субъектному составу. Таким образом, можно сделать вывод о том, что служебный подлог, благодаря своему кругу субъектов, является специальной нормой по отношению к общей – 327 УК РФ, и при конкуренции норм мы прибегаем к специальной.

Вышеприведенные аргументы о разграничении ст. 292 УК РФ и ст. 327 УК РФ в полной мере аналогично касаются и *ст. 292.1 УК РФ* - Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации.

В контексте рассматриваемой темы, мы не будем вдаваться в содержание предмета преступления, так как отграничивает составы друг от друга субъект преступления – должностное лицо или государственный служащий в случаях незаконной выдачи паспорта гражданина РФ, а также должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом, в случаях внесения заведомо ложных сведений в документы.

Таким образом, вопросы квалификации преступлений, связанных с фальсификацией и (или) оборотом поддельных официальных документов от иных преступлений, остаются актуальными и многогранными.

Необходимо подчеркнуть роль постановлений Пленума Верховного суда в правоприменительной деятельности, ее сложно переоценить. Мы рассмотрели лишь один из аспектов применения ст. 327 УК РФ, при этом был приведен ряд разъяснений пленума Верховного суда, что говорит о важнейшей роли его в обеспечении относительно единообразной практики российских судов по вопросам квалификации преступлений, связанных с фальсификацией и (или) оборотом поддельных официальных документов от иных преступлений.

Отграничение статьи 327 УК РФ от смежных составов требует учета специфики объекта, объективной и субъективной сторон преступления. Правильная квалификация деяний способствует обеспечению законности и справедливости в правоприменительной практике. Для повышения эффективности борьбы с преступлениями против порядка управления необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и разработка четких критериев разграничения смежных составов преступлений.

Список литературы:

1. Залескина А.Н. Особенности установления субъективной стороны мошенничества // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 91-95.
2. Кузнецов А.П. Преступления против порядка управления: юридическая характеристика, проблемы классификации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №2. С. 106-110.
3. Мелешко П.Е. Подлог документов или иной обман как способы уклонения военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы. Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2025. № 2 (331). С. 75-81.
4. Бадлуев Д.А., Сутурин М.А. Проблемы отграничения мошенничества от смежных составов преступлений // Человек. Социум. Общество. 2024. № 9. С. 201-204.

References:

1. Zaleskina A.N. Osobennosti ustanovleniya sub#ektivnoy storony moshennichstva // Nauchnyy dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 6 (9). S. 91-95.
2. Kuznecov A.P. Prestupleniya protiv porjadka upravleniya: juridicheskaya karakteristika, problemy klassifikatsii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. №2. S. 106-110.
3. Meleshko P.E. Podlog dokumentov ili inoy obman kak sposoby uklo-neniya voennosluzhashhego ot ispolneniya objazannostey voennoy sluzhby. Pravo v Vooruzhennykh Silah - Voenno-pravovoe obozrenie. 2025. № 2 (331). S. 75-81.
4. Badluev D.A., Sutyurin M.A. Problemy ogranicheniya moshennichstva ot smezhnykh sostavov prestuplenij // Chelovek. Socium. Obshchestvo. 2024. № 9. S. 201-204.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НЕЁ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА CRIMINAL LIABILITY AND EXEMPTION FROM IT IN THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF CRIMINAL LEGISLATION

КОНОВАЛОВ Евгения Анатольевича,
адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургский университет МВД России.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
ORCID 0009-0007-1001-9767
E-mail: kvl-75@mail.ru;

Научный руководитель:

АНТОНОВ А.Г.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: antonovanton1@mail.ru;

KONOVALOV Evgenij A.,
Postgraduate, St. Petersburg University of Ministry of the Interior of the Russia.
1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.
ORCID 0009-0007-1001-9767
E-mail: kvl-75@mail.ru;

Scientific supervisor:

ANTONOV Anton G.,
doctor of law, professor, professor of the department of criminal law
St. Petersburg University of Ministry of the Internal Affairs of Russia.
1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: antonovanton1@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются задачи уголовного законодательства: статичная задача – задача охраны и динамическая задача – задача защиты, которые реализуются посредством одноименных функций. Обосновывается, что задача охраны коррелирует с общим предупреждением, а задача защиты со специальным предупреждением. Одновременно исследуется вопрос реализации задачи охраны и задачи защиты уголовного законодательства посредством привлечения к уголовной ответственности и при освобождении от неё. **Цель исследования** рассмотреть содержание задач уголовного законодательства, определить значение уголовной ответственности и освобождения от неё в контексте решения задач уголовного законодательства. **Методы:** Методологическую основу исследования составляет совокупность всеобщих (диалектический), общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция) и частных методов (обобщения, сравнения и аналогии). Кроме того, были использованы методы логического осмысления и описания. **Результаты:** 1. Аргументируется, что все нормы уголовного законодательства направлены на урегулирование, охрану и защиту уголовно-правовых отношений, а также предупреждение преступлений. 2. Установлено, что эффективность специального и общего предупреждения взаимообусловлена: чем выше эффективность защиты объектов уголовно-правовой охраны посредством специального предупреждения, тем выше эффективность общего предупреждения. 3. Обосновывается, что в статичном состоянии уголовно-правовые правоотношения урегулируются регулятивно-охранительной подфункцией уголовной ответственности. В динамическом состоянии урегулирование уголовно-правового конфликта, вызванного совершением преступления, возможно благодаря регулятивно-защитной подфункции уголовной ответственности. 4. Сделан вывод, что реализация задач уголовного законодательства возможна посредством привлечения к уголовной ответственности и освобождения от неё.

Abstract: the article discusses the tasks of criminal law: a static task is a safety task and a dynamic task is a protection task, which are implemented through functions of the same name. It is substantiated that the safety task correlates with a general prevention, and the task of protection with a special prevention. At the same time, the issue of the implementing the safety task and the protection task in criminal legislation through criminal liability and release from it is examined. Aim of the study is to consider the content of the criminal legislation tasks, to determine the importance of criminal liability and exemption from it in the context of solving the tasks of criminal legislation. Methods: The methodological basis of the research is a set of universal (dialectical), general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction) and specific methods (generalization, comparison and analogy). In addition, methods of logical comprehension and description are used. Results: 1. It is argued that all the norms of criminal legislation are aimed at regulating, protecting and protecting criminal law relations, as well as preventing crimes. 2. It has been established that the effectiveness of special and general prevention is interdependent: the higher the defense effectiveness of the objects of criminal law protection through special prevention, the higher the effectiveness of general prevention. 3. It is proved that in a static state criminal law relations are regulated by the regulation-guarding sub-function of criminal liability. In a dynamic state the settlement of a criminal law conflict caused by the crime commission is possible due to the regulation-guarding sub-function of criminal liability. 4. It is concluded that the implementation of the tasks of criminal legislation is possible through criminal liability and release from it.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, задачи уголовного законодательства, уголовное законодательство, предупреждение преступлений.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, tasks of criminal legislation, criminal legislation.

Для цитирования: Конавалов Е.А. Уголовная ответственность и освобождение от неё при реализации задач уголовного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 503-507. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_503.

For citation: Kononov E.A. Criminal liability and exemption from it in the implementation of the tasks of criminal legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 503-507. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_503.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Введение

Закрепленная в уголовном законе норма оказывает воздействие на субъектов права до наступления конкретного юридического факта,

с момента её издания между государством и теми лицами, на которых направлено действие этой нормы, возникает правоотношение [1, с. 148]. Юридическим основанием возникновения общих (статических) правоотношений является уголовный закон, вступивший в юридическую силу, а юридическим фактом возникновения конкретных (динамических) уголовно-правовых отношений является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления [2]. Тем самым государство, охраняя общественные отношения, – запрещает совершение преступлений, а в случае совершения преступления, применяет правовые нормы, регулирующие поведение лица в возникших правоотношениях посредством защиты [3, с. 86].

На каждом этапе своего приближения к преступному результату степень опасности деяния увеличивается, а более поздняя стадия совершения преступления характеризуется и более высокой степенью общественной опасности [4, с. 53]. Отметим, что общественная опасность преступления заключается не только в реальном причинении вреда, но и в потенциальной опасности его причинения.

Используя предложенную в доктрине уголовного права дифференциацию видов общественной опасности преступления на: а) «потенциальную (вероятную)» (опасность для всех объектов уголовно-правовой охраны), б) «прецедентную» (опасность для всех общественных отношений, а также общественных отношений, аналогичных нарушенным); в) «специальную», которая включает в себя два вида – «простую» и «кумулятивную» [5, с. 126], ставится цель – раскрыть содержание задач уголовного законодательства. При этом полагаем, что реализация задач уголовного законодательства возможна посредством привлечения к уголовной ответственности, а также освобождения от неё. Считаем, что целостное восприятие установленных уголовным законодательством задач, а также особенностей регулирования правовых отношений до совершения преступления и после его совершения, способно обеспечить формирование единообразной правоприменительной практики, что и определило актуальность проводимого исследования.

Характерные черты уголовного закона проявляются в стоящих перед ним задачах. В ч. 1 ст. 2 Уголовного Кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), установлено: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений».

При анализе задач уголовного законодательства, помимо задачи охраны, на наш взгляд, возможно выделить задачу защиты. Разграничивая их между собой, исходя из пространственно-временной характеристики, так как охраняются уголовно-правовые объекты всегда, а защищаются при посягательстве на них. Таким образом, задача охраны обусловлена статичным состоянием, а задача защиты реализуется в динамике. При этом, задача охраны соотносится с общим предупреждением, в то время как задача защиты соотносится со специальным предупреждением [6].

Описание исследования

Как отмечается в учебной литературе, цели уголовной ответственности те же, что и цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, достижение частной и общей превенции. Вместе с тем, уголовная ответственность призвана решать задачи уголовного законодательства, определенные ст. 2 УК РФ [7, с. 85].

В силу статей 1 (часть 1), 2, 55 (часть 3), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как демократическом правовом государстве в целях регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности законодательно определяются уголовно-правовые запреты общественно опасных деяний и наказание за их нарушение, а также обеспечивается установление, исходя из соответствующих предписаний уголовного закона и подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств дела – оснований для возложения на конкретное лицо уголовной ответственности².

Бесспорным фактом является, что преступление и уголовная ответственность по своей природе явления взаимообусловленные:

- уголовная ответственность, выступая связующим звеном между преступлением и наказанием, является следствием преступления, результатом, методом реагирования на последнее, способом разрешения конфликта, заложенного в преступлении;
- преступление выступает в качестве юридического факта, порождающего правоотношения, в которых реализуется уголовная ответственность, а также фактического основания уголовной ответственности;
- на основе обратной связи уголовная ответственность преследует цель предупреждения преступлений [8, с. 60], а также регулирования, охраны и защиты прав и свобод человека.

Если рассматривать уголовную ответственность как официальную негативную оценку государством преступления и преступника, которая выражается в приговоре суда и реализуется в применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, мер государственного принуждения (закрывающихся в предусмотренных уголовным законом лишениях и ограничениях прав и свобод этого лица) и влекущих судимость [9, с. 6], то можно выделить следующие её свойства:

- нормативное закрепление (возникает исключительно на основании норм уголовного закона – УК РФ);
- государственно-властный характер (реализуется от имени государства);
- индивидуальный характер (назначается конкретному физическому лицу);
- негативные последствия и ограничения (судимость, ограничения при трудоустройстве);

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13, ст. 1687.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1882-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузнецовой Натальи Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

- реализуется принудительно и связана с мерами государственного воздействия (осуществляется в строгом соответствии с УК РФ; УПК РФ; УИК РФ).

Отметим, что уголовная ответственность, являясь средством правового регулирования, выполняет регулятивную, превентивную, карательную, восстановительную, воспитательную функции [10, с. 241]. Несмотря на то, что уголовная ответственность реализуется посредством причинения преступнику морального, материального или физического ущерба [8, с. 61], она также выступает способом защиты интересов личности, общества и государства. Обладая карательным, репрессивным воздействием, уголовная ответственность направлена на восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений.

Таким образом, позитивный потенциал уголовной ответственности, как одного из основных средств осуществления задач уголовного законодательства, – заключается в обеспечении соблюдения гражданами уголовно-правовых предписаний и предупреждении преступлений [11, с. 207]. Являясь объектом уголовно-правовых отношений, уголовная ответственность направлена на предупреждение преступлений и регулирование общественных отношений, как после совершения преступления, так и до совершения преступления.

До совершения преступления уголовно-правовая норма предписывает правило поведения и, тем самым, не только охраняет, но и регулирует общественные отношения. Все нормы права, в том числе и уголовно-правовые нормы, являются правилами поведения, социальное назначение которых – установление правил правомерного поведения людей [12, с. 8-12]. Ценностно-ориентационное и мотивационно-психологическое (превентивное) действие уголовно-правового запрета является своеобразной надстройкой общезапретительных уголовно-правовых отношений, возникающих в процессе реализации (соблюдения) запрета [13, с. 16].

Так как «потенциальная общественная опасность» преступления существует всегда и в отношении всех объектов уголовно-правовой охраны [5], то под воздействием уголовно-правового запрета, до нарушения уголовно-правовой нормы, уголовно-правовые отношения находятся в статичном состоянии, – состоянии охраны. Тем самым, «потенциальная общественная опасность» отображает превентивную роль уголовного законодательства, соотносится с задачей уголовно-правовой охраны и общим предупреждением преступлений.

Угроза наступления неблагоприятных правовых последствий в случае нарушения уголовно-правового запрета оказывает общепредупредительное воздействие на всех лиц. За счёт угрозы наказанием достигается общая превенция, которая направлена на лиц, не склонных к нарушению уголовно-правового запрета. Одновременно, государство стремится не допустить повторного совершения преступления со стороны лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, – специальная превенция.

В случае посягательства на объект уголовно-правовой охраны уголовно-правовые отношения приобретают динамическое развитие – защищаются. Одновременно с их защитой, охраняются иные, не нарушенные преступным посягательством блага и ценности, в том числе и аналогичные нарушенным – «прецедентная опасность» [5]. При этом защита общественных отношений соотносится со специальной превенцией в отношении лица, совершившего преступное посягательство и общей превенцией в отношении других лиц.

Таким образом, функционирование механизма уголовно-правовой охраны и защиты обусловлено моментом создания уголовно-правовых норм и введением их в действие, а также их применением, как реакцией государства на совершение преступления. Посредством реализации охранительной функции, уголовный закон решает задачу уголовно-правовой охраны (статичное состояние), чем достигается общая превенция. При посягательстве на охраняемые общественные отношения запускается механизм уголовно-правовой защиты, который характеризуется активным (динамичным) состоянием – применением уголовно-правовых норм к лицу, нарушившему установленный запрет. В этом случае реализуется защитная функция и решается задача защиты общественных отношений. В отношении лица, совершившего преступление, обеспечивается частная (специальная) превенция, а в отношении остальных лиц обеспечивается общая превенция [6].

Тем самым, возможно выделить следующие этапы реализации уголовной ответственности: 1) уголовно-правовые запреты; 2) уголовно-правовые отношения, возникающие в результате совершения преступления; 3) государственные акты применения норм права, которые делятся на: а) акты привлечения к уголовной ответственности и наказанию; б) акты освобождающие от уголовной ответственности и наказания. На всех этапах реализации уголовной ответственности можно отметить существование не только охранительных и защитных правоотношений, но и регулятивных.

В теории государства и права регулятивную функцию подразделяют на две подфункции: регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую [14, с. 101]. В преломлении на теорию уголовного права, на наш взгляд, регулятивная функция уголовной ответственности также отражает статический и динамический аспект развития уголовно-правовых отношений. Полагаем, что регулятивная функция уголовной ответственности складывается из двух подфункций: регулятивно-охранительной и регулятивно-защитной.

Регулятивно-охранительная (статическая) подфункция уголовной ответственности проявляется посредством методов: запрета, обязывания и дозволения. Государство в рамках регулятивно-охранительных отношений не только наделяет «отрицательной обязанностью» [13, с. 15-16] не совершать преступления (запрет), но и в ряде случаев, наоборот обязывает субъекта уголовно-правовых правоотношений поступить в строгом соответствии с требованиями, закреплёнными в уголовно-правовой норме (обязывание) либо дозволяет поступить в соответствии с закреплёнными в уголовном законе нормами (дозволение).

В рамках регулятивно-защитной подфункции уголовной ответственности преследуется цель – остановить динамическое развитие преступных правоотношений, пресечь преступную деятельность лица и предупредить наступление негативных последствий в результате совершения преступления. Регулятивно-защитная (динамическая) подфункция уголовной ответственности проявляется посредством методов: принуждения и поощрения. Несмотря на то, что соблюдение уголовно-правового запрета – это обязанность каждого, понести уголовную ответствен-

ность – обязанность виновного.

В тоже время, совершение преступления не всегда тождественно обязанности виновного лица понести уголовную ответственность. К правомочиям государства относится закрепление в законе оснований, позволяющих ему отказаться от уголовного преследования того или иного лица или определенной категории лиц и прекратить в отношении них уголовные дела¹, – освободить от уголовной ответственности и наказания.

В ряде случаев, лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, но совершившее общественно полезные действия, имеет право на предусмотренную законом «льготу» – освобождение от уголовной ответственности [15, с. 64,82]. Государство, стимулируя лицо, совершившее преступление к общественно полезным действиям, исходит не только из принципа гуманизма и экономии репрессии, но и преследует цель решить куда более значимые задачи [16], в том числе задачи уголовного законодательства.

В таком случае, освобождение от уголовной ответственности направленно на нейтрализацию негативных последствий преступления, а в ряде случаев может быть рассмотрено, как направленный на достижение целей уголовного законодательства или наказания отказ государства подвергнуть осуждению от своего имени (и применить наказание с его правовым последствием – судимостью) лицо, совершившее преступление в связи с утратой (снижением) им общественной опасности либо со спецификой общественной опасности преступления [9, с. 6].

При этом, реализация задачи охраны и задачи защиты осуществляется следующим образом: 1) стимулируя лицо, совершившее преступление к позитивным постпреступным действиям, ставится цель – прекращение преступной деятельности, т.е. защищается (восстанавливается) нарушенное право, что соотносится с задачей защиты, и со специальным предупреждением; 2) охраняются более значимые блага и ценности (к примеру жизнь, здоровье и т.д.), что соотносится с задачей охраны, и с общим предупреждением.

Параллельно решаются сопутствующие задачи: выявление латентных преступлений, обнаружение лиц, совершивших преступления, выявление соучастников преступления и многие другие. Все они подробно рассмотрены в доктрине² и теории уголовного права [16, 17, 18, 19].

Механизм реализации задачи охраны и задачи защиты при освобождении от уголовной ответственности наглядно возможно продемонстрировать на примере ст. 126 УК РФ и специального основания освобождения от уголовной ответственности, установленного в примечании к ст. 126 УК РФ. При похищении человека, развитие уголовно-правового конфликта, вызванного совершением преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ возможно по одному из двух сценариев: 1) лицо, совершившее преступление будет привлечено к уголовной ответственности и наказанию; 2) в том случае, если лицо, совершившее похищение человека, прекратит свою преступную деятельность, т.е. добровольно освободит похищенного, и в его действиях не будет содержаться иного состава преступления, то ему со стороны государства гарантируется свобода – освобождение от уголовной ответственности, а соответственно отсутствие негативного последствия в виде судимости.

При развитии уголовно-правового конфликта по первому сценарию, налицо, нарушение уголовно-правового запрета, статичная задача охраны не решена. Угрозы наказанием оказалось недостаточно для предупреждения преступления. Восстановить (защитить) нарушенное право потерпевшего возможно только в рамках реализации задачи защиты – посредством метода принуждения (привлечением к уголовной ответственности и наказанием лица, совершившего преступление).

При этом необходимо отметить, что преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ, обладает «кумулятивной общественной опасностью» [5], так как создаёт угрозу причинения вреда другим объектам уголовно-правовой охраны (жизнь, здоровье, половая неприкосновенность).

При развитии уголовно-правового конфликта по второму сценарию, в рамках специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного примечанием ст. 126 УК РФ, также возможно защитить (восстановить) нарушенное право потерпевшего. Само специальное основание освобождения от уголовной ответственности (примечание к ст. 126 УК РФ), стимулируя лицо к прекращению преступления, направлено на защиту нарушенного права потерпевшего (права на свободу, неприкосновенность), а также на охрану более значимых благ (жизнь, здоровье).

Таким образом, в рамках специального основания освобождения от уголовной ответственности решаются две основные задачи: 1) задача защиты нарушенного права; 2) задача охраны иных, зачастую, более значимых объектов уголовно-правовой охраны. При решении первой задачи, стимулируя лицо, совершившее преступление к позитивным постпреступным действиям ставится цель – прекращение преступной деятельности (освобождение похищенного), т.е. защищается нарушенное право потерпевшего. При решении второй задачи, посредством специального основания освобождения от уголовной ответственности (примечания ст. 126 УК РФ) и норм Особенной части УК РФ охраняются иные, более значимые блага (жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и т.д.).

Как отмечалось выше, законодательно установлено всего два обязательных условия для освобождения лица, совершившего похищение: 1) добровольное освобождение похищенного; 2) в действиях виновного не должно содержаться иного состава преступления. По своему содержанию примечание к ст. 126 УК РФ императивно, освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление – это обязанность правоприменителя, а не право.

Таким образом, государство, стремится предупредить совершение более тяжкого преступления (например убийства похищенного). Гарантируя лицу, совершившему похищение человека, освобождение от уголовной ответственности в рамках примечания ст. 126 УК РФ, оно стремится – защитить нарушенное право похищенного (право на неприкосновенность, свободу передвижения) и одновременно сохранить более

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1882-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузнецовой Натальи Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

² См. : например Алипперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Х. Д. Алипперов ; Акад. МВД РФ. - М., 1992. - 300 с. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Антонов Антон Геннадьевич. – Томск, 2013. – 381 с.

ценные блага – жизнь и здоровье. В таком случае, освобождение от уголовной ответственности, позволят решать не столько задачу предупреждения преступлений, так как она является составной частью, как задачи охраны, так и задачи защиты, а преимущественно направлено на решение последних.

Резюмируя всё вышеизложенное, считаем, что реализация задачи охраны и задачи защиты уголовного законодательства, а соответственно и предупреждения преступлений возможно как посредством привлечения к уголовной ответственности, так и освобождения от неё.

Список литературы:

1. Радько Т.Н. Теория функций права / Т.Н. Радько. – Москва : Проспект, 2014. – 269 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252243> (дата обращения: 01.10.2024). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-392-13486-1. – Текст : электронный.
2. Сапий А.В. Методы уголовно-правового регулирования и их классификация : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сапий Андрей Владимирович. – Рязань, 2009. – 30 с.
3. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Антонов Антон Геннадьевич. – Томск, 2013. – 381 с.
4. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1991. 244 с.
5. Антонов, А.Г. О соотношении категорий "общественная опасность преступления" и "личность преступника" / А.Г. Антонов // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 125-129.
6. Коновалов Е.А. О задачах и функциях уголовного законодательства / Е.А. Коновалов // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2024. – № 3(54). – С. 57-65.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 466 с.
8. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ : учебное пособие. — Омск : Омская академия МВД России, 2012. – 75 с.
9. Антонов А.Г. Система освобождения от уголовной ответственности: вопросы уголовно-правовой оценки : учебное пособие. – СПб. : Издательство СПб университета МВД России, 2020. – 96 с.
10. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности: Монография / Под ред. д-ра. юрид. наук., проф. Р.Л. Хачатурова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 387 с.
11. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 694 с.
12. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. — Самара : Изд-во Сам. ун-та, 2001. – 240 с.
13. Маркунцов, С.А. Теория уголовно-правового запрета : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Маркунцов Сергей Александрович. – Москва, 2015. – 22 с.
14. Алексеев С.С. Теория права : монография / С.С. Алексеев. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : БЕК, 1995. – 320 с.
15. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права : монография / В.Д. Филимонов. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2003. – 198 с.
16. Алиперов Х.Д. Задачи института компромисса в борьбе с преступностью / Х.Д. Алиперов, М. Зейналов, К. Курбанова // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 85-87.
17. Фильченко А.П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования / А.П. Фильченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2(20). – С. 251-259. – EDN QCSPVH.
18. Байрамуков Р.Б., Сухарева Н.Д. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности и задачи уголовного законодательства // Общество и право. – 2010. – №5(32).
19. Ефремова М.А. Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов / М.А. Ефремова, Г.В. Абшилава, П.С. Пастухов // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 3. – С. 111-119. – DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-111-119. – EDN CAKVLQ.

References:

1. Rad'ko T.N. Teorija funkcij prava / T. N. Rad'ko. – Moskva : Prospekt, 2014. – 269 s. – Rezhim dostupa: po podpiske. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252243> (data obrashhenija: 01.10.2024). – Bibliogr. v kn. – ISBN 978-5-392-13486-1. – Tekst : elektronnyj.
2. Sapij A.V. Metody ugodovno-pravovogo regulirovanija i ih klassifikacija : special'nost' 12.00.08 "Ugodovnoe pravo i kriminologija; ugodovno-ispolnitel'noe pravo" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk / Sapij Andrej Vladimirovich. – Rjazan', 2009. – 30 s.
3. Antonov A.G. Special'nye osnovanija osvobodzhenija ot ugodovnoj otvetstvennosti : special'nost' 12.00.08 "Ugodovnoe pravo i kriminologija; ugodovno-ispolnitel'noe pravo" : dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk / Antonov Anton Gennad'evich. – Tomsk, 2013. – 381s.
4. Zemljukov C.B. Ugodovno-pravovye problemy prestupnogo vreda. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1991. 244 s.
5. Antonov A.G. O sootnoshenii kategorij "obshhestvennaja opasnost' prestuplenija" i "lichnost' prestupnika" / A.G. Antonov // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 11. – S. 125-129.
6. Konovalov E.A. O zadachah i funkcijah ugodovnogo zakonodatel'stva / E.A. Konovalov // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2024. – № 3(54). – S. 57-65.
7. Ugodovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast': Uchebnik dlja vuzov / Pod red. V.S. Komissarova, N.E. Krylovoj, I.M. Tjazhkovoj. – M.: Statut, 2012. – 466 s.
8. Marcev A.I. Prestuplenie: social'no-pravovoj analiz : uchebnoe posobie. — Omsk : Omskaja akademija MVD Rossii, 2012. – 75 s.
9. Antonov A.G. Sistema osvobodzhenija ot ugodovnoj otvetstvennosti: voprosy ugodovno-pravovoj ocenki : uchebnoe posobie. – SPb. : Izdatel'stvo SPb universiteta MVD Rossii, 2020. – 96 s.
10. Lipinskij D.A. Problemy juridicheskoi otvetstvennosti: Monografija / Pod red. d-ra. jurid. nauk., prof. R.L. Hachaturova. – SPb.: Izdatel'stvo «Juridicheskij centr Press», 2003. – 387 s.
11. Mal'cev V.V. Principy ugodovnogo prava i ih realizacija v pravoprimeritel'noj dejatel'nosti / V.V. Mal'cev. – Sankt-Peterburg : Juridicheskij centr Press, 2004. – 694 s.
12. Klenova T.V. Osnovy teorii kodifikacii ugodovno-pravovykh norm / T.V. Klenova. — Samara : Izd-vo Sam. un-ta, 2001. – 240 s.
13. Markuncov S.A. Teorija ugodovno-pravovogo zapreta : special'nost' 12.00.08 "Ugodovnoe pravo i kriminologija; ugodovno-ispolnitel'noe pravo" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk / Markuncov Sergej Aleksandrovich. – Moskva, 2015. – 22 s.
14. Alekseev S.S. Teorija prava : monografija / S.S. Alekseev. - 2-e izd., pererab. i dop. - Moskva : BEK, 1995. – 320 s.
15. Filimonov V.D. Ohranitel'naja funkcija ugodovnogo prava : monografija / V.D. Filimonov. – Sankt-Peterburg : Juridicheskij centr, 2003. – 198 s.
16. Alikperov H.D. Zadachi instituta kompromissa v bor'be s prestupnost'ju / H.D. Alikperov, M. Zejnalov, K. Kurbanova // Ugodovnoe pravo. – 2001. – № 4. – S. 85-87.
17. Fil'chenko A.P. Kompromiss kak metod ugodovno-pravovogo regulirovanija / A. P. Fil'chenko // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. – 2013. – № 2(20). – S. 251-259. – EDN QCSPVH.
18. Baïramukov R.B., Suhareva N.D. Special'nye vidy osvobodzhenija ot ugodovnoj otvetstvennosti i zadachi ugodovnogo zakonodatel'stva // Obshhestvo i pravo. – 2010. – №5(32).
19. Efremova M.A. Kompromiss v sisteme pravovogo regulirovanija pri razreshenii ugodovno-pravovykh konfliktov / M. A. Efremova, G. V. Abshilava, P. S. Pastuhov // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. – 2024. – № 3. – S. 111-119. – DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-111-119. – EDN CAKVLQ.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_508

УДК 343.98

**ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ
И ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ
THE USE OF FORENSIC SUPPORT AT THE STAGE OF PREPARATION
FOR THE COURT SESSION AND THE PRELIMINARY HEARING**

КОРЧАГИН Андрей Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, д. 13.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru;

KORCHAGIN Andrey Anatolyevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trublin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Krasnodar Territory, Russia.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема применения криминалистических знаний в суде, начиная с момента поступления уголовного дела в суд, и решения вопроса о принятии дела к производству, подготовки дела к судебному заседанию, принятия решения и проведения предварительного слушания. Обосновывается необходимость применения криминалистических рекомендаций судом и государственными обвинителями с момента поступления дела в суд, изучения его материалов. Рассматриваются вопросы о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления.

Abstract: The article examines the problem of applying forensic knowledge in court, starting from the moment a criminal case is brought to court, and deciding whether to accept the case for trial, preparing the case for trial, making a decision and holding a preliminary hearing. The necessity of applying criminalistic recommendations by the court and public prosecutors from the moment the case is submitted to the court and its materials are studied is substantiated. The article discusses the relationship between the criminal law, criminological and criminalistic characteristics of crime.

Ключевые слова: суд, криминалистическое обеспечение, предварительное слушание, судебные ситуации, подготовка к судебному заседанию.

Keywords: court, forensic support, preliminary hearing, court situations, preparation for the court session.

Для цитирования: Корчагин А. А. Применение криминалистического обеспечения на этапе подготовки к судебному заседанию и проведения предварительного слушания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 508-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_508.

For citation: Korchagin A.A. The use of forensic support at the stage of preparation for the court session and the preliminary hearing // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 508-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_508.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Анализ криминалистической литературы показывает, что по настоящее время в науке преобладает подход, согласно которому применение криминалистических рекомендаций традиционно ограничивается рамками предварительного расследования преступлений. Вместе с тем, как показывает изучение судебной практики, судебное разбирательство для достижения целей уголовного судопроизводства также нуждается в разработке и применении эффективного криминалистического обеспечения.

Судебное разбирательство, являясь самостоятельным этапом уголовного судопроизводства, тем не менее основывается на материалах и выводах предварительного следствия, которые составляют основу судебному разбирательству в целом, и судебного следствия, как центральной его части, в которой, по-нашему мнению, в наибольшей мере должны находить свое практическое применение криминалистические рекомендации.

Использование криминалистических рекомендаций, полагаем, способствует повышению эффективности судебного разбирательства и должно применяться уже на этапе подготовки дела к судебному заседанию, в том числе при проведении предварительного слушания по делу.

Главной задачей предварительного слушания, по итогам которого судья принимает одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 236 УПК, следует признать совместное судьи со сторонами обсуждение вопросов, связанных с дальнейшим движением уголовного дела, в случаях установления определенных препятствий к назначению судебного заседания, а также вопросов, касающихся реализации сторонами предоставленных им правомочий для эффективного участия в следующей стадии – судебного разбирательства [1, с. 54].

Исходя из анализа основных направлений уголовно-процессуальной деятельности суда при подготовке дела к рассмотрению, задачами стадии подготовки и назначения судебного разбирательства с проведением предварительного слушания являются: 1) осуществление судебного контроля за качеством предварительного расследования; 2) установление наличия (отсутствия) обстоятельств, препятствующих проведению судебного разбирательства; 3) устранение выявленных нарушения закона, допущенных в ходе досудебного производства, а также причин, способствующих их образованию; 4) производство подготовительных организационно-распорядительных действий, обеспечивающих эффективность судебного разбирательства [2, с. 354].

Анализ положений ст. 229 УПК РФ, определяющей основания для проведения предварительного позволяет сделать вывод о том, что в ходе предварительного слушания рассматриваются следующие категории вопросов: 1. Установление наличия (отсутствия) обстоятельств, пре-

пятствующих проведению судебного разбирательства (проверка оснований для возвращения уголовного дела прокурору, приостановления или прекращения уголовного дела) 2. Устранение выявленных нарушения закона, допущенных в ходе досудебного производства, а также причин, способствующих их образованию (разрешение ходатайств об исключении доказательств) 3. Решение организационно-распорядительных вопросов, обеспечивающих эффективность судебного разбирательства (решение вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, разрешение ходатайств о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, решение вопроса о выделении уголовного дела или соединении уголовных дел, разрешение ходатайств об истребовании доказательств). Данные вопросы бесспорно имеют важное значение для подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, однако по сравнению с преданием суду и назначением судебного разбирательства они всё-таки носят факультативный характер. Вследствие этого можно сделать вывод о том, что предварительное слушание не заменяет подготовку к судебному разбирательству, а дополняет его путём разрешения процессуальных вопросов, возникающих в данной стадии уголовного судопроизводства. Именно этим можно объяснить и тот факт, что предварительное слушание в Российской Федерации осуществляется в рамках общей процедуры подготовки дела к судебному заседанию, а не только по уголовным делам о преступлениях, преследуемых по обвинительному акту и подлежащих рассмотрению в суде присяжных как в англоамериканской модели уголовного судопроизводства [3, С. 441-442].

После поступления уголовного дела в суд перед принятием решения о назначении судебного заседания, судья должен изучить материалы поступившего уголовного дела с целью выяснения возможности назначения судебного заседания. При этом, изучая материалы поступившего уголовного дела, судье следует руководствоваться данными уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристики преступления. Уголовно-правовая характеристика включает в себя систему сведений, характеризующих в своей совокупности признаки состава преступления, составляющие входящие в его состав элементы (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), как содержание состава преступления. Назначением уголовно-правовой характеристики преступления является обеспечение правильной квалификации преступления, поскольку она включает в себя предусмотренные законодателем признаки, характеризующие деяние, как преступление того или иного вида. В процессе подготовки к судебному заседанию судья, изучая материалы уголовного дела, сопоставляет сформулированную законодателем уголовно-правовую характеристику состава преступления, который вменяется обвиняемому по конкретному уголовному делу с материалами поступившего в суд уголовного дела, на основании чего у судьи формируется мнение относительно наличия в действиях подсудимого по представленному делу признаков того состава преступления, который вменен ему органами предварительного расследования, и, соответственно, либо суд соглашается с квалификацией данной органами предварительного расследования, либо переqualифицирует деяние лица на другой состав преступления.

Помимо уголовно-правовой характеристики при изучении материалов дела, в процессе подготовки к судебному заседанию, судом также должна использоваться криминологическая характеристика преступления. Криминологическая характеристика включает в свое содержание три группы признаков : 1) криминологические признаки преступления (причины, объект, механизм преступления, цель, мотив, данные о личности преступника и потерпевшего, последствия преступления); 2) сведения, характеризующие криминологическую ситуацию совершения преступления (криминологическая ситуация совершения преступления, среда, в которой было совершено преступление, социально-экономические условия, в которых было совершено преступление); 3) данные, связанные с предупреждением и профилактикой преступлений (объекты, субъекты, методы, средства предупреждения, источники информации о признаках криминологической характеристики преступления). Соответственно, изучая материалы поступившего уголовного дела, судья должен на основании анализа его содержания составить криминологическую характеристику данного конкретного преступления, определить имеются ли в материалах дела данные обо всех элементах криминологической характеристики данного конкретного преступления. Установление и анализ криминологической характеристики имеет важное практическое значение для суда, позволяя суду делать выводы о характеристике и особенностях личности подсудимого, что учитывается при назначении вида и размера наказания, причинах преступления, что позволяет суду получить представление суду о мотивах преступления, что также может иметь значение для правильной квалификации преступления, определения вида и размера наказания. Уяснение данных о личности потерпевшего помогает дать оценку, как его личности, так и личности подсудимого, также помогает в установлении мотива преступного поведения, способа совершения преступления, что тоже может иметь значение для правильной квалификации, оценки подсудимого, влияющей напрямую на выбор вида и размера наказания. Анализ среды, условий, обстановки, повлиявших на формирование и реализацию преступного поведения, помогает понять мотивы и причины преступного поведения, дать правильную оценку поведению, действиям подсудимого, что также может иметь значение для решения вопроса о виде и размере наказания. Также изучение личности потерпевшего имеет важное значение для суда для установления причин, обстоятельств преступления может иметь квалифицирующее значение и напрямую влиять на определение степени вины подсудимого, вид и размер наказания.

Не менее важное практическое значение имеет знание и использование судьей криминалистической характеристики преступления при изучении материалов уголовного дела в процессе назначения и подготовки к судебному заседанию, а также ее непосредственное использование в самом судебном разбирательстве. Назначение криминалистической характеристики выражается в содействии раскрытию и расследованию преступлений. Криминалистическая характеристика основывается на уголовно-правовой характеристике, но по своему содержанию она шире ее, включает элементы, которые для уголовного права не имеют значения для характеристики признаков состава преступления. Несмотря на разные точки зрения разных ученых-криминалистов относительно содержания криминалистической характеристики преступления, принято считать, что ее содержание образуют данные о следующих элементах : обстановка совершения преступления (место, время, следы преступной деятельности

и т. д.); объект и предмет посягательства; условия охраны объект посягательства; механизм совершения преступления (формирование умысла, действия по подготовке, совершению, сокрытию преступления); особенности механизма слеодообразования; личности преступника и потерпевшего, мотивы преступного поведения; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. В свою очередь, некоторые элементы криминалистической характеристики также необходимо рассматривать, как сложно структурированные системы, включающие ряд взаимосвязанных элементов. Речь идет, например, о механизме преступления, включающего в свое содержание, как составляющие, такие элементы, как личность преступника (пол, возраст, физические характеристики, психологические характеристики и особенности восприятия) ; самооценка (внутреннее отношение лица к себе, своим действиям и их последствиям) ; обстановка преступления (материальная среда, включающая место, время, условия совершения преступления) ; поведение и действия лиц, случайно оказавшихся вовлеченными в преступное событие (свидетели, очевидцы).

Для обеспечения эффективности раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел и тем самым достижения своего социального предназначения, в криминалистической науке на основе изучения преступной деятельности разрабатываются типовые криминалистические характеристики преступлений по их видам, исходя из содержания уголовного законодательства. Соответственно, используя типовую криминалистическую характеристику при изучении материалов поступившего дела, судья сопоставляет ее с данными, содержащимися в деле, и делает выводы, имеется ли в уголовном деле информация о всех составляющих криминалистическую характеристику преступления элементах или нет. Исходя из этого, формируется вывод суда о степени доказанности обстоятельств, предусмотренных требованиями ст. 73 УПК РФ и достаточности доказательств для вынесения законного и обоснованного решения по делу (приговора либо иного решения).

Таким образом, полагаем, следует говорить о необходимости применения криминалистического обеспечения уже на этапе подготовки уголовного дела к рассмотрению в суде. Помимо этого, для успешного рассмотрения дела необходимо знание и использование судьями содержания всех четырех разделов криминалистики: общих положений, криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики. Из общих положений криминалистики судом могут быть использованы, например, положения о криминалистической идентификации, в процессе судебного рассмотрения также имеет место быть процесс идентификации, когда данные, полученные в ходе непосредственного судебного разбирательства сопоставляются с материалами уголовного дела, и делаются выводы либо о подтверждении их в суде, либо опровержении полностью или в части. Из положений криминалистической техники могут быть использованы знания о способах, приемах обнаружения, изъятия, исследования различных следов и предметов, связанных с преступной деятельностью, о возможностях производства различных видов криминалистических и судебных экспертиз, необходимость назначения которых также возникает при рассмотрении уголовных дел в суде. Суду необходимо, изучая материалы уголовного дела и рассматривая его в судебном заседании, выяснить, какие вещественные доказательства по делу могли быть обнаружены, изъяты и исследованы, исходя из фактических обстоятельств конкретно совершенного преступления, и информация о каких, по факту, имеется в материалах дела, достаточно ли ее будет суду для установления и доказывания обстоятельств, в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ, либо в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, понадобится назначение экспертизы в суде.

Особо актуальным является разработка и применение криминалистического обеспечения судебного разбирательства в центральной его части —судебном следствии, где в наибольшей степени находят свое практическое применение криминалистические рекомендации, в частности могут и должны быть использованы положения криминалистической тактики относительно проведения судебных действий следственного характера. В соответствии с положениями гл. 37 УПК РФ, в суде могут проводиться такие судебные действия следственного характера, как допросы, судебные экспертизы, осмотры вещественных доказательств, осмотры местности и помещений, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование. Вместе с тем, в криминалистике традиционно уделено большее внимание разработке рекомендаций (тактических приемов, тактических рекомендаций) применительно к тактике следственных действий в ходе предварительного следствия и дознания. Вместе с тем, судебное следствие также нуждается в разработке и практическом использовании тактических рекомендаций по проведению предусмотренных законом судебных действий следственного характера, тактика осуществления которых наряду имеет свою специфику, отличающую ее от тактики на предварительном расследовании. Например, проведение такого обязательного судебного действия следственного характера, как допрос в суде имеет свою специфику, связанную с тем, что в судебном следствии судебные допросы проводятся публично, в зале суда, в присутствии других лиц, допрашиваемое лицо, в большинстве случаев, ранее уже было допрошено на предварительном следствии, и уже знает, о чем может быть допрос в суде, вопросы допрашиваемому могут задавать стороны, а также суд. В ходе судебного следствия могут проводиться такие виды допроса, как перекрестный и шахматный, которых нет на предварительном следствии. Допросы и иные судебные действия следственного характера проводятся преимущественно с целью подтверждения в суде ранее полученных на предварительном следствии показаний, а также при необходимости, получения дополнительных. Соответственно в суде могут применяться тактические приемы проведения, разработанные для следственных действий с учетом специфики судебного разбирательства. Задачей является разработка и внедрение в практику тактических приемов проведения судебных действий следственного характера с учетом особенностей рассмотрения уголовных дел по отдельным видам преступлений.

Использование знаний криминалистической методики расследования преступлений позволяет судье знать, какие криминалистические рекомендации существуют по расследованию отдельных видов преступлений, как проводилось расследование преступления, уголовное дело по которому поступило для рассмотрения в суд, применялись ли положения криминалистической методики расследования данного вида преступления, и к каким результатам это привело следствие, какие обстоятельства и как какие доказательства должны были быть получены, и какие фактически установлены и имеются в деле. Исходя из этого, суд делает вывод о полноте расследования, наличии недостатков предварительного

следствия и возможности их восполнения в суде.

Таким образом, уже на этапе подготовки дела в суде имеет место быть необходимость применения криминалистического обеспечения судебного разбирательства, использования судом положений криминалистики применительно к особенностям поступившего в суд уголовного дела. Судом изучается модель механизма совершенного преступления, сформулированная следователем в обвинительном заключении, она сопоставляется с типовой моделью механизма преступления, разработанной в рамках криминалистической методики, как раздела криминалистической науки, на основании чего также строятся выводы суда о полноте расследования.

Особо актуальным вопрос о применении криминалистического обеспечения становится в случае принятия судом решения о назначении предварительного слушания по делу, при наличии оснований, предусмотренных ст. 229 УПК РФ : ходатайство стороны об исключении доказательства ; основание для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ ; основание для приостановления или прекращения уголовного дела; ходатайство стороны о проведении судебного разбирательства в заочном порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ; решение вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных; не вступивший в законную силу приговор, предусматривающий условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление; основание для выделения уголовного дела; ходатайство стороны о соединении уголовных дел.

Каждое из перечисленных оснований влечет за собой возникновение соответствующей ситуации судебного разбирательства, то есть можно сказать, что при подготовке дела к судебному заседанию, при назначении и проведении предварительного слушания могут возникать уже свои судебные ситуации, которые разрешаются с применением криминалистических рекомендаций. Как показывает изучение следственно-судебной практики, чаще всего основанием для проведения предварительного слушания является ходатайства стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов, имеющих значение для дела, а также об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. В соответствии с ч. 7 ст. 234 УПК РФ ходатайство стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежат удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уголовного дела. Согласно ч. 8 ст. 234 УПК РФ по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом.

Соответственно в случае заявления и удовлетворения вышеуказанных доказательств, в ходе судебного разбирательства могут возникнуть ситуации, когда доказательственная база, собранная на предварительном следствии, остается неизменной после проведения предварительного слушания (в случае, если ходатайства об истребовании либо исключении доказательств отклоняются), либо возникают ситуации, когда в деле появляются новые доказательства, о которых не было известно на предварительном следствии, и стороне обвинения необходимо перестроить тактику поддержания обвинения с учетом новых представленных доказательств, либо складывается ситуация, когда в результате удовлетворения ходатайства об исключении доказательства, доказательственная база обвинения уменьшается, и перед государственным обвинителем возникает задача восполнения доказательственной базы в ходе судебного следствия за счет получения дополнительных доказательств, если это будет возможно в складывающихся условиях, либо речь будет идти об уменьшении объема обвинения, либо переквалификации деяния подсудимого на другой менее тяжкий состав преступления. Таким образом, в ходе судебного разбирательства могут возникать ситуации, о которых не было известно на предварительном следствии, что требует от государственного обвинителя их анализа, планирования, разработки и применения соответствующего алгоритма их разрешения. В этом также выражается практическое значение применения криминалистического обеспечения уже на этапе подготовки дела к судебному заседанию и проведения предварительного слушания, в рамках которого должны изучаться указанные ситуации, и разрабатываться эффективные алгоритмы по их разрешению.

Кроме того, для рассмотрения ходатайства об истребовании дополнительных доказательств или предметов, либо об исключении имеющихся в деле доказательств проводится судебное заседание, в ходе которого могут допрашиваться любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах проведения следственных действий, в результате которых были получены эти доказательства, или изъятия и приобщения к делу документов. Из сказанного следует, что в ходе судебного допроса данных лиц могут применяться разработанные в рамках криминалистической тактики приемы проведения допроса с учетом особенностей условий судебного разбирательства. Лица, допрашиваемые в суде по поводу получения доказательств при оспаривании их допустимости, могут давать показания, как совпадающие с теми, которые они давали на предварительном следствии, так и изменить их, либо вообще отказаться от ранее данных показаний, что также влечет за собой возникновение новых ситуаций судебного разбирательства, отличных от предварительного следствия, требующих разработки и применения криминалистических алгоритмов их разрешения в рамках применения криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел.

При всех вышеуказанных основаниях назначения предварительного слушания проводится судебное заседание, в ходе которого допрашиваются стороны относительно тех обстоятельств, по поводу которых проводится предварительное слушание. Соответственно судом, сторонами также могут применяться тактические приемы допроса, разработанные в рамках криминалистической тактики.

Каждое из предусмотренных законом оснований для проведения предварительного слушания, влечет возникновение соответствующих судебных ситуаций предварительного слушания, требующих от государственного обвинителя разработки, планирования алгоритма их разрешения, прогнозирования вероятных ситуаций судебного следствия, которые могут возникнуть по результатам проведения предварительного слушания, и разработки на этой основе соответствующих алгоритмов по их разрешению (планирование проведения соответствующих судебных действий следственного характера, заявление необходимых ходатайств, выдвижение новых версий в суде, планирование и реализация действий

стороны обвинения в суде по их проверке. Все это также является проявлением необходимости практической реализации в суде криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел на всех его этапах. Уже на этапе подготовки дела к судебному разбирательству, изучая материалы поступившего дела, судья, обладая криминалистическими познаниями, в частности зная криминалистическую характеристику преступлений, типовую модель механизма преступления, теорию следственных ситуаций, правила планирования, выдвижения и проверки версий, может сопоставить эти знания с теми данными, которые содержатся в уголовном деле, выделить ситуации предварительного следствия, на основании чего смоделировать возможные наиболее вероятные ситуации судебного следствия, продумать возможные действия сторон в этих ситуациях и действия суда, поведение участников судебного разбирательства и, исходя из этого, решить вопрос наиболее оптимальной организации и проведения судебного процесса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что всесторонне изучение судебной практики не только с позиции уголовного, уголовно-процессуального законодательства, но и криминалистики, позволит разрабатывать наиболее эффективные криминалистические рекомендации по поведению судебного разбирательства в целом и особенно центральной его части – судебного следствия в рамках практического применения криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия, и достигать наиболее оптимальным путем цели уголовного судопроизводства – Вынесения законного и обоснованного решения по делу (приговора или иного решения).

Список литературы:

1. Рябинина Т. К. Предварительное слушание, как средство обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства / Т. К. Рябинина // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 53–62 [Электронный ресурс] // Режим доступа : URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_18781286_66797616.pdf (дата обращения 18.02.2025).
2. Ермакова Д. Д. Предварительное слушание, как стадия уголовного процесса / Д. Д. Ермакова, С. Э. Воронин // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. – 2017. – № 7. – С. 353-358.
3. Охлопкова А. С. Институт предварительного слушания в уголовном судопроизводстве / А. С. Охлопкова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 440-442.

References:

1. Ryabinina T. K. Preliminary hearing as a means of ensuring a reasonable period of criminal proceedings / T. K. Ryabinina // State and law. – 2013. – № 2. P. 53-62 [Electronic resource] // Access mode : URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_18781286_66797616.pdf (accessed 02/18/2025).
2. Ermakova D. D. Preliminary hearing as a stage of criminal proceedings / D. D. Ermakova, S. E. Voronin // Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the 21st century. – 2017. No. 7. pp. 353-358.
3. Okhlopova A. S. Institute of preliminary hearing in criminal proceedings / A. S. Okhlopova // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 11 (227). Pp. 440-442.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА В США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ FEATURES OF CRIMINAL LAW REGULATION OF ELECTRONIC PAYMENT FRAUD IN THE UNITED STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

АГАЕВ Гюлоглан Али оглы,

доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева». 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д.149
E-mail: guloglanmvd@gmail.com;

ЧЕРНОМЫРДИНА Нина Евгеньевна,

адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева». 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д.149.
E-mail: chernomyrdina.nina@yandex.ru;

AGAЕV Guloglan Ali ogly,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Saint Petersburg Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev. 196105, Saint Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: guloglanmvd@gmail.com;

CHERNOMYRDINA Nina Evgenievna,

Postgraduate Student of the Faculty of Advanced Training of the Saint Petersburg Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev. 196105, Saint Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: chernomyrdina.nina@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются правовые явления, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны собственности от совершения хищений с использованием электронных средств платежа, как в Российской Федерации, так и в государстве США. Аргументируется, что несмотря на различия в правовых традициях и законодательных подходах, обе страны демонстрируют схожие тенденции в ужесточении ответственности за электронное мошенничество и совершенствовании механизмов международного сотрудничества в данной сфере. Авторы приходят к выводу, что американское законодательство в сфере нормативного регулирования ответственности за хищение с использованием электронных средств более детализировано и представляет значительный интерес для возможной рецепции в российское право.

Abstract. This article examines legal phenomena in the sphere of criminal law protection of property against theft committed through electronic payment means, both in the Russian Federation and the United States. It argues that despite differences in legal traditions and legislative approaches, both countries demonstrate similar trends in strengthening liability for electronic fraud and enhancing mechanisms of international cooperation in this field. The authors conclude that U.S. legislation on the regulatory framework for electronic payment theft is more detailed and presents significant potential for legal transplantation (reception) into Russian law.

Ключевые слова: уголовная ответственность; хищение; электронное мошенничество; уголовное законодательство РФ и США; основные источники уголовного законодательства США и России; система регулирования деятельности платежных систем и банковских институтов.

Key words: criminal liability; theft; electronic fraud; criminal legislation of the Russian Federation and the United States; foundational legal sources of criminal legislation in the US and the Russian Federation; regulatory framework for payment systems and banking institutions.

Для цитирования: Агаев Г.А. оглы, Черномырдина Н.Е. Особенности уголовно-правового регулирования мошенничества с использованием электронных средств платежа в США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 513-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_513.

For citation: Agaev G.A. ogly, Chernomyrdina N.E. Features of criminal law regulation of electronic payment fraud in the united states and the Russian Federation: a comparative legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 513-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_513.

Статья поступила в редакцию: 21.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Хищения, совершенные с использованием электронных средств платежа, занимают особое место в системе деяний против собственности, представляя собой повышенную опасность для общества, подрывающую фундаментальные основы экономических отношений, активизирующую теневую экономику, порождающую несправедливость при распределении благ, что причиняет значительный ущерб государству, обще-

ству, индивидам и их коллективным образованиям. Несмотря на внимание законодателя к данным актуальным вопросам, ряд проблем остается нерешенным на законодательном уровне, в научном сообществе, в правоприменительной практике. Проблематика в данной сфере усугубляется тем, что на настоящем этапе отсутствует единая позиция национальных судов по поводу четких критериев дифференциации уголовной ответственности и квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, что способствует вынесению противоречивых приговоров. В связи с этим, изучение зарубежного опыта, регулирующего вопросы ответственности за преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа, заключается как в расширении знаний в данной правовой плоскости, так и в определении перспектив совершенствования национальных мер противодействия подобным деяниям. В свете сказанного, предметом нашего исследования выступают уголовно-правовые аспекты отечественного и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Поскольку охватить все законодательство зарубежных стран в рамках настоящей работы невозможно, принято решение проанализировать уголовное право США в сфере регулирования рассматриваемых преступных деяний.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки, в отличие от правовых систем европейских стран, не имеет единой кодифицированной системы уголовного права федерального уровня. Основными источниками уголовного права в США выступают: Конституция США¹, Свод законов США 1948 г.², конституции отдельных штатов, акты Конгресса, уголовные законы, подзаконные нормативные акты, Акты судебного толкования Верховного суда США и судов штатов, а также нормы общего права (прецедентное право), как на федеральном уровне, так и на уровне штатов.

На федеральном уровне ключевое значение имеют положения Раздела 18 Свода законов США, где статья 1030 (Computer Fraud and Abuse Act) устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерным системам и последующее хищение финансовых данных³. Данная норма применяется к широкому спектру противоправных действий – от взлома банковских информационных систем до фишинговых атак, направленных на получение реквизитов платежных карт. Санкционная часть статьи предусматривает дифференцированную шкалу наказаний: базовый состав преступления наказывается лишением свободы до 10 лет, тогда как квалифицированные составы, связанные с особо крупным ущербом (превышающим 5,000 долларов) или создающие угрозу национальной безопасности, могут повлечь до 20 лет лишения свободы. Особое место в системе правового регулирования занимает статья 1343 Раздела 18 (Wire Fraud Act), криминализирующая мошеннические схемы с использованием электронных средств коммуникации⁴. Уникальность данной нормы заключается в ее чрезвычайно широкой диспозиции, охватывающей практически любые формы обманных действий, совершаемых в частности через интернет-банкинг, платежные системы или криптовалютные платформы. Судебная практика последовательно расширяет толкование этой статьи, включая в ее сферу действия такие современные схемы как создание фальшивых инвестиционных платформ или мошенничество с NFT-активами. Максимальное наказание по данной статье достигает 20 лет лишения свободы, а по квалифицированному составу – до 30 лет лишения свободы с возможностью наложения существенных финансовых санкций. Важным элементом системы защиты является Identity Theft and Assumption Deterrence Act (18 U.S. Code § 1028), специально направленный на противодействие хищению и неправомерному использованию персональных данных для доступа к финансовым счетам и платежным системам⁵. Особенностью данной нормы является установление ответственности не только за непосредственное совершение мошеннических операций, но и за подготовительные действия, такие как сбор или хранение платежных реквизитов с преступными целями. Санкции по этой статье предусматривают до 15 лет лишения свободы с обязательной конфискацией инструментов преступления и полученных преступных доходов. На уровне защиты существенную роль играет Electronic Fund Transfer Act (15 U.S. Code § 1693), устанавливающий гарантии возмещения ущерба потерпевшему при несанкционированных электронных переводах. Закон обязывает финансовые институты проводить обязательное расследование всех случаев предполагаемого мошенничества и предусматривает механизм оперативного возмещения средств потерпевшим (в течение 10 рабочих дней) при условии своевременного уведомления о противоправных действиях (в пределах 45 дней с момента совершения операции)⁶. Региональное законодательство штатов дополняет федеральные нормы, зачастую устанавливая более строгие санкции. Особенно интересным является законодательство Нью-Йорка (Penal Law § 190.65), которое выделяет специальный состав кибермошенничества⁷. Согласно положениям этой нормы, лицо виновно в схеме обмана первой степени, когда оно или она:

- участвует в схеме, представляющей собой систематически продолжающийся образ действий с намерением обмануть десять или более лиц, или получить имущество от десяти или более лиц путем ложных или мошеннических предлогов, заявлений или обещаний, и таким образом получает имущество от одного или нескольких таких лиц;
- участвует в схеме, представляющей собой систематически продолжающийся образ действий с намерением обмануть более одного человека или получить имущество более чем от одного лица путем ложных или мошеннических предлогов, заявлений или обещаний, и таким образом получает имущество стоимостью свыше тысячи долларов от одного или нескольких таких лиц;
- участвует в схеме, представляющей собой систематический постоянный образ действий с намерением обмануть более одного чело-

¹Конституция США 1787 г. // Официальный сайт Верховного Суда США [Электронный ресурс] URL: <https://www.supremecourt.gov/> (дата обращения: 18.05.2025).

²Свод законов США от 28 июня 1948 г. // Официальный сайт Верховного Суда США [Электронный ресурс] URL: <https://www.supremecourt.gov/> (дата обращения: 18.05.2025).

³U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1343> (дата обращения: 19.05.2025).

⁵U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1028> (дата обращения: 19.05.2025).

⁶U.S. Code: Title 15 — COMMERCE AND TRADE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-41/subchapter-VI> (дата обращения: 20.05.2025).

⁷New York Penal Law Section 190.65 - Scheme to defraud in the first degree. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/190.65> (дата обращения: 21.05.2025).

века, более одного из которых являются уязвимыми пожилыми людьми.

Показательно, что в соответствии с данной уголовной нормой, при любом судебном преследовании требуется доказать личность по крайней мере одного человека, от которого обвиняемый получил таким образом имущество.

Особого внимания заслуживает система регулирования деятельности платежных систем и банковских институтов. Требования Регламента Е Федеральной резервной системы устанавливают жесткие стандарты безопасности электронных переводов, а стандарты PCI DSS (Payment Card Industry Data Security Standard – стандарт безопасности данных, разработанный для защиты информации о платёжных картах) предъявляют комплексные требования к защите данных платежных карт. Нарушение этих предписаний может повлечь не только административную ответственность (с штрафами до 100,000 долларов ежемесячно), но и уголовное преследование по смежным составам.

В отличие от американской правовой системы, в которой электронное мошенничество охватывается комплексом нормативных актов, российское законодательство опирается на статью 159.3 УК РФ, которая специально выделяет мошенничество с использованием платежных карт и иных электронных средств платежа как самостоятельный состав преступления. Данная норма была введена в 2012 году, что отражает своевременное реагирование российского законодателя на новые вызовы в финансовой сфере. Тем не менее, в 2018 году произошло важное изменение в российском уголовном законодательстве: после подписания Президентом В.В. Путиным Федерального закона № 111-ФЗ статья 159.3 УК РФ получила новую редакцию и название: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», что существенно расширило сферу её применения. В новой редакции наравне с основным составом предусмотрены квалифицированные виды, к числу которых можно отнести: совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2), совершенные с использованием виновными своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3); совершенные организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4)¹. Санкционная часть статьи, как в законодательстве США, предусматривает дифференцированную шкалу наказаний: базовый состав преступления наказывается лишением свободы до 3 лет, тогда как квалифицированные составы, связанные с значительным ущербом гражданину могут составлять до пяти лет, а деяние, предусмотренные частями первой или второй указанной нормы с использованием виновными своего служебного положения, а равно в крупном размере, наказываются лишением свободы до шести лет, а при наличии особо крупного ущерба, могут повлечь до 10 лет². На наш взгляд, одной из причин социально-правовой обусловленности регламентации в Уголовном кодексе РФ ответственности и усиления кары за «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», является созданное человеком в процессе технического развития инновационное средство совершения преступления (электронное средство платежа –платежная карта - кредитная, дебетовая и пр. с разрешенным овердрафтом, электронные кошельки, электронные телефонные карты, электронные проездные документы и пр., с применением инновационных технологий, в частности, технологии NFC, ApplePay, GooglePay), что безусловно соответствует современным требованиям криминализации, к числу которых в науке уголовного права относят: общественную опасность деяния, распространенность, не противоречие нормам Конституции РФ и международным соглашениям, возможность процессуального доказывания, отсутствие и возможности эффективной борьбы с данным деянием с помощью иных отраслей права.

Возвращаясь к основному вопросу, отметим, что исследование уголовной ответственности законодательства США и Российской Федерации позволяет утверждать, что правовая охрана отношений в сфере киберпреступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа, осуществляется посредством закрепления ответственности в уголовных кодексах, в специальных законах. В целом подход законодателя государств США аналогичен действующей позиции Уголовного кодекса РФ в отношении специальных видов мошенничества, в т.ч. в отношении компьютерного мошенничества. Однако подход законодателей США принципиально отличается от существующего в России, по нескольким критериям, к числу которых можно отнести:

- во-первых, перечень «электронных средств платежа» в законодательстве России не является исчерпывающим, и в этой связи транзакции оператором электронных денежных средств могут совершаться автоматически, без присутствия владельца либо представителя кредитной организации, посредством многочисленных электронных носителей информации, с использованием программных технологий и трех типов аккаунтов для электронных денежных средств – персонализированный или анонимный для физических лиц, и корпоративный - для юридических лиц. К сожалению, в диспозиции ст. 159.3 УК РФ закреплён более ограниченный перечень электронных средств платежа, применяемых при совершении данного преступления. Представляется, что с целью более эффективного правоприменения и правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, необходимо указание более расширенного перечня электронных средств платежа, используемых при совершении данного преступления. Ради справедливости отметим, что сравнительный анализ показывает, что американская система предусматривает более дифференцированный подход к различным видам электронного мошенничества, включая фишинг (Identity Theft and Assumption Deterrence Act), мошенничество с банковскими переводами (Wire Fraud Statute) и другие формы цифрового обмана;

- во-вторых, максимальное наказание по ст.159.3 УК РФ ограничивается до 10 лет лишения свободы, т.е. существенно мягче по сравнению с американскими нормами, где за аналогичные преступления возможно назначение наказания до 30 лет лишения свободы. Между прочим, это различие отражает общую тенденцию американского законодательства к установлению более строгих санкций за финансовые преступления;

- в-третьих, правоприменительная практика в России по статье 159.3 УК РФ сталкивается с проблемами доказывания умысла и установления способа совершения преступления, тогда как в США накоплен значительный опыт расследования подобных дел, в том числе с исполь-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

² Там же.

зованием специальных подразделений (Cyber Division FBI, Electronic Crimes Task Force);

- в-четвертых, на наш взгляд, американская правовая модель является более адаптированной к новым технологическим вызовам, что достигается за счет сочетания широких диспозиций федеральных законов с гибкой судебной практикой. В отличие от европейского подхода, делающего акцент на гармонизацию законодательства (Директива 2019/713), американская система сохраняет приоритет прецедентного права, позволяя оперативно реагировать на новые схемы электронного мошенничества.

Таким образом, анализ нормативных актов и правоприменительного опыта позволяют заключить, что, несмотря на различия в правовых традициях и законодательных подходах, обе страны демонстрируют схожие тенденции в ужесточении ответственности за электронное мошенничество и совершенствовании механизмов международного сотрудничества в данной сфере. При этом американский опыт детализированного нормативного регулирования отдельных видов кибермошенничества представляет значительный интерес для возможной рецепции в российское право, тогда как российская систематизированная модель уголовно-правовой защиты могла бы повысить эффективность правоприменения в США. Будем питать доверие, что дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой сфере неизбежно потребует от обеих стран поиска баланса между необходимостью защиты цифровых финансовых активов и соблюдением фундаментальных прав граждан в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы:

1. Конституция США 1787 г. // Официальный сайт Верховного Суда США [Электронный ресурс] URL: <https://www.supremecourt.gov/> (дата обращения 18.05.2025).
2. Свод законов США от 28 июня 1948 г. // Официальный сайт Верховного Суда США [Электронный ресурс] URL: <https://www.supremecourt.gov/> (дата обращения 18.05.2025).
3. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 19.05.2025).
4. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1343> (дата обращения: 19.05.2025).
5. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1028> (дата обращения: 19.05.2025).
6. U.S. Code: Title 15 — COMMERCE AND TRADE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-41/subchapter-VI> (дата обращения: 20.05.2025).
7. New York Penal Law Section 190.65 - Scheme to defraud in the first degree. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/190.65> (дата обращения: 21.05.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

References:

1. The U.S. Constitution of 1787 // The official website of the U.S. Supreme Court [Electronic resource] URL: <https://www.supremecourt.gov/> // (date of issue 05/18/2025).
2. Code of Laws of the USA dated June 28, 1948 // Official website of the Supreme Court of the USA [Electronic resource] URL: <https://www.supremecourt.gov/> // (accessed 05/18/2025).
3. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (date of request: 05/19/2025).
4. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1343> (accessed: 05/19/2025).
5. U.S. Code: Title 18 — CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1028> (accessed: 05/19/2025).
6. U.S. Code: Title 15 — COMMERCE AND TRADE. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-41/subchapter-VI> (accessed: 05/20/2025).
7. New York Penal Law Section 190.65 - Scheme to defraud in the first degree. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/190.65> (date of notification: 05/21/2025).
8. The Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 04/21/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation dated June 17, 1996, No. 25, art. 2954

К ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ГУМАНИЗАЦИИ НАКАЗАНИЙ В УИС ON CERTAIN ISSUES OF HUMANIZATION OF PUNISHMENTS IN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна,

педагог-психолог ГКУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Соборная, д. 8.

E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru;

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,

educational psychologist of the State Educational Institution

of the Russian Academy of Sciences Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance.

Ryazan, Sobornaya Str. 8.

E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые аспекты гуманизации наказаний в системе уголовно-исполнительной системы России. Авторы анализируют современные подходы к реализации принципов гуманности и справедливости в отношении осужденных, подчеркивая необходимость пересмотра существующих практик и норм, регулирующих исполнение наказаний. Уделяется внимание изменениям в уголовно-исполнительной системе, связанным с гуманизацией исполнения наказаний. Рассматриваются аспекты работы с социально уязвимыми группами лиц, находящихся в местах лишения свободы. Авторы также анализируют существующие законодательные инициативы и реформы, направленные на улучшение условий содержания и смягчение наказаний для определенных категорий осужденных, таких как женщины, несовершеннолетние и лица с ограниченными возможностями. В статье поднимается вопрос о необходимости создания индивидуализированного подхода к каждому осужденному, что позволит более эффективно достигать целей исправления и ресоциализации.

Abstract: This article examines the key aspects of the humanization of punishments in the Russian penal system. The authors analyze modern approaches to the implementation of the principles of humanity and justice in relation to convicts, emphasizing the need to review existing practices and norms governing the execution of sentences. Attention is being paid to changes in the penal enforcement system related to the humanization of the execution of sentences. Aspects of working with socially vulnerable groups of people in places of deprivation of liberty. The authors also analyze existing legislative initiatives and reforms aimed at improving conditions of detention and commuting sentences for certain categories of convicts, such as women, minors and persons with disabilities. The article raises the issue of the need to create an individualized approach to each convict, which will make it possible to more effectively achieve the goals of correction and re-socialization.

Ключевые слова: гуманизация наказаний, права человека, реабилитация, социальная адаптация, уголовно-исполнительная система, юриспруденция.

Keywords: humanization of punishments, human rights, rehabilitation, social adaptation, penal enforcement system, jurisprudence.

Для цитирования: Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. К отдельным вопросам гуманизации наказаний в УИС // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 517-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_517.

For citation: Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. On certain issues of humanization of punishments in the criminal justice system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 517-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_517.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации в последние годы претерпевает значительные изменения, направленные на гуманизацию системы исполнения наказаний. Гуманизация, как ключевой принцип уголовно-исполнительной политики, предполагает не только соблюдение прав человека, но и создание условий для ресоциализации осужденных, что является важным аспектом снижения уровня рецидивов. В условиях современного общества необходимость в таких изменениях становится особенно актуальной, так как они способствуют не только улучшению жизни заключенных, но и повышению безопасности общества в целом, о чем и говорится в одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года. [1]

Социально уязвимые группы, такие как женщины, несовершеннолетние, пожилые люди и лица с ограниченными возможностями, требуют особого внимания со стороны государства и общества. Условия их содержания должны соответствовать современным стандартам прав человека и обеспечивать не только физическую безопасность, но и психологическую поддержку. Это требует внедрения правовых механизмов, направленных на предотвращение жестокого обращения и улучшение условий жизни в учреждениях уголовно-исполнительной системы. [2, с. 175]

Гуманизация уголовно-исполнительной политики в России становится важным шагом к созданию более справедливой и эффективной системы наказаний. Она направлена на соблюдение прав человека и уважение к человеческому достоинству, что является основополагающим принципом демократического общества. Важность этой темы обусловлена несколькими факторами, как снижение рецидивов, социальная ответ-

ственность и международные обстоятельства. Имеющаяся тенденция принятия нововведений в отношении социально уязвимых групп должна воплотиться в принятии законодательных инициатив, направленных на смягчение наказаний для этих категорий граждан, что становится важным шагом к обеспечению справедливости и соблюдению прав человека.

Так, несовершеннолетние лица требуют особого подхода в уголовном правосудии, в связи с тем, что находятся в процессе формирования своей личности. Основные направления законодательных инициатив должны включать в себя расширенные альтернативные меры наказания. В последние годы активно внедряются альтернативные меры, такие как предупреждения, общественные работы и программы реабилитации, вместо лишения свободы.

Законодательство акцентирует внимание на необходимости образовательных программ для несовершеннолетних правонарушителей, что способствует их социальной адаптации и снижению рецидивов. Учитывается влияние семьи на поведение несовершеннолетних. В некоторых случаях предлагается вовлечение родителей в процесс реабилитации и обучения.

В последние годы наблюдается тенденция к созданию специализированных воспитательных колоний для несовершеннолетних правонарушителей. Эти учреждения ориентированы на предоставление образовательных услуг и профессиональной подготовки, позволяющей молодым людям получить необходимые навыки для интеграции в общество после освобождения. Воспитательные колонии предлагают программы, которые включают как общую образовательную подготовку, так и курсы по различным профессиям, таким как слесарное дело, шитье или IT-технологии. Это способствует снижению уровня рецидивизма среди молодежи. [3, с. 313]

По достижении 18-летнего возраста многие несовершеннолетние осужденные сталкиваются с переводом в изолированные участки воспитательной колонии, которая моделирует условия как в ИК общего режима на основе ст. 140 УИК РФ, которая характеризует непосредственно перевод несовершеннолетних осужденных при достижении восемнадцати лет из воспитательных и исправительных колоний. Это может негативно сказаться на их психологическом состоянии и уровне адаптации. Такие изменения часто приводят к стрессу и дезадаптации, что в свою очередь способствует росту рецидивов. Как раз здесь есть необходимость в разработке более гибкой системы перевода, что должна будет учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого осужденного.

Психологическая поддержка играет ключевую роль в процессе реабилитации несовершеннолетних. Внедрение программ, направленных на развитие эмоциональной устойчивости, социальных навыков и личной ответственности, может значительно улучшить шансы на успешную адаптацию после освобождения. Программы могут включать групповые занятия, индивидуальные консультации с психологами, а также тренинги по развитию навыков общения и разрешения конфликтов. [4]

Следующей группой, которая составляет значительную часть осужденных являются женщины. Их положение в системе уголовного правосудия требует особого внимания. Законодательные инициативы, направленные на смягчение наказания для женщин, обычно основываются на следующих принципах:

1. Семейные обстоятельства, когда учитываются наличие детей и семейные обязательства. В некоторых случаях предлагается заменять лишение свободы на более мягкие меры, такие как условное осуждение или принудительные меры медицинского характера.
2. Социальная реабилитация, где важно создать условия для реабилитации женщин, которые могут включать программы по обучению, профессиональной подготовке и психологической поддержке.
3. Преступления, совершенные под давлением. Законодательство также рассматривает случаи, когда женщины совершили преступления в условиях насилия или манипуляций со стороны партнеров.

Создание специализированных исправительных центров для лиц женского пола позволяет учитывать их специфические потребности, включая медицинское обслуживание и психологическую поддержку. Эти учреждения обеспечивают более комфортные условия содержания и возможность получения медицинской квалифицированной помощи, что немало важно для беременных женщин и матерей с маленькими детьми.

Часто судебные решения не учитывают социальный статус женщин с детьми, что приводит к несправедливым условиям содержания и дополнительным трудностям для матерей. Критика направлена на необходимость пересмотра подходов к назначению наказаний для женщин, а также на создание механизмов, позволяющих учитывать их семейное положение при вынесении решений. [5, с. 326]

Установление более гибких правил для поддержания связи с семьей является важным аспектом реабилитации женщин в местах лишения свободы. Это может включать увеличение количества телефонных звонков, возможность видеосвязи и регулярные встречи с детьми и родственниками. Поддержка семейных связей способствует улучшению психоэмоционального состояния осужденных и их успешной реинтеграции в общество после освобождения. Стоит учитывать, что сегодня при исправительных колониях еще функционирует 13 домов ребенка. [6]

Лица с ограниченными возможностями также нуждаются в особом внимании со стороны законодательства. Их положение в уголовной системе требует учета физических и психических особенностей. Важным шагом в обеспечении прав инвалидов является адаптация инфраструктуры учреждений УИС. Сюда входит создание доступных входов, лифтов, туалетов и других объектов, необходимых для комфортного пребывания людей с ограниченными возможностями. Также необходимо обучить персонал правильному взаимодействию с такими осужденными.

Лица с ограниченными возможностями нуждаются в специализированной медицинской помощи, которая должна быть доступной в местах лишения свободы. Подразумеваются регулярные медицинские осмотры, доступ к необходимым медикаментам и реабилитационным процедурам. Кроме того, программы трудовой реабилитации должны быть адаптированы под возможности инвалидов, чтобы они могли участвовать в трудовой деятельности и развивать свои навыки.

Не стоит обходить стороной и вопросы транспортировки указанных категорий граждан. Современные подходы к соблюдению прав

осужденных также должны соблюдаться при осуществлении конвоирования с учетом физических особенностей и состояния здоровья. Должны рассматриваться и изменяться нормы времени в пути, вопросы питания и снабжения водой, время для отдыха. [7, с. 136]

Изменения в режимах содержания для социально уязвимых групп требуют комплексного подхода и учета специфических потребностей каждой категории осужденных. Важно продолжать развивать программы реабилитации, социальной адаптации и поддержки, чтобы минимизировать возможность рецидива и способствовать успешной интеграции этих людей в общество после отбытия наказания.

Правовые аспекты предотвращения жестокого обращения и применения пыток в УИС должны содержать законодательные гарантии, международные стандарты, механизмы контроля и реформы медицинского обслуживания для стабильности работы и увеличения ее эффективности при исправлении осужденного.

Так в законодательных гарантиях можно выделить следующее. В ст. 2 Конституции Российской Федерации указываются права и свободы человека как высшая ценность. Это положение может рассматриваться в основе для защиты прав осужденных и обеспечения правовой основы для противодействия жестокому обращению. Конституционные гарантии прав человека должны быть соблюдены во всех сферах, включая УИС, что требует от государства принятия мер по предотвращению нарушений.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации рассматривает принцип гуманизма в ст. ст. 8, 10, 12. Статья 8 УИК РФ подчеркивает, что наказание не должно носить уничижительный характер и не должно превышать меру, необходимую для достижения целей уголовного наказания.

Статья 10 УИК РФ характеризует запрет на применение различных видов жестокого обращения, гарантирует правовую защиту и личную безопасность, что является основополагающим для обеспечения прав осужденных;

Статья 12 УИК РФ предоставляет гарантии для осужденных обладать правом на гуманное обращение, проявляющееся также в защите от пыток и унижения достоинства.

При исследовании механизмов контроля правовых аспектов можно выделить влияние общественных наблюдательных комиссий и право на фото/видеосъемку в учреждениях и на обжалование условий содержания.

Общественные наблюдательные комиссии играют важную роль в контроле за соблюдением прав осужденных. Они имеют право проводить проверки в местах лишения свободы и фиксировать факты нарушений. Право на фото- и видеосъемку в учреждениях позволяет документировать условия содержания и выявлять случаи жестокого обращения. Это создает дополнительный уровень прозрачности и ответственности.

Осужденные имеют право обжаловать условия своего содержания в суде. Судебная практика показывает, что такие жалобы могут быть рассмотрены, и в случае выявления нарушений, могут быть приняты меры для их устранения. Это право является важным инструментом защиты и способствует повышению ответственности государственных органов за соблюдение законодательства.

Одной из ключевых проблем в УИС является недостаточное медицинское обслуживание. Передача полномочий по закупке лекарств Министерству здравоохранения России позволит улучшить качество медицинского обслуживания в учреждениях УИС, что подразумевается в реформе медицинского обслуживания. Это обеспечит доступ к необходимым медикаментам и медицинским услугам, что в свою очередь должно способствовать улучшению общего состояния здоровья осужденных.

Реформа уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации нацелена на создание более гуманной и эффективной системы исполнения наказаний. Итоги проведенных реформ показывают, что изменения в подходах к содержанию осужденных и внедрению альтернативных наказаний уже приносят свои плоды.

Одним из значимых результатов реформ стало снижение численности осужденных в учреждениях УИС. Это достигнуто благодаря внедрению альтернативных мер наказания, таких как условное осуждение, штрафы и другие формы наказаний, которые позволяют избежать лишения свободы для лиц, совершивших менее тяжкие преступления. Такой подход не только разгружает исправительные учреждения, но и способствует более гуманному правосудию.

Реформа также коснулась условий содержания осужденных. Внедрение новых стандартов и норм, направленных на улучшение материально-бытовых условий, а также обеспечение доступа к медицинской помощи и образованию, стало важным шагом к гуманизации системы. Улучшение условий способствует не только физическому, но и психологическому благополучию осужденных, что является важным аспектом их ресоциализации.

Альтернативные меры наказания, такие как общественные работы и исправительные работы, становятся все более распространенными. Это позволяет избежать негативных последствий лишения свободы и дает возможность осужденным оставаться в обществе, что способствует их социальной адаптации и снижению уровня рецидивов.

В перспективах улучшения деятельности данных учреждений можно выделить:

- усиление роли психологов и социальных работников в ресоциализации. В будущем необходимо усилить роль специалистов в области психологии и социальных работников в процессе ресоциализации осужденных. Психологи могут помочь в преодолении психологических травм и зависимостей, а социальные работники — в создании условий для успешной интеграции бывших заключенных в общество. Это требует разработки специализированных программ и повышения квалификации специалистов, работающих с социально уязвимыми группами. А в условиях введения пробации, количество подобных специалистов необходимо увеличить.

- Необходимость повышения прозрачности УИС. Уменьшение военного присутствия и внедрение гражданских подходов к управлению учреждениями УИС позволит снизить уровень насилия и жестокости. Повышение прозрачности в работе учреждений также является ключевым

аспектом, который позволит контролировать соблюдение прав человека и предотвратить случаи жестокого обращения. Это можно достичь внедрением цифровых технологий что также отражено в основных положениях Концепции и должно быть реализовано к 2030 году.

Таким образом, реформы в уголовно-исполнительной политике Российской Федерации демонстрируют положительные изменения в условиях содержания осужденных и подходах к их ресоциализации. Законодательные инициативы, направленные на смягчение наказаний для женщин, несовершеннолетних и лиц с ограниченными возможностями, являются важным шагом к гуманизации уголовного правосудия в России. Они отражают стремление общества к более справедливому обращению с уязвимыми группами населения и способствуют созданию условий для их реабилитации и социальной адаптации. Однако, для достижения более значительных результатов необходимо продолжать работу в направлении улучшения условий жизни в учреждениях УИС, а также развивать механизмы поддержки и помощи для социально уязвимых групп. Это не только улучшит качество жизни осужденных, но и повысит уровень безопасности и стабильности в обществе в целом.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 03.03.2025).
2. Ананьева Е.О., Ананьева Ж.Н. Вопросы социального обеспечения инвалидов, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы//Аграрное и земельное право. 2024. № 2 (230). С. 175-177.
3. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н., Ананьева Е.О. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних в исправительных учреждениях//Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 313-315.
4. Кречетникова А.В., Зинова Е.Ю. Организация помощи подросткам, отбывшим наказание и в рамках работы муниципальных служб [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://doimp.admmegion.ru/upload/iblock/c94/58_organizacija_pomoshhi_podrostkam_otbyvshim_naka.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
5. Ананьева Е.О., Шмаева Т.А. Право женщин, осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы, самостоятельно воспитывать своих малолетних детей//Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 326-327.
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/?ref=tjournal.ru> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Ананьева Е.О. Этика и права человека в процессе транспортировки осужденных: критический взгляд на существующие практики// Закон и право. 2025. № 2. С. 135-138.

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" | Documents of Lenta PRIME: THE GUARANTOR.<url> [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (date of application: 03.03.2025).
2. Ananyeva E.O., Ananyeva Zh.N. Issues of social security for persons with disabilities serving criminal sentences in the form of imprisonment//Agrarian and land law. 2024. No. 2 (230). pp. 175-177.
3. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N., Ananyeva E.O. Problems of rehabilitation of minors in correctional institutions//Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). pp. 313-315.
4. Krechetnikova A.V., Zinova E.Y. Organization of assistance to teenagers who have served their sentences and within the framework of municipal services [Electronic resource] – Access mode: https://doimp.admmegion.ru/upload/iblock/c94/58_organizacija_pomoshhi_podrostkam_otbyvshim_naka.pdf (date of application: 03/01/2025).
5. Ananyeva E.O., Shmayeva T.A. The right of women sentenced to criminal punishment in the form of imprisonment to educate themselves their young children//The Eurasian Law Journal. 2021. No. 1 (152). pp. 326-327.
6. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation [Electronic resource] – Access mode: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/?ref=tjournal.ru> (date of request: 03.03.2025).
7. Ananyeva E.O. Ethics and human rights in the process of convict transportation: a critical look at existing practices// Law and Law. 2025. No. 2. pp. 135-138.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ LEGAL SUPPORT FOR THE USE OF DIGITAL OPERATIONAL SEARCH MEANS IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES: CONCEPT, STATUS AND PROSPECTS

ЕПИФАНОВ Станислав Станиславович,

профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
kristinka_96@inbox.ru;

ВЕЧКАЕВ Николай Степанович,

старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: nvechkaev@bk.ru;

EPIFANOV Stanislav Stanislavovich,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
kristinka_96@inbox.ru;

VECHKAEV Nikolay Stepanovich,

Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law.
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: nvechkaev@bk.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования применения цифровых оперативно-розыскных средств при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Раскрыты проблемы законодательной регламентации применения цифровых оперативно-розыскных средств в оперативно-розыскной деятельности. Основной мыслью авторов является актуализация использования цифровых оперативно-розыскных средств, в практической деятельности оперативных подразделений, развитие научной основы и совершенствование правового обеспечения данного процесса.

Abstract. The article examines the issues of legal regulation of the use of digital operational-search means in the implementation of operational-search activities. The problems of legislative regulation of the use of digital operational-search means in operational-search activities are revealed. The main idea of the authors is to update the use of digital operational-search means in the practical activities of operational units, develop a scientific basis and improve the legal support for this process.

Ключевые слова: Правовая основа оперативно-розыскной деятельности, оперативные подразделения, правовое обеспечение, цифровые оперативно-розыскные средства, совершенствование.

Key words: Legal basis for operational investigative activities, operational units, legal support, digital operational investigative tools, improvement.

Для цитирования: Епифанов С.С., Вечкаев Н.С. Правовое обеспечение применения цифровых оперативно-розыскных средств при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: понятие, состояние и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 521-523. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_521.

For citation: Epifanov S.S., Vechkaev N.S. Legal support for the use of digital operational search means in the implementation of operational search activities: concept, status and prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 521-523. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_521.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В современных условиях правовое обеспечение применения цифровых оперативно-розыскных средств следует рассматривать как один из важных факторов, сопровождающих научно-техническое развитие оперативно-розыскной деятельности и улучшение технологий оперативной работы, создание действующей системы сбора и обработки оперативно-розыскной информации, способной не только функционировать на ведомственном уровне, но и обеспечить межведомственное взаимодействие с системами иных субъектов оперативно-розыскной деятельности. Без надлежащего правового обеспечения затруднительно создать необходимые условия и предпосылки для совершенствования деятельности оперативных подразделений.

Представляется важным повышение качества и результативности деятельности оперативных подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений на основе совершенствования технического аспекта оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем развитие технической составляющей оперативной работы требует дальнейшего переосмысления положений науки и практики оперативно-розыскной деятельности в аспекте комплексного использования гласных и негласных технических средств и методов для решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями. Например, право администрации исправительных учреждений круглосуточно использовать видеонаблюдение, аудиовизуальные и другие цифровые оперативно-розыскные средства преследует конституционно значимые цели и является частью механизма, обеспечивающего личную безопасность, осужденных и персонала, режим содержания осужденных, соблюдение их прав и исполнение ими своих обязанностей, предупреждение побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания, получения необходимой информации о поведении осужденных [2].

Вместе с тем в настоящее время нормативно-правовое регулирование применения цифровых оперативно-розыскных средств оперативными подразделениями представляет собой систему законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, которые определяют допустимость использования достижений научно-технического прогресса в оперативно-розыскной деятельности и регламентируют организацию, порядок, условия, способы и результаты применения технических средств в предупреждении и раскрытии преступлений. Заметим, что законодательными нормами, как правило, устанавливается общая допустимость и возможность применения цифровых оперативно-розыскных средств в оперативно-розыскной деятельности, в обеспечении правопорядка и безопасности в учреждениях УИС [8, с. 134-135]. Вместе с тем вопросы организации, порядка и условий использования вышеуказанных средств, способов их применения находятся в сфере подзаконного, ведомственного регулирования.

В ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (закон «Об ОРД») изложено: «В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерб жизни и здоровью людей и не причиняющие вред окружающей среде». Представляется, что содержащийся в ч. 3 ст. 6 глагол «используются» в отношении технических средств носит обязывающий характер. Вместе с тем оперативно-розыскные мероприятия осуществляются как с использованием, так и без использования цифровых оперативно-розыскных средств. Здесь по нашему мнению точнее было бы указать «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, вправе использовать» [7, с. 178].

В настоящее время Правительством РФ утверждены:

- перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности [3];
- перечень, содержащий виды специальных средств защиты, активной обороны, бронетехники и иного вооружения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [4];
- перечень и порядок использования технических средств надзора и контроля уголовно-исполнительными инспекциями; [5].
- перечень технических средств надзора и контроля, применяемых исправительными центрами [6], для предупреждения преступлений и правонарушений осужденных к принудительным работам.

Говоря о нормативных правовых актах, регламентирующих применение цифровых оперативно-розыскных средств и методов в оперативно-розыскной деятельности, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отметим, что их совокупность включает в себя:

- межведомственные нормативные акты в сфере оперативно-розыскной деятельности, принимаемые совместно различными министерствами и ведомствами;
- ведомственные нормативные акты по вопросам осуществления оперативно-розыскной деятельности, организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств. Следует отметить, что на основании ч. 3 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» организация и тактика проведения Федеральной службой исполнения наказаний оперативно-розыскных мероприятий (кроме наблюдения, проводимого на открытой местности, в транспортных средствах и общественных местах) с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, определяются ведомственными нормативными правовыми актами, согласованными с Федеральной службой безопасности Российской Федерации [1];
- ведомственные акты, регламентирующие нормы оснащения оперативных подразделений, а также нормы положенности техническими средствами обучения, необходимыми для профессионального образования оперативных сотрудников.
- ведомственные акты, регламентирующие организацию информационной системы оперативно-справочных и иных учетов, формирование и содержание автоматизированных банков данных оперативно-розыскного назначения;
- ведомственные акты, регламентирующие использование методов защиты оперативно-розыскной информации, средств ее хранения и обработки.

Законодательство в сфере защиты информации, а также Доктрина информационной безопасности Российской Федерации стали основой для разработки ведомственных актов, регламентирующих вопросы обеспечения информационной безопасности оперативных подразделений. Вместе с тем ведомственная нормативная база уголовно-исполнительной системы должна развиваться в области правовой регламентации защиты оперативно-розыскной информации, обрабатываемой и хранящейся в автоматизированных системах оперативных подразделений.

Содержание статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации «Технические средства надзора и контроля» позволяют отметить следующее: использование технических средств администрацией исправительных учреждений направлено на осужденных, хотя для обеспечения безопасности требуется информация о поведении не только осужденных, но и других лиц, находящихся на территории исправительных учреждений; уделяется внимание лишь надзору и контролю, однако существует неопределенность понятия «технические средства контроля» для исправительных учреждений; прямо не регламентировано применение инженерных и технических средств в охране исправительных учреждений, хотя ведомственными актами регламентируется использование инженерно-технических средств охраны и надзора; об использовании технических средств в отношении персонала не упоминается, хотя на практике для контроля несения службы используется видеонаблюдение, предлагается к внедрению система электронного мониторинга не только за осужденными, но за сотрудниками служб охраны, надзора; отсутствует законодательное закрепление требования безопасности применения в исправительных учреждениях инженерных и технических средств в отношении субъекта и объекта применения, природной среды.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов в сфере цифровых оперативно-розыскных средств, информатизации и трансформа-

ции, позволяет определить общие тенденции развития государственной политики в области внедрения информационных технологий в сферу исполнения уголовных наказаний: создание и развитие федеральных и территориальных систем и сетей информатизации; обеспечение информационной безопасности; совершенствование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, внедрение отечественных систем и средств навигации и мониторинга, применение систем электронного документооборота в обеспечении правоохранительных функций в уголовно-исполнительной системе [9, с. 153]. В связи с этим направлениями развития информационно-технического обеспечения уголовно-исполнительной системы являются: разработка концептуальных подходов к организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе; функционирование автоматизированных банков данных оперативно-справочной и розыскной информации с перспективой доступа к ним по защищенным каналам связи оперативных сотрудников со своих автоматизированных рабочих мест; дальнейшее внедрение технологий спутниковых навигационных систем; переход на безбумажные технологии передачи служебной информации; совершенствование правового, организационно-технического обеспечения защиты оперативно-розыскной информации.

Представляется необходимой ведомственная нормативная правовая регламентация оборудования служебных помещений оперативных подразделений техническими и физическими средствами защиты информации. Целесообразно наличие инструкции, регламентирующей защиту компьютерной информации, содержащейся в информационных системах оперативных подразделений, которая может включать в себя разделы, регламентирующие общие обязанности сотрудников оперативных подразделений при работе с автоматизированными системами оперативно-розыскного назначения [10, с. 31]; организацию доступа к компьютерным системам; порядок использования программно-технических средств защиты информации; правила предоставления компьютерной информации на технических носителях и по каналам связи в процессе внутреннего и внешнего взаимодействия. Результаты анализа нормативных правовых актов и правовых материалов, определяющих систему правового обеспечения применения цифровых оперативно-розыскных средств оперативными подразделениями, показывают необходимость совершенствования ведомственного нормативного правового регулирования вопросов принятия решений на использование цифровых оперативно-розыскных средств в оперативно-розыскных мероприятиях.

В заключение следует отметить, что в концепции исследования правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности воспринимается как совокупность законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих допустимость использования научно-технических средств и методов, регламентирующих организацию, порядок, условия, способы и результаты их применения для обеспечения выполнения функций, возложенных на оперативные подразделения. Представляется, что правовая основа в обозначенной предметной области получает возможность постоянного развития в результате целенаправленных теоретико-прикладных исследований в рамках предмета частной теории научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, включая решение задачи правового и методического обеспечения применения технических средств оперативными подразделениями.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144 – ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.08.2019).
2. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 окт. 2010 г. № 1393-О-О; от 23 апр. 2013 г. № 688-О.
3. Постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 1996 г. № 770.
4. Об утверждении перечня оружия, боеприпасов, бронемашин и специальной техники, специальных средств, состоящих на вооружении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 янв. 2001 г. № 6.
5. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений: постановление Правительства Рос. Федерации от 18 фев. 2013 г. № 134; Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы: постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198.
6. Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых исправительными центрами для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам: постановление Правительства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 553.
7. Елифанов С. С. Научно-техническое обеспечение правоохранительной деятельности в уголовно-исполнительной системе (междисциплинарное исследование правовых, организационных и методологических аспектов): монография. – Рязань: Издательство «Концепция», 2018. – 288с.
8. Елифанов С.С., Вечкаев Н.С. Некоторые пути решения задачи совершенствования правового и методологического обеспечения применения технических средств оперативными аппаратами исправительных учреждений // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6(186). С. 132-135.
9. Елифанов С.С., Вечкаев Н.С. Развитие и совершенствование правового обеспечения применения технических средств оперативными аппаратами исправительных учреждений // Аграрное и земельное право. 2019 № 12(180). С. 152-154
10. Вечкаев Н.С. Состояние и перспективы совершенствования правового регулирования применения технических средств оперативными аппаратами исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тезисов и выступлений Международной научно-практической конференции / в 6 т., 2020. С. 29-33.

References:

1. Federal Law of August 12, 1995 No. 144 - FZ "On Operational-Investigative Activities" (as amended on August 2, 2019).
2. Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2010 No. 1393-O-O; of April 23, 2013 No. 688-O.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 1, 1996 No. 770.
4. On approval of the list of weapons, ammunition, armored vehicles and special equipment, special means in service with institutions and bodies of the penal system: Resolution of the Government of the Russian Federation of January 5, 2010 No. 1393-O-O; of April 23, 2013 No. 688-O. 2001, No. 6.
5. On the procedure for using audiovisual, electronic and other technical means of control that can be used to monitor the location of a suspect or accused person at the place of execution of a preventive measure in the form of house arrest and their compliance with the prohibitions and (or) restrictions imposed by the court: Resolution of the Government of the Russian Federation of 18 February 2013, No. 134; On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by criminal-executive inspectorates to ensure supervision of persons sentenced to a punishment in the form of restriction of liberty: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 31, 2010 No. 198.
6. On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by correctional centers to prevent crimes, violations of the procedure and conditions for serving forced labor and to obtain the necessary information about the behavior of persons sentenced to forced labor: Resolution of the Government of the Russian Federation of June 4, 2012, No. 553.
7. Epifanov S.S. Scientific and technical support for law enforcement activities in the penal system (interdisciplinary study of legal, organizational and methodological aspects): monograph. – Ryazan: Concept Publishing House, 2018. – 288 p.
8. Epifanov S.S., Vechkaev N.S. Some Ways to Solve the Problem of Improving the Legal and Methodological Support for the Use of Technical Means by Operational Staff of Correctional Institutions // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 6 (186). P. 132-135.
9. Epifanov S.S., Vechkaev N.S. Development and Improvement of Legal Support for the Use of Technical Means by Operational Staff of Correctional Institutions // Agrarian and Land Law. 2019. No. 12 (180). P. 152-154
10. Vechkaev N.S. Status and Prospects for Improving the Legal Regulation of the Use of Technical Means by Operational Staff of Correctional Institutions // The Criminal-Executive System at the Current Stage and the Prospects of Its Development: Coll. abstracts and presentations of the International scientific and practical conference / in 6 volumes, 2020. Pp. 29-33.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_524

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТ. 165 УПК РФ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ON THE APPLICATION OF ARTICLE 165 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

ВЛАСОВА Светлана Владимировна,

Профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России.

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru;

СААКЯН Артем Григорьевич,

Заместитель начальника кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России.

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: artem111787@mail.ru;

VLASOVA Svetlana Vladimirovna,

Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law,
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.

E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

SAAKYAN Artem Grigorievich,

Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation, Candidate of Law, Associate Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

E-mail: artem111787@mail.ru

Краткая аннотация: Статья 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) регулирует судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, таких как неприкосновенность жилища, частная собственность и тайна переписки. В этой статье мы рассмотрим практику применения положений статьи 165 УПК РФ судами Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Abstract: Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) regulates the judicial procedure for obtaining permission to carry out investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens, such as the inviolability of the home, private property and privacy of correspondence. In this article, we will consider the practice of applying the provisions of Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the courts of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region.

Ключевые слова: обыск, судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий, обыск в жилище.

Keywords: search, judicial procedure for obtaining permission to carry out investigative actions, search of a home.

Для цитирования: Власова С.В., Саакян А.Г. К вопросу о применении ст. 165 УПК РФ: вопросы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 524-527. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_524.

For citation: Vlasova S.V., Saakyan A.G. On the application of Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: theoretical and practical issues // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 524-527. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_524.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Судебный контроль за законностью производства обыска в жилище представляет собой сложную систему процессуальных гарантий, направленных на обеспечение баланса между необходимостью проведения следственных действий и защитой конституционных прав граждан. В последние годы этот вопрос приобрел особую актуальность в связи с развитием уголовно-процессуального законодательства и усилением требований к соблюдению прав человека.

В современном российском уголовно-процессуальном праве обыск в жилище может быть произведен только на основании судебного решения, что является важнейшим механизмом предотвращения необоснованных вторжений в частную жизнь (УПК РФ, ст. 165). Такой подход соответствует международным стандартам защиты прав человека и подчеркивает необходимость строгого соблюдения процессуальных норм при проведении следственных действий.

Анализируя теоретические аспекты судебного контроля над производством обыска, можно отметить, что это явление тесно связано с концепцией неприкосновенности жилища и права на частную жизнь. Основные задачи обыска заключаются в обнаружении и изъятии материальных доказательств, запрещенных предметов или документов, имеющих значение для уголовного дела. При этом законодательство устанавливает четкие критерии для определения достаточных оснований производства обыска: они должны включать фактические данные о потенциальном наличии объектов интереса для расследования [1, с.115-119].

Важной составляющей судебного контроля является предварительный контроль — получение судебной санкции перед проведением

обыска. Это позволяет исключить случаи необоснованных вторжений в жилище граждан (ст. 165 УПК РФ). Однако существуют исключительные ситуации, когда отлагательство может привести к уничтожению доказательств или другим негативным последствиям; в таких случаях обыск может быть проведен без предварительного разрешения на основании постановления следователя или дознавателя (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) [2, с.57].

Статья 165 УПК РФ требует от следователей или дознавателей получить судебное разрешение на проведение определенных следственных действий, если они не терпят отлагательства [3]. Однако в исключительных случаях эти действия могут быть произведены без предварительного решения, но с последующей проверкой их законности в течение трех суток. Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2024 года, судами Нижегородской области было рассмотрено:

- 751 ходатайство о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 732 (97,5%), отказано в удовлетворении – 14 (1,9%), по 5 ходатайствам (0,6%) производство прекращено, либо ходатайство было отозвано, возвращено, передано по подсудности.

- 4330 ходатайств о производстве обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 4 090 (94,5%), отказано в удовлетворении – 54 (1,2%), по 186 ходатайствам (4,3%) производство прекращено, либо ходатайство было отозвано, возвращено, передано по подсудности.

- 23 ходатайства о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи (п. 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 23 (100%). В апелляционном порядке указанные постановления не обжаловались.

- 21 ходатайство о производстве обыска, осмотра и выемка в отношении адвоката в соотв. со ст. 450.1 УПК РФ (п.5.2. ч.2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 21 (100%). В апелляционном порядке указанные постановления не обжаловались.

- 8 ходатайств о производстве личного обыска (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 5 (62,5%), отказано в удовлетворении – 1 (12,5%), по 2 (25%) производство прекращено, либо ходатайство было отозвано, возвращено, передано по подсудности. В апелляционном порядке обжаловано 1 постановление, которое оставлено без изменения.

- 1736 ходатайств о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 1 684 (97%), отказано в удовлетворении – 9 (0,5%), по 43 (2,5%) производство прекращено, либо ходатайство отозвано, возвращено, передано по подсудности. В апелляционном порядке постановления не обжаловались.

- 2150 ходатайств о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну (п.7 ч.2 ст.29 УПК РФ), из них удовлетворено 2 112 (98,2%), отказано в удовлетворении – 11 (0,5%), по 27 (1,3%) производство прекращено, либо ходатайство было отозвано, возвращено, передано по подсудности. В апелляционном порядке указанные постановления не обжаловались.

- 262 о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи (п. 8 ч.2 ст. 29 УПК РФ), из них удовлетворено 262 (100%). В апелляционном порядке указанные постановления не обжаловались.

По данным ГАС «Правосудие», в апелляционном порядке было обжаловано 23 постановления о производстве обыска в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), из них 18- оставлено без изменений, 4 постановления отменены с направлением судебного материала на новое рассмотрение, по 1 производство прекращено.

Анализ практики применения норм об обычном порядке выявляет проблемы теории и практики реализации последующего контроля за неотложными действиями. Эти проблемы часто связаны с отсутствием специальной регламентации некоторых аспектов процесса, что требует дальнейшего совершенствования законодательства.

В ходе проведенного анализа судебных решений было установлено, что причинами отмены постановлений о производстве обыска в жилище явились:

1. Несоответствие выводов суда исследованным в судебном заседании доказательствам.

Ярким тому пример, когда постановлением Московского районного суда г. Н. Новгорода от 03.11.2020 года удовлетворено ходатайство следователя о разрешении производства обыска в жилище Б.В.В. Отменяя указанное постановление, суд апелляционной инстанции отметил, что судом первой инстанции не было установлено наличия соответствующих оснований для производства обыска по указанному в постановлении адресу, поскольку документов, подтверждающих принадлежность Б.В.В. имущества, находящегося по данному адресу, суду органами предварительного следствия не представлено [4].

2. Существенное нарушение норм уголовно-процессуального права.

Так, постановлением Приокского районного суда города Нижнего Новгорода от 14.05.2021 года признано законным производство обыска в жилище К.И.А. Отменяя указанное постановление, суд апелляционной инстанции отметил, что в материале отсутствуют данные о том, что подозреваемый К.И.А. и его защитник адвокат О.Л.С. извещались о дате, месте и времени судебного заседания, как на 12.05.2021 года, так и на 14.05.2021 года, при этом, из протокола судебного заседания следует, что законность проведенного обыска судом проверена без их участия [5].

Другой наглядный пример, когда постановлением Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 10.09.2021 года признано законным производство обыска в жилище М.И.А. Отменяя указанное постановление, суд апелляционной инстанции отметил, что в материалах, представленных в суд, не имеется сведений о разъяснении М.И.А. его права заявить ходатайство об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, следователем не предприняты меры для обеспечения возможности осуществления М.И.А. указанного права,

не указан суд, в котором проведено судебное заседание. Данные обстоятельства судом не выяснялись и не проверялись. Таким образом, при рассмотрении судом первой инстанции материала о производстве обыска в жилище в порядке части 5 статьи 165 УПК РФ существенно нарушено право обвиняемого и заинтересованного лица на доступ к правосудию, выраженное в отсутствии реальной возможности участвовать в судебном заседании при рассмотрении вопроса о законности производства обыска в жилище, то есть в отсутствии возможности реализовать свои процессуальные права [6].

Адвокат в уголовном процессе играет ключевую роль в обеспечении прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Как участник уголовного процесса, адвокат относится к отдельной категории лиц, обладающих специальными полномочиями и обязанностями. Доклад посвящен анализу статуса адвоката в уголовном процессе и его роли в защите прав граждан.

Обыск у адвоката является одним из наиболее деликатных вопросов в уголовном судопроизводстве, поскольку он предполагает баланс между необходимостью расследования преступлений и защитой прав адвокатов, включая сохранение конфиденциальности отношений с клиентами. Конституционный Суд России сыграл значительную роль в формировании подхода к защите прав адвокатов во время следственных действий. Определением от 2005 года КС подтвердил запрет на проведение обыска без судебного решения [7]. Проведение обыска у адвоката представляет собой сложную задачу балансирования интересов государства по раскрытию преступлений с необходимостью защиты профессиональной тайны юристов. Несмотря на существующие законодательные нормы, направленные на обеспечение этих гарантий, практические нарушения остаются актуальной проблемой современного российского уголовного процесса.

1. 28.07.2021 года возбуждено уголовное дело в отношении лица, имеющего статус адвоката – А.М.С. по ч. 4 ст. 159.5 УК РФ – по факту получения, путем обмана, страховых возмещений за повреждение автомобилей в инсценированных дорожно-транспортных происшествиях.

Постановлениями Московского районного суда г. Н. Новгорода от 28.07.2021 года удовлетворены два ходатайства следователя о производстве обыска, соответственно - в жилище и на рабочем месте А.М.С., с целью обнаружения и изъятия предметов и документов, в том числе, электронных носителей, на которых может находиться информация, связанная с инсценированными дорожно-транспортными происшествиями, а также проектов процессуальных документов, предоставляемых в судебные инстанции и ценностей, на которые может быть наложен арест.

2. 16.08.2021 года возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ в отношении лиц, имеющих статус адвоката – М.И.В. и М. Л.Л.

Постановлениями Московского районного суда г. Н. Новгорода от 16.08.2021 года удовлетворены восемь ходатайств следователя о производстве обыска, в жилище (по месту регистрации и по месту жительства), и на рабочем месте (в дополнительном офисе адвокатской конторы Ленинского района г. Н. Новгорода) М.И.В. и М.Л.Л., с целью отыскания и изъятия предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, как на бумажных, так и на электронных носителях информации, на которых может находиться информация, связанная с преступной деятельностью М.И.В. и М.Л.Л., а также предметов и ценностей, на которые может быть наложен арест по уголовному делу.

3. 14.10.2021 года возбуждено уголовное дело, в том числе, в отношении имеющего статус адвоката – П.А.В. по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ - передача взятки неустановленным должностным лицам следственных органов и органов судебной системы Нижегородской области за совершение заведомо незаконных действий, связанных с изменением меры пресечения и вынесением судом приговора с минимальным сроком наказания в отношении А.Л.В.

Постановлениями Московского районного суда г. Н. Новгорода от 15.10.2021 года удовлетворены два ходатайства следователя о производстве обыска, соответственно - в жилище и на рабочем месте П.А.В., с целью обнаружения и изъятия документов, связанных с оказанием адвокатских услуг А.Л.В., процессуальных документов по данному головному делу, записей, предъявляемых П.А.В. А.Л.В. в СИЗО и содержащих сведения об условиях передачи взятки, денежных средств, полученных преступным путем.

4. 15.11.2021 года возбуждено уголовное дело, в том числе, в отношении имеющего статус адвоката – Г.Р.М. по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ – по факту организации Гулиевым Р.М. совершения директором ФГБУ «ЦЛАТИ по ПФО» Ч.А.Ю. превышения должностных полномочий, путем обеспечения заключения гражданско-правового договора ООО «НИТЭК» не с ФГБУ «ЦЛАТИ по ПФО», а с ООО «НПК», аффилированного Г.Р.Ф.

Постановлениями Московского районного суда г. Н. Новгорода от 15.11.2021 года удовлетворено пять ходатайств следователя о производстве обыска, соответственно - в жилище, в двух автомобилях, а также в офисах юридических и физических лиц, аффилированных Г.Р.М., с целью обнаружения и изъятия документов и рукописных записей, связанных с коммерческой деятельностью аффилированных Г.Р.М. юридических и физических лиц, денежных средств, полученных преступным путем, электронных носителей информации, на которых содержится информация, имеющая значение по уголовному делу.

5. Постановлением Вачского районного суда Нижегородской области от 11 февраля 2021 года разрешено производство обыска в жилище и надворных постройках подозреваемой А.Н.А., имеющей статус адвоката, а также по адресу её регистрации.

Как следует из указанных постановлений, все вынесенные судами судебные решения о производстве обысков в отношении адвокатов соответствуют требованиям ст. 450.1 УПК РФ: при принятии решений о производстве обыска в отношении адвокатов судом были установлены факты возбуждения в отношении адвокатов уголовных дел; в постановлениях о разрешении производства обысков в отношении адвокатов приведены данные, служащие основанием для производства указанных следственных действий, а также конкретные отыскиваемые объекты.

Несмотря на общую эффективность применения ст. 165 УПК РФ существуют проблемы:

Задержки в уведомлении: иногда возникают задержки со стороны следствия при уведомлении прокурора и судьи о проведенных действиях без предварительного разрешения.

Ограниченное участие общественности: хотя формально права заинтересованных лиц на участие обеспечиваются, иногда возникает

ощущение недостаточной прозрачности процессуальных решений для широкой общественности.

Перспективным направлением развития является дальнейшее совершенствование механизмов контроля за соблюдением прав человека при проведении следственных действий.

Практика применения положений ст. 165 УПК РФ в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области демонстрирует стремление к соблюдению баланса между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и защитой конституционных прав граждан России. Таким образом, система судебного контроля над производством обыска является ключевым элементом обеспечения баланса между потребностями правоохранительных органов и защитой конституционных прав граждан. Необходимо продолжать совершенствовать нормативные положения об обычном порядке для повышения эффективности этого механизма как инструмента защиты личных свобод при одновременном укреплении возможностей правоохранительных органов по раскрытию преступлений.

В заключение следует отметить важность постоянной научной дискуссии вокруг проблематики производства следственных действий, ограничивающих основные конституционные права и свободы граждан как части более широкого контекста развития уголовно-процессуального права России, а также необходимости дальнейшего изучения опыта зарубежных стран для улучшения национальной системы правового регулирования этой области деятельности.

Список литературы:

1. Пилипенко И.Д. Актуальные вопросы тактики проведения обыска // Инновационные исследования: опыт, проблемы внедрения результатов и пути решения : сборник статей Международной научно-практической конференции. Том Часть 2. Уфа, 2023. С.115-119.
2. Бедняков И.Л. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения : дисс. ...канд. юрид. наук. Самара, 2009. С.57.
3. <https://rulaws.ru/upk-rf/CHAST-VTORAYA/Razdel-VIII/Glava-22/Statya-165/>
4. Апелляционное постановление от 20 января 2021 года №22-336/2021 // Нижегородский областной суд.
5. Апелляционное постановление от 01.07.2021 года №22-3946/2021// Нижегородский областной суд.
6. Апелляционное постановление от 28.10.2021 года 22-6372/2021// Нижегородский областной суд.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 N 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [https:// legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08112005-n-439-o-po/](https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08112005-n-439-o-po/)

References:

1. Pilipenko I.D. Actual issues of search tactics // Innovative research: experience, problems of results implementation and solutions : collection of articles of the International scientific and practical Conference. Volume Part 2. Ufa, 2023. pp.115-119.
2. Bednyakov I.L. Search: problems of effectiveness and evidentiary value : diss. ...kand. jurid. sciences'. Samara, 2009. p. 57.
3. [https://rulaws.ru/upk-rf/CHAST-VTORAYA/Razdel-VIII/Glava-22/Statya-165 /](https://rulaws.ru/upk-rf/CHAST-VTORAYA/Razdel-VIII/Glava-22/Statya-165/) 4. Appeal Resolution No. 22-336/2021 dated January 20, 2021 // Nizhny Novgorod Regional Court.
5. Appeal resolution dated 07/01/2021 no.22-3946/2021// Nizhny Novgorod Regional Court.
6. The appeal decision of 28.10.2021 22-6372/2021// Nizhny Novgorod Regional Court.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/08/2005 N 439-O "On the complaint of citizens S.V. Borodin, V.N. Burobin, A.V. Bykovsky and others on the violation of their constitutional rights by Articles 7, 29, 182 and 183 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // [https:// legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08112005-n-439-o-po/](https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08112005-n-439-o-po/)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ OPERATIONAL INVESTIGATIVE CRIME PREVENTION AS A PRIVATE THEORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,

главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А, стр. 1.

E-mail: v.omelin@mail.ru;

TARASOV Максим Юрьевич,

профессор кафедры надзорной деятельности

Академии государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук.

129366, Россия, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4, стр. 2.

OMELIN Victor Nikolaevich,

Chief research scientist of the Scientific research institute

of the Federal service for execution of punishment of Russia Doctor of law, Professor.

15A Narva St., building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: v.omelin@mail.ru;

TARASOV Maxim Yurievich,

Professor of the Department of Supervision of the Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia.

Boris Galushkin str., 4, building 2, Moscow, 129366, Russia.

E-mail: tarasov0123@qmail.com

Краткая аннотация: в статье проведен анализ отдельных аспектов оперативно-розыскной профилактики преступлений как частной теории оперативно-розыскной деятельности. Авторы формулируют понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений, анализируют объект и предмет данной частной теории, констатируют, что рассмотренные вопросы ориентируют исследователей на дальнейшее развитие и совершенствование организации и тактики оперативно-розыскной профилактики преступлений.

Abstract: the article analyzes certain aspects of operational investigative crime prevention as a private theory of operational investigative activities. The authors formulate the concept of operational investigative crime prevention, analyze the object and subject of this particular theory, and state that the issues considered guide researchers to further develop and improve the organization and tactics of operational investigative crime prevention.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное предупреждение преступлений, оперативно-розыскная профилактика преступлений, объект и предмет частной теории оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: operational investigative activity, operational investigative crime prevention, operational investigative crime prevention, object and subject of a private theory of operational investigative activity.

Для цитирования: Омелин В.Н., Тарасов М.Ю. Оперативно-розыскная профилактика преступлений как частная теория оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 528-530. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_528.

For citation: Omelin V.N., Tarasov M.Yu. Operational investigative crime prevention as a private theory of operational investigative activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 528-530. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_528.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Вследствие больших потенциальных возможностей в решении задач оперативно-розыскной деятельности предупреждение преступлений выделилось в самостоятельную задачу и нашло свое нормативно-правовое закрепление на законодательном (ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту – Закон об ОРД) и ведомственном нормативном правовом уровне.

Значительный вклад в разработку концептуальных положений о профилактической функции органов охраны общественного порядка внес А.Г. Лекарь, который в 1967 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка (исследование правовых, организационных и тактических основ деятельности органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений» [2] и другие ученые [3, 4, 5].

Определяясь с терминологическим содержанием рассматриваемой проблематики, отметим, что в юридической литературе можно встретить понятие «оперативно-розыскная профилактика преступлений», «оперативно-розыскное предупреждение преступлений». Анализ соответствующих определений, свидетельствует об отсутствии единства их определения. Полагаем, что термины предупреждение и профилактика преступлений, по сути, тождественны, поэтому могут использоваться как синонимы и не будет принципиальной ошибки, если заменить одно другим.

В специальной литературе нет единого подхода к определению понятия «оперативно-розыскная профилактика преступлений». Наша позиция заключается в следующем: оперативно-розыскная профилактика преступлений представляет собой систему оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых гласно и негласно сотрудниками оперативно-розыскных органов посредством выявления и предотвращения замыслаемых и подготавливаемых преступлений, выявления и установления лиц, их замышляющих, подготавливающих, с целью осуществления за ними оперативного контроля, оказания позитивного корректирующего воздействия, а также использования негласной информации в общепрофилактической работе.

В настоящее время оперативно-розыскная профилактика преступлений рассматривается специалистами в качестве самостоятельной частной теории оперативно-розыскной деятельности [1, С. 529-542]. Полагаем, что данная теория является системой научно обоснованных положений, раскрывающих сущность оперативно-розыскной профилактики преступлений, совокупность факторов, обеспечивающих возможность

успешного оперативно-розыскного предупреждения преступлений, формы и методы предупреждения преступлений с использованием негласных возможностей, правовое его регулирование, организацию оперативно-розыскной деятельности по данному направлению.

Полагаем, что формирование данной частной теории обусловлено объективными предпосылками, к числу которых относятся:

наличие практической потребности в научных разработках проблем применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в профилактике (предупреждении) преступлений;

наличие законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы предупреждений преступлений и соответственно требующих должного теоретического обеспечения по данному направлению;

необходимость дальнейшей разработки новых научно обоснованных подходов к повышению эффективности оперативно-розыскного предупреждения преступлений за счет использования возможностей иных отраслей знаний (юридической психологии), информационных технологий и др.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что среди ученых нет единого мнения об основных направлениях профилактической деятельности оперативно-розыскных органов. Если обобщить точки зрения ученых, то отдельные авторы выделяют:

общую профилактику, представляющую собой целенаправленную деятельность оперативных подразделений выявлению и принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений;

индивидуальную профилактику, представляющую собой комплекс мер по выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, постановку их на профилактический учет и оказанию на них либо на окружающую их среду позитивного воздействия с целью недопущения совершения преступления и изменения поведения личности от антиобщественного к законопослушному;

предотвращение преступлений, т.е. комплекс мер, направленных на недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений, с целью склонить лиц к добровольному отказу от приискания, изготовления или приспособления средств совершения преступлений, приискания соучастников, сговора на совершение преступления либо иного умышленного создания условий для их совершения;

пресечение покушений на преступления, т.е. комплекс мер, имеющих цель остановить умышленные действия (бездействие) лица (лиц), непосредственно направленных на совершение преступления.

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что, по нашему мнению, предотвращение преступлений - недопущение замышляемого или подготавливаемого лицом уголовно-наказуемого деяния, склонение к добровольному отказу от его совершения является - одним из составных элементов индивидуального предупреждения преступлений. На индивидуальном уровне «ранняя» оперативно-розыскная профилактика возможна, если лицо замышляет какое-либо преступление либо подготавливает его совершение, при условии, что в содеянном нет признаков состава преступления (согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность за приготовление наступает только к тяжкому и особо тяжкому преступлению).

Что касается пресечения преступлений, то это относительно самостоятельная задача оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 Закона об ОРД). Пресечение преступлений выходит за рамки их предупреждения, поскольку представляет собой осуществление специальных мер, направленных на лишение лица реальной возможности завершить начатое преступление, довести его до конца, не допустить общественно опасных последствий. На практике пресечение и раскрытие замаскированных преступлений осуществляется в ходе оперативной разработки.

Одно из центральных мест в теории оперативно-розыскной профилактики преступлений занимает проблема определения ее объекта и предмета. Объект в самом общем, философском смысле слова – это то, что противостоит субъекту, как источнику активности, то, на что направлена активность субъекта [6, С. 385]. Объект научного изучения отличается от предмета науки. Один и тот же объект может изучаться разными науками, причем каждая наука изучает данный объект с позиций своих особых предмета и метода.

Анализ мнений специалистов об объекте теории оперативно-розыскной деятельности и ее связи с предупреждением преступлений дает основания полагать, что объектом теории оперативно-розыскной профилактики преступлений является:

деятельность лиц, замышляющих (имеющих намерение) совершение преступлений, осуществляющих приготовление к преступлению;

деятельность лиц, склонных к совершению преступлений и иных правонарушений или негативно влияющих на других лиц;

причины и условия, способствующие совершению преступлений, которые обнаруживаются и фиксируются оперативно-розыскным путем;

практика применения оперативно-розыскных сил средств и методов в предупреждении преступлений.

Оперативно-розыскная профилактика преступлений является составной частью общегосударственной системы предупреждения преступлений. Вместе с тем следует констатировать, что объекты криминологического и оперативно-розыскного учений о предупреждении преступлений не тождественны. Объектом криминологической теории предупреждения преступности является совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе предупреждения преступлений, путем разработки и осуществления мероприятий экономического, социального, правового, организационно-управленческого характера с целью повышения эффективности предупреждения криминальных посягательств.

Применительно к отдельным оперативно-розыскным органам объекты теории оперативно-розыскной профилактики могут уточняться. Так, согласно ст. 84 УИК РФ задачей оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях является выявление, предупреждение и раскрытие *готовящихся* и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и *нарушений установленного порядка отбывания наказания*. В развитие данной нормы Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. N 72 (ред. от 09.08.2023), установлено, что деятельность сотрудников учреждений УИС по *предотвращению правонарушений* связана с выявлением лиц, *имеющих намерение совершить правонарушение*, и принятием к ним мер превентивного характера с целью недопущения реализации этих намерений *(на стадии обнаружения умысла)* (п.4) курсив авторов).

Из содержания данных предписаний, следует, что в общепрофилактической работе в исправительных учреждениях особого внимания

требуют выявление и нейтрализация причин и условий, прежде всего, злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (ст. 116 УИК РФ), являющихся непосредственными криминогенными факторами пенитенциарных преступлений. Кроме этого, Инструкция обоснованно ориентирует сотрудников уголовно-исполнительной системы на возможно более раннюю профилактику пенитенциарных правонарушений на стадии обнаружения умысла.

Вернемся непосредственно к предмету теории оперативно-розыскной профилактики преступлений. Исходным для определения данного предмета должно быть определение предмета самой оперативно-розыскной науки. Любая частная оперативно-розыскная теория является подсистемой общей теории оперативно-розыскной деятельности. И поэтому ее предмет – это элемент, часть, сторона предмета оперативно-розыскной науки.

На современном этапе развития теории оперативно-розыскной деятельности, по мнению авторов учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» под редакцией К.К. Горяинова и В.С. Овчинского, предметом общей теории оперативно-розыскной деятельности являются: закономерности, раскрывающие познавательную сущность теории ОРД; причинно-следственные связи механизма образования криминалистически значимой информации; закономерности возникновения общественных отношений, связанных с применением оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью и обеспечения безопасности; практика применения организационных форм, методики, тактики и технических средств ОРД в борьбе с преступностью и обеспечения безопасности [1, С. 108-116].

В свете данных исходных теоретических положений полагаем, что теория оперативно-розыскной профилактики преступлений, как подсистема общей теории ОРД, имеет собственный предмет, а именно: закономерности процесса организации оперативно-розыскной профилактики преступлений (общей, индивидуальной профилактики, пресечения замышляемых и подготавливаемых преступлений). Другими словами, теории оперативно-розыскной профилактики преступлений предстоит выявлять необходимые, повторяющиеся, устойчивые, действующие при определенных условиях связи явлений и процессов в области соприкосновения и взаимовлияния оперативно-розыскной деятельности и предупреждения преступлений. К их числу можно отнести следующие повторяющиеся, устойчивые связи:

между тайными способами действия преступников по подготовке и совершению преступлений и негласными методами и средствами их предупреждения и раскрытия;

результаты оперативно-розыскной профилактики преступлений оказываются тем выше, чем теснее гласные оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению преступлений сочетаются негласными оперативно-розыскными мероприятиями, основанными на использовании специальных сил, средств и методов;

эффективность оперативно-розыскной профилактики напрямую зависит от степени информированности оперативных подразделений о замышляемых, подготавливаемых преступлениях, их участниках, обстоятельствах, способствующих совершению преступлений. Эта информация должна быть обязательно оценена с точки зрения возможности ее использования в профилактических целях, а затем реализована в практической предупредительной деятельности оперативных подразделений.

Закономерности, определяющие содержание организационных форм, методов и тактических приемов оперативно-розыскной профилактики преступлений и иных правонарушений. К ним можно отнести следующие закономерности:

расширение профилактической направленности оперативно-розыскной деятельности по мере гуманизации уголовной политики;

сбор, оценка и практическое использование оперативно-розыскной информации для решения задач общей и индивидуальной профилактики преступлений и иных правонарушений;

формирование оперативно-розыскной тактики предупреждения преступлений и иных правонарушений в связи с исходными положениями уголовного законодательства, психологическими и иными личностными особенностями лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, возможностями оперативно-розыскных сил, средств и методов;

обеспечение адекватности системы расстановки и использования оперативно-розыскных сил и средств при организации оперативного обслуживания территории, объектов и направлений оперативно-розыскной деятельности с целью предупреждения преступлений и иных правонарушений.

Таковы, по нашему мнению, основные аспекты объекта и предмета рассмотренной частной теории оперативно-розыскной деятельности, ориентирующие исследователей на дальнейшее развитие и совершенствование организации и тактики оперативно-розыскной профилактики преступлений.

Список литературы:

1. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 130.
2. Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка (исследование правовых, организационных и тактических основ деятельности органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1967.
3. Овчинский С.С. Проблемы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскных и профилактических мер борьбы с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД СССР. 1978.
4. Козаченко И.П. Правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскной профилактики: дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего функции автореферата. – М.: НИИ МВД России. 1991.
5. Галахов С.С. Основы предупреждения преступлений подразделениями криминальной милиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России. 2001.
6. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 385.

References:

1. Theory of operational investigative activity: textbook / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky. – 4th ed., revised Moscow: INFRA-M, 2018. P. 130.
2. Lekar A.G. Prevention of crimes by public order protection agencies (study of the legal, organizational and tactical foundations of the activities of public order protection agencies to prevent crimes): abstract of the dissertation ...Dr. Jurid. Sciences, Moscow, 1967.
3. Ovchinsky S.S. Problems of information and prognostic support for operational-investigative and preventive measures to combat crime: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. sciences'. Moscow : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1978.
4. Kozachenko I.P. Legal and organizational-tactical bases of operational-investigative prevention: dis. ...Dr. Jurid. sciences in the form of a scientific report that performs the functions of an abstract. – M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1991.
5. Galakhov S.S. Fundamentals of crime prevention by criminal police units: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. Sciences. – M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001.
6. Dictionary of philosophical terms / scientific ed. by V.G. Kuznetsov. Moscow: INFRA-M, 2005. p. 385.

**МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО (СТ. 291.2 УК РФ):
ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ
PETER BRIBERY (ART. 291.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION): ISSUES OF THE EFFECTIVENESS OF THE LEGAL NORMA**

АГАЕВ Гюлоглан Али оглы,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А.
E-mail: guloglanmvd@gmail.com;

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна,

преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.
e-mail: chigrineczv@mail.ru;

AGAYEV Guloglan Ali oglu,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Customs Investigations
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya St., 67, lit. A.
e-mail: guloglanmvd@gmail.com;

CHIGRINETZ Vladislava Sergeevna,

Lecturer at the Department of Public Law of the St. Petersburg University
State University of Aerospace Instrumentation
190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, lit. A
e-mail: chigrineczv@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые и практические аспекты состава мелкого взяточничества, предусмотренного ст.291.2 УК РФ. Обосновывается необходимость совершенствования рассматриваемой нормы, в частности, предлагается дальнейшая дифференциация уголовной ответственности и наказания за мелкое взяточничество при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 290 УК РФ.

Abstract. The article examines the theoretical, legal and practical aspects of the composition of petty bribery provided for in Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The need to improve the norm providing for liability for petty bribery is substantiated. In particular, further differentiation of criminal liability for petty bribery is proposed in the presence of qualifying features provided for in Articles 290, 291 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: коррупция, преступления коррупционной направленности, мелкое взяточничество, дифференциация уголовной ответственности, наказание.

Keywords: corruption, corruption-related crimes, petty bribery, differentiation of criminal liability.

Для цитирования: Агаев Г.А. оглы, Чигринетц В.С. Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): вопросы эффективности правовой нормы peter bribery // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 531-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_531.

For citation: Agaev G.A. oglu, Chigrinets V.S. Peter bribery (art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of the effectiveness of the legal norma // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 531-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_531.

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Коррупция представляет собой сложное и многоаспектное явление, которое оказывает разрушительное воздействие на различные области жизни как общества, так и государства. Стоит отметить, что она появилась одновременно с возникновением государственных структур и, вероятно, исчезнет лишь в момент их полного упадка.

В доктрине отмечается, что «коррупция развивается и существует по своим временным и национальным законам (имеется в виду не законодательство, а менталитет нации), и государство, провозглашая как лозунг борьбу с ней, заботится о том, чтобы она не исчезла, потому что использует коррупцию в интересах своего аппарата»¹. С мнением автора трудно согласиться, поскольку государство в лице Президента Российской Федерации², так и представители различных органов, ответственных за борьбу со взяточничеством³ занимают вполне понятную и недвусмысленную позицию – о необходимости слаженной и организованной работы, направленной на противодействие различным коррупционным проявлениям в обозначенной сфере.

Подтверждением является разработка правовых актов, содержащих нормы об участии граждан в предупреждении правонарушений, тем самым развивая идею общественного контроля за деятельностью органов власти, в соответствии с демократическими принципами правового государства. Значимым фактом можно назвать модификацию нормы о взяточничестве, что свидетельствует о направленности уголовной политики государства на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности. В частности, Федеральным законом от 03.07. 2016 № 324 – ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введены отдельные статьи 204.1, 204.2, 291,1 291.2,

¹ Кирпичников А. И. Российская коррупция / А. И. Кирпичников; А. И. Кирпичников; Ассоц. Юрид. центр. – 3-е изд., испр. и доп.. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 51.

² Путин призвал уделять серьезное внимание борьбе с коррупцией // Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/28/19852477.shtml>(дата обращения: 25.03.2025).

³ Генеральный прокурор Игорь Краснов - о новых способах борьбы с коррупцией // Российская газета URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korrupciej.html>(дата обращения: 25.03.2025).

предусматривающие ответственность за мелкое взяточничество, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности¹. Как нам представляется, введение уголовной ответственности за вышеперечисленные деяния обусловлены их высокой степенью общественной опасности и распространённостью. В свете сказанного, предметом нашего исследования является мелкое взяточничество, ответственность за которое предусмотрено ст. 291.2 УК РФ. Примечательно, что общественная опасность мелкого взяточничества находит свое отражение в преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 (ред. от 19.12.2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: взяточничество «посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует право сознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие»².

Объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспеченности нормального, установленного законом порядка функционирования конкретного государственного органа, органа местного самоуправления, а также деятельность должностного лица, которое участвовало в совершении преступления. При этом следует учитывать, что если в случае с получением взятки посягательство осуществляется как бы изнутри, то в случае с дачей, напротив, во вне деятельности указанного органа или его подразделения.

Кримообразующим признаком является предмет преступления. Данный предмет достаточно точно описан в диспозиции 290 УК РФ и его составляют: деньги, ценные бумаги, имущество, а также незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав, предоставления иных имущественных прав. Именно по данному признаку производится отграничение получения или дачи взятки от мелкого взяточничества. Последнее может быть квалифицировано только в случае, если предмет взятки составляет сумму менее 10 тысяч рублей.

Стоит напомнить, что в вышеуказанном постановлении отдельно определены такие понятия, как незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав, предоставления иных имущественных прав, связанных со взяточничеством. В соответствии с п. 9 анализируемого постановления, «переданное в качестве взятки имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку»³. Тем не менее, следует отметить, что в процессе определения стоимости некоторых объектов и услуг могут возникнуть трудности. Это связано с отсутствием четких и объективных критериев оценки. К примеру, личные неимущественные услуги, такие как сексуальные (интимные), не имеют фиксированной стоимости и не поддаются денежной оценке в контексте судебного разбирательства. Кроме того, следует учитывать, что услуги интимного характера не являются легальными и лицензируемыми, что также подразумевает отсутствие налогообложения и других законных аспектов. Это обстоятельство подчеркивает их нелегитимный статус и создает дополнительные сложности, поскольку отсутствует объективный критерий для определения их стоимости в качестве предмета взятки.

Здесь стоит добавить, что услуги, не подлежащие обычному обороту могут фактически использоваться в качестве вознаграждения за выполнение должностным лицом определенных служебных действий, и, при этом, не выражаться в денежном эквиваленте.

Объективная сторона мелкого взяточничества описана и закреплена в диспозиции ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. В соответствии с ней, общественно опасное деяние может реализовываться в двух формах, а именно – получение и дача взятки. То есть, как видим, законодатель в рамках единой диспозиции фактическим образом заключил одновременно несколько отдельно взятых составов, а именно дачу взятки (ст. 290 УК РФ), получение взятки (ст. 291 УК РФ). Момент окончания всех рассматриваемых общественно опасных деяний совпадает с моментом их совершения (получение взятки, ее дача). Также, добавим, что на квалификацию не влияет тот факт, наступили ли общественно-опасные последствия или нет. Состав преступления по конструкции – формальный.

За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.2 УК РФ предусмотрены различные виды наказания, такие как «штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до трех месяцев, либо исправительные работы на срок до одного года, либо ограничение свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года»⁴. Показательным в этом плане является приговор мирового судьи судебного участка № 330 от 8 июня 2017 года уголовное дело №1-17/ 2017 Бабушкинского района города Москвы в отношении Хакимова Ш. Так, «13.03.2014, в неустановленное следствие точное время, но не позднее 16 час. 40 мин., Хакимов Ш., находясь в помещении дежурной части отдела Министерства внутренних дел России по Бабушкинскому району г. Москвы действуя в интересах знакомого ему ***, задержанного ранее за нарушение режима пребывания в Российской Федерации, осознавая факт совершенного им (***) административного правонарушения и опасаясь привлечения его к административной ответственности, принял решение о даче взятки должностному лицу – начальнику дежурной части ОМВД России по району Бабушкинский г. Москвы капитану полиции *** в виде денег в размере 6000 рублей за совершение последним действий по сокрытию выявленного правонарушения и не составление протокола об административном правонарушении по ч. 3 ст. 18.8 КРФоАП»⁵.

Квалифицирующий признак, который находит свое отражение в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ, основывается на принципе ужесточения наказания и

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2016 г. N 27 (часть II) ст. 4257

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 05.02.2025).

³ Там же.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

⁵ Приговор мирового судьи судебного участка № 330 от 8 июня 2017 года уголовное дело №1-17/ 2017 Бабушкинского района города Москвы // [Электронный ресурс]: <https://advokat15ak.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5-291-2-%D1%83%D0%BA-%D1%80%D1%84-%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE/> (дата обращения: 03.05.2025).

ответственности в случаях, когда у виновного лица на момент совершения преступления имела непогашенная или не снятая судимость. «Судимость, таким образом, представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость, порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»¹. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ, «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости»².

При оценке выбора законодателя в отношении квалифицирующего признака мелкого взятничества, возникает возможность отметить, что в целом, мы согласны с направленностью данной позиции. В настоящее время проблема рецидивов преступлений, независимо от их вида, в России является крайне актуальной. На сегодняшний день практически каждое второе преступление, совершается лицом, которое уже имело опыт совершения противоправных действий, подлежащих уголовному наказанию и представляющих общественную опасность. К сожалению, официальных статистических данных относительно повторного совершения преступных посягательств в сфере взятничества, в том числе и мелкого взятничества, МВД России не представляет. Но будет правильно согласиться с Б.Е. Сидоровым и А.Е. Комиссаровым, которые отмечают, что «взятничество на сегодняшний день превратилось в систему, часто объединенную единым умыслом конкретных должностных лиц, реализующих свои преступные замыслы на постоянной основе. Даже после выявления и документирования фактов их преступной деятельности, назначения им справедливых наказания, они, либо продолжают свою преступную деятельность (в аффилированном виде), либо возвращаются к ней после отбытия наказания»³. В связи с вышеизложенным, необходимо подчеркнуть, что мы поддерживаем точку зрения законодателя, который регламентировал именно такой квалифицирующий признак для мелкого взятничества.

Санкционная часть правовой нормы за квалифицированный вид предусматривает альтернативные виды наказания, такие как «штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до одного года, либо исправительные работы на срок до трех лет, либо ограничение свободы на срок до четырех лет, либо лишение свободы на срок до трех лет»⁴.

С субъективной стороны мелкое взятничество характеризуется прямым умыслом. В качестве примера приведем следующий: «ФИО4 в дневное время, находясь по месту жительства, в доме, расположенном по адресу: <адрес>, достоверно зная о том, что выдача и продление листов нетрудоспособности осуществляется медицинским работником после фактического осмотра гражданина и записи данных о состоянии его здоровья в медицинской карте амбулаторного больного, обосновывающей необходимость временного освобождения от работы, порядок оформления которой предусматривает обязательное и фактическое присутствие пациента в целях соблюдения определенного порядка выдачи и внесения персональных данных с информацией о состоянии здоровья, жалобах и просьбах пациента, в целях последующего назначения врачом объективного и подходящего лечения конкретному пациенту, действуя умышленно, за денежное вознаграждение-взятки перевел денег на банковскую карту врачу терапевта ФИО2, тем самым совершил преступление, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ»⁵.

В доктрине существует точка зрения, что «субъектом коррупционного правонарушения, по общему правилу, является лицо, замещающее должность гражданской службы в соответствии со служебным контрактом. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что субъектом отдельных коррупционных правонарушений может быть не любой гражданский служащий, а только тот, на кого распространяется соответствующее антикоррупционное требование или запрет, за нарушение которого применяются установленные законодательством о государственной службе взыскания»⁶.

От себя добавим, что статус субъекта мелкого взятничества полностью совпадает с субъектом преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ и в доктрине в этой части иного мнения не содержится.

Исходя из примечания к ст. 291.2 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности за дачу мелкой взятки возможно при выполнении следующих обязательных условий: добровольного сообщения о совершенном преступлении и активного способствования раскрытию и (или) расследованию преступления, либо при наличии вымогательства⁷.

К сожалению, следует констатировать, что ст. 291.2 УК РФ при всей новизне и иных положительных моментах далека от совершенства и создает целый ряд проблем в доктрине и правоприменительной деятельности.

Во-первых, в ч. 1 ст. 291.2 УК РФ необоснованно соединена и уравнена ответственность за дачу и получение взятки¹. Несмотря на значительное сходство между рассматриваемыми преступлениями, каждое из них представляет собой отдельное уголовно наказуемое деяние. Факт этого подтверждается различиями в объективных признаках, особенностями субъектов преступления и отличиями в направленности умысла.

¹ч. 2 п. 1.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Сборник законодательства РФ, 07.04.2003, № 14, ст. 1302

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // Сборник законодательства Российской Федерации от 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

³ Сидоров Б.В., Комиссаров А.Е. Мелкое взятничество в системе уголовно-наказуемого взятничества и вопросы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за взятничество // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 170.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // Сборник законодательства Российской Федерации от 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

⁵ Приговор Осинниковского городского суда Кемеровской области. Дело №1-275/ 2023 от 09.09.2023г. // [Электронный ресурс]: https://osinnikovskiy-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=535086872&case_uid=7bacd7e2-4a2c-482e-8a3b-2b3aa1cf9d29&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 10.05.2025).

⁶ Коробченко В.В. Иванкина Т.В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения (В.В. Коробченко, Т.В. Иванкина, журнал "Актуальные проблемы российского права", N 7, июль 2016 г.) // [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/57246736/> (дата обращения: 05.02.2025).

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // Сборник законодательства Российской Федерации от 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

Ради справедливости отметим, что «в истории законодательства об ответственности за взяточничество были периоды, когда эти преступления объединялись в одной статье»². Однако действующий Уголовный кодекс разделяет ответственность за получение и дачу взятки, устанавливая их в отдельных друг от друга статьях. При этом, состав получения взятки оценивается как более опасное деяние, в отличие от состава дачи взятки. По этой причине объединение составов дачи и получения взятки с уравниванием мер ответственности за их совершение представляется непоследовательным, преждевременным законодательным решением, которое не учитывает традиции правового регулирования ответственности указанных деяний, в основе которых лежит дифференцированная оценка общественной опасности схожих, но отличающихся по юридическому содержанию составов преступлений.

Во-вторых, наименование ст. 291.2 УК РФ имеет определенную особенность, не соответствующую природе содеянного, как уголовно наказуемого деяния. В этой связи, в доктрине предлагается внести юридико-технические изменения в редакцию статьи³. Отмечается, что «традиционно использование в наименовании статьи слова «мелкое» указывает на невысокую общественную опасность противоправного поведения, отличающегося от такого же деяния, но не содержащего признака «мелкий». Например, хулиганство, как преступление, и мелкое хулиганство, как административное правонарушение»⁴.

С учетом этого различными авторами предлагается либо исключить из наименования статьи слово «мелкое», либо предусмотреть ответственность за мелкое взяточничество в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, либо предусмотреть ответственность за мелкое взяточничество в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в размере до двух с половиной тысячи рублей по аналогии с мелким хищением, а взятку в размере от двух с половиной до десяти тысяч рублей включить в качестве привилегированного состава в ст. ст. 290, 291 УК РФ⁵. На наш взгляд, решать данный вопрос через административно-правовые нормы точно нельзя. Аналогия с другими видами преступлений в данном случае, по нашему мнению, невозможна, причем, как с мелкой кражей, так и с хулиганством. Специфика взяточничества, ангажированность данного преступления в государственно значимую деятельность, особенности работы институтов, составляющих основу государственной власти, не позволяют соотносить никакие формы проявления взяточничества с иными видами преступлений. Снижение ответственности за взяточничество до уровня административного законодательства может привести к крайне негативным последствиям, в частности, разрастания, так называемого, мелкого сектора взяточничества. Административная ответственность не сможет должным образом пресечь подобные проявления противоправной активности взяточников, а напротив, только лишь детерминирует ее. Вместе с тем, внесение определенных юридико-технических коррективов в ст. 291.2 УК РФ необходимо по причинам, ранее описанным.

В-третьих, законодатель связывает признак мелкого взяточничества с общим понятием взяточничества и считает необходимым усиливать ответственность в случае повторного совершения данного преступления. Стоит отметить, что для других составов взяточничества подобные квалифицирующие признаки не установлены. По нашему мнению, единственным оправданием данной ситуации является тот факт, что ст. ст. 290, 291 УК РФ имеют различные квалифицирующие признаки, а случаи рецидива могут рассматриваться с учетом положений ст. 18 УК РФ.

В-четвертых, имеется ряд проблем, касающийся дифференциации уголовной ответственности и наказания за взяточничество в зависимости от размера предмета взятки. Известно, что до принятия законопроекта о мелком взяточничестве, деяние взяточполучателя безотягчающих признаков квалифицировалось по ч.1 ст. 290 УК РФ и наказывалось лишением свободы на срок до 3-х лет лишения свободы, а ныне — до 1 года. Полагается, что в условиях тотальной коррумпированности всех ветвей государственной власти вряд ли можно считать социально обусловленным и криминологически оправданным столь резкое понижение наказуемости за рассматриваемое деяние. Между прочим, в связи с нововведением, теперь положения ч. 2 ст. 14 УК РФ в полной мере могут применяться и к мелкому взяточничеству, и вероятный преступник без труда может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания.

В-пятых, правоприменительной проблемой является получение должностным лицом взятки от нескольких лиц, когда в отношении каждого взяточдателя совершается отдельное действие, что приводит к возникновению совокупности преступлений. Из буквального толкования следует, что совокупность преступлений имеет место, если «совершены два или более преступления, при этом одно из преступлений не является элементом другого; все преступления имеют юридические последствия; ни за одно из них лицо не было осуждено; совершенные преступления не рассматриваются как обстоятельство, увеличивающее наказание в соответствии с законом»⁶. На наш взгляд, основное различие между продолжающимся преступлением и совокупностью заключается в количестве лиц, предоставляющих взятку, то есть в объективном критерии. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда № 24 от 9 июля 2013 г., получение взяток от одного и того же человека в систематическом порядке, при условии, что эти действия были совершены с одним намерением, следует рассматривать как единое продолжаемое преступление. Однако, если взятка получена или передана от нескольких лиц за одно действие в общих интересах этих лиц, то это не рассматривается как совокупность преступлений. Если каждое лицо, давшее взятку, имеет дело с отдельным действием или бездействием со стороны должностного лица, то такие действия не могут быть рассмотрены как одно непрерывное преступление. В этом случае возникает совокупность преступлений. Поэтому, помимо учета объективных факторов преступления, необходимо также учитывать и субъективные факторы, такие как наличие умысла и его направленность.

¹ Коваль А. В. Дифференциация ответственности за взяточничество в Уголовном кодексе РФ: проблемы и перспективы // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). С. 47.

² Никонов П. В. Некоторые проблемы квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 67.

³ Гончаров Д. Ю., Зырянова, Ж. Е. Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Виктимология. 2016. № 4(10). С. 47.

⁴ Никонов П. В. Указ. Соч. С. 67.

⁵ Чулкина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд / Э. Ю. Чулкина // Экономика, социология и право. — 2016. — № 10. — С. 95. Никонов П. В. Некоторые проблемы квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 68.

⁶ Там же.

И наконец, к числу законотворческих изъянов нормы, стоит отнести отсутствие ответственности за совершение мелкого взяточничества с каким-либо квалифицирующим признаком, предусмотренным ст. ст. 290,291 УК РФ (за незаконные действия (бездействие), в составе группы, с вымогательством и т. д.). Не секрет, что включение норм об ответственности за мелкое взяточничество в действующий УК РФ было обусловлено стремлением законодателя усилить уголовную ответственность за коррупционные преступления, а фактически получилось в точности, наоборот. В целях преодоления этой проблемы, полагаем целесообразным криминализировать и ввести в диспозицию ст.291.2 УК РФ квалифицирующие признаки взяточничества и ужесточить наказание для нарушителя.

Несмотря на то, что в целом мы поддерживаем позицию законодателя относительно рассматриваемого преступления, можем сделать вывод о наличии целого ряда проблемных моментов в квалификации преступлений, связанных с мелким взяточничеством. В рамках исследования нами предложены конкретные меры по их разрешению. Полагаем, что принятие данных мер поспособствует усовершенствованию механизма уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным со взяточничеством в целом, а с мелким, в частности.

Список литературы:

1. Кирпичников А. И. Российская коррупция / А. И. Кирпичников; А. И. Кирпичников; Ассоц. Юрид. центр. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 51.
2. Путин призвал уделять серьезное внимание борьбе с коррупцией // Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/28/19852477.shtml> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Генеральный прокурор Игорь Краснов - о новых способах борьбы с коррупцией // Российская газета URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korrupciej.html> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2016 г. N 27 (часть II) ст. 4257
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 05.02.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 330 от 8 июня 2017 года уголовное дело №1-17/ 2017 Бабушкинского района города Москвы // [Электронный ресурс]: <https://advokat15ak.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5-291-2-%D1%83%D0%BA-%D1%80%D1%84-%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE/> (дата обращения: 03.05.2025).
8. ч. 2 п. 1.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ, 07.04.2003, № 14, ст. 1302
9. Сидоров Б.В., Комиссаров А.Е. Мелкое взяточничество в системе уголовно-наказуемого взяточничества и вопросы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за взяточничество // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. – С. 170-172.
10. Приговор Осинниковского городского суда Кемеровской области. Дело №1-275/ 2023 от 09.09.2023г. // [Электронный ресурс]: [https://osinnikovskiy-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=535086872&case_uid=7bacd7e2-4a2c-482e-8a3b-2b3aa1cf9d29&delo_id=1540006&new=](https://osinnikovskiy-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=535086872&case_uid=7bacd7e2-4a2c-482e-8a3b-2b3aa1cf9d29&delo_id=1540006&new=10.05.2025) (дата обращения: 10.05.2025).
11. Коробченко В.В. Иванкина Т.В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения (В.В. Коробченко, Т.В. Иванкина, журнал "Актуальные проблемы российского права", N 7, июль 2016 г.) // [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/57246736/> (дата обращения: 05.02.2025).
12. Коваль, А. В. Дифференциация ответственности за взяточничество в Уголовном кодексе РФ: проблемы и перспективы // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). – С. 43-49.
13. Никонов П.В. Некоторые проблемы квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. – С. 67-74.
14. Гончаров Д. Ю., Зырянова, Ж. Е. Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Викимология. 2016. № 4(10). – С. 46-50.
15. Чукина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд / Э. Ю. Чукина // Экономика, социология и право. – 2016. – № 10. – С. 95 – 100.

References:

1. Kirpichnikov A. I. Russian corruption / A. I. Kirpichnikov; A. I. Kirpichnikov; Assoc. Legal Center. – 3rd ed., ispr. and add.. Saint Petersburg : Yurid. center Press, 2004. p. 51.
2. Putin called for serious attention to be paid to the fight against corruption // Gazeta.<url> URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/28/19852477.shtml> (date of appeal: 03/25/2025).
3. Prosecutor General Igor Krasnov - on new ways to combat corruption // Rossiyskaya Gazeta URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korrupciej.html> (date of request: 03/25/2025).
4. Federal Law No. 324-FZ of July 3, 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 27 of July 4, 2016 (Part II) art. 4257
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/09/2013 N 24 (as amended on 12/24/2019) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" // [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (date of access: 02/05/2025).
6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 02.05.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation dated 17.06.1996, No. 25, art. 2954.
7. Verdict of the justice of the Peace of judicial district No. 330 dated June 8, 2017 criminal case No. 1-17/ 2017 Babushkinsky district of Moscow // [Electronic resource]: <https://advokat15ak.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5-291-2-%D1%83%D0%BA-%D1%80%D1%84-%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE/> (date of access: 05/03/2025).
8. Part 2, paragraph 1.2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/19/2003 No. 3-P "On the case of checking the constitutionality of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's criminal record, repeated and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1-8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 "On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945" in connection with the request of the Oostankino Intermunicipal (district) Court of Moscow and the complaints of a number of citizens" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 04/07/2003, No. 14, art. 1302
9. Sidorov B.V., Komissarov A.E. Petty bribery in the system of criminally punishable bribery and issues of further improvement of Russian criminal legislation providing for responsibility for bribery // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018. No. 4. pp. 170-172.
10. The verdict of the Osinnikovskiy city Court of the Kemerovo region. Case No. 1-275/ 2023 dated 09.09.2023 // [Electronic resource]: [https://osinnikovskiy-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=535086872&case_uid=7bacd7e2-4a2c-482e-8a3b-2b3aa1cf9d29&delo_id=1540006&new=](https://osinnikovskiy-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=535086872&case_uid=7bacd7e2-4a2c-482e-8a3b-2b3aa1cf9d29&delo_id=1540006&new=10.05.2025) (date of request: 10.05.2025).
11. Korobchenko V.V. Ivankina T.V. The legal nature of civil servants' liability for corruption offenses (V.V. Korobchenko, T.V. Ivankina, Journal of Actual Problems of Russian Law, No. 7, July 2016) // [Electronic resource]: <https://base.garant.ru/57246736/> (date of publication: 02/05/2025).
12. Koval, A.V. Differentiation of responsibility for bribery in the Criminal Code of the Russian Federation: problems and prospects // Legal science and law enforcement practice. 2017. No. 3(41), pp. 43-49.
13. Nikonov P.V. Some problems of qualification of petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Siberian Law Bulletin. 2018. No. 3. pp. 67-74.
14. Goncharov D. Yu., Zyryanova, Zh. E. Petty bribery as one of the manifestations of domestic corruption // Victimology. 2016. No. 4(10), pp. 46-50.
15. Chuklina E. Y. Allocation of criminal liability for petty bribery (art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): a critical view / E. Y. Chuklina // Economics, Sociology and Law, 2016, No. 10, pp. 95-100.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_536

УДК 343.8

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В УИС

SELECTED ASPECTS OF LEGISLATION ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CHILDREN WITH MENTAL DISORDERS IN THE PENAL SYSTEM

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна

педагог-психолог ГКУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Соборная, д.8.

E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru;

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,

educational psychologist of the State Educational Institution

of the Russian Academy of Sciences Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance.

Ryazan, Sobornaya Str. 8.

E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru;

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation

of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация: данная статья посвящена исследованию влияния психологии на правовую защиту детей с психическими расстройствами в УИС. В условиях растущего внимания к вопросам психического здоровья и правам детей, важно понимать, как психологические аспекты могут формировать и улучшать законодательные инициативы. Работа анализирует существующее законодательство, выявляет недостатки в его применении и предлагает рекомендации по улучшению правовой защиты детей с психическими расстройствами с учетом психологических факторов. Основное внимание уделяется интеграции психолого-социальных подходов в законодательные нормы и необходимость подготовки специалистов, работающих с этой уязвимой группой.

Abstract: this article is devoted to the study of the influence of psychology on the legal protection of children with mental disorders in the penal system. With increasing attention to mental health issues and children's rights, it is important to understand how psychological aspects can shape and improve legislative initiatives. The work analyzes the existing legislation, identifies shortcomings in its application and offers recommendations for improving the legal protection of children with mental disorders, taking into account psychological factors. The main focus is on the integration of psychological and social approaches into legislative norms and the need to train specialists working with this vulnerable group.

Ключевые слова: дискриминация, законодательство, право, психическое расстройство, психолого-социальные подходы, психолог, уголовно-исполнительная система.

Keywords: discrimination, legislation, law, mental disorder, psychological and social approaches, psychologist, penal system.

Для цитирования: Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Отдельные аспекты законодательства о защите прав детей с психическими расстройствами в УИС // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_536.

For citation: Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Selected aspects of legislation on the protection of the rights of children with mental disorders in the penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_536.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Правовая защита детей с психическими расстройствами представляет собой сложную задачу, требующую междисциплинарного подхода. Психические расстройства могут значительно влиять на жизнь ребенка, его развитие, обучение и социальное взаимодействие, в том числе участие в правонарушениях, и, как следствие, нахождение в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Важно, чтобы законодательство учитывало уникальные потребности этих детей и обеспечивало им защиту и поддержку.

Психология играет ключевую роль в понимании особенностей поведения и потребностей детей с психическими расстройствами. Знание психологических аспектов позволяет законодателям и практикам разрабатывать более эффективные меры защиты, которые не только соответствуют юридическим нормам, но и учитывают индивидуальные особенности каждого ребенка. Это включает в себя необходимость раннего вмешательства, создания поддерживающей среды и обучения специалистов. При нахождении такого ребенка в учреждениях уголовно-исполнительной системы, возможности работы специалистов несколько меняются с учетом постоянного нахождения детей на одной территории и исключения определенных влияющих факторов на их поведение. [1, с. 36]

Требуется обратить внимание на рассмотрение основных аспектов законодательства о защите прав детей с психическими расстройствами, анализе существующих проблем и недостатков, а также на предложении путей их решения с учетом психологических факторов. Важность междисциплинарного подхода в данной области становится очевидной: только совместными усилиями юристов, психологов и социальных работников можно создать эффективную систему защиты прав детей. Психические расстройства ребенка нередко препятствуют и ограничивают права и возможности, поскольку влияют непосредственно на развитие его психических процессов и свойств. Дети с данными отклонениями в развитии могут сталкиваться с трудностями в обучении, что ограничивает их право на доступ к качественному образованию. Это может быть связано с проблемами работы

когнитивных процессов (концентрации, переключаемости и др.), социальной адаптации или эмоциональной нестабильностью.

Затруднения могут распространиться и на взаимодействие с ровесниками и взрослыми, что ограничивает возможность участия в социальных и культурных мероприятиях, а также формирует изоляцию. К сожалению, проблемы возникают и с трудностями получения детьми необходимой медицинской помощи в связи с недостатком информации, стигматизации или отсутствия специализированных учреждений.

Сами несовершеннолетние с психическими расстройствами представляют из себя уязвимую категорию граждан к насилию и злоупотреблению, так как на них легче оказать негативный эффект. Ко всему прочему, такие дети часто сталкиваются со стигмой, что может привести к социальной изоляции, снижению самооценки и ухудшению психического состояния. Сама стигматизация может проявляться как в отношении со стороны сверстников, так и со стороны взрослых. Еще высока вероятность применения дискриминации в различных формах, раскрывающаяся с отказа доступа к образовательным учреждениям до негативного отношения со стороны медицинских работников. Это создает дополнительные барьеры для получения необходимых услуг и поддержки. [2, с.59]

Ориентируясь на данные проблемы, можно сказать, что важным аспектом деятельности учреждений УИС является оценка состояния детей с психическими расстройствами, которую должны проводить психологи. Психологическая экспертиза помогает определить степень нарушения, влияние на жизнь ребенка и необходимость в специализированной поддержке. Как раз через сделанные заключения может быть описана необходимость в получении правовых и социальных услуг, таких как специальное образование или медицинская помощь, в зависимости от состояния здоровья и требуемыми средствами для поддержания стабильности. Психолог вместе с заключением разрабатывает индивидуальные планы вмешательства, учитывающие уникальные потребности каждого ребенка, предоставляет эмоциональную поддержку детям и их семьям, помогая справиться с трудностями, связанными с психическими расстройствами. Это включает работу над самооценкой, социальными навыками и эмоциональным состоянием. Не стоит забывать о взаимодействии психолога с образовательными учреждениями, медицинскими организациями и социальными службами для обеспечения комплексной поддержки детей с психическими расстройствами.

Во время работы с данной категорией граждан требуется учитывать законодательную базу защиты их прав, регламентирующих и взаимодействие с конкретными организациями. К ним можно отнести:

1. Конвенцию о правах ребенка, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. Она является основополагающим документом, который защищает права детей, включая тех, кто страдает психическими расстройствами.
2. Декларация прав инвалидов и Конвенция о правах инвалидов подчеркивают необходимость обеспечения равных прав и возможностей для всех детей с инвалидностью, включая психические расстройства.
3. Рекомендации по защите прав детей с психическими расстройствами включают в себя необходимость интеграции таких детей в общество, доступ к образованию, медицинским услугам и социальной поддержке.
4. Рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по защите прав детей с психическими расстройствами.

К основным законам, регулирующим защиту прав детей с психическими расстройствами в нашем государстве, можно отнести:

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», определяющий основные права детей, включая право на медицинскую помощь и образование.
2. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», регулирующий вопросы диагностики и лечения психических расстройств, включая права пациентов и их семей.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», обеспечивающий доступ к инклюзивному образованию для детей с особыми потребностями.

Можно выделить несколько прав детей с психическими расстройствами:

1. Права на медицинскую помощь. Дети имеют право на доступ к качественным медицинским услугам, включая специализированную психиатрическую помощь.

Психотерапевтические услуги должны быть доступны детям и их семьям, включая индивидуальную и семейную терапию, а также групповые занятия. Это помогает детям развивать навыки управления эмоциями и преодоления трудностей. Важно, чтобы системы здравоохранения были адаптированы для обеспечения доступа к специализированным услугам для детей с психическими расстройствами. Это может включать создание детских психиатрических клиник, доступ к медикаментозному лечению и реабилитационным программам.

2. Право на образование. Дети с психическими расстройствами должны иметь возможность получать образование в инклюзивной среде.

3. Право на защиту от дискриминации. Законодательство должно защищать детей от любых форм дискриминации по признаку наличия психического расстройства.

Механизмы реализации прав ребенка с психическими расстройствами:

1. Создание специализированных учреждений и служб поддержки.
2. Обучение специалистов в области психического здоровья.
3. Разработка программ раннего вмешательства и поддержки семей.

Эти нормы помогают обеспечить защиту прав детей с психическими расстройствами, способствуя их интеграции в общество и обеспечению достойного качества жизни. [3, с. 315]

При рассмотрении практических аспектов реализации детей с психическими и невротическими отклонениями нельзя игнорировать право-

вые гарантии на получение ими образования. В большинстве стран существуют законы, которые гарантируют право на образование для всех детей, включая тех, кто имеет психические расстройства и отбывают различные виды уголовных наказаний. Также в рамках законодательства дети с психическими расстройствами имеют право на индивидуальные образовательные планы, которые разрабатываются в сотрудничестве с родителями, педагогами и специалистами. Эти планы учитывают уникальные потребности ребенка и определяют необходимые адаптации и услуги.

Когда анализируются инклюзивные программы, можно сказать, что они направлены на интеграцию детей с психическими расстройствами в обычные классы. Они предоставляют возможность детям учиться вместе с их сверстниками, что способствует социальной интеграции и снижению стигмы, способствует развитию социальных навыков, улучшению самооценки и академическим достижениям. Важным аспектом является наличие психологов и специальных педагогов, которые могут предоставлять необходимую помощь и сопровождение детям с особыми потребностями.

Создание программ координации между школами и медицинскими учреждениями позволяет обеспечить комплексный подход к лечению и поддержке детей. Например, регулярные встречи специалистов из обеих сфер могут помочь в разработке индивидуальных планов поддержки. Важно обучать педагогов основам работы с детьми с психическими расстройствами, чтобы они могли оказывать необходимую поддержку в образовательной среде. Это может включать тренинги по распознаванию симптомов, методам взаимодействия и созданию безопасной атмосферы в классе.

В успешных примерах реализации прав детей с психическими расстройствами важную роль играют междисциплинарные команды. Например, в Канаде существует практика создания команд, состоящих из педагогов, психологов и социальных работников, которые работают вместе для разработки индивидуальных планов поддержки для детей с особыми потребностями. Эти команды обеспечивают комплексный подход к обучению и реабилитации. [4] В Норвегии междисциплинарные команды активно сотрудничают с родителями и медицинскими учреждениями, что позволяет создавать комплексные программы поддержки для детей с психическими расстройствами. Это сотрудничество помогает улучшить качество услуг и повысить эффективность лечения. В некоторых странах, таких как Германия, существуют специальные курсы и программы подготовки для специалистов, работающих в междисциплинарных командах. Это обеспечивает высокий уровень компетентности специалистов и улучшает взаимодействие между различными областями.

В рамках профилактики правонарушений, а также внедрения передового опыта существуют программы и проекты, направленные на защиту прав детей с психическими расстройствами. Примером могут служить проект «Дети в центре» (Россия). Эта инициатива НКО направлена на поддержку детей с психическими расстройствами и их семей. Проект включает в себя обучение родителей методам поддержки и помощи своим детям, а также организацию групповой терапии и социальных мероприятий для детей. Это помогает создать поддерживающую среду и снижает стигму вокруг психических расстройств. Такие же программы существуют и в зарубежной практике. К ним можно отнести деятельность Фонда «Психическое здоровье» (Великобритания). Он реализует программы по повышению осведомленности о психическом здоровье среди молодежи. Они проводят тренинги для педагогов и родителей, а также организуют мероприятия для детей, направленные на развитие навыков управления эмоциями и стрессом; программа «Инклюзивное образование» (Индия). НКО «Свет надежды» работает над созданием инклюзивных образовательных программ для детей с психическими расстройствами в Индии. Они обучают учителей методам работы с такими детьми и создают адаптированные учебные материалы. Программа также включает в себя поддержку родителей и информирование общества о правах детей с особыми потребностями. [5]

Таким образом, успешные практики защиты прав детей с психическими расстройствами включают как законодательные инициативы, так и активную работу НКО, направленную на создание инклюзивной среды и поддержку семей. Междисциплинарные команды играют ключевую роль в реализации этих программ, обеспечивая комплексный подход к решению проблем детей с особыми потребностями.

С категорией подростков, отбывающих уголовные наказания и, имеющих психические отклонения, работа не прекращается даже после их освобождения [6]. И это не работа последних лет в рамках изменяющегося законодательства. Примером могут служить не только нормы законов и ведомственных нормативно-правовых актов, а даже методические рекомендации по организации помощи таким детям в рамках работы муниципальных психологических служб [7].

Для эффективности проводимой работы стоит рассмотреть предложения по улучшению правовой базы. Во-первых, необходимо провести уточнение норм действующего законодательства. Есть требование разработать более четкие и конкретные нормы, касающиеся прав детей с психическими расстройствами. Это поможет устранить неопределенности и противоречия в применении закона. Во-вторых, изучить вопросы создания специализированных программ и учреждений. Законодательство должно предусматривать создание специализированных учреждений и программ для оказания помощи детям с психическими расстройствами. Это обеспечит доступ к необходимым услугам и поддержке. В-третьих, обеспечить последовательную интеграцию прав детей с психическими расстройствами в общую систему защиты прав детей. Важно, чтобы права детей с психическими расстройствами были интегрированы в общие механизмы защиты прав детей, что позволит обеспечить более комплексный подход к их защите.

Законодательство должно учитывать психологические аспекты, такие как необходимость раннего вмешательства и поддержки, а также важность создания безопасной и поддерживающей среды для детей. Необходимо включить в законодательство обязательные требования по подготовке специалистов в области психического здоровья, чтобы они могли эффективно работать с детьми и их семьями. Важно создать законодательно закрепленные механизмы поддержки семей, воспитывающих детей с психическими расстройствами, включая доступ к консультациям, обучению и ресурсам.

В заключение, можно утверждать, что психология оказывает значительное влияние на правовую защиту детей с психическими расстройствами. Существующее законодательство требует доработки и адаптации с учетом психологических аспектов, чтобы обеспечить адекватную защиту и поддержку этой уязвимой социальной группы.

Необходимость интеграции психолого-социальных подходов в правовую практику становится все более актуальной. Это включает в себя не только уточнение норм законодательства, но и обучение специалистов, работающих с детьми, а также создание специализированных программ и учреждений.

Для достижения эффективной правовой защиты детей с психическими расстройствами необходимо учитывать их психологические потребности, что позволит не только улучшить качество жизни этих детей, но и способствовать их полноценной интеграции в общество.

Таким образом, для эффективной правовой защиты детей с психическими расстройствами необходимо устранить существующие недостатки в законодательстве, повысить осведомленность специалистов и общества, а также внедрить изменения, учитывающие психологические аспекты обеспечения их жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Проблемы развития подростка в современном мире//Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 35-39.
2. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Развитие эмоциональной сферы подростков как важного фактора формирования их личности субъектами воспитания//Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. № 24. С. 57-63.
3. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н., Ананьева Е.О. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних в исправительных учреждениях//Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 313-315.
4. Современные модели профилактики и коррекции трудностей в обучении в работе школьных служб поддержки в зарубежных странах // Современная зарубежная психология — 2022. Том 11. № 3 | PsyJournals.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/jmpf/archive/2022_n3/isaev_et_al (дата обращения: 01.02.2025).
5. Инклюзивное образование в Индии: достижения и вызовы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://begemot.ai/projects/1308181-inkluzivnoe-obrazovanie-v-indii-dostizhenia-i-vyzovy> (дата обращения: 01.02.2025).
6. Оленев М.Г. Международно-правовое регулирование особенностей обращения с наиболее уязвимыми категориями осужденных (женщинами и несовершеннолетними) // Правовое регулирование и организация защиты прав несовершеннолетних осужденных: Сборник материалов круглого стола, Москва, 29 октября 2021 года / ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. – Москва: Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний", 2021. С. 128-133.
7. Кречетникова А.В., Зинова Е.Ю. Организация помощи подросткам, отбывшим наказание и в рамках работы муниципальных служб [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://doimp.admmegion.ru/upload/iblock/c94/58_organizacija_pomoshhi_podrostkam_otbyvshim_naka.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

References:

1. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. Problems of adolescent development in the modern world//Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". 2019. No. 16. pp. 35-39.
2. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. The development of the emotional sphere of adolescents as an important factor in the formation of their personality by the subjects of education//Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". 2021. No. 24. pp. 57-63.
3. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N., Ananyeva E.O. Problems of resocialization of minors in correctional institutions//Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). pp. 313-315.
4. Modern models of prevention and correction of learning difficulties in the work of school support services in foreign countries // Modern foreign psychology — 2022. Volume 11. No. 3 | PsyJournals.ru [Electronic resource] – Access mode: https://psyjournals.ru/journals/jmpf/archive/2022_n3/isaev_et_al (date of access: 02/01/2025).
5. Inclusive education in India: achievements and challenges [Electronic resource] – Access mode: <https://begemot.ai/projects/1308181-inkluzivnoe-obrazovanie-v-indii-dostizhenia-i-vyzovy> (date of application: 02/01/2025).
6. Olenev M.G. International legal regulation of the treatment of the most vulnerable categories of convicts (women and minors) // Legal regulation and organization of the protection of the rights of juvenile convicts: A collection of materials from the round table, Moscow, October 29, 2021 / Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. - Moscow: Federal State Institution "Scientific and Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service", 2021. pp. 128-133.
7. Krechetnikova A.V., Zinova E.Y. Organization of assistance for teenagers who have served their sentences and as part of the work of municipal services [Electronic resource] – Access mode: https://doimp.admmegion.ru/upload/iblock/c94/58_organizacija_pomoshhi_podrostkam_otbyvshim_naka.pdf (date of request: 02/01/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_540

УДК 343.3/.7

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА THE CONCEPT AND MAIN FORMS OF MANIFESTATION OF INFORMATION TERRORISM

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».

364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32.

E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

AKHYADOV E.S.-M.,

Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security FGBOU VO "Chechen State University. A.A. Kadyrov".

32 Aslanbek Sheripov str., Grozny, Russia, 364024, Chechen Republic.

E-mail: Akhyadov1990@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Краткая аннотация. Автором показано, что всеобщий процесс информатизации и цифровизации неизбежно влечет за собой не только положительные, но и отрицательные последствия. Такие процессы способствуют развитию информационного терроризма, посягающего на безопасность государства. Автором сделан вывод о том, что информационный терроризм является одним из современных видов терроризма. Он представляет собой серьезную угрозу безопасности государства, поскольку способен оказывать массовое влияние на личность человека посредством распространения дезинформации с использованием современных цифровых технологий. Показано, что стремительному распространению информационного терроризма способствуют такие свойства сети Интернет как свободный доступ, анонимность, массовость аудитории, несовершенство законодательства и ограниченные фактические возможности для контроля и цензуры контента. При этом, современные цифровые технологии дают возможность террористическим организациям планировать преступления на высоком организационном уровне, синхронизировать и согласовывать действия, расширять возможности и привлекать сторонников. Автором выявлено, что информационный терроризм в современном мире – явление, постоянно и стремительно развивающееся и видоизменяющееся. В качестве вывода, автором подчеркнута необходимость усиления мер по борьбе с информационным терроризмом.

Abstract. The author shows that the general process of informatization and digitalization inevitably entails not only positive, but also negative consequences. Such processes contribute to the development of information terrorism, which encroaches on the security of the state. The author concludes that information terrorism is one of the modern types of terrorism. It poses a serious threat to the security of the state, as it is capable of exerting a massive influence on a person's personality through the spread of disinformation using modern digital technologies. It is shown that the rapid spread of information terrorism is facilitated by such features of the Internet as free access, anonymity, mass audience, imperfections of legislation and limited actual opportunities for control and censorship of content. At the same time, modern digital technologies enable terrorist organizations to plan crimes at a high organizational level, synchronize and coordinate actions, expand capabilities and attract supporters. The author reveals that information terrorism in the modern world is a phenomenon that is constantly and rapidly developing and changing. As a conclusion, the author emphasizes the need to strengthen measures to combat information terrorism.

Ключевые слова: информационный терроризм, кибертерроризм, кибератака, Интернет, цифровые технологии, вирусные атаки.**Keywords:** information terrorism, cyberterrorism, cyber-attack, Internet, digital technologies, virus attacks.

Для цитирования: Ахъядов Э.С.-М. Понятие и основные формы проявления информационного терроризма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 540-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_540.

For citation: Akhyadov E.S.-M. The concept and main forms of manifestation of information terrorism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 540-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_540.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

Всеобщий процесс информатизации и цифровизации неизбежно влечет за собой не только положительные, но и отрицательные последствия. В частности, такие процессы способствуют и развитию информационного терроризма, посягающего на безопасность государства.

Проблема информационного терроризма как одного из видов терроризма в целом, признается как на государственном, так и на международном уровне.

Между тем, сам термин «информационный терроризм» в российском законодательстве определен не достаточно четко.

На нормативном уровне определение этого понятия дано в Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Этот документ под информационным терроризмом понимает «использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях» [1].

Как указывает В. Е. Петрищев, информационный терроризм – это «действия, направленные на оказание управляющего воздействия на социальные группы лиц и органы власти, связанные с распространением информации, содержащей угрозы преследованием, расправой, убийствами, а также искажение объективной информации, способствующие нанесению ущерба международным отношениям, нагнетанию страха и напряженности в обществе» [10, с. 20].

По мнению Д. А. Ковлагиной, информационный терроризм – «использование сети Интернет или иной информационной локальной се-

ти, а также СМИ или иной информации как сведений независимо от формы их представления с целью негативного воздействия на органы власти и (или) население или достижения иных террористических целей (включая финансирование, обмен данными и др.)» [8, с. 182].

Согласно позиции Д. В. Фатхи, «информационный терроризм представляет собой четкое и целенаправленное воздействие на компьютерную информацию, системы, программы и данные, а также компьютерные сети, направленное не на физическое уничтожение людей и ликвидацию материальных ценностей, а на дестабилизацию общественного порядка, широкомасштабное нарушение работы коммуникационных сетей и систем, навязывание властным структурам своей воли» [11, с. 42].

По мнению И. М. Глотиной, «информационный терроризм является формой воздействия на личность, общество и государство посредством распространения информационных сообщений и с использованием современных информационно-коммуникационных технологий» [4, с. 133].

В целом, цель информационного терроризма заключается в таком влиянии на психику человека, при котором происходит формирование нужных преступнику мнений, а человек начинает действовать нужным преступнику образом.

Опасность информационного терроризма заключается в его масштабности, организованности, финансовой обеспеченности [5].

Можно выделить следующие основные проявления информационного терроризма:

1) Психологическое проявление. Заключает в распространении дезинформации, запугивании, использование методов нейролингвистического программирования [7]. Может использоваться посредством манипуляции СМИ, в публикации соответствующие материалов в сети Интернет. Причем материалы могут содержать как прямые сведения, так и завуалированные. Примером вторых могут быть художественные произведения или якобы примеры из жизни, в которых террористы и их деятельность представляется положительной. Ни для кого не секрет, что СМИ и Интернет ресурсы способны оказывать огромное влияние на личность человека. Они способны также формировать так называемое «сознание массового человека». При этом по сравнению с традиционными видами СМИ, средства сети Интернет более универсальны, масштабны, а следовательно – могут воздействовать на большее число людей одновременно.

2) Техническое проявление. Заключается в использовании современных цифровых технологий (прежде всего – сети Интернет) для вмешательства в работу различных структур государства. Примерам могут служить вирусные атаки, взлом сайтов органов власти, использование специальных вирусных программ, вызывающих разрушение систем управления, или, внешнее управление техническими объектами (в т. ч. самолетами), биологическими и химическими средствами разрушения; нарушения линий связи, искусственная перегрузка узлов коммутации [6].

В некоторых источниках техническое проявление информационного терроризма называют кибертерроризмом. Так, например, в работе И. М. Глотина под кибертерроризмом понимается «использование современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий в качестве средства для нарушения функционирования важнейших национальных инфраструктур (правительственных, платежных, финансовых, транспортных, энергетических), принуждения или запугивания правительства, гражданского населения» [4, с. 66].

Е. Е. Рыбаков кибертерроризм понимает более узко. К его проявлениям автор относит только умышленные атаки на компьютеры, компьютерные сети и содержащуюся в них информацию при условии что такие атаки могут повлечь общественно-опасные последствия, включая значительный имущественный вред [9, с. 59]. При этом целью кибератак могут быть как государственные организации, так и частные ресурсы. В первом случае речь может идти о шпионаже или нарушении работы стратегически важных для государства объектов, а во втором – о краже информации и компрометации соответствующих компьютерных систем.

Интересно, что кибератакам чаще всего (в 50 % случаев) подвергаются финансовые и нефтегазовые организации [2]. При этом объектами таких атак становятся данные банковских счетов и карт, персональные данные людей, а также сведения, составляющие государственную и коммерческую тайны.

3) Облегчение совершения преступлений террористического характера. Информационные технологии упрощают взаимодействие между преступниками, облегчают поиск сообщников и т.д. В рамках этого проявления информационного терроризма речь не идет о непосредственном совершении террористических актов. Однако, СМИ и цифровые сервисы используются для обеспечения и поддержки деятельности самих террористических организаций, а также способствуют непосредственному совершению преступлений (обеспечивают, например информацией и финансами).

Интернет является основным инструментом информационного терроризма. И это не случайно. Интернет является доступным, позволяет оперативно получать и отправлять информацию, не требует больших экономических затрат. При этом большое количество пользователей интернета дает широкую аудиторию для террористов. Интернет позволяет быстро и массово производить рассылку информации (электронные письма, новости, сайты). При этом интернет позволяет обеспечить анонимность, а также производить воздействия дистанционно (удаленно).

В работах Г. Вейман выделяются следующие способы использования террористами сети Интернет:

- психологическая война;
- поиск и передача информации;
- обучение террористов;
- сбор и передача финансовых средств;
- пропаганда, массовое распространение информации;
- вербовка, склонение к совершению преступлений;
- организация сетей;
- информационная поддержка, координация и планирование конкретных преступлений [3].

Следует отметить, что в настоящее время Интернет-сервисы используются террористами очень активно. В частности, создаются специальные страницы в Интернете, в том числе – в социальных сетях. На таких страницах осуществляются призывы к совершению преступлений, ведется пропаганда правильности таких действий. Террористические организации используют и видео-контент в своих целях.

Итак, в заключении можно сделать следующие выводы:

1. Информационный терроризм является одним из современных видов (направлений или проявлений) терроризма.
 2. Информационный терроризм представляет собой серьезную угрозу безопасности государства.
 3. Информационный терроризм способен оказать массовое влияние на личность человека посредством распространения дезинформации с использованием современных цифровых технологий.
 4. Основная цель информационного терроризма – влияние на общественное сознание.
 5. Стремительному распространению информационного терроризма способствуют такие свойства сети Интернет как свободный доступ, анонимность, массовость аудитории, несовершенство законодательства и ограниченные фактические возможности для контроля и цензуры контента.
 6. Современные цифровые технологии дают возможность террористическим организациям планировать преступления на высоком организационном уровне, синхронизировать и согласовывать действия, расширять возможности и привлекать сторонников.
 7. Информационный терроризм в современном мире – явление, постоянно и стремительно развивающееся и видоизменяющееся. Информационный терроризм адаптируется к конкретным условиям отдельных регионов.
- Сказанное говорит о необходимости усиления мер по борьбе с информационным терроризмом.

Список литературы:

1. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вместе с Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков), заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.04.2024).
2. Аналитика отрасли информационной безопасности [Электронный ресурс] // Аналитический центр InfoWatch <http://www.infowatch.ru/analytics> (дата обращения 18.04.2024).
3. Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет [Электронный ресурс] // Специальный доклад. <http://silovik.net/showthread.php?t=7897> (дата обращения 18.04.2024).
4. Глотина И. М. Информационный терроризм и его влияние на экономику // ПСЭ. 2014. №3 (51). С. 132-134.
5. Голубев В. А. Проблемы борьбы с кибертерроризмом в современных условиях [Электронный ресурс] // Центр исследования проблем компьютерной преступности. <http://www.crime-research.org/library/e-terrorism.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
6. Информационный терроризм [Электронный ресурс] // <https://slide-share.ru/informacionnij-terrorizm-32766> (дата обращения: 18.04.2024).
7. Киберпространство и информационный терроризм [Электронный ресурс] // <http://scienceport.ru/news/kiberprostranstvo-i-informatsionnyy-terrorizm/?PRINT=Y> (дата обращения: 18.04.2024).
8. Ковлягина Д. А. Информационный терроризм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 181-184.
9. Рыбакова Е. Е. Кибертерроризм как одна из разновидностей киберпреступности: понятие и виды // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. С. 59.64.
10. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. Общ. редакция Петрищев В. Е. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 66 с.
11. Фатхи Д. В. Информационный терроризм как новая форма терроризма // Известия ТРТУ Тематический выпуск. 2023. № 11. С. 40-45.

References:

1. The agreement between the Governments of the member States of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of international information security (together with Lists of basic concepts and types of threats, their sources and signs), concluded in Yekaterinburg on 06/16/2009 [Electronic resource] // SPS Consultant Plus (date of reference: 04/18/2024).
2. Information security industry Analytics [Electronic resource] // InfoWatch Analytical Center <http://www.infowatch.ru/analytics> (accessed 04/18/2024).
3. Weyman G. How modern terrorists use the Internet [Electronic resource] // Special report. <http://silovik.net/showthread.php?t=7897> (accessed 04/18/2024).
4. Glotina I. M. Information terrorism and its impact on the economy // PSE. 2014. No.3 (51). pp. 132-134.
5. Golubev V. A. Problems of combating cyberterrorism in modern conditions [Electronic resource] // Research Center problems of computer crime. <http://www.crime-research.org/library/e-terrorism.htm> (date of application: 04/18/2024).
6. Information terrorism [Electronic resource] // <https://slide-share.ru/informacionnij-terrorizm-32766> (date of access: 04/18/2024).
7. Cyberspace and information terrorism [Electronic resource] // <http://scienceport.ru/news/kiberprostranstvo-i-informatsionnyy-terrorizm/?PRINT=Y> (date of reference: 04/18/2024).
8. Kovlagina D. A. Information terrorism // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 6 (95). pp. 181-184.
9. Rybakova E. E. Cyberterrorism as one of the types of cybercrime: the concept and types // Terrorism in Russia and the problems of systemic response / Edited by A. I. Dolgova. M.: Russian Criminological Association, 2014. p. 59.64.
10. Dictionary of basic terms and concepts in the field of combating international terrorism and other manifestations of extremism. General. editorial board Petrishchev V. E. M.: Editorial URSS, 2003. 66 p.
11. Fathi D. V. Information terrorism as a new form of terrorism // Izvestiya TRTU Thematic issue. 2023. No. 11. pp. 40-45.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНДИТИЗМЕ В РОССИИ HISTORICAL ANALYSIS OF CRIMINAL DEVELOPMENT LEGISLATION ON BANDITISM IN RUSSIA

КУРМАЕВА Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
ул. Большевикская, д. 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.
E-mail: kurmaeva@mail.ru;

МАЛЫШКИН Павел Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
ул. Транспортная, д. 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

КЕЧАЙКИНА Елена Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент,
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
ул. Транспортная, д. 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.
E-mail: ekechaykina@ruc.su;

KURMAEVA Natalya Anatolevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Technologies and jurisprudence
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University».
st. Bolshevistskaya, 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

MALYSHKIN Pavel Viktorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University cooperation.
st. Transportnaya, 17, Saransk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

KECHAYKINA Elena Mikhailovna,

candidate of historical sciences, associate professor,
Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
st. Transportnaya, 1. 17, Karansk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.
E-mail: ekechaykina@ruc.su

Краткая аннотация: В статье осуществлен исторический анализ развития уголовного законодательства в России, проводится его анализ на различных этапах развития российского государства.

Abstract: The article provides a historical analysis of the development of criminal legislation in Russia and analyzes the various stages of development of the Russian state.

Ключевые слова: уголовное законодательство, бандитизм, шайка, банда, организованная преступность, ответственность за совершение бандитизма.

Key words: criminal law, banditry, gang, gang, organized crime, responsibility for committing banditry.

Для цитирования: Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Кечайкина Е.М. Исторический анализ развития уголовного законодательства о бандитизме в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 543-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_543.

For citation: Kurmaeva N.A., Malyshkin P.V., Kechaykina E.M. Historical analysis of criminal development legislation on banditism in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 543-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_543.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Законодательное признание наличия соответствующего социального явления вовсе не обозначает того, что это явление появилось с момента его признания, например, коррупция, как термин, обозначающий негативное социально-правовое явление появился только в двадцатом веке, он нашёл своё отображение вначале в законодательстве США, а затем его активно стало использовать мировое сообщество, в частности, коррупция была признана, как негативное социальное явление, с которым надо бороться ООН.

Так, 31 октября 2003 года была принята Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 58/4 Конвенция ООН против коррупции, этому предшествовала целая серия документов, которыми признавалось наличие коррупции и то, что она представляет опасность развитию мирового сообщества.

Признание наличия коррупции в названных международных документах и нормативных актах государств вовсе не обозначает того, что, как негативное социальное явление она появляется именно в этот момент или в этот исторический период времени, вполне очевидно то, что она появляется почти одновременно с появлением государства, то есть задолго до признания её наличия соответствующими нормативными документами, то же самое имеет место и в случае с бандитизмом: появился он гораздо раньше, чем термин, его обозначающий, по существу, можно утверждать то, что само социальное явление, обозначаемое бандитизмом, появилось практически одновременно с появлением государ-

ства, но отображение его в нормативных документах имело место значительно позже, общество и государство должно было осознать это социальное явление, как негативный фактор воздействия, и лишь после этого решить вопрос о законодательных средствах защиты от него.

В уголовном законодательстве понятие «банда» появилось только «после Октябрьской революции, до этого времени употреблялось другое, чем-то схожее понятие – «шайка», при этом, также употреблялось понятие «злонамеренная шайка»» [1, с. 149].

Понятие «шайка» используется в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, данное понятие «использовалось для обозначения антиобщественного объединения людей, имеющих определённый имущественный интерес, идущий в разрез с действующим законодательством, в частности, в статьях 1148-1150 названного Уложения понятие «шайка» используется в связи с разбоями, фальшивомонетничеством, изготовлением фальшивых документов, кражами, грабежами, незаконной торговлей и провозом товаров, подкупом чиновников» [2, с. 147], как видно, само уголовное законодательство того исторического периода позволяло достаточно широко трактовать понятие «шайка», это приводило к неоднозначности понимания этого термина, как в практике применения права, так и в теории уголовного права.

Тем более, что названный закон хотя и использовал термин «шайка», но не давал ему какого-либо определения, при этом, уголовной ответственности подлежало всякое лицо уже только за прикосновение к данному преступлению – организации и деятельности шайки [3, с. 332], это объяснялось тем, что преступления совершённые в составе шайки чаще обеспечивали достижение поставленной преступной цели, в связи с этим государство стремилось к тому, чтобы устранить даже само желание создавать шайки – организации, ориентированные на достижение криминальных целей.

Одной из особенностей шайки является то, что её организацию законодатель связывал с достижением вполне определённых, выше названных, целей, уголовная ответственность наступала при наличии причинно-следственной связи между созданием шайки и совершением ею соответствующих преступлений, вне этой связи создание шайки не рассматривалось в качестве преступного деяния, то есть, уголовной ответственности лицо подлежало лишь в случае организации или участия в шайке с целью достижения выше названных преступных целей.

Шайка рассматривалась в качестве средства, с помощью которого преступники стремились добиться желаемого для них противоправного результата, создание шайки и участие в ней действительно обеспечивает эффективность преступной деятельности, что представляет опасность для государства, затрудняет профилактику соответствующих преступлений.

Исходя из анализа действовавшего закона это принималось во внимание, но создание и участие в шайке рассматривалось в качествеотягчающего обстоятельства, а не как самостоятельное событие, за которое должна была наступить уголовная ответственность и назначено наказание, лежащая в основе такого подхода логика была ориентирована на вполне определённые последствия.

Уже тогда делались предложения установить уголовную ответственность за участие в шайке без привязки этого обстоятельства к тем преступным действиям, которые непосредственно обеспечат получение криминального результата, уже в тот период времени появилось понимание того, что шайка преступна уже сама по себе, поскольку создана для совершения преступлений.

Однако, несмотря на настоятельную потребность в законодательном определении шайки редакция названного выше Уложения 1885 года не устранила данного, вполне очевидного пробела, оставалось очень много вопросов относительно того, что из себя представляет шайка, например, стоял вопрос о том, сколько человек должно объединиться, чтобы это рассматривалось как организация шайки.

Действовавшее уголовное законодательство не давало ответа на данный вопрос, а осуществлявшаяся в тот период практика не была в этом едина, ко всеобщему сожалению проблема определения шайки осталась без решения и с принятием Уголовного уложения 1903 года.

Понятию шайки не было дано определения, хотя практика применения уголовного закона уже давно этого требовала, решение данного вопроса определяло справедливость при вынесении судебных приговоров, но несмотря на понимание этого, данный вопрос оставался нерешённым.

Понимание шайки в практике дореволюционных судов отличалась противоречивостью, отсутствовало единство в подходе понимания того, что под ней имел в виду уголовный закон, причиной тому являлось не только отсутствие законодательного определения шайки, но и отсутствие критериев, применяя которые можно было бы отличить шайку, как форму преступного сообщества, от различных форм соучастия в совершении определённых видов преступлений.

Поэтому справедливым будет оценивать Уголовное уложение 1903 года в части решения проблем организации и участия в шайке, как консервация тех проблем, которые необходимо было решить, какого-либо движения по названному вопросу названный уголовный закон не обеспечивал, что являлось одним из наиболее существенных его недостатков, среди частных проблем вытекавший из неразрешённости того, что следует понимать под шайкой была проблема отграничения шайки от заговора.

Решение этих и многих других проблем, которые оставались нерешёнными длительное время уголовным законодательством Российской империи, было сделано в законодательстве Советского государства, в частности, первым революционным шагом в этом направлении был отказ от использования термина «шайка», он был заменён другим – «банда».

В декрете СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. «О суде» речь идёт уже о бандитизме, как социально-политическом явлении, представляющем угрозу для социалистической революции и тем предстоящим преобразованиям, которые должны произойти, бандитизм рассматривался в качестве особого вида преступлений, направленных против Советского государства, именно это делало борьбу с ним первостепенной задачей, задачей всех органов государства, однако, следует отметить то, что и в названном законе отсутствует определение банды, тем не менее, несмотря на это появилось понимание того, в чём состоит опасность названного социально-политического явления для нового общества и государства.

Действия, составляющие бандитизм однозначно рассматривались в качестве государственного преступления, требующего неотлагательного реагирования на его совершение, бандитизм рассматривался, как участие в шайке, которая организована с целью убийств, разбоя и

грабежей, общественная опасность бандитизма расценивалась, как равнозначная созданию и участию в контрреволюционной организации, это было связано с тем, что в тот период истории бандитизм был распространённым социальным явлением, которое угрожало самому существованию государства.

В 1922 году в соответствии с принятым Уголовным кодексом бандитизм был однозначно отнесён к государственным преступлениям, названное классификационное определение позволяло определить разграничение бандитизма и других схожих преступлений, а также преступных организаций.

Это был серьёзный шаг в понимании бандитизма, как преступления, а не только, как общественно-политического явления, представлявшего опасность для государства, ещё одним шагом вперёд в «понимании бандитизма УК РСФСР 1922 года стало определение банды, как вооружённой шайки, то есть вооружённость стала признаком бандитизма, при этом, была определена цель создания банды – для разбойных нападений и ограблений на учреждения и советских граждан» [4, с. 137], санкция ст. 76 названного уголовного закона была весьма суровой и предполагала уголовное наказание не менее трёх лет лишения свободы, суровость этой санкции указывала на то, насколько опасным государство расценивало названное преступление для себя [4, с. 137].

Но несмотря на то, что это был шаг вперёд, в правовом понимании банды всё же остались неразрешёнными отдельные важные для практики применения закона проблемы, в частности, так и оставался без ответа вопрос о том, сколько человек должно объединиться, чтобы это можно было расценивать, как создание банды? Осталось непонятной длительность такого объединения: как долго оно должно существовать для того, чтобы считаться бандой? Определив в качестве признака банды её вооружённость, остался без ответа вопрос о том, каким оружием должна быть вооружена банда?

Эти вопросы оставались без ответа, что отображалось на практике применения названного уголовного закона.

Следующим шагом в развитии законодательства о банде и бандитизме стал УК РФ 1926 года, который избавился от понятия «шайка», как от излишнего, при этом, достаточно отчётливо в понимании бандитизма прослеживается, господствовавшая в тот исторический период идеология, бандитизм рассматривался не только, как посягательство на государство, но и как посягательство на его идеологию, поскольку в основе бандитизма лежала идеология стяжательства, личного интереса, вопреки интересу общества в революционных изменениях, даже отказ от термина «шайка» представлял собой идеологический разрыв с правовой традицией дореволюционной России, хотя следует отметить, что несмотря на это все изменения в понимании банды явились развитием основ, заложенных ещё в дореволюционный исторический период.

Тем не менее борьба с бандитизмом того исторического периода была яркой, показательной, что проявлялось в проведении многочисленных судебных процессов, где названные преступления преподносились общественности, как проявления прежнего, реакционного режима, ориентированного на противостояние с народными массами, к сожалению, иногда стремление к такой показательности приводило к серьёзным ошибкам в квалификации совершённых деяний, судебная практика того времени вводит в обиход такое понятие, как «организованная группа» применительно к хищениям социалистической собственности, это важно, поскольку давало возможность отграничить такие группы от банд.

Следующим шагом в понимании бандитизма и банды, ознаменовавшим новый этап развития уголовного законодательства явилось принятие в 1958 году Основ уголовного законодательства СССР, бандитизм стали рассматривать, «как преступление, охватывающее такие преступные посягательства, как грабежи, разбойные нападения, посягательства на жизнь и здоровье граждан, если эти преступления совершались бандой, даже изнасилование, если оно было совершено в ходе бандитского нападения рассматривалось, как деяние, которое следует квалифицировать бандитизмом» [5, с. 125].

Бандитизм рассматривался, как преступление, которое поглощает все другие в силу его повышенной общественной опасности, в силу своей повышенной опасности он как бы перекрывал любое другое из совершаемых бандой преступлений, тем самым бандитизм имел своего рода универсальность, поскольку проявлялся в самых различных преступных деяниях.

В этом проявлялся идеологический тезис о том, что бандитизм фокусирует в себе пороки всех иных преступлений, при этом, идеология проявлялась и в том, что бандитизм – это не только преступление против государства, но и преступление, которым преступник посягает на жизнь и здоровье человека, благодаря этому идеологическому тезису делался вывод о том, что советскому человеку причиняет вред всё то, что вред причиняет государству.

Следующим периодом в развитии уголовного законодательства относительно бандитизма стал исторический период, последовавший за так называемой «оттепелью», в этот период преобладающей в идеологии стала идея о том, что общество развитого социализма уже преодолело целый ряд проблем, которые характерны для буржуазного общества, одной из таких преодолённых проблем стал бандитизм.

Вывод о том, что это негативное социально-политическое явление преодолено делался исходя из идеологических соображений, а во все не от того, что его действительно не стало [6, с. 281], в связи с этим с конца 50-х годов и вплоть до конца 80-х считалось, что в СССР нет бандитизма, что он преодолен развитием социалистических общественных отношений, то есть, делалось идеологическое заявление о том, что для бандитизма в СССР больше нет причин и условий, поскольку порождающие его противоречия капитализма полностью преодолены.

В связи с этим законодательное развитие норм о бандитизме было приостановлено, как считалось за ненадобностью, тем не менее, соответствующие нормы уголовного права продолжали содержаться в действующем законодательстве, это как бы на всякий случай.

Изменение социально-политической обстановки в середине 80-х годов двадцатого века вызвало рост имущественных преступлений, это было во многом связано с развитием кооперативного движения и теми материальными доходами, которые оно предоставляло, концентрация имущества в руках отдельных граждан, усилившееся расслоение общества привело к появлению негативных явлений [7, с. 19-24].

Для этого периода характерно появление в значительных масштабах такого негативного явления, как организованная преступность [8, с. 149], ослабление идеологической системы позволило признать её наличие в Советском государстве, также в этот период стало уже невозможным скрывать наличие бандитизма, рост которого наблюдался на фоне изменения системы экономических отношений, кроме того, вместе с изменением экономических отношений изменился и бандитизм, как негативное социальное явление.

Он приобрёл черты явления, направленного не только против государства, но и против людей успешных в решении экономических задач, он стал серьёзным препятствием в развитии экономики.

Более того, сам бандитизм стал представлять угрозу обществу и государству, поскольку стал вписываться в систему отношений, составляющих теневую экономику, это сделало актуальным возобновление развития законодательных средств защиты от бандитизма, это также стало причиной возобновления исследований бандитизма, как социально-политического явления.

В связи с этим вновь встали те же проблемы, которые в предшествующие периоды исторического развития остались неразрешёнными, при этом появились также и новые, которые необходимо решить для того, чтобы можно было эффективно противостоять бандитизму.

Изменения в понимании бандитизма внёс УК РФ 1996 года, одним из основных изменений стало разграничение деятельности по созданию и руководству бандой от участия в банде и в совершаемых ею нападениях, это несомненный шаг вперёд в развитии законодательства о противодействии бандитизму, несомненно то, что названные выше действия должны быть дифференцированы в силу своей различной степени общественной опасности.

Деятельность по организации и руководству бандой имеет большую общественную опасность, а потому требует более жёсткого её пресечения, а также устранения условий, которые ей способствуют, более того, выделяется также деятельность лица, использующего своё служебное положение, что несомненно представляет большую общественную опасность и делает конкретный случай бандитизма более эффективным.

Все названные составы бандитизма содержатся в нормах ст. 209 УК РФ, формулирование этой нормы в уголовном законе стало очередным шагом в развитии законодательных мер противодействия бандитизму, все стоящие проблемы хотя и не были разрешены, однако названная норма учитывает целый ряд сложившихся реалий, связанных с бандитизмом.

В период 90-х годов 20 века был накоплен большой объём судебной практики относительно квалификации бандитизма и деяний с ним сопряжённых, по результатам обобщения этой практики было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», данным постановлением был решён целый ряд вопросов, связанных с правильностью квалификации бандитизма, ограничения его состава от схожих с ним преступных деяний, это был очередной шаг в направлении более детального понимания бандитизма, понимания его места среди других преступлений, степени его общественной опасности.

При этом следует отметить то, что развитие законодательства о бандитизме по-прежнему не достигло совершенства, а потому по-прежнему имеются перспективы развития, более того, современная практика ставит новые вопросы, на которые ждёт законодательного ответа, эти вопросы связаны с тем, что параллельно развитию государства и общества, общественным отношениям развиваются и негативные социальные явления, среди которых бандитизм, это значит, что должно развиваться и законодательство, предоставляя правоохранительным органам эффективные средства борьбы с этим опасным социальным явлением.

Список литературы:

1. Максимов П. В. «Шайка» как форма преступного соучастия в дореволюционном уголовном законодательстве (в контексте последующей трансформации в «банду») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 149.
2. Максимов П. В. Социально-правовая эволюция бандитизма как общественно опасного явления в контексте смены в России общественно-экономической формации // Правовая парадигма. 2019. Т. 16. № 3. С. 147.
3. Харзинова В. М. Уголовно-правовое регулирование бандитизма: история и современность // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 332.
4. Упоров И. В. Борьба с преступными сообществами в новейшей истории России: историко-правовой сравнительный анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 137.
5. Мондохонов А. Н. Исторические аспекты криминализации создания, руководства и участия в преступных сообществах, организациях и иных объединениях // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2020. № 1. С. 125.
6. Воронин Н. А. История возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм // Молодой ученый. 2022. № 21. С. 281.
7. Малышкин П. Юридическая сила судебных решений (постановлений, определений) в современном российском гражданском судопроизводстве / П. В. Малышкин // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2022. С.19-24.
8. Усманова Е. Ф., Малышкин П. В. Алгоритм коммуникативного взаимодействия в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 9. С. 149-152.

References:

1. Maksimov P.V. "Gang" as a form of criminal complicity in pre-revolutionary criminal legislation (subsequently transformed into a "gang") // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. T. 6. No. 3. P. 149.
2. Maksimov P. V. Sotsial'no-pravovaya evolyutsiya banditizma kak obshchestvenno opasnogo yavleniya vo vtorikh smenakh v Rossii obshchestvenno-ekonomicheskoy formatsii // Pravovaya paradigma. 2019. T. 16. № 3. S. 147.
3. Kharzinova V. M. Ugolovno-pravovoye regulirovaniye banditizma: istoriya i sovremennost' // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2018. № 3. S. 332.
4. Uporov I. V. Bor'ba s kriminal'nymi soobshchestvami v noveyshey istorii Rossii: istoriko-pravovoy sravnitel'no-analiticheskiy // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2021. № 6. S. 137.
5. Mondokhonov A. N. Istoricheskiye aspekty sozdaniya kriminalizatsii, rukovodstva i uchastiya v prestupnykh soobshchestvakh, organizatsiyakh i inykh ob'yedineniyakh // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya. 2020. № 1. S. 125.
6. Voronin N. A. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya instituta ugovolnoy otvetstvennosti za banditizm // Molodoy uchenyy. 2022. № 21. S. 281.
7. Malyshekin P. Legal force of court decisions (rulings, definitions) in modern Russian civil proceedings / P. V. Malyshekin // Modern trends in the development of science and education in the era of digitalization. Materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Editorial Board: R. R. Khairov (chief editor) [and others]. Saransk, 2022. P.19-24.
8. Usmanova Ye. F., Malyshekin P. V. Algoritm kommunikativnogo vzaimodeystviya v al'ternativnom razreshenii pravovykh sporov i razmyshleniy // Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2021. № 9. S. 149-152.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONDITIONS OF RISK-BASED PARADIGM: NEW CHALLENGES AND SOLUTIONS

ЛАВНОВ Михаил Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии.

410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

E-mail: m-lavnov@rambler.ru;

LAVNOV Mikhail Alexandrovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Saratov State Law Academy.

410056, Russia, Saratov region, Saratov, Volskaya St., 1.

E-mail: m-lavnov@rambler.ru

Краткая аннотация: Работа посвящена проблемам адаптации уголовного судопроизводства с позиции риск-ориентированного подхода. Рассматриваются предпосылки повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности через возможности применения системы управления рисками. Автор констатирует принципиальную возможность использования риск-ориентированного подхода, который не будет разрушать традиционные стандарты правосудия, однако потребует пересмотра устоявшейся модели принятия процессуальных решений. В работе отмечается потенциал позитивного влияния применения риск-ориентированного подхода и механизмов управления рисками при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Abstract: The study explores the challenges of adapting criminal justice proceedings through a risk-based approach. It examines the conditions necessary for improving the efficiency of criminal procedural activities by implementing a risk management system. The author asserts the viability of a risk-based approach that preserves the integrity of traditional standards of justice while necessitating a revision of established procedural decision-making processes. The work highlights the potential benefits of applying a risk-based approach and risk assessment and management mechanisms in criminal procedural activities.

Ключевые слова: риск, управление рисками, уголовное судопроизводство, прогнозирование.

Keywords: risk, risk management, criminal justice proceedings, forecasting.

Для цитирования: Лавнов М.А. Уголовное судопроизводство в условиях риск-ориентированной парадигмы: новые вызовы и решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 547-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_547.

For citation: Lavnov M.A. Criminal proceedings in the conditions of risk-based paradigm: new challenges and solutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 547-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_547.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В уголовно-процессуальной науке вопросы системы оценки рисков еще не были предметом комплексных и фундаментальных исследований. Опыт, накопленный в этом направлении, сводится к исследованию риска как объекта общетеоретических исследований [9], тактического риска как криминалистической категории [8; 14], риска в уголовном [15], гражданском [6] или экологическом праве [7]. Наиболее близким по внутреннему содержанию к исследуемой проблеме является теоретическая разработка вопросов юридического прогнозирования [1; 2; 16] и подробное изучение различного рода судебно-следственных ошибок [13]. В научных публикациях, посвященных проблемам уголовного судопроизводства, все чаще встречается обоснование необходимости пересмотра устоявшейся парадигмы правосудия по уголовным делам с учетом риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента. Так, результаты обстоятельного исследования проблем риск-ориентированного правосудия опубликованы в работе М.М. Бабаева [4, с. 167-180]. В работах А.Ю. Чуриковой уделяется внимание внедрению риск-ориентированного подхода в уголовно-процессуальную деятельность прокурора [20, с. 48-50], перспективам применения системы управления рисками в условиях цифровизации [19, с. 248-253] и внедрения технологий искусственного интеллекта [18, с. 250-256]. Попытка заполнить образовавшийся в научном поле вакуум и предложить собственную технологию управления рисками в уголовном и гражданском судопроизводстве на основе внушительных эмпирических данных была предпринята в работе Ю.А. Цветкова, посвященной прогнозированию и хеджированию рисков в принятии решений [17, с. 649-667].

Не умоляя значимости полученных авторами научных результатов, следует отметить, что научное исследование технологий внедрения риск-ориентированного подхода в уголовное судопроизводство находится еще в самом начале долгого пути. Сложно отрицать, что темп человеческой жизни в любых сферах деятельности нарастает, а вместе с этим нарастают и совершенно разнообразные риски.

В современной правовой реальности риск-ориентированный подход уже широко используется при осуществлении государственного контроля (надзора)¹. Главной целью повышения контрольно-надзорной деятельности были провозглашены оптимизация использования трудовых, материальных и экономических ресурсов, повышение результативности контрольной деятельности и повышение эффективности деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за счет снижения издержек. Если посмотреть на существующие проблемы уголов-

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

ного судопроизводства, то проблема чрезмерной перегруженности профессиональных участников процесса является совершенно очевидной и требует пересмотра сложившихся традиционных подходов к организации уголовного судопроизводства.

Уголовный процесс как специфический вид государственной деятельности является чрезвычайно рискованной средой. Его можно сравнить с ножом в руках государства, который всегда несет риск порезаться, если взять его в руки. Так и уголовный процесс всегда создает риск нарушения и ограничения конституционных прав граждан с одной стороны и риск публичного характера, связанный с нарушением интересов общества и государства. В такой схеме проще всего не брать «нож со стола», чтобы не допускать рисков и опасностей, также, как и отказать в возбуждении уголовного дела¹, тем самым избежать риска уголовного преследования невиновного [10, с. 21].

Изложенное свидетельствует о том, что исследование системы уголовной юстиции на основе концепции правового прогнозирования, применения риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента является одним из наиболее перспективных в современной юридической науке.

Мы полагаем, что переход на риск-ориентированную модель правосудия по уголовным делам должен быть поэтапным и не разрушать полностью сложившуюся традиционную модель. На первом этапе требуются серьезные теоретические разработки в области адаптации научных основ рискологии под сферу уголовного судопроизводства, а также исследование и систематизация потенциальных рисков и пересмотр традиционной модели принятия уголовно-процессуальных решений.

На втором этапе требуется адаптация технологий риск-менеджмента под сферу уголовной юстиции, разработка программ профессиональной подготовки судей, субъектов уголовного преследования, адвокатов. Формирование уже на этапе получения юридического образования у будущих правоприменителей взвешенного подхода к оценке и принятию рисков как текущих, так и будущих. Разработка механизма отказа от принятия рискованных решений. Данный этап также предполагает создание правового поля для возможного учета, оценки и принятия рисков, определение целей рискованных действий и решений, выработка эффективных правил принятия решений, надлежащее информационное сопровождение указанной деятельности и особое внимание к транспарентности уголовного судопроизводства.

На третьем (завершающем) этапе возможно внедрение технологии риск-менеджмента в уголовное судопроизводство, создание на основе правового и теоретического фундамента комплексной системы управления рисками и внедрение данных методик в профессиональную деятельность участников уголовного процесса. Также представляется, что именно на третьем этапе будет создана необходимая база для подключения к внедряемой системе управления рисками технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, которая откроет широкие возможности прогнозирования и предупреждения рисков на основе изучения больших объемов информации.

Категория риска многогранна и не исчерпывается лишь пониманием его как определенной помехи на пути достижения к запланированному исходу. Риск – это некий процесс, имеющий протяженность во времени и стадии развития интенсивности, он осознается после наступления события, которое именуется точкой входа в зону риска. Следовательно, риск может быть измерен качественно и количественно, что позволяет сравнивать различные риски и выбирать те из них, которые удовлетворяют достижению поставленных целей. Понимание риска предполагает понимание множественности исходов, как благоприятных для субъекта, так и неблагоприятных, наступление которых всегда реально.

Итоговая характеристика риска будет складываться из суммы ожидаемых благоприятных исходов, промежуточных неудач и нежелательного проигрыша (неблагоприятных последствий). Также важно отметить, что говорить о риск-ориентированной модели уместно тогда, когда у человека, принимающего решение есть право выбора, а итоговая цель должна быть реальна и достижима. Это положение особенно важно в контексте исследования риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве, так как традиционный механизм принятия решений не оставляет, в силу принципа законности (ст. 7 УПК РФ), правоприменителю права решать вопрос о целесообразности решения, если для этого есть предусмотренные законом основания, что создает фундаментальную проблему риск-ориентированной адаптации правосудия по уголовным делам.

Одним из шагов на пути внедрения риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента в уголовное судопроизводство является необходимость пересмотра сложившейся традиционной модели принятия правоприменительных решений в целях придания ей большей динамичности и адаптивности. Это предполагает, среди прочего необходимость пересмотра представлений о: механизме формирования внутреннего убеждения; необходимом объеме фактических данных, лежащих в основе принятия решений; соотношении целей каждого решения с назначением уголовного судопроизводства; учет и оценка потенциала позитивных и рисков негативных последствий различного характера.

В одном из фундаментальных трудов современной теории уголовного процесса профессора П.А. Лупинской «Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика», классическая модель принятия решений предполагает наличие двух взаимосвязанных этапов. Непосредственному принятию решения предшествует сбор и оценка информации, необходимая для установления наличия или отсутствия предусмотренных законом обстоятельств, образующих фактическое основания. При этом в работе отмечается, что «принимаемые в ходе производства по уголовному делу решения эффективны лишь тогда, когда они соответствуют назначению и принципам уголовного судопроизводства» [12, с. 36]. В рамках представленного подхода непосредственные модели принятия решений классифицировались по субъектам, по фактическим основаниям, по правовым выводам и возможностям выбора вариантов поведения участников процесса.

¹ Стоит отметить, что «такой подход» активно реализуется правоприменителем в стадии возбуждения уголовного дела, где по данным официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составляет 1 млн. 587 тыс., а количество отмененных постановлений о возбуждении уголовного дела только 10 358. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprl/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения 20.12.2024).

Риск-ориентированная модель предполагает работу с такой категорией как «поле риска» (совокупность факторов, условий и обстоятельств, которые могут повлиять на результат принимаемого решения, создавая неопределенность или потенциальные негативные последствия), создаваемого как объективными, так и субъективными условиями в которых принимается соответствующее решение. Основными элементами поля рисков являются источники рисков, степень неопределенности, последствия и вероятность их наступления. Ключевая задача такого подхода – готовность и учет неопределенности и минимизация потенциальных негативных последствий. Представляется, что прочный теоретический фундамент уже был заложен в упомянутой выше работе П.А. Лупинской, где механизм принятия процессуальных решений рассматривался через призму отдельных факторов, таких как: организационный; социально-политический; правовой; личностный [11, с. 349-353]. По мнению М.М. Бабаева, «риск-ориентированное правосудие позволяет по-новому взглянуть на процесс принятия решений, рассмотреть его в динамике от формирования внутреннего убеждения правоприменителя, создания проекта решения, до его пересмотра компетентными должностными лицами или вышестоящими судами» [4, с. 167-180].

В качестве объективных условий следует выделить социально-политические, материально-экономические, правовые, идеологические. Субъективными условиями, влияющими на принятие уголовно-процессуальных решений, являются образование и соответствующий практический опыт, общая и правовая культура, правосознание, наличие профессиональной деформации, внешнее и внутреннее воздействие на субъекта принятия решений, корпоративность и статистические показатели, единоличность или «коллегальность» принятия решений, индивидуальные особенности личности.

Представляется, что оценка рискогенности уголовно-процессуальных решений невозможна без полного и всестороннего понимания всех описанных факторов. Кроме того, риск-ориентированная модель требует пересмотра механизма формирования внутреннего убеждения, использование максимально возможных исходных данных, учитываемых при вынесении решения, соотношение каждого решения с реализацией назначения уголовного процесса и установленной законом системой охраняемых ценностей (частных и публичных интересов), а также оценки наступления негативных последствий как правового характера, так и иного социального, экономического, политического.

В риск-ориентированной модели особое внимание уделяется пониманию возможности наступления негативных последствий, их тяжести и вероятности, а также своевременной реакции на такие риски. Причины возникновения критических ситуаций могут быть связаны с переоценкой собственных знаний правоприменителя, отсутствием чувства личной ответственности, стремлением вписать ситуацию в стандартные категории без учета всех обстоятельств, а также с использованием устаревших методик мышления и принятия решений.

Потребность в определенности, свойственная человеческому мышлению, может стать препятствием для эффективного принятия решений в условиях ее отсутствия. Потенциал риск-ориентированного подхода позволяет сместить акцент с прогнозирования и достижения определенности, на готовность к непредсказуемым последствиям. Уголовное судопроизводство, как рискогенная среда, требует от правоприменителей не только преодоления неопределенности, но и минимизации потенциальных негативных последствий, как правового, так и социально-политического характера.

Таким образом, применение риск-ориентированного подхода в уголовном процессе предполагает собой новый этап его развития, направленный на повышение эффективности соответствующей деятельности и справедливость принимаемых решений в сложных условиях неопределенности и рисков. Следует учитывать, что отождествление величины риска и размера его последствий является не вполне корректным, поскольку риск может присутствовать постоянно, но никак не проявиться в виде последствий. Также важным аспектом, влияющим на соответствующую деятельность, является ранжирование последствий риска от позитивных до негативных и принятие того факта, что при наличии опасностей и угроз последствия всегда будут иметь негативный характер. Риски в такой ситуации следует воспринимать не только как зло, но и как благо, которое позволяет реализовывать имеющийся потенциал (риски выигрыша). В то время как системное уклонение от риска в любой сфере человеческой деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной приведет лишь к существенному ограничению в выборе возможностей.

Список литературы:

1. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы. М.: Проспект, 2021.
2. Агамиров К.В., Зульфугарзаде Т.Э. Теоретико-методологические аспекты юридическо-го прогнозирования. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016.
3. Архипов Д.А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
4. Бабаев М.М. Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 167-180.
5. Бабулин В.В. Концепция риска в уголовном праве: монография. Омск: Омск. акад. МВД России, 2008. 259 с.
6. Горячина Д.А. Управление рисками в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 29 с.
7. Заславская Н.М. Риск-ориентированный подход в государственном экологическом управлении: правовые основы // Экологическое право. 2022. № 4. С. 3-9.
8. Криминалистический риск при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации: монография / Вражнов А.С. - М.: Юрлитинформ, 2014. 207 с.
9. Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 28 с.
10. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.
11. Лавнов М.А. Оценка рисков в механизме принятия уголовно-процессуальных решений / М. А. Лавнов // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: Сборник трудов по материалам Всерос. Науч.-практ. Конф. с междунар. участ. в рамках III Саратовского юридического форума "Законотворческая политика и правоприменение в современной России", Саратов, 09 июня 2023 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. – С. 349-353.
12. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 238 с.
13. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы / А.Д. Назаров. – Москва : "Юрлитинформ", 2017. 400 с.

14. Нурутдинов О.А. Процессуально-тактические риски при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 190 с.
15. Савенок А.Л. Риск в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1997. 19 с.
16. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: науч.-прак. пособие. М.: Издательский дом "Юриспруденция", 2018. 168 с.
17. Цветков Ю.А. Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 3. С. 649-667.
18. Чурикова А.Ю. Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции: матер. 5-й Междунар. науч.-прак. конф. Екатеринбург, 19 мая 2023 г. Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиБ», 2023. С. 250-256.
19. Чурикова А.Ю. Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 248-253.
20. Чурикова А.Ю. Риск-ориентированный подход в уголовно-процессуальной деятельности прокурора // Законность. 2022. № 8. С. 48-50.

References:

1. Agamirov, K.V. Legal Forecasting as a Factor in Improving the Russian Legal System. Moscow: Prospekt, 2021.
2. Agamirov, K.V., and Zulfugarzade, T.E. Theoretical and Methodological Aspects of Legal Forecasting. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2016.
3. Arkhipov, D.A. The Legal Criterion for the Distribution of Contractual Risks in Civil Law: Abstract of a Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2011. 29 p.
4. Babaev, M.M. "Risk-Oriented Justice." All-Russian Criminological Journal, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 167-180.
5. Baburin, V.V. The Concept of Risk in Criminal Law: A Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 259 p.
6. Goryachkina, D.A. Risk Management in Russian Civil Law: Abstract of a Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2013. 29 p.
7. Zaslavskaya, N.M. "Risk-Based Approach in State Environmental Management: Legal Foundations." Environmental Law, 2022, no. 4, pp. 3-9.
8. Vrazhnov, A.S. Forensic Risk in Investigating Unauthorized Access to Computer Information: A Monograph. Moscow: YurLitinform, 2014. 207 p.
9. Kryuchkov, R.A. Risk in Law: Genesis, Concept, and Management: Abstract of a Candidate of Legal Sciences Dissertation. Nizhny Novgorod, 2011. 28 p.
10. Lavnov, M.A. The Institution of Termination of Criminal Cases in the System of Criminal Procedural Law and Law Enforcement Practice: A Monograph. Moscow: YurLitinform, 2017. 176 p.
11. Lavnov, M.A. "Risk Assessment in the Mechanism of Making Criminal Procedural Decisions." In Modern Global Challenges and Their Neutralization by Criminal Law, Criminological, and Criminal Procedural Means: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation as Part of the III Saratov Legal Forum "Legislative Policy and Law Enforcement in Modern Russia," Saratov, June 9, 2023. Saratov: Saratov State Law Academy, 2023, pp. 349-353.
12. Lupinskaya, P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Norma, Infra-M, 2010. 238 p.
13. Nazarov, A.D. Investigative and Judicial Errors and the Criminal Procedural Mechanism for Their Elimination: Conceptual Foundations. Moscow: YurLitinform, 2017. 400 p.
14. Nurutdinov, O.A. Procedural and Tactical Risks in Investigating Economic Crimes: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Nizhny Novgorod, 2005. 190 p.
15. Savenok, A.L. Risk in Criminal Law: Abstract of a Candidate of Legal Sciences Dissertation. Minsk, 1997. 19 p.
16. Tikhomirov, Yu.A. Legal Forecasting: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Yurisprudentsiya Publishing House, 2018. 168 p.
17. Tsvetkov, Yu.A. "Forecasting and Hedging Risks in Decision-Making by Investigators and Judges." Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 649-667.
18. Churikova, A.Yu. "The Use of Artificial Intelligence for Risk Management in Criminal Procedural Activities of Law Enforcement Agencies." In Technologies of the 21st Century in Jurisprudence: Proceedings of the 5th International Scientific-Practical Conference, Yekaterinburg, May 19, 2023. Yekaterinburg: Center for the Promotion of Forensic Science "CrimLib," 2023, pp. 250-256.
19. Churikova, A.Yu. "Prospects for the Application of a Criminal Procedural Risk Management System in the Context of Digitalization." Vestnik of Saratov State Law Academy, 2023, no. 5, pp. 248-253.
20. Churikova, A.Yu. "Risk-Based Approach in the Criminal Procedural Activities of the Prosecutor." Legitimacy, 2022, no. 8, pp. 48-50.

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 282 УК РФ ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна,

заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Самарский юридический институт ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рылская ул., д. 24 «В».
E-mail: dmyam@yandex.ru;

LATYPOVA Dinara Mansurovna,

Deputy Head of the Department of Criminal Law Disciplines
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law,
Associate Professor, Colonel of the Internal Service, candidate of Law, lieutenant Colonel of the Internal Service.
443022, Samara region, Samara, Rylskaya str., 24 «V».
E-mail: dmyam@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации такого состава экстремистского преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Анализу подвергнуты элементы состава преступления. Особое внимание уделено изучению особенностей объективной стороны состава, рассматриваются вопросы законодательной регламентации нормы. Исследуются позиции авторов на спорные вопросы квалификации. Анализируются вопросы отграничения состава от смежных норм, в том числе от ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Казуальное изложение диспозиций норм приводит к сложностям разграничения составов правоприменителями. Нормы являются смежными, не исключена квалификация преступлений по совокупности норм в случае установления признаков таковых.

Abstract. The article considers the issues of legislative regulation of such a composition of an extremist crime, provided for by Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation as incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity. The elements of the crime are analyzed. Particular attention is paid to the study of the features of the objective side of the composition, the issues of legislative regulation of the disposition of the norm are considered. The positions of the authors on controversial issues of qualification are considered. The issues of delimitation of the composition from related norms, including Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation - public calls for extremist activity are studied. The casual presentation of the dispositions of the norms leads to difficulties in delimiting the compositions by law enforcement officers. The norms are related, the qualification of crimes by a set of norms is not excluded in the event of establishing the signs of such.

Ключевые слова: экстремистское преступление, возбуждение ненависти, призывы к экстремистской деятельности, отграничение норм, квалификация, социальная группа, публичность, административная преюдиция.

Keywords: extremist crime, incitement to hatred, calls for extremist activities, violation of norms, qualifications, social group, publicity, administrative prejudice.

Для цитирования: Латыпова Д.М. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 551-554. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_551.

For citation: Latypova D.M. Issues of legislative regulation of the crime provided for by Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 551-554. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_551.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Одной из актуальных и обсуждаемых научным сообществом в настоящее время является тема предупреждения распространения экстремизма в России. Нормы уголовного права содержат описание преступных деяний, предусматривающих уголовную ответственность за распространение экстремизма в любых его проявлениях.

Наивысшей ценностью нашего государства являются права и свободы каждого человека, ограничение которых возможно в исключительных случаях и только соразмерно конституционно значимым целям.

Никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной, а ее постулаты навязываться для признания и поддержания ее превосходства. Недопустимыми представляются любые действия, которые направлены на возбуждение нетерпимости и вражды в отношении других лиц по признакам принадлежности к социальной группе.

Норма ст. 282 УК РФ является тем составом преступления, который призван предупреждать экстремизм в нашей стране. Статья была подвергнута изменениям, согласно которым конструктивные признаки преступления существенным образом изменились.

Принцип недопустимости каких-либо ограничений по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе является непосредственным объектом исследуемого состава. Схожей в формулировке данного аспекта является позиция авторов, которые под непосредственным объектом преступления понимают отношения, складывающиеся по поводу межгруппового согласия и единства в социуме¹.

Дополнительным объектом в части второй исследуемой нормы могут выступать отношения, обеспечивающие здоровье личности, по-

¹ Жеребченко А.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Автореферат диссертации к.ю.н. М., 2009. С.3.

сколько она предусматривает насильственный способ совершения данного преступления.

В литературе встречаются предложения об исключении из диспозиции ст. 282 УК РФ указания на такие редко встречаемые в судебной практике признаки экстремизма как - «пол», «язык», «происхождение», «принадлежность к какой-либо социальной группе», оставив более распространенные признаки - «национальность», «раса», «отношение к религии». Указанное предложение представляется спорным, поскольку все признаки указанные в диспозиции нормы образуют в своей совокупности полный аспект экстремистской направленности действий виновного лица.

Наибольшие дискуссии вызывают признаки объективной стороны состава, предусмотренные в диспозиции ст. 282 УК РФ¹. Обще-ственно опасным деянием выступают такие действия, которые направлены на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства по признакам, обозначенным в норме в отношении личности либо группы лиц. В результате преступных экстремистских действий субъект возбуждает острую длительную неприязнь между людьми по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе.

Действия могут выражаться в высказываниях, в которых субъект преступления доказывает необходимость совершения любых противоправных действий, в том числе с применением насилия в отношении какой-либо социальной группы. Исключением являются высказывания, которые основаны на признаках присущих конкретному индивиду, обусловленные его персональными присущими только ему качествами.

Унижение достоинства личности или группы лиц может выражаться в оскорбительных высказываниях по поводу принадлежности лиц к какой-либо социальной общности, составляющей объект преступного посягательства нормы ст.282 УК РФ.

Конкурирующими нормами в отношении исследуемого состава являются ст. 205.2 УК РФ и ст. 280.1 УК РФ, которые предусматривают иной объект преступного посягательства и иные по содержанию действия - публичные призывы к осуществлению террористической деятельности либо нарушению территориальной целостности РФ. Призывы к указанным деяниям также являются признаками радикализма, однако квалифицируются по другим нормам смежным по отношению к ст. 282 УК РФ.

Публичность является тем конструктивным признаком, который определяет сущность уголовно-правового запрета исследуемого состава. Действия, обозначенные выше, влекут наступление уголовной ответственности в том случае, если они совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». При этом, раскрывая признак публичности, характерный для ст. 282 УК РФ в своем постановлении №11 от 28 июня 2011 г. Пленум Верховного Суда РФ не конкретизирует данное понятие, указывая лишь общие требования, такие как собрания, митинги, книги, сайты, массовая рассылка сообщений. В научной литературе встречается такой критерий как – значительное количество. Что понимать под значительным количеством, и сколько лиц будут образовывать данное количество остается под вопросом. Оценочное понятие в данном вопросе не привносит ясность при квалификации экстремистского состава.

Общим требованием является наличие возможности ознакомления с распространяемой информацией другими лицами. При размещении материалов, призывающих к экстремистской деятельности в сети «Интернет» обязательными представляются условия предоставления открытого доступа к странице автора любому желающему ознакомиться с информацией на ней без введения каких-либо паролей или кодов доступа. Ряд пользователей используют сайты для хранения информации не предоставляя доступ к ней посторонним лицам. Подобное размещение к преступным действиям по исследуемой норме не относятся.

Признак публичности предполагает в том числе размещение материалов, направленных на возбуждение экстремистской мотивации в сети «Интернет». Указанные действия имеют больший масштаб охвата аудитории и соответственно большую результативность. Зарубежное законодательство, в частности Франции, имеет опыт привлечения к уголовной ответственности владельца интернет-платформы за несвоевременное исключение указанной запрещенной информации экстремистского характера из своих ресурсов. Опыт представляется положительным.

Оправданным и верным представляется указание в постановлении Пленума на момент окончания исследуемого преступного деяния. Преступление окончено с момента совершения любого действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства личности по признакам принадлежности к определенной социальной группе. Факт достижения поставленной экстремистом цели, находится за рамками состава. В этом и заключается преимущество описания преступления в законе по типу формального состава, поскольку общественная опасность деяния настолько высока, что нет необходимости доказывать наступление его последствий, чтобы привлечь виновное лицо к уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления обозначена прямым умыслом. Действия субъекта должны быть направлены на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства по признакам состава.

Интеллектуальный критерий прямого умысла выражен в осознании преступником направленности своих действий. Доказанность данного критерия определяет возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ.

В литературе описываются случаи, когда лицо сохраняя «картинки» на страницах в своих социальных сетях и узнав о том, что они являются экстремистскими, удалив их, освобождаются от уголовной ответственности на основании совокупности других данных. Суд оценивает все обстоятельства дела. Так, выясняется состоит ли лицо в экстремистских ячейках, поддерживает ли он данные взгляды, делает ли ссылки на фотографии чтобы с ними ознакомились как можно больше лиц и т.д.²

Формулируя диспозицию нормы, законодатель не предусматривает специального указания на мотив совершения преступления. Он

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Парог; 13-е изд., перераб. и доп.). - М.: Проспект, 2022. // СПС Гарант (дата обращения: 20.03.2025 г.).

² Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный): монография. 2023 // СПС Гарант (дата обращения: 20.03.2025 г.).

определяется исходя из содержания нормы в целом и судебного толкования в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Таким образом можно сделать вывод, что мотив в исследуемой норме помимо экстремистского может быть иным, например корыстным. Субъект имея корыстный мотив, за денежное вознаграждение размещает на своей странице в открытом доступе информацию, направленную на возбуждение ненависти по отношению к лицам определенной национальности. Указанные действия также будут квалифицированы по исследуемой норме как экстремистское преступление.

Конструктивным признаком субъекта преступления, предусмотренного ч.1 ст. 282 УК РФ является факт привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. При этом квалифицированный состав исследуемого преступления такого признака не содержит.

Административная преюдиция появилась в данной норме согласно изменениям внесенным в нее 27 декабря 2018 г № 519-ФЗ. Авторы отмечают ее несостоятельность ввиду ряда аспектов¹. Основным аргументом выступает высокая общественная опасность совершаемого административного нарушения предусмотренного в ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства личности по экстремистскому мотиву является тем уголовно-наказуемым деянием, которое требует соответствующей оценки противоправного поведения со стороны государственных органов. Указание на признаки специального субъекта в ч. 1 ст. 282 УК РФ переводит первично совершаемое исследуемое деяние в разряд менее общественно опасных административных правонарушений, что не соответствует тяжести и общественной опасности содеянного. Поэтому представляется необходимым убрать из диспозиции нормы указание на признаки специального субъекта и факт наличия административной ответственности за аналогичное деяние как не соответствующее признаку общественной опасности содеянного.

В судебной практике затруднения вызывают случаи отграничения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ от смежной нормы - ст. 280 УК РФ. Верховный Суд в своем постановлении №11 признаки отграничения не раскрывает, ограничиваясь общими фразами².

Привлечение экспертов для уяснения значения и смысла тех выражений, которые допускают преступники при совершении экстремистских составов представляется обязательным. Нередко самостоятельно разобраться правоприменителю не представляется возможным в силу отсутствия специальных познаний в данной терминологии. Фразы могут иметь разное значение, употребление их в определенном контексте может кардинально изменить квалификацию преступного деяния. Лингвисты разделяют призывы на прямые и косвенные, открытые и скрытые. Поэтому оценка любым действиям и высказываниям должна осуществляться в совокупности с другими обстоятельствами дела.

Раскрывая смысловое значение общественно-опасных деяний, закрепленных в диспозициях смежных статей отмечаем, что «призыв» как признак ст. 280 УК РФ – это обращение к другим лицам с целью побуждения их к определенным действиям, в то время как «возбуждать» в ст. 282 УК РФ – означает пробуждать, вызывать, усиливать, порождать какую-либо деятельность. Нередко в научной литературе, один из этих составов определяется через признаки второго³. Закономерно возникает вопрос, как определить признаки разграничения и правильно квалифицировать преступление экстремистского характера.

Возбуждение ненависти в отношении лиц определенной национальности предполагает в том числе и побудительные действия к экстремистской деятельности.

Согласны с авторами, которые считают, что признаки общественно-опасного деяния закрепленного в ст. 282 УК РФ являются более широкими по смыслу, чем в ст. 280 УК РФ поскольку призыв является одним из действий характерных для возбуждения экстремизма⁴.

Возникает вопрос: как квалифицировать действия преступника, который публично произносит фразы, согласно которым нужно применять насилие в отношении лиц определенной национальности? В данном случае это будут действия характерные для призывов к экстремистской деятельности, либо возбуждением ненависти в отношении лиц данной национальности? Считаем прямые высказывания, в которых субъект активно призывает других лиц к совершению незаконных действий в отношении потерпевших, например по признакам принадлежности к социальной группе, квалифицировать по ст. 280 УК РФ поскольку они имеют прямой побудительный характер. Например такие фразы как: «Убивайте лиц ... национальности, бейте их там где встретите.....».

Если преступник публично уничижительно высказывается об ущербности лиц, исповедующих определенную религию и т.п., одобряет незаконные действия в отношении этих лиц, одобряет действия, согласно которым определяется превосходство одних лиц по отношению к другим – налицо признаки состава ст. 282 УК РФ.

Сложности отграничения экстремистских составов от смежных норм и недостаточные разъяснения по данным вопросам в постановлении Пленума Верховного Суда РФ порождают ошибки в квалификации указанных преступных действий правоприменителями. В настоящее время в нашей стране активно проводятся различные мероприятия направленные на недопущение распространения экстремизма. Приведение нормы ст. 282 УК РФ в соответствие с исследованными аспектами является одной из этих мер.

¹ Фенева В.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации. Автореферат диссертации к.ю.н. Краснодар. 2024. С.5.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // СПС Гарант (дата обращения: 20.03.2025 г.).

³ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 25-37.

⁴ Землюков С.В., Потапов Д.П. Ст. 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. N 2-2 (82). С. 135.

Список литературы:

1. Жеребченко А.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Автореферат диссертации к.ю.н. М., 2009.
2. Землюков С.В., Потапов Д.П. Ст. 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. N 2-2 (82). С. 135.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп.). - М.: Проспект, 2022. // СПС Гарант
4. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 25-37.
5. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // СПС Гарант.
6. Фенева В.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации. Автореферат диссертации к.ю.н. Краснодар. 2024 г.
7. Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный): монография. 2023 // СПС Гарант.

References:

1. Zherebchenko A.V. Criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity. Abstract of the dissertation of candidate of legal sciences. Moscow, 2009.
2. Zemlyukov S.V., Potapov D.P. Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (place in the system of crimes of an extremist nature) // Bulletin of the Altai State University. 2014. N 2-2 (82). P. 135.
3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (collective of authors; ed. Doctor of Law, prof. A.I. Rarog; 13th edition, revised and enlarged). - Moscow: Prospect, 2022. // SPS Garant
4. Kunashev A.A. Public calls to carry out extremist activities: problems of qualification and distinction from related and competing compositions // Criminal law. 2023. No. 2. P. 25-37.
5. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist nature: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 // SPS Garant.
6. Feneva V.V. Incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity: differentiation of criminal liability and features of qualification. Abstract of the dissertation of PhD in Law. Krasnodar. 2024
7. Khromov E.V. Commentary on certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation (article by article): monograph. 2023 // SPS Garant.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF RECIDIVISM IN RUSSIA AND INDIVIDUAL MEASURES OF ITS PREVENTION

ЛЕБЕШЕВ Иван Сергеевич,

научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.

E-mail: l.ivan.s@mail.ru;

АБОВЯН Эдгар Паргегович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.

E-mail: Vaned001@mail.ru;

LEBESHEV Ivan Sergeevich,

Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Moscow, Narvskaya str., 15a, p. 1.

E-mail: l.ivan.s@mail.ru;

ABOVYAN Edgar Pargevovich,

Candidate of law sciences,

Senior researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Moscow, Narvskaya str., 15a, p. 1.

E-mail: Vaned001@mail.ru

Краткая аннотация: На протяжении всей современной истории Российской Федерации одной из основных проблем в обеспечении общественной безопасности является рецидивная преступность. Несмотря на все усилия государства, удельный вес рецидивистов в основной массе лиц, совершивших преступления, продолжает характеризоваться достаточно высоким показателем на протяжении 30 лет. Вместе с тем, в связи с декриминализацией ряда деяний, ростом числа уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, растет и количество наиболее опасных криминально зараженных рецидивистов в местах лишения свободы. Опасность рецидивной преступности заключается в нескольких факторах: наличии у лица стойких антиобщественных взглядов, вовлечении в криминальную субкультуру, адаптации лица к местам лишения свободы и, соответственно, отдалении его от общества, потере социально-полезных связей, поиск новых возможностей для совершения преступных деяний с учетом уже имеющегося криминального опыта. Анализ динамики рецидивной преступности должен способствовать выбору наиболее эффективных методов профилактики повторных преступлений, что должно привести к ее сокращению и снизить социальную напряженность в обществе. При подготовке исследования были проанализированы статистические данные МВД СССР, МВД РФ и ФСИН России в период с 1987 по 2024 годы.

Abstract: Throughout the modern history of the Russian Federation, recidivism has been one of the main problems in ensuring public safety. Despite all the efforts of the state, the proportion of repeat offenders in the majority of people who have committed crimes continues to be characterized by fairly high rates for 30 years. At the same time, due to the decriminalization of a number of acts and an increase in the number of criminal penalties not related to isolation from society, the number of the most dangerous criminally infected repeat offenders in places of detention is also growing. The danger of recidivism lies in several factors: if a person has persistent antisocial views, is involved in a criminal subculture, adapts a person to places of detention and, consequently, alienates him from society, loses socially useful connections, and searches for new opportunities to commit criminal acts, taking into account existing criminal experience. The analysis of the dynamics of recidivism should contribute to the selection of the most effective methods of preventing repeat crimes, which should lead to its reduction and reduce social tension in society. In preparing the study, statistical data from the USSR Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service of Russia in the period from 1987 to 2023 were analyzed.

Ключевые слова: преступность, рецидивная преступность, анализ рецидивной преступности, меры профилактики рецидивной преступности.

Keywords: crime, recidivism, analysis of recidivism, measures to prevent recidivism.

Для цитирования: Лебешев И.С., Абовян Э.П. Анализ динамики рецидивной преступности в России и отдельные меры ее профилактики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 555-557. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_555.

For citation: Lebeshev I.S., Abovyan E.P. Analysis of the dynamics of recidivism in Russia and individual measures of its prevention // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 555-557. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_555.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Говоря о состоянии преступности в целом нельзя не принимать во внимание политическую, экономическую, социальную и иную обстановку в государстве в тот или иной период времени. Так, в период возникновения острых кризисных ситуаций в обществе наблюдается рост преступности, и наоборот, в наиболее благоприятные периоды развития государства значительно растет социально одобряемое поведение.

Так, в последние годы существования СССР, в частности в 1987 году в РСФСР было зарегистрировано 1 185 914 преступлений, среди которых было выявлено 969 388 лиц, совершивших преступления, а удельный вес рецидивной преступности составил 29,5 %.

А во время осложнения политической обстановки в нашем государстве, окончания периода перестройки, вхождения в жизнь советского общества элементов рыночной экономики, по итогам 1991 года количество зарегистрированных преступлений по сравнению с 1987 годом возросло на 45,3 % и составило 2 167 964, в то время, как раскрываемость значительно сократилась – в указанный год выявлено всего 956 258 лиц, совершивших преступные деяния. Уровень рецидивной преступности снизился и составил 26,9 %, что явилось следствием низкой раскрываемости совершенных преступлений.

К 1995 году количество регистрируемых преступлений продолжает расти и уже составляет 2 755 669, что на 21,33 % больше, чем по итогам 1991 года. Количество выявленных лиц составило 1 595 501, а удельный вес рецидивистов вновь снизился и составил 22 %.

Сокращение уровня регистрируемых преступлений продолжается в 1998 году и составляет 2 581 940, из которых выявляется 1 481 503 лиц, совершивших преступления, в том числе 24,9 % – лица, ранее совершавшие преступления.

2000 год характеризуется ростом преступлений. Было зарегистрировано 2 952 367 преступных деяний, выявлено – 1 741 439 лиц, среди которых 29,8% – рецидивисты.

В целом, характеризуя период конца 1980-х – начала 2000-х можно наблюдать достаточно нестабильную обстановку во всех областях государственно-политической и социально-экономической сфер жизни общества, что безусловно не могло не отразиться на состоянии преступности, а именно на росте регистрируемых преступлений в указанный временной отрезок, который возрос на 59,8 %.

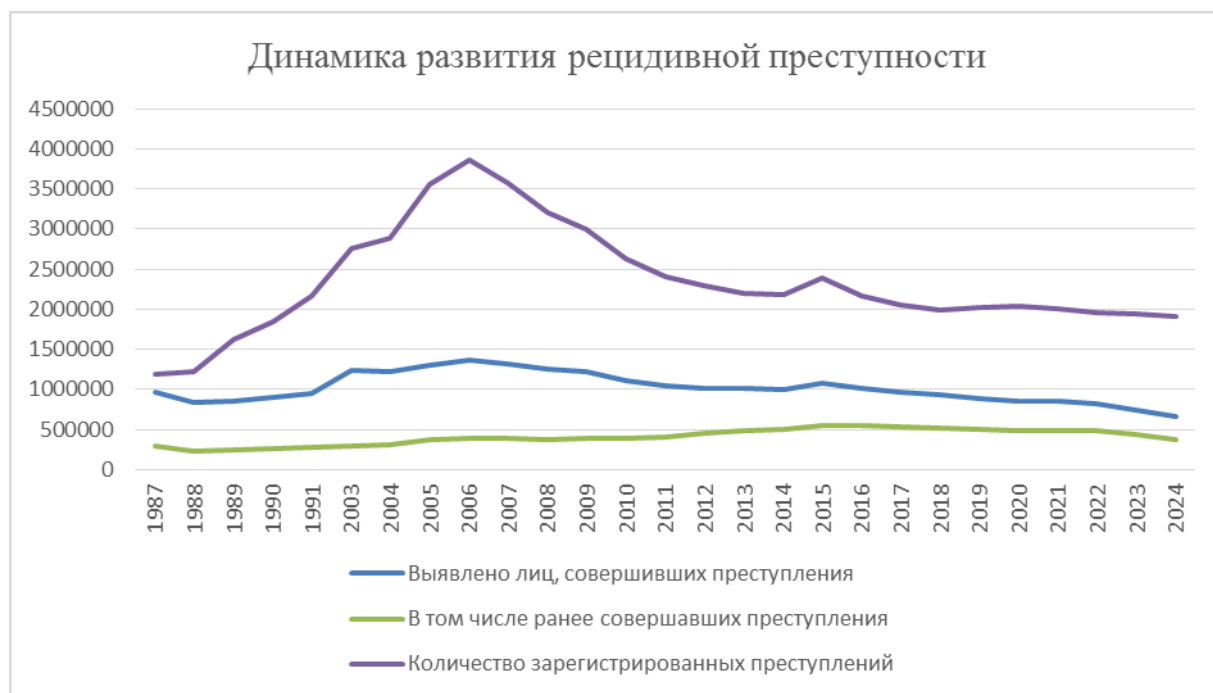
В середине 2000-х наблюдается резкий рост уровня преступности в целом, так, в 2005 году было зарегистрировано 3 554 738 преступлений, а в 2006 году – 3 855 373 преступных деяния при том, что выявлялось только около трети лиц, совершивших преступления (1 297 123 и 1 360 860 соответственно). Уровень рецидивной преступности составлял 28,8 % от выявленных лиц.

Следующие семь лет наблюдается снижение количества регистрируемых преступлений: по итогам 2014 года данный показатель сократился на 43,2 % по отношению к 2006 году и составил 2 190 578. Вместе с тем, уровень рецидивной преступности продолжает неуклонно расти и уже по итогам 2014 года составляет 50,8 %.

Далее, с 2015 года (когда количество регистрируемых преступлений вновь увеличилось по сравнению с 2014 годом и составило 2 388 476) по 2022 год количество преступлений ежегодно снижалось и по итогам 2022 года вернулось к уровню 1990 года – данный показатель равен 1 966 765. Однако удельный вес лиц, ранее совершавших преступления уже приближается к 60 % от всех выявленных при совершении преступления лиц.

Динамику развития рецидивной преступности наглядно демонстрирует таблица 1.

Таблица 1

Говоря об уровне рецидивной преступности, нельзя не провести качественно/количественный состав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Так, в исправительных учреждениях отечественной пенитенциарной системы, согласно материалам специальной переписи 1989 года содержалось 56,8 % рецидивистов, по итогам 1999 года – 53 %. Согласно официальной статистике ФСИН России, по итогам 2009 года в исправительных учреждениях количество лиц, отбывающих наказание во второй и более раз составило 47,8 %, в 2021 году данный показатель значительно возрос и составил 61 %.

Концентрация наиболее опасных, криминально зараженных личностей в местах лишения свободы происходит на фоне снижения общего количества осужденных к лишению свободы: по состоянию на 1 января 1999 года в исправительных учреждениях отбывало наказание

996 927 осужденных, в то время как в 2021 году этот показатель сократился практически на треть и составил 352 573 осужденных.

Наибольший спад количества осужденных к лишению свободы произошел в период с 2011 по 2021 годы (произошло сокращение на 44,9 % с 639 626 до 352 573 осужденных). Прежде всего это связано с курсом государства, направленным на гуманизацию уголовной политики – введением новых уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, декриминализацией ряда преступлений.

В борьбе с преступностью, как с негативным социально-правовым явлением необходимо объединить усилия как государственных органов, так и общества в целом. Преступное поведение должно стать неприемлемым и находить широчайшее общественное порицание. Данный процесс может занять достаточно продолжительный период времени и должен включать меры как общей профилактики рецидивной преступности, так и частной.

К мерам общей профилактики рецидивной преступности относятся:

1. Изменение социально-экономической ситуации в государстве и как следствие рост благосостояния населения и повышение уровня жизни.
2. Активизация усилий государства, направленных на идеологическое воспитание граждан. Культивация патриотизма в неразрывной связи с законопослушным и социально одобряемым поведением, исключающим коррупционные формы поведения. Данная мера также повлечет повышение авторитета органов государственной и муниципальной власти, правоохранительной системы в целом.
3. Совершенствование системы образования в дошкольных, школьных, средне-специальных и высших образовательных организациях. Уход от образования как от услуги, к образованию – как к многофакторному процессу, сопряженному с познанием и воспитанием, в том числе правовым и направленному на воспитание высоконравственных граждан.
4. Усиление роли института общественного контроля, в том числе с применением успешного исторического опыта. Привлечение трудовых и образовательных коллективов, а также средств массовой информации.
5. Возрождение специализированных учреждений (ЛТП) для лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками и ведущими антиобщественный образ жизни.

Кроме указанных мер общей профилактики рецидивной преступности следует выделить меры специально-криминологической профилактики:

1. Совершенствование стадии досудебного расследования, а также правоприменительной деятельности, включающие в себя в том числе внедрение новых методик предварительного следствия, делающих неотвратимым уголовные наказания и минимизирующими безнаказанность за содеянное преступление.
2. Реализация мер, направленных на повышение эффективности уголовных наказаний, в том числе посредством совершенствования уголовного законодательства и уголовной политики.
3. Дальнейшая совместная, кропотливая работа органов государственной власти и муниципального самоуправления, различных институтов гражданского общества направленная на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных, в первую очередь посредством применения института probation.

Проведенный исторический анализ развития рецидивной преступности позволяет составить прогноз на ее развитие в ближайшем будущем, на актуальности и важности указанной проблемы, а также на необходимости принятия безотлагательных мер реагирования на сложившуюся ситуацию.

Для сокращения уровня совершаемых повторных преступлений важно проводить качественную индивидуальную воспитательную работу с каждым осужденным, начиная с момента его прибытия в исправительное учреждение. Важно изучать его личность, выявлять глубинные причины и условия, способствовавшие совершению преступного деяния и которые могут привести к совершению повторного преступления.

Воспитательную работу необходимо строить на основе индивидуального плана, особое внимание уделяя имеющимся (возникающим) проблемным вопросам и трудностям осужденного, например:

- организация получения образования, в том числе профессионального;
- оказание помощи в восстановлении утраченных социально-полезных связей, поддержание имеющихся;
- вовлечение осужденного в общественную жизнь учреждения (привлечение его к творческим, спортивным и иным мероприятиям) и т.д.

Воспитательная работа с осужденным не должна заканчиваться его освобождением из мест лишения свободы. Многие осужденные, освободившись из исправительных учреждений находятся в абсолютной дезориентации, сталкиваются с целым рядом проблем. Для решения которых 06.02.2023 года был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации», целью которого, в том числе является сокращение рецидивной преступности. Закон предполагает целый комплекс мероприятий, направленный на подготовку осужденных к освобождению, а также на сопровождение указанных лиц после отбытия уголовных наказаний.

Немаловажным фактором при оказании помощи является взаимодействие между субъектами probation, которые должны обладать всей полнотой информации относительно лица, в отношении которого применяется probation, в целях оказания ему именно той помощи, в которой он нуждается.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ "О probation в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями).

References:

1. Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" (with amendments and additions).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_558

УДК 343

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

ЛУЦЕНКО Виктория Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры специальных дисциплин
Владивостокского филиала, Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шиловой.
692502, Россия, Приморский край, г. Уссурийск, Охотничья ул., 1А.
E-mail: mao79us@mail.ru;

БОНДАРЕВ Алексей Сергеевич,

инспектор ОИК УВМ УМВД России по Приморскому краю.
692000, Россия, Приморский край.
E-mail: mao79us@mail.ru;

LUTSENKO Viktoriya Evgenievna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Special Disciplines
Vladivostok branch of the Far Eastern Judicial Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
1A Okhotnaya str., Ussuriysk, Primorsky Krai, 692502, Russia.
E-mail: mao79us@mail.ru;

BONDAREV Alexey Sergeevich,

Inspector of the immigration control Department of the Migration administration
of the Ministry of Internal Affairs of Russia Primorsky Krai.
Primorsky Krai, 692000, Russia.
E-mail: mao79us@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются существующие правовые коллизии, и судебная практика, связанные с квалификацией действий обороняющегося. Рассматриваются спорные вопросы и разграничения необходимой обороны и превышения ее пределов, включая субъективную оценку опасности и посягательства и соразмерность средств защиты. Авторы выдвигают предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации с целью снижения правовой неопределенности. Особое внимание уделяется необходимости учета психофизического состояния лица, действовавшего в условиях необходимой обороны, а также расширению границ допустимого вреда при защите от общественно опасного посягательства.

Abstract: The article analyzes existing legal conflicts and judicial practice related to the qualification of the actions of the defender. Controversial issues and distinctions between necessary defense and exceeding its limits are considered, including the subjective assessment of danger and encroachment and the proportionality of the means of defense. The authors put forward proposals to improve the criminal legislation of the Russian Federation in order to reduce legal uncertainty. Special attention is paid to the need to take into account the psychophysical state of a person who acted in conditions of necessary defense, as well as to expand the boundaries of permissible harm while protecting against a socially dangerous encroachment.

Ключевые слова: Необходимая оборона, превышение пределов обороны, уголовная ответственность, правоприменительная практика, соразмерность защиты, изменения законодательства Российской Федерации.

Keywords: Necessary defense, exceeding the limits of defense, criminal liability, law enforcement practice, proportionality of defense, changes in the legislation of the Russian Federation.

Для цитирования: Луценко В.Е., Бондарев А.С. Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере превышения пределов необходимой обороны // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 558-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_558.

For citation: Lutsenko V.E., Bondarev A.S. Improvement of criminal legislation and law enforcement practice in the field of exceeding the limits of necessary defense // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 558-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_558.

Статья поступила в редакцию: 01.04.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

Одним из актуальных вопросов уголовного законодательства, имеющего как теоретическое, так и практическое значение, является применение института необходимой обороны.

Исходя из сущности института необходимой обороны и фундаментальности ценностей, защищаемых Конституцией РФ, на первый план выступает человек, его личность и права, как обороняющегося, так и других лиц. Это полностью соответствует содержанию конституционных принципов и норм.

Действующая редакция ст. 37 Уголовного кодекса РФ еще более подтверждает эту позицию. Прежняя пассивная констатация неправомерности действий, совершаемых в состоянии необходимой обороны, сменилась на стремление к четкому определению условий их правомерности, что, хотя и не является прямым призывом к совершению таких действий, все же указывает на их допустимость.

В некоторых случаях определение границ необходимой самообороны может представлять собой сложную задачу. Неправильная оценка ситуации и превышение допустимых пределов необходимой самообороны могут быть квалифицированы как преступление и повлечь уголовную ответственность.

Поскольку действия, связанные с применением права на необходимую оборону, причиняющие вред или ущерб, по внешним признакам напоминают уголовно-наказуемые деяния, правоохранительные органы сталкиваются с серьезной проблемой дифференциации правомерного и

противоправного поведения лица, применившего меры самозащиты.

Данная ситуация порождает существенные разногласия между нуждами защищающейся стороны и предписаниями уголовного законодательства. Эти вопросы и определили актуальность данной темы.

Для формирования адекватного понимания понятия «превышения пределов необходимой обороны» необходимо, в первую очередь, провести классификацию данного обстоятельства. В настоящее время в юридической науке и судебной практике отсутствует консенсус по данному вопросу.

Данная тема активно обсуждается в юридической литературе. Основные разногласия связаны с различным толкованием видов превышения пределов необходимой обороны. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, превышение пределов необходимой обороны квалифицируется как действие, при котором защита со стороны лица, подвергшегося нападению, не соответствует характеру и степени опасности посягательства. Некоторые ученые интерпретируют это понятие исключительно как чрезмерную защиту. Другие же предлагают более широкое включение, включающее и другие виды превышения, например, допустимых сроков самообороны [10].

Большинство ученых-правоведов, изучая данный вопрос, приходят к мнению, что превышение пределов самообороны делится на два вида:

- 1) Превышение пределов необходимой обороны, выразившееся в несвоевременности защиты;
- 2) Превышение пределов необходимой обороны, выразившееся в несоразмерности применяемых средств защиты относительно характера происшедшего нападения [2].

Для понимания пределов превышения необходимой обороны, необходимо сформулировать условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству [9]:

- ☐ общественная опасность;
- ☐ действительность;
- ☐ наличие посягательства

Общественная опасность посягательства означает, что его направленность на причинение вреда личности, обществу или государству, сопоставима с вредом, который может быть причинен в результате преступных действий. Однако это не подразумевает, что любое такое посягательство автоматически квалифицируется как преступление.

Существующий характер посягательства является одним из ключевых условий его общественной опасности. Это означает, что посягательство должно быть реальным, а не продуктом воображения лица, защищающегося от него. В случае отсутствия реального посягательства возникает ситуация так называемой мнимой обороны, которая представляет собой защиту от угрозы, существующей лишь в воображении.

Мнимая оборона предполагает противодействие несуществующему, кажущемуся, но фактически не имеющему места общественно опасному деянию.

Действие признается начавшимся, а следовательно, подлежащим защите, только в том случае, если оно уже совершается, но еще не завершено. Следует подчеркнуть, что правомерность необходимой обороны не ограничивается исключительно моментом совершения общественно опасного посягательства. Оно также распространяется на ситуации, когда существует реальная угроза нападения. В тех случаях, когда акт посягательства завершен, но при сложившихся обстоятельствах лицо, подвергшееся нападению, не имело возможности точно установить факт его окончания, самооборона признается оправданной, если она непосредственно последовала за этим актом. [8].

Наиболее распространенной формой превышения пределов необходимой самообороны является несоразмерность защитных действий характеру и степени угрозы посягательства, что в юридической практике именуется «чрезмерной обороной». Следует отметить, что в реальных ситуациях защита может одновременно обладать признаками как чрезмерности, так и несвоевременности [4].

Данная защита может выражаться в:

1. несоразмерности защитных действий опасности: когда меры самозащиты не соответствуют уровню угрозы, направленной против гражданина;
2. несоответствию вреда: когда нанесенный или потенциальный вред явно не соответствует причиненному;
3. умышленной провокации: когда гражданин преднамеренно провоцирует нападение для применения самообороны;
4. неадекватной оценке ситуации: когда характер и степень нападения можно было оценить адекватно, но гражданин не провел такой оценки [5].

Таким образом, указанный тип превышения допустимых рамок необходимой обороны играет важную роль в точном определении границы между законным применением силы в целях самозащиты и ее превышением.

Также хотелось бы обратить внимание на понятие соразмерности нанесенного ущерба, ученые-правоведы уделяли недостаточно внимания изучению данного термина, упуская необходимость его рассмотрения в качестве одного из видов превышения необходимой самообороны. В данном случае установить точные рамки соответствия между преступным деянием человека и силовым методом воздействия на него достаточно сложно.

В научных трудах Симашенкова П. Д. выделяются три основные ситуации с явным эксцессом мер по задержанию преступника:

1. Преступнику был причинен ущерб, не вызванный необходимостью;
2. Ущерб не соответствовал характеру и степени тяжести совершенного преступления;

3. При совокупности обоих видов превышения.

Немаловажным фактором для правомерности является и обстановка, включающая в себя время и место ареста, наличие или отсутствие сопротивления, личность задерживаемого, физическая сила преступника и задерживающих. Достаточно часто ситуация задержания происходит быстро, что не всегда позволяет правильно определить целесообразность применяемого способа. В данном случае закон не требует точного соблюдения равенства между средствами захвата и опасностью совершенного злодеяния [11].

Рассмотрим соотношение терминов «необходимой обороны» и «самообороны». Необходимая оборона – оправданное причинение вреда человеку, который покусился на права и законные интересы другого гражданина, а также на устои общества или государственный строй (ст. 37 УК РФ).

Понятие самообороны (реже – самозащиты) в законодательстве отсутствует. Махов С.Ю. определяет самооборону как отпор, который был оказан нападавшему лицу. Действия или комплекс противодействий, направленные на защиту себя и своего имущества, или другого человека и его имущества, в случае угрозы со стороны третьих лиц.

В соответствии с законодательством РФ, понятие необходимой обороны охватывает правомерные действия лица, направленные на защиту собственных прав, а также прав и интересов других граждан, общества в целом или государства от противоправных посягательств со стороны правонарушителя.

В случае нарушения данных обстоятельств предусматриваются два вида вины:

1. Умышленное превышение пределов необходимой обороны;
2. Умышленное превышение мер по задержанию преступника;

Преступность здесь выражается в чрезмерном причинении ущерба здоровью посягающего, явно несоответствующему обстоятельствам, а также характеру совершенного правонарушения или посягательства.

Субъектом данного преступления в обоих случаях выступает физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Основополагающим признаком субъективной стороны рассматриваемых преступлений является наличие вины, выражающейся в форме прямого или косвенного умысла [1].

Если способы отражения опасности не соответствуют характеру посягательства, причем несоответствие такой защиты явное, очевидное – это считается превышением пределов необходимой обороны. Каждый конкретный случай должен рассматриваться досконально, так как здесь ярко выражено субъективное отношение граждан к происходящему.

Так, профессиональные спортсмены или сотрудники силовых структур, владеющие приемами самообороны без оружия или рукопашного боя, имеют больше шансов обороняться от преступных посягательств. Однако, согласно Уголовному кодексу РФ, они имеют такое же право на необходимую оборону, как и все остальные граждане.

Рассматривая институт самообороны, хотелось бы упомянуть об основных категориях в этой сфере. В законодательстве, формально, а зачастую и нет, утвердилось два полярных представления о необходимой обороне: «отступай, пока можешь» или «мой дом – моя крепость» [7].

Первая концепция самозащиты фактически утверждает, что жизнь и права преступника не многим менее ценны, чем у жертвы нападения, сама жертва должна предпринять все усилия, чтобы избежать применения силы. Вариации этого подхода разнятся, где-то за любое убийство нападающего человек непременно отправится в тюрьму по всей строгости закона, где-то ему «повезет» получить «состояние аффекта» и получить меньший срок. В некоторых случаях, в целях доказать оправданность самозащиты необходимо доказать, что у гражданина не было физической возможности бежать. Российские суды часто руководствуются этим неписанным правилом.

Другая концепция, «мой дом – моя крепость» гласит, что человек в праве защищаться в собственном жилище, и сам факт нападения на него у себя в доме уже достаточен для признания действий по самообороне оправданными, так как доказать угрозу жизни значительно сложнее, чем вторжение в жилище человека.

В своей наиболее последовательной версии эта же правовая доктрина называется «не обязан отступить» и предполагает, что любая самозащита законна там, где человек находится законно, понятие «мой дом – моя крепость» таким образом, распространяется и на общественные пространства. Подобный подход реализуется, например, в ряде отдельных штатов США, однако законодательство каждого отдельного штата предусматривает свои особенности.

Общее правило таково: человек имеет право применить силу при необходимости защитить себя или другого человека от противоправных насильственных действий. В случаях с применением «несмертельного насилия», человек должен четко осознавать, что применение силы было необходимым, чтобы избежать травм. Если используется «смертоносное насилие», потерпевший в суде должен будет доказать, что ему пришлось применить, например, огнестрельное оружие из-за серьезных угроз тяжелых травм или риска для жизни.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации четко определены границы необходимой обороны и условия, доказывающие правомерность необходимой обороны.

Данные условия состоят из следующих обстоятельств:

1. Совершение преступником действий насильственного характера по отношению к вам или вашим близким;
2. Защита проводилась в ситуации, представляющей непосредственную опасность для здоровья или жизни. При этом действия, направленные на предотвращение такого посягательства, могут быть квалифицированы как противоправное нападение;
3. Посягательства злоумышленника носили общественно-опасный характер, т.е. представляли угрозу, как минимум, для одного чело-

века [1].

Как было уже упомянуто выше, необходимая оборона, в результате которой был нанесен вред нападавшему лицу, не является преступлением. Основное условие – действия лица должны быть совершены в обстоятельствах угрозы его жизни и здоровью со стороны другого лица. Другими словами, для защиты себя и своих близких при нападениях, избиениях или любыми другими видами насилия, угрожающих их здоровью.

А также в тексте Уголовного кодекса РФ вполне четко разграничил оборону и нападение, а потому, чтобы защита была расценена как необходимая оборона, должны быть соблюдены следующие условия, помимо указанных в предыдущем пункте:

1. Активная защита, которая выражается в активных действиях обороняющегося лица по ответному причинению физического вреда нападающему;
2. Нанесение вреда в пределах опасности деяний, наносимых атакующим;
3. Своевременность самообороны по принципу «здесь и сейчас». Если лицо, ранее ставшее жертвой нападения, решит спустя время отомстить обидчику с помощью нападения, то действия не будут расценены как самооборона.
4. Соразмерность самообороне и действий атакующего;
5. Реальность нападения атакующего, а не одно лишь озвучивание угроз [1].

Не обходимо отметить, что кроме физического вреда, наносимого в роли необходимой самообороны, может быть нанесен имущественный вред. Однако он должен быть нанесен в ходе действий по самообороне.

Несмотря на то, что УК РФ четко определяет пределы необходимой обороны, ни одна правовая конструкция не может считаться совершенной. В связи с этим, представляется уместным высказать мнение о некоторых положениях нормы о необходимой обороне, требующих, по нашему мнению, уточнения.

Необходимая оборона как юридический институт, включающий в себя совокупность норм уголовного права, разрешает причинение вреда в целях защиты от общественно опасного посягательства. Однако уголовно-правовое значение этой нормы определяется не столько самой необходимостью, сколько тем фактом, что при этом неизбежно нарушаются охраняемые общественные отношения [6].

С нашей же точки зрения, в системе уголовного права недостаточно урегулированы вопросы, связанные с возникновением права на необходимую оборону, а также критерии ее правомерности. В ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации указано, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, что распространяется и на защиту от общественно опасного посягательства.

Уголовный кодекс в ч. 3 ст. 37 лишь декларирует положение об изначальном существовании этого права у всех лиц, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, то есть указывает на отсутствие каких-либо ограничений [1].

Российское Уголовное законодательство предусматривает возможность причинение вреда лицу, совершающему общественно опасное деяние, в случаях допустимой обороны. Однако, если действия по защите явно несоразмерны характеру и степени опасности посягательства, они квалифицируются как противоправные. По нашему мнению, наименование ст. 37 УК РФ целесообразно было бы изменить на «Причинение вреда при необходимой обороне». Данное название более точно отражает содержание и юридическую природу данной нормы, а также уточняет ее правовое назначение [12].

Необходимо подчеркнуть, что аналогично предложению по совершенствованию данной статьи УК законодатель использовал аналогичный подход при регламентации в уголовном праве допустимых действий при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, указав в названии ст. 38 УК РФ следующее: «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Важно подчеркнуть, что законодатель, в ст. 37 УК РФ определил лишь виды необходимой обороны (ч.ч. 1, 2 и 2.1) и критерии, которым должны соответствовать действия лиц, ее осуществляющих (ч. 3). При этом, сам термин «необходимая самооборона» в юридическом смысле не получил своего определения в рамках данной статьи [12].

Мы считаем, что закрепление данного правового понятия в рассматриваемой статье, позволило бы четко определить рамки необходимой обороны и адекватно отразить ее суть. Как показывает анализ юридической литературы, существует множество определений термина «необходимая оборона».

На наш взгляд, законодателю следовало бы выбрать определение, которое обеспечивало бы наилучшее соотношение теоретических основ и практического применения данного понятия.

В качестве определения понятия «необходимая оборона» можно предложить следующее толкование: необходимая оборона – это законно оправданное противодействие общественно опасному посягательству, реализуемое посредством нанесения вреда лицу, совершающему посягательство.

Следующий аспект, требующий уточнения, касается, на наш взгляд, не вполне корректной юридической формулировки положений Уголовного кодекса, изложенных в ч. 2 ст. 37 УК РФ. В данной части определяется законность самозащиты в случаях, когда посягательство не сопровождается насилием, непосредственно угрожающим жизни защищаемого лица или другого лица, либо непосредственной угрозой применения такого насилия. При этом самозащита признается правомерной только при условии отсутствия превышения пределов необходимой обороны. Это означает, что умышленные действия, защищаемого лица не должны явно выходить за рамки характера и степени опасности посягательства [3].

Считаем, что целесообразно было бы начать положения ч. 2 ст. 37 УК РФ с формулировки «Не является преступлением». Необходимая оборона, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, должно быть сформулировано таким образом, чтобы позволить однозначно определить условия, при которых действия лица, ее осуществляющего, считаются правомерными.

Следует подчеркнуть, что данная норма направлена на легитимацию не самого акта самообороны, а причиненного в ходе нее вреда.

Субъективная сторона необходимой обороны, связанная с психическими моментами жизнедеятельности при самозащите, в настоящее время играет решающую роль в российском уголовном праве. Ее оценка является сложнейшим элементом в классификации пределов самообороны и в то же время необходимым.

Суд принимает во внимание, что пострадавший не способен оценить необходимую силу для самообороны. В случае, если момент внезапной боли человек действовал исходя из честных и инстинктивных побуждений, считая свои действия необходимыми, это может быть расценено как весомое доказательство применения силы в пределах разумной обороны [8].

В 2022 году Комитет Госдумы по развитию гражданского общества, выдвинул предложение, предусматривающее исключение из законодательства нормы об ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Аргументирую свою позицию, комитет ответил, что принятие данного законопроекта поспособствует усилению чувства защищенности граждан и обеспечит их уверенность в легитимности действий, направленных на самооборону и защиту своих близких.

Основная задача действий в состоянии необходимой обороны заключается в предотвращении преступления и защите законных интересов лица, применяющего такую оборону. Причинение вреда лицу, посягающему на жизнь и здоровье, в рамках необходимой обороны является вынужденной мерой, вызванной сложившимися обстоятельствами.

В тоже время остаётся открытым вопрос о том, как будут квалифицированы данные случаи при отсутствии норм, которые их регламентируют? Скорее всего, этот пробел будет восполняться нормами, которые регулируют причинение вреда здоровью или убийство.

Таким образом, актуальная редакция нормы о необходимой обороне требует уточнения с целью корректировки ключевых характеристик, играющих важную роль в юридической оценке действий лица, осуществляющего защиту. Так, необходимо урегулировать вопросы возникновения права на необходимую оборону и ее правомерность. Конкретизировать название статьи 37 УК РФ и в этой же статье дать четкое и понятное определение необходимой обороны.

Перечисленные и проанализированные выше предложения могут стать основой для дальнейших исследований в рассматриваемой области.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
2. Арутюнян Г.Р. Виды превышения пределов необходимой обороны. Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 5 (32). С. 175-177
3. Бавсун М.В., Векленко, С.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны. М.: Юрайт, 2018. С. 43.
4. Головкин Н.В. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве // Российский следователь. 2017. № 6. С. 23.
5. Городнова О.Н. Понимание и реализация права на необходимую оборону // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 219.
6. Колесников Р.В. Институт необходимой обороны: законодательное закрепление, обоснованность применения, судебная практика. В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2022. С. 304-306
7. Копнов А. Необходимая оборона: мировой и исторический опыт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.osa-defence.ru/stati/raznoe_14/neobkhodimaya_oborona_mirovoy_i_istoricheskiy_opyt_e34/
8. Мельников, В. Ю. Актуальные Проблемы уголовного права и процесса / В. Ю. Мельников, Б. Б. Джамалова, К. Ф. Абдуллаев. – Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2019. – 342 с.
9. Побегайло, Э. Ф. Пределы необходимой обороны / Э. Ф. Побегайло // Российский ежегодник уголовного права. – 2008. – № 2. – С. 228-278.
10. Поезжалов В.Б. К вопросу о юридической природе необходимой обороны // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 3 (65). С. 31.
11. Симашенков П.Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. 2015. № 6. С. 55.
12. Тляумбетов, Р. Г. Некоторые пути совершенствования уголовного законодательства о необходимой обороне / Р. Г. Тляумбетов // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 1(87). – С. 109-115.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation: federal. Law of June 13, 1996 No. 63-FZ. [Electronic resource] SPS "ConsultantPlus".
2. Arutyunyan G.R. Types of exceeding the limits of necessary defense. Issues of humanitarian sciences. 2007. No. 5 (32). P. 175-177
3. Bavsun M.V., Veklenko, S.V. Qualification of crimes based on the signs of the subjective side. Moscow: Yurait, 2018. P. 43.
4. Golovko N.V. Institute of necessary defense in Russian criminal law // Russian investigator. 2017. No. 6. P. 23.
5. Gorodnova O.N. Understanding and implementation of the right to necessary defense // Bulletin of the Chuvash University. 2012. No. 4. P. 219.
6. Kolesnikov R.V. Institute of necessary defense: legislative consolidation, validity of application, judicial practice. In the collection: Actual problems of the activities of the UIS units. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Voronezh, 2022. P. 304-306
7. Kopnov A. Necessary defense: world and historical experience. [Electronic resource]. URL: http://www.osa-defence.ru/stati/raznoe_14/neobkhodimaya_oborona_mirovoy_i_istoricheskiy_opyt_e34
8. Melnikov, V. Yu. Actual Problems of Criminal Law and Procedure / V. Yu. Melnikov, B. B. Dzhamalova, K. F. Abdullaev. - Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Science and Education Fund", 2019. - 342 p.
9. Pobegaylo, E. F. Limits of necessary defense / E. F. Pobegaylo // Russian Yearbook of Criminal Law. – 2008. – No. 2. – P. 228-278.
10. Poezhalov VB On the legal nature of necessary defense // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3 (65). P. 31.
11. Simashenkov PD Necessary defense as a conflict of interests: historical experience and new approaches to qualification // Concept. 2015. No. 6. P. 55.
12. Tlyumbetov, RG Some ways to improve criminal legislation on necessary defense / RG Tlyumbetov // Bulletin of VEGU. – 2017. – No. 1 (87). – P. 109-115.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР «ПРОТОКОЛ № 6 К КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 ГОДА»
КАК ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
THE INTERNATIONAL TREATY «PROTOCOL No. 6 TO THE CONVENTION
FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL
FREEDOMS 1950» AS A PART OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW SYSTEM**

ЛУЩАЕВА Мария Дмитриевна,

аспирант Сибирского федерального университета,
ассистент кафедры уголовного права Юридического института
Сибирского федерального университета.
ул. Маерчака, д. 6, г. Красноярск, Красноярский край, Российская Федерация, 660075.
E-mail: lusmaria777@yandex.ru;

LUSHCHAEVA Maria Dmitrievna,

postgraduate student at the Siberian Federal University,
assistant of the Department of Criminal Law at the Law Institute of the Siberian Federal University.
6 Maerchaka St., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, Russian Federation, 660075.
E-mail: lusmaria777@yandex.ru

Краткая аннотация. На сегодняшний день подписанный, но не ратифицированный Протокол № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года занимает особое положение в системе уголовно-правового регулирования. С одной стороны, он не соответствует формальным критериям, перечисленным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5, при наличии которых международный договор становится частью российской правовой системы. При этом он не относится к числу временно применяемых международных договоров, которые до их ратификации также являются частью правовой системы РФ. С другой стороны, в силу решения Конституционного Суда РФ, содержащегося в Постановлении от 02.02.1999 № 3-П и Определении от 19.11.2009 № 1344-О-Р, Протокол № 6 фактически стал частью российской уголовно-правовой системы, поскольку смертная казнь, предусмотренная в санкциях пяти статей УК РФ, в настоящее время не применяется благодаря установленному Конституционным Судом РФ мораторию, в том числе, с целью исполнения международных обязательств России. Бессрочное сохранение подобной ситуации нежелательно, так как вносит правовую неопределенность в механизм уголовно-правового регулирования конституционного права на жизнь в том смысле, который ему придается ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. В связи с этим предлагается отозвать подпись Российской Федерации под Протоколом № 6 и снять его с ратификации. Хотя такое решение не отменит существующий мораторий на применение смертной казни, но поможет, хотя бы частично, преодолеть неоднозначность и противоречивость правового регулирования данного вопроса.

Abstract. Nowadays Protocol No. 6 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950, which has been signed but not ratified, occupies a special position in the system of criminal law regulation. On the one hand, it does not meet the formal criteria listed in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 dated 10.10.2003, in the presence of which an international treaty becomes a part of the Russian legal system. At the same time, it does not belong to the temporarily applicable international treaties, which are also a part of the Russian legal system prior to their ratification. On the other hand, by virtue of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation contained in the Resolution No. 3-P dated 02.02.1999 and the Ruling No. 1344-O-R dated 19.11.2009, Protocol No. 6 has de facto become a part of the Russian criminal legal system, as the death penalty, stated as the sanction in five articles of the Criminal Code of the Russian Federation, is not currently applied due to the moratorium established by the Constitutional Court of the Russian Federation, including for the purpose of fulfilling Russian international obligations. The conservation of such a situation for an indefinite period is undesirable, as it introduces legal uncertainty into the mechanism of criminal law regulation of the constitutional right to life in the sense given to it by Part 2 of Article 20 of the Constitution of the Russian Federation. In this regard, it is proposed to revoke the signature of the Russian Federation under Protocol No. 6 and withdraw it from ratification. Although such a decision will not cancel the existing moratorium on the death penalty, it will help, at least partially, overcome the ambiguity and inconsistency of the legal regulation of this issue.

Ключевые слова. Международный договор, Протокол № 6, российская уголовно-правовая система, источник уголовного права, мораторий на смертную казнь.

Keywords. International Treaty, Protocol No. 6, Russian criminal law system, source of criminal law, moratorium on the death penalty.

Для цитирования: Лущаева М.Д. Международный договор «Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года» как часть российской уголовно-правовой системы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 563-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_563.

For citation: Lushchaeva M.D. The international treaty «Protocol No. 6 to the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms 1950» as a part of the Russian criminal law system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 563-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_563.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах РФ» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (далее – ФЗ «О международных договорах РФ») международные договоры являются частью правовой системы Российской Федерации, и, следовательно, частью российской уголовно-правовой системы. Авторы комментариев выделяют два условия, при которых международные договоры становятся частью правовой системы РФ: 1) выражение согласия РФ на обязательность международного договора (в форме подписания договора, ратификации договора, присоединению к договору или в иной форме, указанной в ст. 6 ФЗ № 101-ФЗ); 2) вступление международного договора в силу [1, 2]. Перечисленные условия полностью повторяют положения п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года (далее – Постановление Пленума ВС РФ 2003 г.), в котором перечислены условия, при которых международный договор подлежит применению на территории РФ [3]. В связи с этим возникает вопрос, являются ли частью российской правовой системы подписанные,

но не ратифицированные международные договоры, если ратификация требуется в соответствии со ст. 15 ФЗ «О международных договорах»? Данные международные договоры делятся на два вида: подлежащие временному применению и не подлежащие временному применению.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 ФЗ «О международных договорах» международный договор или его часть могут применяться временно до вступления в силу договора, если это предусмотрено в договоре или если об этом было достигнута договоренность сторон. В 2012 году Конституционный Суд прямо установил, что положения временно применяемых международных договоров становятся частью правовой системы Российской Федерации и подлежат применению наравне со вступившими в силу международными договорами (если иное специально не было оговорено РФ), поскольку в противном случае временное применение лишалось бы смысла [4]. Однако в сфере уголовно-правового регулирования временное применение международных договоров не встречается в силу важности затрагиваемых вопросов.

Основным предметом данной статьи является подписанный, но не ратифицированный международный договор, также не подлежащий временному применению, а именно Протокол № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Протокол № 6), устанавливающий, что смертная казнь в мирное время отменяется. Данный международный договор был подписан Российской Федерацией еще 16 апреля 1997 года, однако он до сих пор нератифицирован, несмотря на то, что в силу ст. 15 ФЗ «О международных договорах» подлежит обязательной ратификации. Во-первых, потому что его исполнение требует изменения действующего федерального закона: исключения смертной казни как вида наказаний из Общей части Уголовного кодекса (п. «н» ст. 44 и ст. 59 УК РФ), а также из санкций пяти статей Особенной части (ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ). А во-вторых, его предметом является конституционное право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ).

Российское законодательство или судебная практика не содержат четких разъяснений, являются ли подписанные, но не ратифицированные международные договоры, не подлежащие временному применению, частью российской правовой системы. В соответствии с п. «а» статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция 1969 года) подписанные, но не ратифицированные международные договоры оказывают некоторое воздействие на государство, так как оно обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы такой договор его объекта и цели [5]. В Комментариях к Венской конвенции 1969 года А. Н. Талалаев раскрывает значение вышеупомянутого пункта: в нем находит отражение одна из сторон принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) – добросовестность; в полном объеме принцип *pacta sunt servanda* применяется только к действующим международным договорам, однако такой его элемент, как добросовестность, начинает действовать раньше – с момента подписания договора [6]. Этот же пункт ст. 18 Венской конвенции 1969 года содержит и ограничение – такое обязательство действует до тех пор, пока государство не выразит ясно своего намерения не становиться участником этого договора. А поскольку принцип *pacta sunt servanda* относится к нормам *jus cogens*, то требование не совершать действия, которые лишили бы подписанный договор его объекта и цели до этого момента, носит императивный характер.

Основная сложность заключается в том, что нигде не установлены точные пределы действия указанного требования. Можно лишь предположить, основываясь на истории разработки ст. 18 Венской конвенции 1969 года, что оно «должно распространяться только на действия, которые могли бы существенно понизить способность подписавшего государства исполнять свои договорные обязательства после ратификации или способности других сторон реализовать свои права в соответствии с договором» [6]. Подобную точку зрения можно заметить в иностранной доктрине. Так, Э. Ост отмечает, что единственное, что не должно делать подписавшее договор государство – это что-либо, что могло бы повлиять на его способность в полной мере соблюдать положения договора после его вступления в силу; оно не обязано воздерживаться от всех действий, которые были бы запрещены после вступления в силу этого договора [7]. Действительно, с таким подходом следует согласиться, поскольку иное толкование привело бы к чрезмерному расширению сферы влияния международного права и подрыву государственного суверенитета стран-подписантов международных договоров. А также к потере значения факта ратификации ранее подписанного договора для его воздействия на общественные отношения.

Безусловно, неприменение смертной казни, в том числе ее исключение из УК РФ, является основным обязательством России, вытекающим из Протокола № 6. В 1999 году Конституционный Суд принял Постановление от 2.02.1999 № 3-П (далее – Постановление КС РФ 1999 г.), согласно п. 5 резолютивной части которого в России вводился мораторий на применение смертной казни до тех пор, пока суд присяжных не будет создан во всех регионах РФ [8]. С 1 января 2010 года в последнем субъекте РФ, Чеченской Республике, должны были начать действовать суды с участием присяжных заседателей, что послужило причиной обращения Верховного Суда РФ в Конституционный Суд с запросом об официальном разъяснении Постановления КС РФ 1999 г.

В 2009 году Конституционный Суд указал, что в России в результате длительного неприменения смертной казни на основании моратория «сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни» [9]. В связи с этим введение судов присяжных на всей территории РФ не открывает возможность применения смертной казни. Таким образом, Конституционный Суд не отменил смертную казнь, поскольку это не входит в его полномочия и относится к компетенции законодателя, однако, установил бессрочный мораторий на ее применение [10]. В отношении Протокола № 6 Конституционный Суд РФ определил: факт того, что этот протокол не ратифицирован «не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь» и «в России с 16 апреля 1997 года смертная казнь применяться не может»; однако поскольку данный Протокол все еще не ратифицирован, он «не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в РФ смертную казнь в смысле статьи 20 (часть 2) Конституции РФ» [9].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в РФ в сфере уголовно-правового регулирования сложилась уникаль-

ная ситуация. С одной стороны, Протокол № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод нельзя отнести к временно применяемым договорам, поскольку он не содержит соответствующих положений, и они не были согласованы сторонами. С другой стороны, закрепленные в нем нормы по решению Конституционного суда РФ участвуют в правовом регулировании права на жизнь, поскольку смертная казнь в России не применяется. Изначально предполагалось, что временный мораторий на применение смертной казни после ратификации Протокола № 6 трансформируется в постоянно действующую норму [9]. Однако этого так и не произошло, а поскольку судебным решением не может вводиться новая норма, то основой моратория, наряду с другими факторами указанными в решениях Конституционного суда РФ, также следует считать внесенный в Государственную Думу еще в 1999 году Федеральный закон о ратификации ранее подписанного РФ Протокола № 6 к Европейской конвенции, хотя юридические и социально-политические обстоятельства, послужившие основанием для его подписания и внесения на ратификацию, давно изменились. Более того, в 2023 году Федеральным законом №43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, а также Протоколы 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 14, 15 к этой Конвенции были признаны прекратившими действие в отношении РФ [11]. Однако Протокол № 6 в данном Федеральном законе не был упомянут, поскольку признать прекратившим действие можно только ратифицированный международный договор. Следовательно, сейчас этот договор существует в российской уголовно-правовой системе при отсутствии всей совокупности необходимых оснований для этого, но признать непосредственно действующим его формально нельзя. По общему правилу нератифицированный и не вступивший в силу договор не является действующим. Он непосредственно не порождает каких-либо права и обязанностей. Фигурально выражаясь, он стоит в прихожей, ожидая, когда ему разрешат войти в правовую систему страны путем ратификации. Но Протокол № 6 и в таком виде, как мы видим, оказывает влияние на возможность применения наказания в виде смертной казни, предусмотренной в санкциях пяти статей Особой части УК РФ.

Так возможно ли, при таких обстоятельствах отнести данный нератифицированный Федеральным законом Протокол № 6 к части российской уголовно-правовой системы? Из Определения Конституционного РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р следует положительный ответ, несмотря на то, что формальные критерии, указанные в Постановлении Пленума ВС РФ № 5 от 10 октября 2003 года и Постановлении КС РФ № 8-П от 27.03.2012 года в данном конкретном случае не соблюдаются. На сегодняшний день это единственный и уникальный случай в сфере уголовно-правового регулирования, когда нератифицированный международный договор стал и более 26 лет является частью российской уголовно-правовой системы. Подобное исключение из правил нежелательно и не может существовать вечно, поскольку любое исключение, установленное бессрочно, всегда нивелирует ценность самого правила.

Важно отметить, что автор не пытается в данном случае высказать свою позицию «за» или «против» смертной казни (поскольку целесообразность решения вопроса по существу не входит в предмет данного исследования). Для решения проблемы неопределенности, возникшей в важной сфере уголовно-правового регулирования, когда проявилась неоднозначность и противоречивость юридического разрешения возникшей коллизии, предлагается отозвать подпись Российской Федерации под Протоколом № 6 путем направления Генеральному секретарю Совета Европы уведомления о намерении РФ не стать участником данного международного договора и снять его с ратификации, так как парламент явно не спешит с этим делом в связи с изменившимися социально-политическими условиями жизни общества. При таких обстоятельствах этот договор автоматически выпадет из нашей уголовно-правовой системы. Следует уточнить, что снятие указанного закона с ратификации автоматически не отменяет мораторий на применение смертной казни. В решениях Конституционного суда РФ 1999 и 2009 г. сформирована правовая позиция, в соответствии с которой мораторий на применение смертной казни становится бессрочным, до принятия новой Конституции Российской Федерации [12]. Однако в сфере уголовно-правового регулирования сохранение подобной ситуации на неопределенный срок дезориентирует важную часть системы уголовного права (когда в действующем УК РФ написано одно, но на практике применяется другое), поскольку таким экстраординарным способом оказывается воздействие на реализацию права на жизнь, которое относится конституционным правам и свободам человека.

Известна общая мысль о том, что нет ничего более постоянного, чем временные решения. Хотелось бы в данном случае отойти от этой практики и предложить на законодательном уровне ограничить срок жизни в правовой системе государства подписанных, но не ратифицированных международных договоров, не относящихся к числу временно применяемых, шестью месяцами (по аналогии с ч. 2 ст. 23 ФЗ «О международных договорах»).

Список литературы:

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой; обращение к читателям В. В. Путина. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // URL: <https://www.garant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Издание 3-е, пересмотренное / под ред. В. Д. Зорькина // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
4. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» от 27.03.2012 № 8-П // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
5. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
6. Талалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров : Комментарий. – Москва : Юрид. лит., 1997. – 333 с.
7. Aust A. Handbook of International Law. New York. 2nd ed. 2010. 527 p.
8. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» от 02.02.1999 № 3-П // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).

9. Определение Конституционного Суда РФ «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 19.11.2009 № 1344-О-П // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
10. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. – Санкт-Петербург : Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. – 155 с.
11. Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 №43-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 05.02.2025).
12. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени // Журнал конституционного правосудия. – 2023. – № 2. – С. 1 – 5.

References:

1. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article-by-article): taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 / edited by T. Ya. Khabrieva; appeal to readers of V. V. Putin. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation // URL: <https://www.garant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd edition, revised / edited by V. D. Zorkin // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On Application by Courts of General Jurisdiction of Commonly Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation» No. 5 dated 10.10.2003 (as amended on 03.05.2013) // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the Case of Checking the Constitutionality of Part 1 of Article 23 of the Federal Law «On International Treaties of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen I.D. Ushakov» No. 8-P dated 27.03.2012 // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
5. Vienna Convention on the Law of International Treaties dated 05.23.1969 // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
6. Talalaev A. N. The Vienna Convention on the Law of International Treaties : Commentary. – Moscow : Jurid. lit., 1997. – 333 p.
7. Aust A. Handbook of International Law. New York. 2nded. 2010. 527 p.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Article 41 and Part 3 of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, Parts 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation dated 16.07.1993 «On the Procedure for the Enactment of the Law of the Russian Federation «On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR «On the Judicial System of the RSFSR», the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offences of the RSFSR in connection with the request of the Moscow City Court and complaints from a number of citizens» No. 3-P dated 02.02.1999 // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
9. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation «On clarification of Part 5 of the Operative part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P dated 02.02.1999 on the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Article 41 and Part 3 of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, Parts 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation dated 16.07.1993 «On the Procedure for Enactment of the Law of the Russian Federation «On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR «On the Judicial System of the RSFSR», the Criminal Procedure Code of the RSFSR, The Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offences of the RSFSR» No. 1344-O-R dated 19.11.2009 // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
10. Zorkin V. D. Constitutional justice: procedure and meaning. – St. Petersburg : the Constitutional Court of the Russian Federation, 2021. – 155 p.
11. Federal Law «On Termination of International Treaties of the Council of Europe with Respect to the Russian Federation» No. 43-FZ dated 02.28.2023 // URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 05.02.2025).
12. Zorkin V. D. Judicial power before the challenges of time // Journal of Constitutional Justice. – 2023. – No. 2. – pp. 1-5.

МЕДИКАМЕНТОЗНАЯ КАСТРАЦИЯ КАК МЕРА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ MEDICAL CASTRATION AS A MEASURE OF CRIMINAL PUNISHMENT FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY

МАКОТЕР Мария Игоревна,

студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.

350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: angelkolieva@mail.ru;

ЛУККИ Екатерина Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.

350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

E-mail: angelkolieva@mail.ru;

MAKOTER Maria I.,

student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University.

Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.

E-mail: angelkolieva@mail.ru ;

LUKKI Ekaterina V.,

Candidate of Law, Associate Professor,

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044

E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся необходимости введения нового вида наказания в действующее уголовное законодательство Российской Федерации за преступления против половой свободы несовершеннолетних. А именно включение в систему наказаний принудительных мер коррекционного воздействия в отношении лиц, страдающих расстройствами сексуального предпочтения. Затрагивается опыт зарубежных стран, предусматривающих возможность стерилизации дееспособного лица, совершившего преступления против половой неприкосновенности. Изучаются аргументы за и против применения химической кастрации.

Abstract: This article discusses issues related to the need to introduce a new type of punishment into the current criminal legislation of the Russian Federation for crimes against the sexual freedom of underage-year-olds. Namely, the inclusion in the system of punishments of compulsory corrective measures against persons suffering from disorders of sexual preference. The article touches upon the experience of foreign countries providing for the possibility of sterilization of a capable person who has committed crimes against sexual integrity. The arguments for and against the use of chemical castration are being studied.

Ключевые слова: химическая кастрация, половые преступления, изнасилование, наказание, педофилия, сексуальные расстройства.

Keywords: chemical castration, sexual crimes, rape, punishment, pedophilia, sexual disorders.

Для цитирования: Макотер М.И., Лукки Е.В. Медикаментозная кастрация как мера уголовного наказания за преступления против половой неприкосновенности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_567.

For citation: Makoter M.I., Lukki E.V. Medical castration as a measure of criminal punishment for crimes against sexual integrity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_567.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно данным, приведенным в отчете МВД, в 2024 году зарегистрировано 3104 изнасилования и покушений на изнасилования. Это лишь официально зафиксированные случаи, так как с заявлением в полицию обращаются не все жертвы насилия. Причины различны: это и недоверие к правоохранительным органам, потому что зачастую саму жертву обвиняют в изнасиловании, это и страх осуждения общества, и нежелание переживать травму заново и еще множество оснований, однако все это свидетельствует о неотвратимости общества не поддерживать потерпевших должным образом. Отсюда можно сделать вывод, что изнасилований гораздо больше, чем приведено в отчетах органов внутренних дел. Следовательно, эту проблему можно назвать одной из самых актуальных на сегодняшний день.

Сексуальное насилие – это клинический диагноз с юридическими, социально-культурными и медицинскими последствиями. Определение сексуального насилия включает ряд параметров: время, инцест, сексуальные контакты с несовершеннолетними, сексуальный контакт между ребенком и взрослым, порнографию, сексуальные извращения и склонение несовершеннолетних к сексуальным контактам.¹ Согласно Международной статистической классификации болезней (МКБ-10) по педофилией понимается «сексуальная тяга к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим), обычно пубертатного или ранее пубертатного периода».² Педофилия относится к числу главных криминологических проблем, исследование которых имеет общечеловеческое значение. Ежегодно в России жертвами сексуального насилия становятся около 10 тысяч детей, по мнению МВД, эта цифра в шесть раз меньше, чем настоящее число преступлений.

В 2011 году А.В. Беляковым был внесен законопроект в Государственную Думу о введении в Уголовный кодекс РФ мер принудительной химической кастрации педофилов. Этот проект был отклонен в связи с принятием Федерального закона, который дает возможность суду назначать

¹ Келлог Н. Д. Сексуальное насилие // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2015. №6 (65).

² Международная классификация болезней (МКБ-10). – Электрон. текстовые дан.

принудительные меры медицинского характера лицам, совершившим преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних.¹

В 2019 году депутаты от фракции «Единая Россия» разработали законопроект о введение новой меры наказания, предполагающей «введение в организм препаратов, которые подавляют сексуально влечение». Необходимость принятия данного закона обусловлена ростом преступлений такой направленности. С 2016 по 2019 год рост составил более 20 %. «Если лицо совершит преступление данной категории, то к нему помимо мер уголовного наказания, как в настоящее время, впредь может применяться химическая кастрация. А значит, вероятность повторного совершения преступления, как нередко бывает сегодня, будет сведена к минимуму. И таким образом мы сможем разорвать эту цепочку», — высказал депутат Анатолий Выборный.

В 2020 году Сергей Миронов (лидер партии «Справедливая Россия») предложил радикально ужесточить наказание за тяжкие преступления против детей. Он считает, что за педофилию нужно назначать химическую кастрацию, а за убийство детей - смертную казнь, которая на сегодняшний день не применяется на основании моратория.

В 2023 году ЛДПР начали подготовку законопроекта в связи с увеличением числа сексуальных преступлений против несовершеннолетних. Вице-спикер Госдумы Борис Чернышов заявил: «Возможность применения химической кастрации педофилов уже рассматривалась в парламенте, но тогда предложение было отклонено в связи с высокой стоимостью препаратов. ЛДПР склонна считать такой аргумент несущественным».

Наибольшие споры вызвал вопрос о введение медикаментозной кастрации: стоит ли ее применять или же следует отказаться.

Химическая кастрация представляет собой процедуру инъекции специального препарата, вводимое в организм человека раз в 3-4 месяца, в зависимости от того, какой препарат используется, которое блокирует действие мужского гормона (тестостерон) и подавляет сексуальное влечение.

В организм мужчины вводится специальный препарат – модифицированная форма тестостерона, который блокирует продукцию спермы практически до нулевого уровня, что приводит к полному подавлению сексуального влечения. Химическая кастрация как более гуманная мера наказания пришла на смену варварской физической кастрации. Применение последней в древние и средние века считалось очень жестокой пыткой и наказанием.²

Активный рост педофилии в России связан с излишне гуманным отношением законодательной власти к маньякам. Длительная изоляция от общества не устраняет причины, а лишь на время ограничивает преступника от совершения преступления. Зачастую насильники, осужденные за педофилию, не меняются, когда выходят на волю и рецидив достигает 90%. Сексуальное насилие в России с каждым годом только набирает обороты, и педофилы своими действиями ежегодно калечат судьбы детей и их родителей. Это проявляется в их последствиях. Так, например, ближайшими последствиями травматической ситуации становится эмоциональное расстройство, выраженное в тревоге, переживании гнева, агрессивным антиобщественным поведением, вандализмом. Когнитивные расстройства: навязчивые воспоминания о случившемся, трудности сосредоточения. Расстройства вегетативной системы, проявляющиеся через нарушение сна и отсутствие аппетита. Поведенческие расстройства, зависящие от возрастных особенностей жертвы. И еще ряд других последствий, влияющих на жизнь ребенка сейчас и в будущем.

Именно поэтому в Российское уголовное право нужно ввести медикаментозную кастрацию за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131; п. «б» ч. 4 ст. 132; ч. 3 ст. 134; ч. 3 ст. 135 УК РФ.

Но, к сожалению, среди ученых и представителей законодательной власти этот вопрос вызывает множество споров. Существует ряд аргументов, выступающих как «за», так и «против» введения такого наказания.

Рассмотрим основные доводы «за» химическую кастрацию.

Во-первых, лечить людей больных педофилией альтернативными методами бессмысленно. Единственным действенным способом предотвратить повторное совершение преступления насильником является химическая кастрация. Всеволод Чаплин - глава синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей - подчеркнул: «Для некоторых педофилов химическая кастрация - это единственная мера, которая поможет их обуздать».

Во-вторых, среди множества вариантов мер применения наказаний для преступников, совершивших насилие, химическая кастрация сегодня считается наиболее гуманной и щадящей мерой. Основной причиной такого признания является то, что она не причиняет «необратимых последствий» для анатомического строения человека, таких, как, например, удаление яичек у мужчин.

В-третьих, в случае судебной ошибки, последствия применения химической кастрации обратимы. После прекращения применения курса инъекций происходит восстановление всех функций организма и выработка тестостерона возобновляется.

В-четвертых, введение нового вида наказания приведет к снижению рецидивной преступности сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в связи с повышением эффективности предупреждения совершения преступлений.

В-пятых, данная мера очень результативна, так как быстро приводит к поставленной цели. Стоит отметить, что, как сообщает НИИ имени Сербского, вероятность рецидива у педофилов после отбывания тюремного заключения составляет 97%, а после химической кастрации не превышает 3%. Именно этими данными подкрепляется эффективность данной процедуры по отношению к общественности.³

В-шестых, положительный опыт зарубежных стран. Различные формы медицинской стерилизации лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, широко применяются в странах Азии (Республике Корея, Республике Индонезия), в

¹ Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних" от 29.02.2012 N 14-ФЗ (последняя редакция)

² Мингес Изабелла Александровна Химическая кастрация педофилов: за и против // Теория и практика общественного развития. 2014. №21.

³ Абрамян Сюзанна Кароевна, Зайцев Арсений Игоревич, Дмитриев Игорь Станиславович Права человека и перспективы применения химической кастрации в России // ИСОМ. 2014. №6-1.

некоторых штатах США, странах Европы (Великобритании, Германии, Польши, Израиле, Франции) и ряде других стран.

Аргументами «против» химической кастрации является:

Во-первых, по мнению секретаря отдела внешних церковных связей Московского патриархата, священника Георгия Рябых, «недуг находится не ниже пояса, а в голове, поражая его сознание и внутренний мир». Тем не менее, врачи выделяют два вида педофилии - это истинная и заместительная. Истинная диагностируется при условии, когда предпочтительным сексуальным партнером является ребенок и сексуальная активность проявляется исключительно в отношении детей. Этот тип педофилии крайне редок, как правило, отличается своей устойчивостью и зачастую развивается на фоне раннего полового созревания. Случаев излечения истинной педофилии в научной литературе не описано. Заместительная педофилия возникает тогда, когда предпочтительным сексуальным партнером является взрослый человек, но в силу затруднения или невозможности сексуального контакта с ним удовлетворение половых потребностей ограничивается сексуальными действиями с детьми. Отсюда можно сделать вывод, что медикаментозная кастрация, как вид наказания, может повлиять на преступников, так как не все педофилы - это люди с психическими расстройствами, существуют и те, кто испытывают трудности в подборе сексуального партнера. Для них введение такого вида наказания станет устрашающим фактором и преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних существенно снизятся.

Во-вторых, курс инъекций, блокирующий выработку гормона тестостерона, для осужденных за сексуальное насилие проводится на протяжении всей жизни с частотой 3-4 раза в год. Государственные затраты на медикаменты для одного человека составляют 3-4 тысячи рублей. Даже по самым неблагоприятным подсчетам, общая сумма расходов достигает 32 млн руб. в год. Следовательно, реализация подобных мер существенно увеличит нагрузку на бюджет страны. Однако этот аргумент можно опровергнуть. В 2015 году член Комитета Совета Федерации по экономической политике Антон Беляков внес в Государственную Думу законопроект, предусматривающий возможность использования внебюджетных средств для осуществления процедуры химической кастрации преступников-педофилов. Будет создан специальный фонд, средства которого пойдут на финансирование проведения химической кастрации. Этот довод является одним из наиболее весомых, но тем не менее мы не можем считать его аргументом, понимая, что преступник, выйдя из колонии, с вероятностью в 90% совершит преступление заново, изнасиловав и убив малолетнего.

В-третьих, несмотря на то, что преступления чаще всего совершаются мужчинами, надо признать, существуют случаи педофилии, совершаемой женщинами. Следовательно, неоправданно применять наказание, основываясь на половой принадлежности преступника.

В-четвертых, по мнению доктора медицинских наук, сексопатолога Сергея Агаркова, выступающего против инициативы, включения нового вида наказания, введение химической кастрации - это крайняя мера, которая грозит тяжкими последствиями. Он считает основным способом борьбы с сексуальной преступностью и педофилией - это применение «методов реабилитационного характера». Что означает создание условий, при которых лица, склонные к педофилии, могли бы обратиться за консультацией к специалисту, не опасаясь принудительной кастрации. Какую-то часть преступлений педофилов "можно предотвратить на психолого-терапевтическом уровне", заключил эксперт. Однако вылечить педофилию практически невозможно. С помощью сеансов психотерапии можно лишь научить человека контролировать свои сексуальные фантазии и не совершать насилие над детьми.

В-пятых, правозащитные организации выражают опасения, что применение химической кастрации может привести к росту числа злоупотреблений властью. Они полагают, что для правоохранительных органов может быть установлен обязательный план по количеству кастраций, что создаст стимул для выполнения этой цели любыми способами. В результате, прогнозируется увеличение случаев превышения должностных полномочий и других злоупотреблений в этой сфере.

Анализируя приведенные аргументы, можно обнаружить, что доводов «за» химическую кастрацию больше, а значительную часть обоснований «против» можно опровергнуть.

Данная мера как вид уголовного наказания для общества и государства - это возможность решения проблемы с сексуальным насилием над несовершеннолетними, которая в настоящее время только нагнетается. Эти преступления ставят под угрозу все человечество в целом, так как последствия надругательств над детьми может нести проблемы в будущем. Сексуальное насилие может привести к увеличению склонности к рискованному сексуальному поведению - многочисленные сексуальные партнеры (что повышает риск заболеваний, передающихся половым путем), занятие сексом с целью получения выгоды, насилие в семье. Дети, растущие в семье жертвы, могут страдать различными поведенческими и эмоциональными расстройствами. Следовательно, введение принудительной меры химической кастрации необходимо, но ее также нужно сочетать с длительной квалифицированной психиатрической и психологической помощью.

В заключении необходимо подчеркнуть, что внедрение химической кастрации в качестве отдельного вида наказания до сих пор является предметом споров и не имеет однозначного решения. Данный вопрос нуждается в глубоком и всестороннем исследовании, а также разработке комплекса мер, включающий в себя не только химическую кастрацию, но и реабилитационную психологическую помощь педофилам.

Список литературы:

1. Келлог Н. Д. Сексуальное насилие // *Репродуктивное здоровье детей и подростков*. 2015. №6 (65).
2. Международная классификация болезней (МКБ-10). – Электрон. текстовые дан.
3. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних" от 29.02.2012 № 14-ФЗ (последняя редакция)
4. Мингес И.А. Химическая кастрация педофилов: за и против // *Теория и практика общественного развития*. 2014. №21.
5. Абрамян С.К., Зайцев А.И., Дмитриев И.С. Права человека и перспективы применения химической кастрации в России // *ICOM*. 2014. №6-1.

References:

1. Kellogg, N. D. Sexual violence // *Reproductive health of children and adolescents*. 2015. №6 (65).
2. International Classification of Diseases (ICD-10). – Electron. text data.
3. Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Strengthen Responsibility for Sexual Crimes Committed against Minors" dated 02/29/2012 No. 14-FZ (latest edition)
4. Minges I.A. Chemical castration of pedophiles: pros and cons // *Theory and practice of social development*. 2014. No. 21.
5. Abramyan S.K., Zaitsev A.I., Dmitriev I.S. Human rights and prospects for the use of chemical castration in Russia // *ISOM*. 2014. No. 6-1.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_570

УДК 343.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИНИЦИАТИВНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF THE GROUNDS FOR CONDUCTING PROACTIVE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскной деятельности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1.

E-mail: v.omelin@mail.ru;

OMELIN Victor Nikolaevich,

Chief Researcher of the Department for the Study of Operational investigative Activities of the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the Penal Correction System of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Moscow, Narvskaya str., 15a, building 1.

E-mail: v.omelin@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются вопросы совершенствования правового регулирования оснований для проведения инициативных оперативно-розыскных мероприятий. Формулируются предложения в нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных законов, регулирующие проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Abstract: the article analyzes the issues of improving the legal regulation of the grounds for conducting proactive operational search activities. Proposals are being formulated to amend the norms of the Federal Law "On Operational Search Activities" and other laws governing the conduct of operational search activities.

Ключевые слова. Оперативно-розыскная деятельность, выявление преступлений, оперативный поиск, оперативно-розыскные мероприятия, основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Keywords: Operational search activities, crime detection, operational search, operational search activities, grounds for conducting operational search activities.

Для цитирования: Омелин В.Н. Совершенствование правового регулирования оснований для проведения инициативных оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_570.

For citation: Omelin V.N. Improving the legal regulation of the grounds for conducting proactive operational search activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_570.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) выявление преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, является одной из основных задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 2).

Выявление преступлений как самостоятельная задача оперативно-розыскной деятельности предполагает установление фактов совершения скрытых (латентных) преступлений, информация о которых в правоохранительные органы по официальным каналам не поступает, их проверку и принятию решения по результатам проверки. Одновременно в оперативно-розыскной теории выявление (поиск) первичных оперативно-розыскных данных признается и в качестве одной из организационно-тактических форм оперативно-розыскной деятельности (оперативно-поиска) [1, С. 234-263].

Оперативно-розыскные мероприятия должны проводиться только при наличии законных оснований. Они охватывают различные правовые требования, установленные в ст. 7 Закона об ОРД.

Согласно подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий является «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Под сведениями, указанными в подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7, следует понимать, как правило, первичные, т.е. ранее неизвестные оперативно-розыскным органам сведения, свидетельствующие о событиях криминального характера и лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. Однако в силу своей неполноты, неконкретности полученные сведения недостаточны для уголовно-правовой оценки и принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела и именно в силу этой неопределенности, требующие дополнительной оперативной проверки.

Сведения, указанные в подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7, могут поступать из различных внешних источников – как открытых (заявления и сообщения граждан и др.), так и конфиденциальных (от лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе и т.п.).

Между тем, в практике оперативных подразделений выделяют так называемый *инициативный оперативный поиск*, который предполагает самостоятельное, по собственному усмотрению проведение оперативным сотрудником оперативно-розыскных мероприятий для решения

задач оперативно-розыскной деятельности. Однако для успешной реализации своих усилий оперативные сотрудники в своей практической деятельности сталкиваются с пробелами в нормативном правовом регулировании оснований для проведения инициативных оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому весьма актуальным является обсуждение этих проблем в научном плане.

Так, в литературе высказано мнение, что в ст. 7 Закона об ОРД «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» по существу отсутствует важнейшее основание, которое предопределяет предупредительный, поисковый характер оперативно-розыскной деятельности. Без которого, все без исключения оперативно-розыскные мероприятия, согласно предписаниям ч. 1 ст. 7, обязаны проводиться с заранее заданным опозданием, а достижение целей оперативно-розыскной деятельности и решение ее задач выглядят достаточно проблематично. Далее отмечается, что речь идет о явной недостаточности фиксации в оперативно-розыском законе только группы оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий исключительно в связи с наличием «ставших известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого совершаемого или совершенного противоправного деяния...» (подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7). При этом возникает законный вопрос: как эти «сведения» стали известны субъекту оперативно-розыскной деятельности без совершения соответствующего оперативно-розыского действия? Согласно предписаниям указанной нормы наличие таких сведений не следствие (результат) осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а первичное основание для их проведения. Предлагается предусмотреть в Законе об ОРД предписание о соответствующем основании [2, С. 84-85].

Эту же мысль подчеркивают В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров, которые пишут, что сведения о признаках противоправного деяния могут стать «известными» оперативно-розыским органам независимо от принимаемых ими мер по их обнаружению (заявления отдельных граждан, сообщения должностных лиц и т.д.). Однако получение подобной информации о латентных преступлениях, посягательствах, совершаемых замаскированным способом, весьма проблематично. Они, как правило, выявляются путем оперативно-розыскных мероприятий разведывательно-поискового характера. Их цель как раз и состоит в обнаружении первичных сведений о таких деяниях и о лицах, причастных к их совершению. Но эти мероприятия также должны базироваться на соответствующей норме права. В статье же 7 Закона об ОРД она не предусмотрена. С этой точки зрения проведение таких мероприятий, строго говоря, противоправно [3, С. 15-16].

Приведенные суждения о необходимости внесения дополнений в ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД представляются правильными и заслуживают поддержки.

Наиболее ярко необходимость инициативного осуществления оперативно-розыскных мероприятий разведывательно-поискового характера проявляется при проведении оперативными сотрудниками, так называемого личного сыска, который заключается в гласном или негласном непосредственном (личном) распознавании (выявлении) оперативным сотрудником лиц, фактов и предметов, представляющих оперативный интерес, путем применения комплекса различных оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления, предупреждения, раскрытия преступлений и (или) розыска преступников.

Следует отметить, оперативно-розыские мероприятия, проводимые в ходе личного сыска, обладают рядом преимуществ, а именно: не требуют санкции руководителей оперативно-розыского органа, и могут осуществляться по решению оперативного сотрудника; отличаются высоким уровнем достоверности полученной оперативно-розыской информации, не требующей дополнительной проверки со стороны оперативного сотрудника;

появляется возможность своевременного оперативного реагирования на сложившуюся оперативно-розыскную ситуацию.

В учебной и научной литературе используются разнообразные определения личного сыска, но все они в том или ином варианте воспроизводят следующие его характерные черты [4, С. 127]:

комплексный характер рассматриваемого метода оперативно-розыскной деятельности, т.е. использование различных оперативно-розыскных мероприятий: наблюдения, отождествления личности, обследования помещений и других объектов, опроса осведомленных лиц и других оперативно-розыскных мероприятий;

негласный, легендированный характер личного сыска: его субъекты маскируют свою принадлежность к оперативным подразделениям, чтобы преждевременно «не вспугнуть» лиц – объектов оперативной заинтересованности и сохранить естественность их поведения;

непосредственный характер восприятия происходящих событий оперативным сотрудником, который сам оценивает значимость для решения задач ОРД информацию, принимает решение о путях реализации полученной информации, имеет возможность активно вторгаться в события, изменяя их ход в необходимом направлении путем пресечения преступления, задержания с поличным и т.д.

Обращая внимание на отсутствие в ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД основания для проведения, так называемого инициативного оперативного поиска преступлений, а также лиц, причастных к их совершению, некоторыми авторами предлагается следующая формулировка такого основания: «наличие обоснованных сведений, базирующихся на основе анализа оперативной обстановки, о криминальном явлении» [5, С. 14].

Предлагаемая редакция указанного основания представляется недостаточно корректной по следующим соображениям. Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренные ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД, в научной литературе классифицируются как основания уголовно-правового характера. Как видно, предлагаемая редакция упомянутого основания содержит такие термины, как оперативная обстановка, криминальное явление. Законодатель в УК РФ и УПК РФ не использует такие понятия. В свою очередь учеными, занимающимися проблемами оперативно-розыскной деятельности, используется собирательное понятие «оперативная обстановка», в содержание которого различные исследователи вкладывают различный смысл [6]. По нашему мнению, некоторая расплывчатость указанных понятий, а также их неопределенность на законодательном уровне может вызывать вопросы об обоснованности проведения инициативных оперативно-розыскных мероприятий.

В литературе предлагаются и другие решения, дающие, по мнению их авторов, возможность обосновать активные инициативные действия субъектов оперативно-розыскной деятельности с целью выявления оперативно значимых поисковых признаков подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. Так, А.Е. Ступницким высказано предложение дополнить ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД следующим основанием – необходимость получения сведений о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах их подготавливающих, совершающих или совершивших [7, С.19].

В поддержку этой позиции приведем следующие аргументы.

Ключевым термином в формулировке данного основания является термин «необходимость». Обратившись к толковому словарю современного русского языка можно получить следующую трактовку понятия «необходимость»: «внутренняя необходимая закономерность совершающегося в действительности» [8, С. 528]. Опираясь на данное суждение, можно констатировать, что с оперативно-розыскных позиций необходимость получения сведений о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах их подготавливающих, совершающих или совершивших - это существенная закономерность, которая напрямую вытекает из назначения (цели и задач) оперативно-розыскной деятельности по борьбе с замаскированными, скрытыми преступлениями.

Далее обратим внимание, что по своему содержанию оперативно-розыскная деятельность имеет ряд схожих черт с контрразведывательной деятельностью органов федеральной службы безопасности. Последняя осуществляется при наличии определенных оснований. Из приведенного в ст. 9 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О федеральной службе безопасности» перечня оснований контрразведывательной деятельности, четыре из шести оснований формулируются через термин «необходимость»:

необходимость получения сведений о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности Российской Федерации;

необходимость обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну;

необходимость изучения (проверки) лиц, оказывающих или оказывавших содействие органам федеральной службы безопасности на конфиденциальной основе;

необходимость обеспечения собственной безопасности.

Подобная юридическая конструкция законодателя создает правовую основу для осуществления инициативной поисковой работы сотрудниками контрразведывательных подразделений федеральной службы безопасности.

Вместе с тем соглашаясь с подходом и логикой А.Е. Ступницкого о дополнении ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД, хотелось бы сделать некоторые уточнения. Полагаем, что в предлагаемом основании для проведения инициативных оперативно-розыскных мероприятий следует говорить не только о лицах подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, но и о лицах их замысляющих. Эта задача может решаться только в ходе оперативно-розыскной деятельности и никакой другой правоохранительной деятельности. Оперативно-розыскные возможности выявления замышляемых преступлений, наряду с другими задачами, определяют самостоятельный поисковый характер оперативно-розыскной деятельности. В практике оперативно-розыскной деятельности такие задачи решались успешно в прошлом, выявляются преступные замыслы о совершении тяжких и особо тяжких преступлений в настоящее время, не исчезнет актуальность выявления замышляемых преступлений и в будущем.

Однако в ст. 2 Закона об ОРД выявление замышляемых преступлений как задача оперативно-розыскной деятельности не закреплена, что не может способствовать повышению эффективности оперативно-розыскного противодействия преступным посягательствам. В этой связи ученые и специалисты вносят обоснованные предложения о внесении данного дополнения в ст. 2 Закона об ОРД [9, С. 102].

В связи со сказанным предлагаем ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД дополнить п. 1.1. следующего содержания: необходимость получения сведений о замышляемых, подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах их замысляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших.

Данное предписание снимет имеющееся противоречие и нормативно закрепит практическую потребность осуществления инициативных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление (оперативный поиск) еще не известных фактов (латентных) преступлений и лиц, их замысляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших.

Согласимся с А.Е. Ступницким, который указывает, что по предлагаемому основанию разрешается проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [7, С. 20].

Сказанное можно объяснить тем, что указанные оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться в зависимости от конкретной ситуации как гласно, так и негласно, автономно от других оперативно-розыскных мероприятий и являться неотъемлемой частью личного сыска и других оперативно-розыскных действий.

Одновременно при проведении оперативно-розыскных мероприятий по указанному основанию предлагаем в ст. 8 Закона об ОРД установить запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, неприкосновенность жилища, а также проверочной закупки, контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, оперативного эксперимента, оперативного внедрения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, оперативного эксперимента.

Объяснений тому несколько. Согласно ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД оперативно-розыскные мероприятия, которые ограничивают конститу-

ционные права человека и гражданина, проводятся на основании судебного решения и при наличии при наличии информации, обозначенной в данной норме. Это означает, что основаниями для проведения указанных правоограничительных оперативно-розыскных мероприятий могут являться основания, предусмотренные п. 1 ч. 1 (наличие возбужденного уголовного дела), подп. 1 п. 2 ч. 1 (ставшие известными сведения о признаках преступления и пр.), п. 3 ч. 1 (поручение следователя) ст. 7 Закона об ОРД.

Касательно проведения проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения, отметим, что они проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 8 и 9 ст. 8 Закона об ОРД). В данном случае наряду с оперативным сотрудником (инициатором) такого руководителя можно рассматривать как субъекта оперативно-розыскных мероприятий, который оценивает сложившуюся ситуацию и принимает решение о проведении указанных действий.

Список литературы:

1. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник /Под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Голяндина.- Нальчик: Издательство журнала «Эльбрус», 2012. С. 234-263.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Отв. ред. и рук. авт. кол-ва А.Ю.Шумилов. – М., 1997. С.84-85.
3. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М., 2003. С.15-16.
4. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие; под ред. В.В. Степанова. – 3-е изд. испр. и доп. – Саратов. 2016. С. 127.
5. Харченко С.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 14.
6. Барабанов Н.П., Журавлев Л.Н. Понятие оперативной обстановки в исправительных учреждениях и основные факторы, влияющие на ее состояние // Человек: преступление и наказание: Науч. журн. / Академия ФСИН России. - 2006. - № 4.
7. Ступницкий А.Е. Основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренное подпунктом 1 пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: проблемы теории и практики // Оперативник (сб.). 2016. № 4 (49). С. 19.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», 2005, С.528.
9. Водко Н.П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения: монография. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2007. С. 102.

References:

1. Fundamentals of operational investigative activities of the internal affairs bodies: Textbook / Edited by Z.L. Shkhagapsoev and N.P. Golyandin. Nalchik: Publishing House of the Elbrus Magazine, 2012. pp. 234-263.
2. Commentary to the Federal Law "On Operational Investigative Activities" / Ed. and the author's col A.Yu.Shumilov. – M., 1997. pp.84-85.
3. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the legislative regulation of operational investigative activities: A scientific report. Moscow, 2003. pp.15-16.
4. Alferov V.Yu., Grishin A.I., Ilyin N.I. The legal foundations of operational investigative activities: a textbook; edited by V.V. Stepanov. - 3rd ed. ispr. and dop. – Saratov. 2016, p. 127.
5. Kharchenko S.V. Operational investigative activities of the internal affairs bodies to combat criminal car business: issues of theory and practice: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. nauk. M., 2017. p. 14.
6. Barabanov N.P., Zhuravlev L.N. The concept of the operational situation in correctional institutions and the main factors affecting its condition // Man: crime and punishment: Scientific Journal / Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. - 2006. - № 4.
7. Stupnitskiy A.E. The basis for conducting operational search activities provided for in subparagraph 1 of paragraph 2 of Part 1 of Article 7 of the Federal Law "On Operational Search activities": problems of theory and practice // Operative (detective). 2016. No. 4 (49). pp. 19.
8. Ushakov D.N. The Great Explanatory Dictionary of the modern Russian language. Moscow: Alta-Print, 2005, p.528.
9. Vodko N.P. The Federal Law "On Operational investigative activities" in the system of Russian legislation: problems and solutions: a monograph. Moscow: Publishing house of I.I. Shumilova, 2007. P. 102.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_574

УДК 343

ЛИЧНОСТЬ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА PERSONALITY AND ITS CRIMINAL-LEGAL PROTECTION

МАННОНЗОДА Нигора Маннон,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и противодействие коррупции, юридического факультета, Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, (Худжанд, Таджикистан). 735700, Таджикистан, г.Худжанд 17 мкр-н д. 1.

E-mail: shukrona_78@mail.ru;

МИРЗОХОФИЗИЁН Мирзоали Мирзохофиз,

кандидат юридических наук начальник кафедры административного права и административной деятельности Академии МВД Республики Таджикистан.

734024, Таджикистан, г. Душанбе ул. Мاستонгулов, 3.

E-mail: mirzohafizov81@mail.ru;

ПЕЧЕНЮК Андрей Олегович,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: MekkaP82@gmail.com;

MANNONZODA Nigora Mannon,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Forensics and Anti-Corruption, Faculty of Law, Tajik State University of Law, Business and Politics, (Khujand, Tajikistan).

735700, Tajikistan, Khujand, 17th microdistrict, house 1.

E-mail: shukrona_78@mail.ru;

MIRZOKHOFIZIYON Mirzoali Mirzokhofiz,

Candidate of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.

734024, Tajikistan, Dushanbe, Mastongulov Street, 3.

E-mail: mirzohafizov81@mail.ru;

PECHENYUK Andrey Olegovich,

Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities

of the Internal Affairs Directorate of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov street, 110.

E-mail: MekkaP82@gmail.com

Краткая аннотация: статья посвящена одному из приоритетов уголовно-правовой охраны личности, а также защите интересов личности от преступных посягательств. Это группа предусмотренных Уголовным кодексом общественно опасные деяния (действие или бездействие), направленных против основных прав и личную свободу человека и гражданина, чести и доброго имени, половую свободу и половую неприкосновенность, семью, материнства и детства. Особое значение дается определению понятия личности, а также общей уголовно-правовой характеристике преступлений против личности с точки зрения теории и уголовного законодательства Республики Таджикистан. В статье автор, приводит мнения ведущих учёных и выражает свои выводы по теме.

Abstract: the article is devoted to one of the priorities of criminal-legal protection - the individual, as well as the protection of the interests of the individual from criminal encroachments. This is a group of socially dangerous acts (action or inaction) provided for by the Criminal Code, directed against the fundamental rights and personal freedom of a person and citizen, honor and good name, sexual freedom and sexual inviolability, family, motherhood and childhood. Particular importance is given to the definition of the concept of personality, as well as the general criminal-legal characteristics of crimes against the individual from the point of view of the theory and criminal legislation of the Republic of Tajikistan. In the article, the author cites the opinions of leading scientists and expresses his conclusions on the topic.

Ключевые слова: личность, общество, государство, интересы личности, охрана, человек, гражданин, состав преступления, элементы состава преступления.

Keywords: personality, society, state, interests of the individual, protection, man, citizen, form of the crime, elements of the form of the crime.

Для цитирования: Маннонзода Н.М., Мирзохофизиён М.М., Печенюк А.О. Личность и его уголовно-правовая охрана // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 574-576. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_574.

For citation: Mannonzoda N.M., Mirzokhofiziya M.M., Pechenyuk A.O. Personality and its criminal-legal protection // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 574-576. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_574.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В своём послании Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил: - «В настоящее время наша страна вступила в новый этап своего развития и посредством осуществления социально-экономических стратегий и программ добивается значительных успехов и показателей.

Наряду с этим конфликты и беспокойная ситуация в различных регионах мира, усиление политического противостояния и санкций между крупными державами, стремительное вооружение, «холодная война», изменения климата, а также разрыв звеньев товарооборота и другие внешние факторы побуждают нас принимать своевременные меры для предотвращения отрицательного их влияния на экономику страны.

В этом направлении нам необходимо путем осуществления национальных целей, прежде всего, обеспечивать национальную безопасность и устойчивое экономическое развитие, таким образом, еще больше повышать уровень и улучшать качество жизни народа.

Наш народ, как и другие жители цивилизованных стран, имеет моральное право на достойную жизнь»¹.

На пути создания и обеспечения достойной жизни всему народу, особенно личности и его интересов в нашей стране приняты различные, значимые нормативно-правовые акты.

В статье 5 Конституции Республики Таджикистан подчеркивается: «Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством»².

Личность - это система социально-демографических, социально-ролевых и социально-психологических свойств человека. Понятия "человек", "гражданин", "личность" не одно порядковые. Человек обретает свойства личности и гражданина не с момента рождения. Жизнь и здоровье, половую неприкосновенность Кодекс охраняет с момента появления ребенка на свет. Гражданином личность становится в определенное время и при определенных условиях, регулируемых законами о гражданстве. При этом гражданин, как ранее отмечалось, может быть гражданином Республики Таджикистан и иностранным, а может быть лицом без гражданства или с двойным гражданством.

Под личностью принято понимать осознание самим человеком собственных нравственных и интеллектуальных качеств, своего положения в обществе, репутации. Честь и достоинство - тесно связанные между собой нравственные категории³.

Понятие личности даёт В.П. Ревин: «Под личностью принято понимать осознание самим человеком собственных нравственных и интеллектуальных качеств, своего положения в обществе, репутации. Честь и достоинство - тесно связанные между собой нравственные категории»⁴.

В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов и другие учёные раскрывают понятие личности следующим образом: «Личность — человек, который в обществе выступает не только и не столько как биологический индивид, но и как член общества — участник (субъект) общественных отношений. Прежде всего именно в этом качестве человек получает от общества защиту и сам обязан соблюдать правила поведения, установленные в нем»⁵.

Рассматривая определения, предоставленные вышеуказанными авторами, можно заключить, что «личность» — человек, представляющий не только биологический индивид, но и существо социальное, участника (субъекта) существующих общественных отношений.

Как и многие отрасли права – уголовное право делится на две части: Общую и Особенную части, составляя систему данной отрасли права.

Общая часть содержит нормы, определяющие: задачи и принципы уголовного права; основания уголовной ответственности и освобождения от нее; пределы действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц; определяет понятие преступления, вины, вменяемости, невменяемости, стадий совершения преступления, соучастия, сроков давности, обстоятельств, исключающих преступность деяния; систему и виды наказаний; основание и порядок их назначения; основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и от отбытия наказания; особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и особенности применения принудительных мер медицинского характера⁶.

Общая и Особенная части уголовного законодательства органически связаны между собой и применяются одновременно. Единство этих частей проявляется в том, что основные положения, принципы и понятия Общей части находят свое конкретное выражение в нормах Особенной части.

В Особенной части уголовного права указаны конкретные составы преступлений, и наличие любого из них в деянии лица является основанием для привлечения к уголовной ответственности по той статье (или ее части), которая этот состав предусматривает, а также для назначения наказания, указанного в данной статье (или ее части).

Структура Особенной части уголовного права отражает новые подходы, в частности, приоритеты уголовно-правовой охраны обозначены в следующем порядке: личность, общество, государство, безопасность мира и человечества. Значение Особенной части уголовного права состоит в том, что только ее нормами определяются преступность и наказуемость деяний. Система Особенной части уголовного права состоит из определенных образом сгруппированных норм, в основу которых традиционно положен признак родового объекта преступлений, т.е. совокупность близких (однородных) общественных отношений, охраняемых данной группой уголовно-правовых норм⁷.

Раздел VII «Преступления против личности» - первый в Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (Далее УК РТ) состоит из 5 глав и 79 статей и является одним из самых больших разделов Кодекса.

В зависимости от ценности видовых объектов главы раздела объединяют нормы о преступлениях против жизни и здоровья (гл. 16), о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности (гл.17), о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18), о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19), о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (гл. 20).

Преступления против личности - это группа предусмотренных Уголовным кодексом общественно опасных деяний, направленных против основных прав и личную свободу человека и гражданина, чести и доброго имени человека, половой свободу и половой неприкосновенности, семьи, материнства и детства. Большинство таких преступлений относятся к тяжким или особо тяжким. Преступлениями против личности любой тяжести потерпевшим может быть причинен физический, моральный и материальный ущерб. По конструкции большинство из них являются ма-

¹Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики от 28.12.2024г. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. <http://www.prezident.tj>.

²Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 года, с внесенными изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999, 22 июня 2003 и 22 мая 2016 гг. Сайт интернета – www.mppk.tj. Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.

³Уголовное право России. Особенная часть. Учебник. 2-е изд., испр и доп. (под редакцией В.П. Ревина, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации). - "Юстицинформ", 2009 г. С. 27.

⁴Там же. С. 61.

⁵Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник. Под редакцией академика В.Н. Кудрявцева и доктора юридических наук, профессора А.В. Наумова. ЮРИСТЪ. МОСКВА 1999. С. 12.

⁶Хусейнов С.Х., Хомидова М.Ф. Уголовное право (Общая часть). Конспект лекций. Учебное пособие. Ношир, Худжанд – 2010. С.2.

⁷Там же. С. 2.

териальными, т. е. влекут общественно опасные последствия.

В соответствии с разделами УК родовыми объектами являются: личность; общественные отношения, складывающиеся в сфере экономики; общественная безопасность и общественный порядок; общественные отношения, регулирующие деятельность государственной власти; общественные отношения, регулирующие порядок прохождения военной службы; мир и безопасность человечества¹.

При совершении рассматриваемых преступлений родовым объектом посягательства является личность, а также интересы личности.

В структуре любого состава преступления следует выделять элементы и характеризующие их признаки. Признаки состава преступления представляют собой конкретную законодательную характеристику наиболее существенных свойств преступления. Они описывают отличительные черты преступления и помогают отграничить один состав от другого.

Объект преступления - это блага и интересы, охраняемые уголовным законом, на которые посягает преступное деяние. Объективная сторона - это внешнее проявление преступления, проявление преступного поведения в объективной действительности. Субъективная сторона представляет собой внутреннюю сторону преступления и характеризуется психическим отношением лица к совершаемому преступлению. Субъект преступления - это лицо совершившее преступление. Состав преступления отражает строго определенные, одни и те же для всех составов постоянные признаки преступного деяния².

Непосредственный объект данных преступлений - общественные отношения, связанные с осуществлением конкретных прав и свобод человека: биологических, личных интересов, конституционных, семейных и т.п. Предмет преступления может выступать в качестве обязательного признака объекта преступления (Например, ст.121, 122 УК РТ и т.д.). Потерпевшее лицо - любое, но и отдельное лицо (Например, ст.105, 138 УК РТ и т.п.).

Объективная сторона преступлений данной группы - характеризуется совершением общественно - опасных деяний, как в форме действий, так и бездействий. Время, место, способ, орудие или средств и обстановка совершения преступления могут признаваться обязательным признаком объективной стороны преступлений и влияют на уголовно-правовую квалификацию (Например, ст.104 ч.2 п. «е»; ст.110 ч.2 п.п. «д, е»; ст.130 УК РТ и т.д.). Составы данных преступлений материальные и формальные.

Субъективная сторона преступлений против личности выражается виной в форме умысла или неосторожности. Мотив и цель преступлений могут быть различными: корысть, месть, ревность, личная заинтересованность, карьеризм, местническое побуждение, расизм и т.д.

Субъект данных преступлений как общий, так и специальный (Например, ст.105, 138, 148 УК РТ и т.п.).

К уголовной ответственности привлекаются лица, достигшее 14-летнего, а также 16-летнего возраста.

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

1. Личность и его интересы выступают в качестве объектов охраны, осуществление предусмотренными в УК РТ задач, равным образом это защита личности от внутренних и внешних угроз;
2. Разделы, главы и статьи Уголовного кодекса устанавливаются в зависимости от ценности правоохраняемых интересов (родовых объектов) для соответствующего государства. Первый в Особенной части УК РТ раздел- Раздел VII посвящается преступлениям против личности;
3. Это большая группа различных общественно-опасных деяний (действий или бездействий), которые в целом посягают или создают угрозу посягательства различным интересам личности;
4. Выдвижение на первое место преступлений против личности соответствует реформе уголовного законодательства, и при точном определении преступности и наказуемости деяния, а также осуществлении правильной квалификации совершенного деяния может быть в действительности обеспечена защита личности и его интересов.

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики от 28.12.2024 г. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. <http://www.prezident.tj>.
2. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 года, с внесенными изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999, 22 июня 2003 и 22 мая 2016 гг. Сайт интернета – www.mmk.tj. Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.
3. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник. 2-е изд., испр и доп. (под редакцией В.П. Ревина, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации). - "Юстицинформ", 2009 г. 329с.
4. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник. Под редакцией академика В.Н. Кудрявцева и доктора юридических наук, профессора А.В. Наумова. ЮРИСТ. МОСКВА 1999. 252с.
5. Хусейнов С.Х., Хомидова М.Ф. Уголовное право (Общая часть). Конспект лекций. Учебное пособие. Ношир, Худжанд – 2010. 121с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Издание второе, переработанное и дополненное под редакцией заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Б.В.Здравомыслова. Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «юриспруденция». Москва. Юрист, 1999. С.256.
7. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Изд-во "Спарк", 1977. С. 290.

References:

1. Message of the President of the Republic of Tajikistan, His Excellency Emomali Rahmon, on the main directions of domestic and foreign policy of the republic dated 28.12.2024. Official website of the President of the Republic of Tajikistan. <http://www.prezident.tj>.
2. Constitution of the Republic of Tajikistan dated November 6, 1994, with amendments and additions dated September 26, 1999, June 22, 2003 and May 22, 2016. Internet site - www.mmk.tj. National Center of Legislation under the President of the Republic of Tajikistan.
3. Criminal Law of Russia. Special Part. Textbook. 2nd ed., corr. and add. (edited by V.P. Revin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation). - "Yustitsinform", 2009. 329 p.
4. Russian criminal law. Special part. Textbook. Edited by Academician V.N. Kudryavtsev and Doctor of Law, Professor A.V. Naumov. JURIST. MOSCOW 1999. 252 pages.
5. Khuseynov S.Kh., Khomidova M.F. Criminal law (General part). Lecture notes. Textbook. Noshir, Khujand – 2010. 121 pages.
6. Criminal law of the Russian Federation. General part. Second edition, revised and supplemented under the editorship of Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor B.V. Zdravomyslov. Recommended by the Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation as a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "jurisprudence". Moscow. Jurist, 1999. Page 256.
7. Russian criminal law. General part. Textbook // Edited by V.N. Kudryavtsev and A.V. Naumov. Moscow: Spark Publishing House, 1977. P. 290.

¹Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Издание второе, переработанное и дополненное под редакцией заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Б.В.Здравомыслова. Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «юриспруденция». Москва. Юрист, 1999. С.58.

²Российское уголовное право. Общая часть. Учебник // Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Изд-во "Спарк", 1977. С. 53.

СИСТЕМА ФУНКЦИЙ, ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ THE SYSTEM OF FUNCTIONS, GOALS AND OBJECTIVES OF THE CRIMINAL JUDICIAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

ПОБЕДКИН Александр Викторович,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: apobedkin71@mail.ru;

ЯШИН Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса

Тулского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

300012, Россия, г. Тула, пр. Красноармейский, д. 104.

E-mail: 6021111@inbox.ru;

POBEDKIN Alexander Viktorovich,

doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management

of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

E-mail: apobedkin71@mail.ru;

YASHIN Vasily Nikolaevich,

candidate of law, associate professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure

at the Tula Institute (branch office) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

300012, Tula, Krasnoarmeysky ave., 04.

E-mail: 6021111@inbox.ru

Краткая аннотация: в статье поднимается проблема системы функций, целей и задач уголовного судопроизводства России. Обосновывается подход, согласно которому без ее правильного определения уголовно-процессуальный закон неизбежно останется эклектичным, а само уголовное судопроизводство утратит доверие народа. Приводятся аргументы в пользу позиции о необходимости прямого закрепления в законе формулировки функции уголовного процесса, его целей и задач. При этом основная функция уголовного судопроизводства обусловлена социальной потребностью в обеспечении безопасности государства, общества и каждого его члена от преступности путем правильного установления обстоятельств по уголовному делу и привлечении виновных к ответственности в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Таким образом, публичность уголовного процесса (его предназначение) представляет собой его функцию.

Abstract: the article raises the problem of the system of functions, goals and objectives of criminal justice in Russia. The approach is justified, according to which, without its correct definition, the criminal procedure law will inevitably remain eclectic, and the criminal proceedings themselves will lose the trust of the people. Arguments are given in support of the position on the need for direct consolidation in the law of the formulation of the function of the criminal process, its goals and objectives. At the same time, the main function of criminal proceedings is conditioned by the social need to ensure the security of the State, society and each of its members from crime by correctly establishing the circumstances of the criminal case and bringing the perpetrators to justice in accordance with the procedure provided for by the Criminal Procedure Law. Thus, the publicity of the corner process (its purpose) is its function.

Ключевые слова: функция уголовного процесса, цели и задачи уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, назначение уголовного процесса.

Keywords: function of the criminal process, goals and objectives of the criminal proceedings, principles of the criminal process, purpose of the criminal process.

Для цитирования: Победкин А.В., Яшин В.Н. Система функций, целей и задач уголовного судопроизводства России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 577-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_577.

For citation: Pobedkin A.V., Yashin V.N. The system of functions, goals and objectives of the criminal judicial proceedings of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 577-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_577.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В настоящее время очевидно, что многие проблемы отечественного уголовного судопроизводства порождены отсутствием его системности и ясной концепции дальнейшего развития. Достоинством советского уголовного процесса стало отражение в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве норм права ключевых положений: задач (целей), принципов судопроизводства. Указанные категории определяли структуру, содержание уголовно-процессуального права, являлись необходимым инструментами при применении аналогии (как права, так и закона), толковании уголовно-процессуальных норм.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) принимался в условиях многочисленных компромиссов — идеологических (между западными идеями и традиционными отечественными подходами к уголовному судопроизводству), политических (между сторонниками различных взглядов на уголовно-процессуальное право, как политический инструмент), ведомственных (между различными ведомствами, имеющими уголовно-процессуальные полномочия и стремящимися добиться их расширения) [1, с. 56-58]. Ключевым компромиссом, который вряд ли преодолим в современной России стал компромисс базисно-духовный — между капиталистическими экономическими отношениями, которые являясь базисом, не могут не влиять на право, как надстроечное явление и традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, не укладывавшимися в цинично-прагматичные подходы к организации общественной жизни. Для России, ее народа характерны патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [2]. Эти приоритеты, конечно, конкурируют с порождаемыми капиталистическими экономическими отношениями индивидуализмом, властью денег, приоритетом материального, жесткостью конкурентной борьбы и т.д. В этой связи в УПК отразились многочислен-

ные противоречия, априори заложившие его противоречивость и предопределившие нестабильность [3, с. 32-35].

Сохраняя формальную преемственность, и даже внешне усиливая ее посредством выделения самостоятельной главы УПК, законодатель предусмотрел в тексте закона систему принципов уголовного судопроизводства. К сожалению, она оказалась больше конкретно регулятивной, чем концептуально-идейной, однако гораздо хуже, что система принципов уголовного судопроизводства, которые, как принято в доктрине уголовного процесса, определяют порядок судопроизводства, не связаны с его целью, задачами, что во многом и не позволило насытить систему принципов уголовного процесса поистине идейным содержанием.

К сожалению, новое уголовно-процессуальное право России, особенно в первые годы его применения, рассталось с истиной, воспитанием, участием в судопроизводстве общественности, ответственностью суда за принимаемые решения, борьбой с преступностью и предупреждением правонарушений средствами уголовного судопроизводства. Эти категории исчезли из УПК не потому, что не пригодны для уголовного судопроизводства сами по себе, а по причине неприемлемости для апологетов либеральных ценностей, сторонников нетрадиционной для России технологической теории судопроизводства [4, с. 74-80], т.е. по политическим соображениям.

Сегодня эти категории замещены «новой сущностью», так и не получившей своего приемлемого определения даже на операционном уровне и по прошествии двадцати трех лет — «назначением уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК). Нормативно определенному назначению уголовного судопроизводства не удалось снять важнейший вопрос: для чего и для кого уголовный процесс осуществляется в России. Напротив, с появлением УПК и его ст. 6, этот вопрос стал краеугольным вопросом науки уголовного процесса и уголовно-процессуальной практики.

Комментируя решение законодателя отказаться от обозначения целей и задач уголовного судопроизводства, заменив их на его «назначение», процессуалисты называют разные причины. И.Б. Михайловская, поддерживая законодателя, обращала внимание, что теперь «на первый план вышло определение роли уголовного судопроизводства в государственно-властном механизме» [5, с. 14]. Другие процессуалисты объясняют решение законодателя тем, что он решил взглянуть на проблему не с точки зрения юридико-технических задач уголовного процесса, которые, разумеется, остались неизменны, а с точки зрения социального предназначения уголовного судопроизводства [6, с. 14].

Согласимся, что социальное предназначение судопроизводства — важнейшая его характеристика в конкретной стране, она должна определяться и закладываться в закон. Однако вряд ли можно согласиться, что задачи, предусматривавшиеся УПК РСФСР 1960 г., и не воспроизведенные в действующем УПК — всего лишь технико-юридические. Разве не определяют содержание судопроизводства задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновного, правильного применения закона? Представляется, что именно по причине их сущностного характера законодатель не привел их в тексте УПК. Будь они лишь технико-юридическими, в УПК место им бы нашлось. Отказались от них вполне осознанно и с умыслом придать последовательному забвению достижения в сфере уголовного процесса советского периода.

В.А. Михайловым отказ от упоминания в УПК задач, которые стояли перед уголовным судопроизводством ранее, был воспринят резко, как полный отход от ключевых положений традиционно свойственных судопроизводству в России. По его мнению законодатель прямо повелел не возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения признаков преступления, не принимать все предусмотренные законом меры к установлению его события, не стремиться к быстрому и полному раскрытию преступления, изобличению каждого виновного, не стремиться к правильному применению уголовно-процессуального закона, предупреждению, предотвращению преступлений, воспитанию граждан в духе соблюдения законов и правил человеческого общежития [7, с. 142-143]. А.В. Гриненко, полагает, что публичность больше является ключевой характеристикой отечественного уголовного процесса, поскольку законодатель подчеркивает приоритет интересов личности над интересами общества и государства [8, с. 93].

В.Т. Томин, одобряя формулировку ст. 6 УПК, за приоритетность задачи обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступления, никак не допускал, однако, что такая защита возможна без установления истины [9, с. 49]. Б.Я. Гаврилов, также позитивно оценивая положения ст. 6 УПК, не считал, что она приведет к отказу от быстрого и полного раскрытия преступления и изобличения виновного [10, с. 133].

Однако осознанность отказа от задач уголовного судопроизводства, обеспечивающих публичность, законодатель последовательно подчеркивал: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве; дознание в сокращенной форме (вопрос о полноте и всесторонности расследования в такой форме — в области риторических); назначение иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности (на досудебных стадиях представляющее собой, по сути, судебное разбирательство без соблюдения требований гл. 37 УПК); и др.

Примечательно, что ряд государств постсоветского пространства (государства-участники СНГ), являясь суверенными и вполне многовекторно ориентированными, тем не менее, сохранили в своем уголовно-процессуальном законодательстве нормы, определяющие задачи уголовного процесса (наиболее концептуальные из них могут рассматриваться как цели).

Заметим, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации последовательно отмечает потребность жителей страны в справедливости. В докладе о его деятельности в 2024 году об этом еще раз прямо сказано применительно к уголовному судопроизводству: «критерием истины... здесь вновь выступает справедливость» и предлагается закрепить справедливость в качестве основополагающего принципа уголовного процесса [11]. Такое утверждение несет мощный теоретический заряд. В самом деле, истина в процессе лишь тогда имеет значение, а само судопроизводство легитимно, когда население страны верит в справедливый уголовный процесс, видит и даже скорее ощущает эту справедливость.

Последовательно духовно-нравственные ценности российского народа (справедливость, истина, коллективизм, защита интересов общества и государства, приоритет духовного над грубой экономией и др.) вернутся и в уголовное судопроизводство.

Даже если допустить, что в ст. 6 УПК акцент сделан на социальном предназначении судопроизводства, его роли в государственно-

властном механизме, то возникает два острых вопроса: 1) насколько социальное предназначение и роль уголовного процесса верно определены; 2) каких результатов следует достигать по конкретному уголовному делу должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство?

Ответы на эти вопросы позволят по-новому взглянуть на ряд всегда актуальных теоретических вопросов о функциях, целях, задачах уголовного судопроизводства и правильно их разграничить.

Социальное предназначение уголовного судопроизводства как публичной отрасли права состоит в обеспечении безопасности государства, общества, каждого его члена от угрозы национальной безопасности — преступности путем неуклонного соблюдения процессуальной формы и применения уголовного закона. Игнорирование публичных интересов в статье УПК о назначении уголовного судопроизводства подверглось справедливой критике [12, с. 60].

Отказываясь от отражения в законе публичного назначения судопроизводства, законодатель придерживался положений популярной в либеральный период развития судопроизводства «технологической теории», согласно которой уголовный процесс как единый вид государственной деятельности — юридическая фикция, поскольку на самом деле судопроизводство — лишь социальная технология, не имеющая цели и ориентированная только на результат. В основе этой технологии апологеты такого подхода к процессу видели три ключевых принципа — презумпцию невиновности, состязательность и разделение процессуальных функций. Стремление к достижению объективной истины при этом объявлялось как путь, оправдывающий любые беззакония [4, с. 68-69, 74, 81]. Представляется, что первичность средств, а не цели ставят все с ног на голову. Цель должна определять средства, а не наоборот. Тем более опасны средства без цели, поскольку выступают аргументом приемлемости любого результата, в том числе ложного.

Нельзя не согласиться с мнением по этому вопросу специалистов, полагающих, что приведенная концепция «...представляет собой научный регресс, редукцию. Для практики она тоже может иметь лишь негативное значение, поскольку создает иллюзию достижения истины там, где этого нет и в помине ...фактически легализует судебные ошибки, касающиеся существа дела» [13, с. 42].

Отказ по политическим соображениям от целей и задач уголовного процесса развязал законодателю руки. Вкупе с принципами, которые носят в основном не концептуально руководящий, а конкретно регулятивный характер, ориентация на средства, как первичное в соотношении «цели-средства-результат», развязывает законодателю руки. Здесь любое его решение не подлежит оценке с точки зрения концептуальных основ судопроизводства и может быть оправдано любыми интересами (узководственными, ложной «процессуальной экономии», вплоть до групповых).

Сегодня уже нет необходимости доказывать ошибочность «технологической теории» уголовного судопроизводства. Она доказана жизнью. Утраченные в ходе судебной реформы рубежа XIX и XX века отечественные ценности последовательно возвращаются в уголовный процесс, прежде всего усилиями Конституционного Суда Российской Федерации, который рядом правовых позиций не просто смягчил законодательные решения, основанные на «технологической теории», но и признал их ошибочными.

Уголовный процесс — не только вид государственной деятельности, но и инструмент государственной власти, которая обязана проводить через уголовное судопроизводство представления о должном, важном для народа и страны. Основываясь на этом положении, и определившись, что основная функция уголовного судопроизводства в России не может быть индифферентна защите народа от преступности, важно соотнести понятия «назначение», «цели (задачи)» уголовного процесса, поскольку они также находятся в состоянии взаимозависимости.

Отказавшись от обозначения в законе целей и задач уголовного судопроизводства, ограничившись его назначением, законодатель, тем самым, оставил без внимания характеристику уголовного судопроизводства, связывающую его с социальной потребностью, ожиданиями населения страны от уголовного судопроизводства. Эта характеристика является функцией уголовного процесса, его основным назначением, предопределяющим его и цель, и задачи. Правильно замечено, что «категория ... «назначение» есть внешняя оценка объекта, определение его полезности для человека и общества, производимое не самим деятелем, а иным сторонним субъектом» [14, с. 31]. Иначе говоря, назначение судопроизводства ни что иное, как его функция.

Назначение уголовного судопроизводства как его основную функцию, действительно, следовало бы предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако, прежде всего, оно состоит в обеспечении социальной потребности в безопасности общества, государства и личности от преступных проявлений путем установления лиц, совершивших преступления и привлечения их к уголовной ответственности в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Итак, основная функция уголовного процесса как вида государственной деятельности направлена на реализацию социальной потребности в обеспечении безопасности государства, общества и каждого его члена от преступности (функция публичности уголовного судопроизводства).

Цели и задачи уголовного процесса определяются именно этой основной функцией уголовного судопроизводства, т.е. его социальным предназначением. Здесь следует оговориться, что речь не об уголовно-процессуальных функциях, под которыми традиционно понимают основные направления уголовно-процессуальной деятельности: обвинение, защиту, разрешение уголовного дела, предварительное расследование и др.).

Эти направления (уголовно-процессуальные функции) производны от целей и задач уголовного судопроизводства и отнюдь не определяют их. Они необходимы для достижения цели и сами реализуются через решение функциональных задач конкретных субъектов [12, с. 84]. Таким образом, функция как предназначение определяет деятельность конкретного участника, может определять и основные направления их деятельности, но сама основным направлением деятельности никак не является [15, с. 40].

Важный методологический подход, согласно которому цели уголовного судопроизводства как направления государственной деятельности и цели уголовного процесса, по конкретному сообщению, о преступлении следует разграничивать. Очевидно, что это модели разных масштабов. Однако каждая из них не может не иметь идеальной модели результата, для достижения которого выстраивается вся система уголовно-

процессуальных гарантий.

Отношение к цели уголовного процесса (как вида государственной деятельности или как конкретного судопроизводства) ставит вопрос о соотношении таких целей с задачами. Вопрос дискуссионен в науке вообще и в науке уголовного судопроизводства в частности. Предпринимались и предпринимаются попытки обосновать их различное содержание [16, с. 20-21]. Согласимся, что цель — это идеальная модель результата, которого следует достичь, а задача — проблема, которую следует решить с неизвестным заранее результатом. Такой подход вполне применим к целям и задачам научных исследований. В уголовном процессе и достижение цели представляет собой проблему, и задачи, стоящие перед уголовным процессом, не сродни в полной мере научным. Они в качестве неизвестного имеют не результат, который заранее предопределен конкретной целью (не абстрактно-рамочной, как, например, цели научных исследований), а путь его достижения, в котором и заключается проблема. Иначе говоря, цели и задачи уголовного судопроизводства не удастся разграничить, опираясь на понимание научной задачи. Единственный приемлемый вариант — разграничивать их по масштабам. Нельзя, однако, не учитывать, что идеальная модель результата судопроизводства как направления государственной деятельности от идеальной модели результата по единичному уголовному делу отличается принципиально. В этой связи и задачи уголовного процесса как вида государственной деятельности и уголовного судопроизводства по конкретному факту также следует различать.

Цель уголовного судопроизводства в стране достигается путем постоянного достижения нужных результатов в ходе производства по неопределенному количеству уголовных дел. Эти результаты могут быть названы задачами уголовного процесса как направления государственной деятельности. Учитывая публичную функцию уголовного судопроизводства как направления государственной деятельности, для населения России и участников процесса безразлично на основании каких качественных характеристик полученного результата должностные лица, представляющие в уголовном процессе государство, приводят в действие норму уголовного права. Однако публичной потребностью является также и потребность в обеспечении прав и законных интересов любого участника судопроизводства, ибо каждый житель страны потенциально может вступить в уголовно-процессуальные отношения и вправе рассчитывать на обеспечение своих прав, свобод и законных интересов. Потому именно содержательные характеристики уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальной деятельности позволяют говорить об «автономных» функциях уголовного процесса (напомним: внешняя функция состоит в реализации норм уголовного права).

Итак, основной «автономной» функцией уголовного судопроизводства является функция публичности (уголовный процесс в стране служит удовлетворению социальной потребности в защите от преступности).

Для конкретного уголовного судопроизводства функция публичности имеет меньший масштаб. Она — в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу и применении уголовного закона в полном соответствии с установленными обстоятельствами. Эта функция позволяет синтезировать предназначение уголовного процесса и как средства реализации уголовного права и как деятельности, имеющей определенные собственные содержательные характеристики.

В УПК крайне желательно закрепить основную автономную функцию уголовного судопроизводства, которая не должна скрываться под неопределенным понятием его назначения или обозначаться в статьях с иными наименованиями (задачи и т.д.), явно несоответствующими понятию функции уголовного процесса. Наименование статьи УПК должно прямо обозначать определяемое понятие: «Функция уголовного судопроизводства».

Важно предусмотреть в УПК также цели уголовного судопроизводства (как направления государственной деятельности) и задачи конкретного процесса. Представляется верным утверждение, что механизм обеспечения публичного уголовного процесса должен предполагать «прежде всего, четкость целей и задач, поставленных перед уголовным судопроизводством, поскольку эффективность любого вида деятельности зависит от целевой программы и конкретизации задач как средств ее осуществления» [12, с. 90].

Для чего же реализуется функция публичности уголовного судопроизводства? Применительно к уголовному процессу как направлению государственной деятельности надежное обеспечение безопасности государства общества, граждан от преступности посредством применения уголовно-процессуального и уголовного законов неизбежно приведет к укреплению законности, правопорядка, предупреждению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и законов. Разве неверно определялись цели уголовного процесса как направления государственной деятельности в УПК РСФСР 1960 г.? Представляется, что верно. Таковы они и сегодня.

В конкретном уголовном процессе функция публичности обеспечивается быстрым и полным раскрытием и расследованием преступления, максимальным приближением момента назначения наказания к моменту совершения преступления, правильное применение уголовно-процессуального закона. Это и есть задачи производства по конкретному уголовному делу. Действительно, правильное установление обстоятельств по уголовному делу может осуществляться неразумно долго, что ослабляет гарантии защиты прав участников уголовного процесса, прежде всего, потерпевшего, затрудняет ему доступ к правосудию, снижает эффективность применения уголовного закона к виновному.

Правильное установление обстоятельств по уголовному делу и правильное применение уголовного закона (проявление функции публичности) предполагают, что к уголовной ответственности привлекаются только лица, вина которых доказана, которые являются действительно виновными в совершении преступления. При этом исключается осуждение невиновных. Между тем, правильное установление обстоятельств, значимых для уголовного дела, имеет значение только при условии, что производилось в строгом соответствии с процессуальными нормами. В таком случае гарантируется не только достоверность результата, но и обеспечение прав и законных интересов личности.

Обратим внимание, что принцип законности при производстве по уголовному делу обусловлен объективным существованием задачи обеспечения правильного применения закона. Равно как и принцип разумного срока уголовного судопроизводства проистекает из задачи раскрыть преступление быстро и полно, максимально приблизить назначение наказания к моменту совершения преступления.

В ч. 2 ст. 6 УПК, которая в целом посвящена назначению уголовного судопроизводства, законодатель косвенно указывает на функции

уголовного процесса или конкретные уголовно-процессуальные средства их реализации, однако, не разграничивая их. Напомним ее содержание: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания (На наш взгляд, явная ошибка. Невиновных нужно оправдывать, а не освобождать их от наказания), реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Уголовное преследование, отказ от уголовного преследования невиновных - средства реализации функции публичности, предполагающей правильное установление обстоятельств по уголовному делу. Назначение виновным справедливого наказания также лежит в рамках функции конкретного уголовного процесса (применение уголовного закона в полном соответствии с установленными обстоятельствами). Реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию - следствие решения задачи правильного применения уголовно-процессуального закона.

Итак, цели уголовного судопроизводства как направления государственной деятельности заключаются в укреплении законности, правопорядка, предупреждении преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитании граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и законов.

Указанная цель реализуется посредством обеспечения безопасности государства, общества и личности от преступности посредством применения уголовно-процессуального и уголовного законов («автономная» функция уголовного судопроизводства как направления государственной деятельности).

Задачи производства по конкретному уголовному делу – раскрыть преступление и расследовать его быстро и полно, максимально приблизить момент назначения наказания к моменту совершения преступления, обеспечить правильное применение уголовно-процессуального закона.

«Автономной» функцией конкретного уголовного процесса, посредством которой решаются эти задачи, является правильное установление обстоятельств по уголовному делу и применение уголовного закона в полном соответствии с установленными обстоятельствами.

Список литературы:

1. Гаврилов Б.Я. Роль российского уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т. Т. 1. № 1 (3). 2021. С. 56-58.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
3. Николук В.В. Почему УПК не мог быть другим (к 20-летию принятия кодекса) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т., т. 2. 2021. № 1 (3). С. 27-38.
4. Мизулина Е.Б. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) // Сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина / научн. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2006. С. 68-87.
5. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2008. 189 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1280 с.
7. Михайлов В.А., Юлдошев Р.Р., Нозиров Н.А., Арипов А.Л. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства: монография / под ред. доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.А. Михайлова. Душанбе: «Ирфон», 2014. С. 142-143.
8. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный юбилей // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т. Т. 1. № 1 (3). 2021. С. 91-96.
9. Томин В.Т. К общей характеристике УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М.: МГЮА, 2002. С. 47-54.
10. Гаврилов Б.Я. Актуальные вопросы предварительного следствия по УПК Российской Федерации // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М.: МГЮА, 2002. С. 131-137.
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 19.03.2024).
12. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2018. 296 с.
13. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. М.: Юрлитинформ, 2010. 302 с.
14. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2009. 203 с.
15. Победкин А.В., Ерохина О.С. Следователь в судебном заседании ходе досудебного производства по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 181 с.
16. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. М.: Изд-во: «Проспект», 2025. 672 с.

References:

1. Gavrilov B.Ya. The role of Russian criminal procedure legislation in ensuring constitutional human and civil rights and freedoms // Modern criminal procedure law — the lessons of history and the problems of further reform. In 2 volumes. 1. № 1 (3). 2021. Pp. 56-58.
2. National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SZ RF. 2021. № 27 (Part II). 5351.
3. Nikoluk V.V. Why the CPC could not be different (by the 20th anniversary of the adoption of the Code) // Modern criminal procedure law — lessons of history and problems of further reform. In 2 volumes, vol. 2. 2021. № 1 (3). Pp. 27-38.
4. Mizulina E.B. Lessons of criminal justice reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group on monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary of its adoption and implementation) // Collection of articles and materials / edited by E.B. Mizulina and V.N. Pligin / scientific editorship by E.B. Mizulin Moscow: Jurist, 2006. pp. 68-87.
5. Mikhailovskaya I. B. The judge's table book on evidence in criminal proceedings. Moscow: Prospekt, 2008. 189 p.
6. The course of criminal procedure / edited by L. V. Golovko. Moscow: Statute, 2016. 1280 p.
7. Mikhailov V.A., Yuldoshev R.R., Nozirov N.A., Aripov A.L. Constitutional and legal foundations of criminal proceedings: a monograph / edited by Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.A. Mikhailov. Dushanbe: Irfon, 2014. pp. 142-143.
8. Grinenko A.V. Criminal procedural jubilee // Modern criminal procedure law — the lessons of history and the problems of further reform. In 2 volumes. 1. № 1 (3). 2021. Pp. 91-96.
9. Tomlin V.T. On the general characteristics of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Materials of the international scientific and practical conference on the adoption of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Moscow: MGUA, 2002. pp. 47-54.
10. Gavrilov B.Ya. Actual issues of the preliminary investigation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Materials of the international scientific and practical conference on the adoption of the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Moscow: MGUA, 2002. pp. 131-137.
11. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2024 // Official website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation [Electronic resource] URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (date of application: 03/19/2024).
12. Volodina L.M. The purpose of criminal proceedings and the problems of its implementation. Moscow: Yurilitinform, 2018. 296 p.
13. Solovyov A.B., Tokareva M.E. Problems of improving the general provisions of the criminal procedure legislation of Russia. Moscow: Yurilitinform, 2010. 302 p.
14. Davletov A.A., Azarenok N.V. The program of criminal proceedings. Moscow: Yurilitinform, 2009. 203 p.
15. Pobedkin A.V., Erokhina O.S. Investigator at a court hearing during pre-trial proceedings in a criminal case: monograph. Moscow: Yurilitinform, 2017. 181 p.
16. Criminal procedure: textbook for academic baccalaureate / edited by A. I. Bastyrykin, A. A. Usachev. Moscow: Publishing House: Prospekt, 2025. 672 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_582

УДК 343

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВИНЫ В ДЕЛАХ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FAULT IN CASES OF FRAUD IN THE RECEIPT OF PAYMENTS: PROBLEM STATEMENT

ПОРАЙКО Василий Вячеславович,кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31.

ORCID 0000-0003-3278-5028,

E-mail: porayko@mail.ru;

PORAİKO Vasily Vyacheslavovich,candidate of Legal sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Far Eastern Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

680021, Russia, Khabarovsk, Gerasimova street, 31.

ORCID 0000-0003-3278-5028,

E-mail: porayko@mail.ru

Краткая аннотация: В научной статье представлен критический анализ дел о мошенничестве при получении выплат, совершаемом посредством умолчания о фактах, влекущих прекращение данных выплат. По мнению автора, в таких случаях правоприменитель нередко нарушает принцип вины. Психическое отношение лица к содеянному выявляется исключительно посредством анализа факта его бездействия относительно необходимости выполнения возложенной на него обязанности. При этом, что далеко не всегда в таких ситуациях можно говорить о наличии умысла на совершение преступления. Нередко имеют место неверная трактовка иноотраслевого законодательства и добросовестное заблуждение лица относительно возложенной на него обязанности. Гипотетическая степень распространённости случаев выхода за рамки субъективного вменения такова, что ставит вопрос о необходимости решения данной проблемы.

Abstract: The scientific article presents a critical analysis of cases of fraud in receiving payments, committed by omission of facts leading to the termination of these payments. According to the author, in such cases, the law enforcement officer often violates the principle of guilt. The mental attitude of a person to what he has done is revealed solely by analyzing the fact of his inaction regarding the need to fulfill the duty assigned to him. At the same time, it is not always possible to talk about the presence of intent to commit a crime in such situations. There is often a misinterpretation of non-industry legislation and a conscientious misconception of the person regarding the duty assigned to him. The hypothetical degree of prevalence of cases beyond the scope of subjective imputation is such that it raises the question of the need to solve this problem.

Ключевые слова: субъективное вменение, вина, принцип вины, получение выплат, умолчание, умысел, объективное вменение.

Keywords: subjective imputation, guilt, principle of guilt, receiving payments, omission, mens rea, objective imputation.

Для цитирования: Порайко В.В. Реализация принципа вины в делах о мошенничестве при получении выплат: постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_582.

For citation: Poraiko V.V. Implementation of the principle of fault in cases of fraud in the receipt of payments: problem statement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_582.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Отечественное уголовное законодательство подчинено принципу субъективного вменения, согласно которому рассматриваемая сквозь призму субъективного критерия вина служит основой уголовной ответственности. Это базовое представление о должном состоянии сферы уголовно-правовых отношений, выработанное доктриной и зафиксированное в законодательстве. Вместе с тем, на практике, юридическая оценка далеко не всех распространённых общественно опасных деяний укладывается в прокрустово ложе названного принципа. По сути, в ряде случаев правоприменитель отступает от субъективного критерия вины и использует элементы объективного вменения.

Элементы объективного вменения зачастую просматриваются при установлении умысла на совершение преступлений, объективная сторона которых заключается в нарушении запретов или же неисполнении обязанностей, закреплённых в иноотраслевом, неуголовном законодательстве [1, с. 123; 2, с. 79]. Презюмируется, что совершившее общественно опасное деяние лицо не только знало о существовании запрета или же возложенной на него обязанности, но и верно понимало смысл соответствующих правовых норм. Речь идёт, в частности, о предусмотренном статьёй 159.2 УК РФ преступлении. Данное посягательство может быть совершено лишь с прямым умыслом [3, с. 75; 4, с. 7]. При этом, одним из вариантов объективной стороны преступления выступает умолчание о фактах, влекущих прекращение социальных выплат. Так, например, лицо на законных основаниях оформляет полагающуюся ему ежемесячную региональную выплату. По прошествии времени оно переселяется в другой регион, сохраняя при этом постоянную регистрацию по месту жительства в том субъекте Российской Федерации, в котором оно эту выплату продолжает получать. Далеко не всегда в таких ситуациях можно говорить о наличии умысла на совершение преступления. Нередко имеет место неверная трактовка иноотраслевого законодательства, смысл которого не был своевременно, доходчиво и в полном объёме лицу разъяснён. Правоприменитель же рассуждает следующим образом: раз при оформлении выплаты получатель был под роспись уведомлён об обязанности сообщить об изменении своих жизненных обстоятельств, то неисполнение этой обязанности свидетельствует о прямом умысле на совершение мошенничества при получении выплат. Однако, как было сказано, в действительности, данное общественно опасное деяние может являться следствием добросовестного заблуждения лица относительно возложенной на него обязанности.

Так, например, 21 января 2005 года В., на основании его заявления, была назначена пенсия по выслуге лет с учётом надбавок, повы-

шений и коэффициента в размере 65%. В., при выезде на новое место жительства из района Крайнего Севера, не имел права на сохранение надбавки к пенсии с применением районного коэффициента. Согласно его заявлению, он обязался в трехдневный срок уведомить Отделение социального и пенсионного обеспечения Военного комиссариата г. Петропавловска-Камчатского о переезде на новое место жительства в другой субъект Российской Федерации.

7 апреля 2020 г. В. снят с регистрационного учета в г. Петропавловске-Камчатском, 30 апреля 2020 года покинул территорию Камчатского края, намереваясь уехать к новому месту жительства в Краснодарский край для последующего постоянного проживания, о чем не сообщил сотрудникам отделения назначения пенсий и пособий ФКУ «Военный комиссариат Камчатского края», после чего 5 ноября 2020 г. с целью сохранения права на увеличение размера меры дополнительной социальной поддержки и подтверждения постоянного места жительства на территории Камчатского края оформил прописку в жилом помещении, где фактически не проживал. В результате умышленного умолчания о факте, влекущем прекращение указанной выплаты, В. продолжил получать пенсию с необоснованно увеличенным размером меры поддержки в виде районного коэффициента 1,6 от суммы рассчитанной пенсии, чем причинил Министерству обороны РФ материальный ущерб в объеме 670.439 руб. 17 коп., что составляет крупный размер.

Подсудимый В. в судебном заседании полностью признал свою вину в совершении инкриминируемого ему преступления, подтвердив неуведомление соответствующих органов об изменении места регистрации и проживания и необоснованное получение инкриминируемых ему сумм в вышеуказанный период времени. При этом, на предварительном следствии им было выражено несогласие с обвинением. В. заявил, что добросовестно заблуждался относительно трактовки законодательства, в содеянном искренне раскаялся, ущерб возместил в полном объеме. Суд признал В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, и назначил ему наказание в виде штрафа в размере сто тысяч рублей [5].

На практике такая типовая ситуация может развиваться и в более сложном варианте, когда получающее выплату лицо поочередно живёт по несколько месяцев в разных субъектах Российской Федерации (или же за границей). Например, семья более шести месяцев в году находится в другом регионе по месту длительной командировки отца, при необходимости присмотра за пожилым родственником или же в связи с иными, самыми разнообразными жизненными обстоятельствами.

Так, Белорецкий межрайонный суд Республики Башкортостан приговором от 18 июня 2024 г. по делу № 1-14/2024 установил, что Р. по его заявлению была назначена пенсия с учетом увеличения с применением районного коэффициента в размере 1,7 за проживание на территории ЗАТО г. Межгорье. При этом, он взял на себя обязанность сообщить в райвоенкомат о смене места жительства. В январе 2013 г. Р. стал постоянно проживать за пределами ЗАТО г. Межгорье, однако в нарушение взятого на себя обязательства о смене места жительства в военный комиссариат не сообщил. Посредством умолчания Р. о факте, влекущем прекращение выплаты увеличенной пенсии с коэффициентом «1,7», он за период с января 2013 года по февраль 2023 г. совершил хищение денежных средств на сумму 2 783153 руб. 81 коп.

Р. в судебном заседании вину в совершении преступления не признал, ссылаясь на то, что он выезжал за пределы г. Межгорье с периодичностью 3-4 раза в год с целью осуществления ухода за проживающей в другом городе матерью, имеющей 1 группу инвалидности. Тем не менее, Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.2 УК РФ и ему назначено наказание в виде трёх лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года. Также был удовлетворён иск о взыскании с него в пользу Министерства обороны РФ причиненного имущественного ущерба [6].

Несмотря на то, что центр жизни семьи де факто переместился, получатель выплаты может рассматривать в качестве своего дома, в самом широком смысле слова, жилое помещение, в котором он зарегистрирован по месту оформления социальной выплаты. Иными словами, имеет место искреннее заблуждение, а не умысел на совершение преступления.

Тем не менее, при таких исходных обстоятельствах лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности. Конституционный Суд РФ сравнительно недавно, при проверке положений ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, в своём Определении от 9 июля 2024 г. № 1756-О [7] разъяснил, что в подобных случаях основания для ежемесячной денежной выплаты связаны не с местом постоянной регистрации гражданина, а именно с местом его фактического постоянного проживания (работы).

Привлечение к уголовной ответственности по ст. 159.2 УК РФ выражается в целом ряде негативных правовых последствий. Это обусловленное судимостью изменение правового статуса подвергнутого уголовному преследованию лица и, как правило, условное осуждение к лишению свободы или(и) штраф. Согласно размещённым на официальном интернет-сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ данным, по ст. 159.2 УК РФ привлечены к уголовной ответственности: за первое полугодие 2024 г. – 1931 чел.; в 2023 г. – 3527 чел.; в 2022 г. – 2531 чел. Условно осуждены к лишению свободы: в первом полугодии 2024 г. – 1380 чел.; в 2023 г. – 2344 чел.; в 2022 г. – 1429 чел. К реальному лишению свободы приговорены: за первое полугодие 2024 г. – 51 чел.; в 2023 г. – 131 чел.; в 2022 г. – 95 чел. Штраф в качестве основного вида наказания назначен за первое полугодие 2024 г. – 356, в 2023 г. – 780 и в 2022 г. – 207 лицам [8].

Как видно из приведённых данных судебной статистики, ст. 159.2 УК РФ – это активно применяемая на практике, «работающая» статья уголовного закона, ежегодно затрагивающая судьбы тысяч людей. Причём, как свидетельствуют официальные цифры, посягательства квалифицируются преимущественно по частям 2-4 ст. 159.2 УК РФ. Довольно трудно судить о соотношении между числом лиц, злонамеренно пошедшими на мошенничество при получении пособий и иных социальных выплат, и лицами, в отношении которых установление прямого умысла следствием несёт в себе черты объективного вменения. Однако, возможна ли описанная нами типовая ситуация в реальности? Безусловно, возможна. Вероятность её, как представляется, меньше, нежели ситуаций, при которых умышленно совершившее мошенничество при получении выплат лицо, ссылаясь на

незнание закона, его неверную интерпретацию или же свою «забычивость», стремится подобным образом уйти от ответственности.

По М.В. Бавсун и Н.В. Вишнякова указывают в этой связи на то, что «в большинстве апелляционных жалоб по делам о рассматриваемом преступлении осужденные указывают на отсутствие у них умысла на хищение, а следовательно, отсутствие и состава преступления» [9, с. 13].

В диссертации А.В. Чумакова приведены результаты опроса экспертов относительно распространённости такого способа мошенничества при получении выплат, как умолчание о фактах, влекущих их прекращение. Эксперты «указали, что подобный способ преступлений – один из наиболее характерных в том плане, что преступники субъективно не осознают, что совершают преступление» [10, с. 175]. Более чем парадоксальная формулировка, учитывая, что предусмотренное ст. 159.2 УК РФ преступление может быть совершено исключительно с прямым умыслом. Исходя из принципа вины, если «преступники субъективно не осознают, что совершают преступление», то и об умышленном преступлении говорить нельзя. Имеет место общественно опасное противоправное деяние, но никак не преступление.

«Мошенничество по неосторожности» – это нонсенс. Мошенничество при получении выплат не может быть совершено по неосторожности, так как оно относится к преступлениям с умышленной формой вины, предполагает преднамеренные действия, направленные на обман и извлечение выгоды.

На практике, лицо, в пользу которого незаконно обращаются денежные средства, может быть не осведомлено о данном обстоятельстве. Так, Ф., вопреки взятым на себя обязательствам, своевременно не сообщил в клиентскую службу отделения фонда пенсионного и социального страхования РФ о перемене места жительства, тем самым ввел в заблуждение работников клиентской службы относительно наличия оснований для получения ежемесячных денежных выплат и ежемесячных денежных компенсаций.

Вину по эпизоду преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ признал полностью, раскаялся. Причиненный преступлением ущерб возместил в полном объеме, перечислив денежные средства в размере 12392 рублей. Также Ф. показал суду, что при выезде с места жительства он должен был предупредить Отделение Пенсионного фонда РФ об этом. В Отделении Пенсионного фонда РФ порядок и условия получения данных выплат, а также ответственность за их неисполнение подсудимому разъясняли, за что подсудимый расписывался. Денежные средства ему зачислялись на расчетный счет.

Ф. показал, что возможно он предупреждался о необходимости сообщать в Отделение Пенсионного фонда РФ об обстоятельствах, влекущих прекращение ежемесячной денежной выплаты, но данный момент он упустил. Денежными средствами, которые приходили к нему на расчетный счёт он не распоряжался. Более того, не знал, что они приходили, так как денежные средства списывались судебными приставами, расчетный счёт был арестован [11].

В научной литературе не единожды описывался ещё более наглядный типичный пример неоднозначной интерпретации принципа вины при применении ст. 159.2 УК РФ [12, с. 139; 9, с. 12]. Речь идёт о хищении ежемесячной компенсационной выплаты, назначаемой в связи с осуществлением ухода за лицами, нуждающимися в таком уходе в связи с состоянием здоровья, либо достигшими восьмидесятилетнего возраста. Названная выплата назначается неработающим трудоспособным гражданам, поэтому, в случае их трудоустройства, они обязаны в течение пяти дней известить осуществляющий выплату пенсии орган о данном факте, как о влекущем прекращение осуществления этой компенсационной выплаты.

Юридический механизм констатации наличия прямого умысла на мошенничество при получении выплаты здесь также предельно прост: лицо при назначении выплаты было уведомлено об обязанности сообщить о факте своего трудоустройства, но не сделало это. Следовательно, тем самым, оно, утратив законные основания для получения выплаты, стремилось её получить в дальнейшем, то есть имело умысел на совершение предусмотренного ст. 159.2 УК РФ преступления. Иными словами, психическое отношение лица к содеянному выявляется посредством анализа факта его бездействия относительно необходимости выполнения возложенной на него обязанности.

Однако, во-первых, составляющая выплату денежная сумма поступает не непосредственно к осуществляющему уход лицу, а приходит в виде надбавки к пенсии его подопечного. Причём нередко де факто и распоряжается этой суммой само нетрудоспособное лицо. С 1 января 2025 года лицам с инвалидностью I группы либо достигшим возраста 80 лет, беззаявительно устанавливается надбавка к пенсии на уход. Она включена в состав пенсии и поступает вместе с ней. Выплата устанавливается к страховой или государственной пенсии.

Во-вторых, между датой назначения выплаты и датой трудоустройства её получателя может пройти весьма длительное время, исчисляемое годами. В связи с этим, изменение законодательства о социальном обеспечении (что вполне разумно предлагается в научной литературе [12, с. 142; 9, с. 14-15]) вряд ли нивелирует риски объективного вменения при применении норм, направленных на уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере социального обеспечения.

В-третьих, законодательство не опосредует выплату обязательными родственными связями осуществляющего уход лица с его подопечным или же их совместным проживанием друг с другом. Разумеется, уход подразумевает систематическое посещение подопечного, однако в реальной жизни это происходит далеко не всегда. Компенсационная выплата вполне может расцениваться обоими как некая дополнительная надбавка к пенсии, при том, что реальный уход и даже общение между ними будут сведены к минимуму. Это, само по себе, свидетельствует о недобросовестном исполнении взятых на себя лицом обязанностей, но никак об его умысле на совершение преступления.

В-четвёртых, в роли осуществляющего уход лица, которому назначена компенсационная выплата, может выступать несовершеннолетний, начиная с четырнадцатилетнего возраста [13]. Легко предположить следующую ситуацию. Мать подростка, руководствуясь желанием материально помочь нетрудоспособной подруге преклонного возраста, оформляет на него рассматриваемую выплату. По прошествии нескольких лет, когда об этом все благополучно забывают, ставший совершеннолетним формальный получатель выплаты заканчивает учебное заведе-

ние, переезжает в другой город, находит работу. Разумеется, об обязанности уведомить о факте своего трудоустройства он помнит далеко не всегда. При этом, с позиций правоприменителя, он имеет прямой умысел на мошенничество с выплатами. Молодой человек получает судимость, сопровождаемую всеми связанными с ней негативными последствиями для его дальнейшей судьбы.

Тем самым, анализ действующего уголовного законодательства и сложившейся практики его применения позволяет утверждать, что при квалификации мошенничества при получении выплат, совершаемого посредством умолчания о фактах, влекущих прекращение данных выплат, велик риск нарушения принципа вины. Гипотетическая степень распространённости случаев выхода за рамки субъективного вменения такова, что ставит вопрос о необходимости решения данной проблемы.

Список литературы:

1. Коваленко Т. С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины: дис. канд.... юрид. наук. М., 2016. 212 с.
2. Кораблева С. Ю. Влияние фактических ошибок на оценку уголовно-правовой вины и квалификацию преступлений // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 79-90.
3. Березин Д. А., Левандовская Ж. А. Юридическая ответственность за правонарушения в отдельных сферах обязательного социального страхования и социального обеспечения // Цивилист. 2022. № 4. С. 74-80.
4. Архипов А. В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4-8.
5. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда от 04.06.2024 по делу № 1-469/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V7tE3lC4rLLV/?ysclid=m9dnxgez57877677856> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Приговор Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 18.06.2024 по делу № 1-14/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iPfi72YQKnNn/> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2024 № 1756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Савиной Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
8. Официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Бавсун М. В., Вишнякова Н. В. Реализация принципа вины при квалификации мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2015. № 1. С. 11-15.
10. Чумаков А. В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: дис. канд.... юрид. наук. Калининград, 2018. 239 с.
11. Приговор Железнодорожный районный суд г. Орла от 24.07.2024 по делу № 1-142/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x0yfETCK5u5W/> (дата обращения: 20.03.2025).
12. Митрофанов Т. И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): дис. канд.... юрид. наук. Омск, 2016. С. 138-142.
13. Постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343 «Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет» // Собрание законодательства РФ. 11.06.2007. № 24. Ст. 2913. Подп. «к» п. 9.

References:

1. Kovalenko T. S. The principle of subjective imputation and the problems of its implementation in crimes with two forms of guilt: dis. cand.... jurid. nauk. M., 2016. 212 p.
2. Korablava S. Y. The influence of factual errors on the assessment of criminal law guilt and the qualification of crimes // Journal of Russian Law. 2024. № 2. pp. 79-90.
3. Berezin D. A., Levandovskaya Zh. A. Legal liability for offenses in certain areas of compulsory social insurance and social security // Civilist. 2022. № 4. pp. 74-80.
4. Arkhipov A. V. Selfish purpose as a sign of embezzlement // Criminal law. 2016. № 1. pp. 4-8.
5. The verdict of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court dated 04.06.2024 in case № 1-469/2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V7tE3lC4rLLV/?ysclid=m9dnxgez57877677856> (access date: 20.03.2025).
6. Verdict of the Beloretsk Interdistrict Court of the Republic of Bashkortostan dated 18.06.2024 in case № 1-14/2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iPfi72YQKnNn/> (access date: 20.03.2025).
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.07.2024 № 1756-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Savina Olga Vasilyevna for violation of her constitutional rights by Part one of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus legal Reference System.
8. The official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: judicial statistics // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (access date: 20.03.2025).
9. Bavsun M. V., Vishnyakova N. V. Implementation of the principle of guilt in qualifying fraud in receiving payments // Criminal Law. 2015. № 1. pp. 11-15.
10. Chumakov A. V. Features of the methodology of fraud investigation when receiving payments: dis. kand.... jurid. nauk. Kaliningrad, 2018. 239 p.
11. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Oryol dated 24.07.2024 in case № 1-142/2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x0yfETCK5u5W/> (access date: 20.03.2025).
12. Mitrofanov T. I. Criminal and legal characteristics of fraud in receiving payments (art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): dis. cand.... jurid. nauk. Omsk, 2016. pp. 138-142.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.06.2007 № 343 "On the implementation of monthly compensation payments to unemployed able-bodied persons caring for a disabled person of group I (with the exception of those with disabilities from childhood of group I), as well as for the elderly who need constant outside care or who have reached the age of 80 years" // Collection of Legislation of the Russian Federation 11.06.2007. № 24. St. 2913. Sub-item "k" item 9.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СЛУШАНИЯХ ПО ВОПРОСУ УТВЕРЖДЕНИЯ ОБВИНЕНИЙ И СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE HEARINGS ON THE ISSUE OF THE CONFIRMATION OF CHARGES AND THE TRIAL OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

ПОШИВАЙЛОВА Анна Викторовна,

заведующий кафедрой «Трудовое право» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент
e-mail: poshivaylovaav@mail.ru

УТRENДЕЕВА Халида Низамиевна,

заведующий кафедрой правоведения Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: halidal@list.ru

POSHIVAILOVA Anna V.,

Head of the Department "Labor Law" of the Law Institute
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Candidate of Law, Associate Professor;

UTRENDEEVA Khalida N.,

Head of the Department of Law of the Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V.I. Vernadsky Kazan Federal University",
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Краткая аннотация: в статье рассматриваются особенности участия прокурора в слушаниях по вопросу утверждения обвинений и судебном разбирательстве Международного уголовного суда, исследуются полномочия прокурора, его права и обязанности на данной стадии судебного разбирательства.

Abstract: The article examines the specifics of the prosecutor's participation in hearings on the confirmation of charges and the trial of the International Criminal Court, and examines the powers of the prosecutor, his rights and responsibilities at this stage of the trial.

Ключевые слова: прокурор; обвиняемый; обвинительное заключение; судебное разбирательство; Международный уголовный суд; доказательства.

Key words: prosecutor; accused; indictment; trial; International Criminal Court; evidence.

Для цитирования: Пошивайлова А.В., Утрендеева Х.Н. Участие прокурора в слушаниях по вопросу утверждения обвинений и судебном разбирательстве международного уголовного суда // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 586-588. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_586.

For citation: Poshivailova A.V., Utrendeeva Kh.N. The prosecutor's participation in the hearings on the issue of the confirmation of charges and the trial of the international criminal court // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 586-588. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_586.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

До начала судебного разбирательства после предоставления лица в распоряжение Международного уголовного суда либо после его добровольной явки в суд Палата предварительного производства проводит слушание по вопросу об утверждении обвинений, на основании которых прокурор намеревается добиваться проведения судебного разбирательства. Слушание проводится в присутствии прокурора и обвиняемого, а также его защитника.

Палата предварительного производства может, по просьбе прокурора или по собственной инициативе, провести слушание в отсутствии обвиняемого, чтобы утвердить обвинения, на основании которых прокурор намеревается добиваться проведения судебного разбирательства, в случаях, когда:

1. обвиняемый отказался от своего права присутствовать на слушании его дела;
2. обвиняемый скрывается или не представляется возможным установить его местонахождение, и были предприняты все разумные шаги для обеспечения его явки в Международный уголовный суд, чтобы информировать его о выдвигаемых против него обвинениях и о своем намерении провести слушание для утверждения этих обвинений.

До начала слушания прокурор может продолжать расследование и может изменить или снять любые обвинения. В случае снятия обвинений прокурор уведомляет Палату предварительного производства о причинах такого снятия [2]. Когда прокурор намеревается изменить обвинение, он уведомляет Палату предварительного производства и обвиняемого не позднее, чем за 15 дней до начала слушания по утверждению обвинений и представляет при этом перечень доказательств, которые он намеревается выдвинуть в поддержку этих обвинений на слушании.

Прокурор представляет Палате предварительного производства и обвиняемому не позднее, чем за 30 дней до начала слушания по утверждению обвинений подробное изложение обвинений вместе с перечнем доказательств, которые он намеревается представить на этом слушании. Составляется официальное обвинительное заключение, в котором кратко излагаются факты, образующие каждое вменяемое в вину преступление, указывается материальное право, на основании которого обвиняемый привлекается к ответственности [3].

Когда прокурор намеревается представить новые доказательства на слушании, он представляет Палате предварительного производства и соответствующему лицу перечень таких доказательств не позднее, чем за 15 дней до слушания.

Прокурор может просить Палату предварительного производства отложить дату слушания по утверждению обвинений.

Прокурор и обвиняемый могут представить Палате предварительного производства материал в письменном виде по вопросам факта и права, включая основания для освобождения от уголовной ответственности, установленные в пункте 1 статьи 31 Римского статута Международного уголовного суда, не позднее, чем за 3 дня до начала слушания. Копии этих материалов немедленно направляются, в зависимости от обстоятельств, прокурору или обвиняемому.

До слушания дела по существу прокурор может заявить протест и представить замечания относительно надлежащего ведения разбирательства до слушания по вопросу об утверждении обвинений [1].

В ходе слушания прокурор поддерживает каждый пункт обвинения доказательствами, достаточными для установления существенных оснований полагать, что данное лицо совершило преступление, в котором оно обвиняется. Прокурор может полагаться на документальные доказательства или резюме доказательств и может не вызывать свидетелей, которые, как ожидается, будут давать показания в суде [1].

Палата предварительного производства предоставляет прокурору возможность высказать заключительные замечания до вынесения решения об утверждении или не утверждении обвинений [1]. Если Палата предварительного производства не утверждает обвинение, это не препятствует прокурору впоследствии вновь обратиться с просьбой об утверждении этого обвинения, когда такая просьба поддерживается дополнительными доказательствами.

После утверждения обвинений и до начала судебного разбирательства прокурор может, с разрешения Палаты предварительного производства и после уведомления обвиняемого, изменить обвинения. Если прокурор намеревается выдвинуть дополнительные обвинения или заменить обвинения более серьезными обвинениями, то должно быть проведено слушание для утверждения этих обвинений. После начала судебного разбирательства прокурор может, с разрешения Судебной палаты Международного уголовного суда, снять обвинения [2].

Прокурор и защита могут договориться о том, что какой-либо содержащийся в обвинении предполагаемый факт, содержание документа, ожидаемые показания свидетеля или другие доказательства оспариваться не будут и в этой связи Судебная палата Международного уголовного суда может считать такой предполагаемый факт доказанным, если только Судебная палата не придет к мнению о том, что в интересах правосудия, в частности, в интересах потерпевших, требуется полнее представить предполагаемые факты.

Если прокурор знает, что в результате получения показаний от любого свидетеля могут возникнуть вопросы в отношении самооговора, он обращается с просьбой о проведении закрытого судебного заседания и информирует Палату об этом до получения показаний от свидетеля. Прокурор предоставляет защите имена свидетелей, которых он намеревается вызвать для дачи показаний, а также копии предварительных заявлений этих свидетелей. Это делается достаточно заблаговременно, с тем, чтобы защита могла надлежащим образом подготовиться.

Прокурор впоследствии сообщает защите имена любых дополнительных свидетелей обвинения и предоставляет копии их заявлений, после того как принято решение вызвать этих свидетелей. Прокурор при условии соблюдения ограничений о раскрытии информации предоставляет защите возможность ознакомиться с любыми книгами, документами, фотографиями и другими материальными предметами, находящимися в его распоряжении или под его контролем, которые имеют существенное значение для подготовки защиты или которые прокурор намеревается использовать в качестве доказательства во время слушания на предмет утверждения обвинений или в ходе судебного разбирательства, в зависимости от случая, или которые получены от обвиняемого или принадлежат ему.

Защита разрешает прокурору ознакомиться с находящимися в ее распоряжении или под ее контролем любыми книгами, документами, фотографиями и другими материальными предметами, которые она намеревается использовать в качестве доказательств во время слушания на предмет утверждения обвинений или в ходе судебного разбирательства.

Защита уведомляет прокурора о своем намерении строить защиту:

1. на основе алиби; в этом случае в уведомлении указывается место или места, где обвиняемый, по его утверждению, находился в момент совершения предполагаемого преступления, имена свидетелей, а также любые другие доказательства, которые обвиняемый намеревается использовать для подтверждения алиби;

2. на основе основания для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в пункте 1 статьи 31 Римского статута Международного уголовного суда; в этом случае в уведомлении указываются имена свидетелей и любые другие доказательства, которые обвиняемый намеревается использовать для подтверждения этого основания.

Уведомление делается достаточно заблаговременно, чтобы прокурор имел возможность надлежащим образом подготовиться и представить возражения. Судебная палата, занимающаяся этим вопросом, может предоставить прокурору отсрочку, чтобы он мог заняться вопросом, поднятым защитой. После уведомления Судебная палата заслушивает прокурора и защиту, прежде чем принять решение, может ли защита ссылаться на данное основание для освобождения от уголовной ответственности. Если защите разрешается ссылаться на такое основание, Судебная палата может предоставить прокурору отсрочку для подготовки доводов в связи с этим основанием. Доклады, меморандумы и иные внутренние документы, подготовленные прокурором в связи с расследованием или подготовкой дела, не подлежат раскрытию.

Если в распоряжении или под контролем прокурора находится материал или информация, которые подлежат раскрытию в соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда, но раскрытие которых может причинить ущерб будущему или текущему расследованию, прокурор может обратиться в палату Международного уголовного суда, рассматривающую в данный момент этот вопрос, для принятия

постановления о том, должны ли быть этот материал или информация раскрыты защите. Данный вопрос заслушивается Палатой *ex parte*. Однако прокурор не может представлять такой материал или информацию в качестве доказательства в ходе слушания по вопросу об утверждении обвинений или судебного разбирательства без надлежащего предварительного раскрытия обвиняемому.

Если в распоряжении или под контролем прокурора находится материал или информация, которые охраняются согласно пункта 3 (е) статьи 54 Римского статута Международного уголовного суда, прокурор впоследствии не может использовать такой материал или информацию в качестве доказательства без предварительного согласия лица, предоставившего такой материал или информацию, и надлежащего предварительного раскрытия обвиняемому.

Если прокурор представляет в качестве доказательства материал или информацию, которые охраняются согласно пункта 3 (е) статьи 54 Римского статута Международного уголовного суда, Палата не может требовать представления дополнительных доказательств, полученных от лица, предоставившего первоначальный материал или информацию, или – для целей получения таких дополнительных доказательств – сама вызвать это лицо или его представителя в качестве свидетеля или же требовать их присутствия.

Если прокурор вызывает свидетеля для представления в качестве доказательства любого материала или информации, которые охраняются, Палата не может заставить свидетеля отвечать на какой – либо касающийся этого материала или информации или их происхождения вопрос, если свидетель не желает отвечать по соображениям конфиденциальности. Прокурор имеет право допрашивать свидетелей обвинения и защиты в связи с вопросами, имеющими отношение к показаниям свидетеля и их надежности, доверия к свидетелю, и в связи с другими вопросами, имеющими отношение к делу [2].

Список литературы:

1. Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда (Правила процедуры и доказывания вступают в силу после принятия большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников, ст. 51 Римского статута Международного уголовного суда) // Справочная информационно-правовая система ГАРАНТ (дата обращения: 10.04.2025 г.).
2. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Справочная информационно-правовая система ГАРАНТ (дата обращения: 10.04.2025 г.).
3. Фисенко И. Функционирование постоянного Международного уголовного суда (расследование, обвинение, исполнение приговоров, правовая помощь) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 2000. - № 3. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/29990> (дата обращения: 10.04.20235. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей).

References:

1. Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Court (Rules of Procedure and Evidence come into force after adoption by a two-thirds majority of the members of the Assembly of States Parties, Article 51 of the Rome Statute of the International Criminal Court) // GARANT Reference Information and Legal System (date of application: 04/10/2025).
2. Rome Statute The International Criminal Court (Rome, July 17, 1998) // The GARANT reference information and legal system (date of reference: 04/10/2025).
3. Fisenko I. Functioning of the Permanent International Criminal Court (investigation, prosecution, execution of sentences, legal assistance) // Belarusian Journal of International Law and International Relations, 2000, No. 3. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/29990> (date of request: 04/10/20235. Access mode: for registered users. users).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ ЯКУТИИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА ПРИРОДЕ АРКТИКИ ACTIVITIES OF THE YAKUTIA PROSECUTOR'S OFFICE TO COMPENSATE FOR ENVIRONMENTAL DAMAGE TO THE ARCTIC NATURE

ЯКОВЛЕВ Николай Михайлович,

доцент СВФУ, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Саха (Якутия), кандидат юридических наук, доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона и кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: nik.mix.50@mail.ru;

YAKOVLEV Nikolai Mikhailovich,

honored lawyer of the Russian Federation, honored lawyer of the Republic of Sakha (Yakutia), PhD in Law, associate professor at the Department of Arctic law, Asia Pacific law. Faculty of law. North- Eastern Federal University.
677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42.
E-mail: nik.mix.50@mail.ru.

Краткая аннотация. Раскрывается работа прокуроров по обеспечению юридической ответственности за нарушения природоохранного законодательства при промышленной добыче из недр земли драгоценных металлов. Учитывая, что в Арктической зоне РФ экология Севера очень ранимая и хрупкая органы прокуратуры принимают эффективные меры надзорного реагирования, направленные на полное возмещение экологического вреда в результате незаконных действий недобросовестных недропользователей. Автор предлагает в 2025 год, объявленный Президентом РФ - годом Защитника Отчизны, и 80 - лет Победы Великой Отечественной войне финансовые средства, взысканные по иску прокурора решением суда в местный бюджет за экологический ущерб, направлять на материальную поддержку ветеранов ВОВ, их вдовам, в том числе особенно на социальную правозащиту участников СВО и членам их семей.

Abstract: It is revealed the work of prosecutors to ensure juridical liability for violations of environmental legislation during industrial mining of precious metals. Considering that the ecology of the North in the Arctic zone of the Russian Federation is very vulnerable and fragile, the prosecutor's office is taking effective supervisory response measures aimed at full compensation for environmental damage resulting from the illegal actions of unscrupulous subsoil users. The author suggests in 2025, which is declared by the President of the Russian Federation as the year of the Defender of the Motherland, and when the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War is celebrated, financial resources, collected by a court decision from the prosecutor's claim to the local budget for environmental damage, shall be directed to material support for WWII veterans, their widows, including especially for the social protection of the Special Military Operation participants and their family members.

Ключевые слова. Прокурорское реагирование на экологический ущерб. Юридическая ответственность. Возмещение вреда природе.

Keywords. Prosecutor's response to environmental damage. Legal liability. Compensation for damage to nature.

Для цитирования: Яковлев Н.М. Деятельность прокуратуры Якутии по возмещению экологического вреда природе Арктики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 589-592. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_589.

For citation: Yakovlev N.M. Activities of the Yakutia prosecutor's office to compensate for environmental damage to the Arctic nature // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 589-592. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_589.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Актуальная правозащитная деятельность прокуроров за исполнением природоохранного законодательства регулируется приказом Генерального прокурора РФ № 198 от 15.04.2021 года «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере», где подчиненным органам предписывается считать надзор в этой сфере важнейшей задачей, требуется обязательное принятия исчерпывающих мер прокурорского реагирования во всех случаях причинения вреда экологии и принципиально добиваться реального возмещения ущерба природным ресурсам.[1] ¹.

Прокуратура Республики Саха (Якутия) в целях эффективного исполнения данного приказа Генпрокурора РФ акцентировал внимание горрайпрокуроров на то, чтобы при проверках исполнения законодательства об охране и использования недр особое внимание обращать на выявления случаев самовольной добычи драгоценных металлов без разрешительного документа – лицензии.

Одним из результативных надзорных проверок в этой сфере является иск прокурора в Оймяконский районный суд в защиту интересов РФ к ООО «Абсолют» о взыскании 3 200 229 рублей в доход муниципального образования «Оймяконский район» Республики Саха (Якутия) в счет возмещения вреда экологии, вследствие самовольной добычи драгоценных металлов.

Следует отметить, что акты прокурорского реагирования направлены не только на обеспечение юридической ответственности должностных лиц, но и несут профилактическую цель на сохранение благоприятной окружающей среды на Севере России, где природа особенно ранимая и хрупкая от негативных воздействий.

В этом плане активная аргументация иска прокурора района правовой основы для предъявления иска необходима и обоснованно опирается на нормативные – правовые источники:

¹ 1. Пункт 19 приказа Генерального прокурора РФ № 198 от 15.04.2021 года «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». /СПК КонсультантПлюс.

В соответствии со статьями 1 и 9 Конституции РФ земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности проживающих на ее территории населения, в том числе коренные малочисленные народы Арктического Севера.

Далее истец разъясняет пункт 1 статьи 77 Федерального закона от 10.01.2002 № 743, где юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате нерационального использования природных ресурсов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме.

Актуальным в исковом заявлении является также то, что для определения размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, производится в соответствии с утвержденными методиками и таксами исчисления его размера, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 27.01.2015 № 2 81-КГ14-19, вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и неимущественным (нематериальным). Основаниями для возложения обязанности по возмещению вреда являются: совершение лицом противоправных действий (нарушение экологического законодательства); наличие вреда; причинная связь между противоправным поведением и причиненным вредом.

В исковом заявлении прокурор считает целесообразным обратить внимание суда, на порядок задачи лицензирования:

Согласно части 1 статьи 4 Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ добычу драгоценных металлов могут осуществлять исключительно организации, получившие в порядке, установленном законом и другими федеральными законами, специальные разрешения (лицензии).

В силу требований статей 6, 7, 29 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее — Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1) не допускается добыча полезных ископаемых на участках недр в отсутствие соответствующей лицензии.

Исходя из разъяснений, содержащихся в пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Выбор способа возмещения причиненного вреда при обращении в суд осуществляет истец.[2]¹.

В соответствии с пунктом 22 статьи 46 Бюджетного кодекса РФ платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты муниципальных районов, по месту причинения вреда окружающей среде по нормативу 100 процентов.[3]².

Совокупность вышеприведенного нормативного регулирования рассматриваемой сферы правоотношений является достаточной для понимания того, что добыча драгоценных металлов на участках недр в отсутствие лицензии на добычу не допустима.

Согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться с заявлением в суд в защиту муниципальных образований в субъектах РФ, которые имеют получают доходы от добычи полезных ископаемых, в том числе золота.

Прокурор Оймяконского района в целях защиты законных интересов муниципального образования обоснованно предъявил иск о взыскании причиненного недрам вследствие нарушения законодательства РФ о недрах о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Абсолют» 3 200 229 рублей в счет возмещения вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской с зачислением в бюджет муниципального образования «Оймяконский улус» Республики Саха (Якутия). [4]³.

Безусловно, зачисление в местный бюджет муниципального образования «Оймяконский улус» за возмещения ущерба за нарушение природоохранного законодательства будет способствовать эффективному использованию по исполнению поручения Президента РФ о повышению социальной защиты ветеранов Великой ответственной войны, участников специальной военной операции в юбилейный 80 лет Победы в Великой Отечественной войны и в 2025, объявленного Годом Защитника Отечества, а также в Оймяконском улусе достижение заданных показателей развития экономики района, обеспечение в его пределах благоприятной окружающей среды для коренных малочисленных народов Арктического Севера, так как Оймякон известен по всему миру как глобальный центр холода.

Поэтому нам кажется не было бы лишним, добавить ссылками на научные работы ученых из научных журналов.

Например, для прокуроров, которые готовят такие акты надзорного реагирования, могут быть полезны работы Н.Г. Жаворонковой и В.Б. Агафоновым, о том, что в «документах стратегического планирования, относящихся к территории Арктики, цели и задачи преимущественно носят декларативный характер. Положения рассматриваемых актов должны получать развитие в правовых механизмах практической реализации намечаемых планов, иметь характер прямого действия, [5]⁴, без чего невозможно достижение заданных показателей развития экономики региона, обеспечение в его пределах благоприятной окружающей среды, повышение степени инвестиционной привлекательности бизнес-проектов». [6]⁵

21 мая 2024 г. Оймяконский районный суд Республики Саха (Якутия) с участием прокурора рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское, дело по иску прокурора Оймяконского района Республики Саха (Якутия) в защиту интересов РФ, к ООО «Абсолют» о возме-

¹ 2. Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». /СПК КонсультантПлюс.

² 3. Пункт 22 статьи 46 Бюджетного кодекса РФ. КонсультантПлюс.

³ 4. egr.genprok.gov.ru. Генеральная прокуратура. Органы прокуратуры и организации прокуратуры. Прокуратура Оймяконского района. Делопроизводство. Наряд № 10 Акты прокурорского реагирования. 2024 год. п. Усть-Нера, Оймяконский район, ул. Мацкеппадзе, д.8, РС (Я)

⁴ 5. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования недропользования в Арктике. //Lexrussica. 2022. № 7. С. 114–124.

⁵ 6. Агафонов В.Б. Правовое регулирование недропользования в районах Крайнего Севера и на континентальном шельфе северных акваторий Российской Федерации. //Российская Арктика – территория права: альманах/отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП; Салехард: Юриспруденция, 2019. С. 155–160.

щении вреда, причиненного недрам вследствие самовольной добычи полезных ископаемых иск прокурора Оймяконского района Республики Саха (Якутия) Стеца А.И. удовлетворил в полном объеме.

Следует подчеркнуть, что суд в ходе судебного разбирательства досконально изучил приобщенные к делу материалы уголовного дела в отношении руководителя ООО по факту нарушения законодательства в сфере охраны природы и принял в качестве веских доказательств по этому гражданскому делу.

Надзор за следствием осуществляла прокуратура района под постоянным контролем прокуратуры Якутии (начальник управления Сергеев И.А. старший прокурор управления Павлов Е.Е.).

В решении суда подчеркнуто, что в силу части 4 статьи 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Как следует из материалов дела, приговором Оймяконского районного суда Республики Саха (Якутия) от 29 марта 2023 года, вступившим в законную силу 14 апреля 2023 года, Миндолин В.Т. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 171 и ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 191 УК РФ.

Суд полностью согласился, что доказательства изложенные по делу объективные и обоснованные поэтому принимает за основу при принятии окончательного судебного решения по удовлетворению исковых требований прокурора района.

Миндолин В.Т., являясь директором общества с ограниченной ответственностью «Абсолют», занимающейся согласно Уставу общества от 27 сентября 2016 года: разработкой недр с целью добычи золота, платины, олова, вольфрама и других драгоценных металлов и разведкой месторождений полезных ископаемых, в период времени с 2.0 августа 2022 года до 02 часов 00 минут 08 сентября 2022 года, в ходе проведения работ в рамках лицензии ЯКУ №06231 БГ1 выданной Управлением по недропользованию по Республике Саха (Якутия) от 17.12.2019, сроком Действия до 31 декабря 2026 года на геологическое изучение, включающие лишь поиск и оценку месторождений полезных ископаемых, на участке среднего течения ручья Хатынгнах с притоками ручьев Обязательный и Правый Хатынгнах, расположенном, на территории Оймяконского района Республики Саха (Якутия), не имея лицензии на добычу драгоценных металлов, в нарушении п. 1 ст. 4 Федерального закона № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 года, в соответствии с которым добыча драгоценных металлов, добыча драгоценных камней? могут осуществляться исключительно организациями, получившими в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, специальные разрешения (лицензии), умышленно, из корыстных побуждений, принял преступное решение - о проведении неправомерных работ по незаконной добыче золота, с целью извлечения незаконного дохода ООО «Абсолют», в крупном размере.

Во исполнение преступного умысла, Миндолин В.Т. осознавая общественно опасный характер своих противоправных действий в виде нарушения порядка осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивающей нормальное развитие экономики и извлечения законного дохода в крупном размере и желая их наступления, при отсутствии лицензии на право: - добычи драгоценных металлов, умышленно, используя своё служебное положение, в период времени с 20 августа 2022 года до 02 часов 00 минут 08 сентября 2022 года, дал устное и обязательное для исполнения указание подчиненным ему работникам, произвести работы по добыче золота, на что работники ООО «Абсолют», работающие согласно трудовым договорам, будучи не осведомленными о неправомерности указания Миндолина В.Т., находясь на участке среднего течения ручья Хатынгнах с притоками ручьев Обязательный и Правый Хатынгнах, на территории Оймяконского района Республики Саха (Якутия), расположенного в пределах границ лицензии ЯКУ №06231 БП, выданной 17.12.2019, используя технику и самодельный промышленный прибор, неправомерно добыли природное золото весом 849 грамм.

Он же, в период времени с 02 часов 00 минут до 08 часов 00 минут 08 сентября 2022 года, находясь на участке ООО «Абсолют», расположенном в среднем течении ручья Хатынгнах с притоками ручьев Обязательный и Правый Хатынгнах, на территории Оймяконского района Республики Саха (Якутия), не имея законных оснований и специального разрешения (лицензии) на совершение сделок, связанных с драгоценными металлами, а равно на хранение и перевозку драгоценных металлов, имея при себе незаконно добытую им золотосодержащую массу общим весом 849 грамм, при этом осознавая общественную опасность своих действий и желая их наступления, умышленно, заведомо зная, что своими действиями нарушает законодательство Российской Федерации в сфере оборота драгоценных металлов, с целью организации незаконной перевозки и хранения незаконно добытого золота на территории п. Усть-Нера, Оймяконского района Республики Саха (Якутия), предложил Курбанову Тагиру Багомедовичу (уголовное преследование в отношении которого прекращено за деятельным раскаянием) за денежное вознаграждение осуществить незаконную перевозку золота по маршруту участок ООО «Абсолют» - п. Усть-Нера, Оймяконского района Республики Саха (Якутия) и последующее незаконное хранение золота на территории п. Усть-Нера, Оймяконского района Республики Саха (Якутия), на что Курбанов Т.Б. из корыстных побуждений, с целью извлечения материальной выгоды для себя, согласился.

Далее, Миндолин В.Т. с целью организации незаконной перевозки и хранения золота, в период времени с 02 часов 00 минут до 08 часов 00 минут 08 сентября 2022 года, находясь на участке ООО «Абсолют», расположенном в среднем течении ручья Хатынгнах с притоками ручьев Обязательный и Правый Хатынгнах, на территории Оймяконского района Республики Саха (Якутия), передал Курбанову Т.Б. золотосодержащую массу общим весом 849 грамм.

Курбанов Т.Б., реализовав преступный умысел Миндолина В.Т., в период времени с 02 часов 00 минут, до 14 часов 47 минут 08 сентября 2022 года, не имея законных оснований и специального разрешения (лицензии) на совершение сделок, связанных с драгоценными металлами, а равно на перевозку и хранение драгоценных металлов, при этом осознавая общественную опасность своих действий и желая их наступления,

умышленно, заведомо зная, что, своими действиями нарушает законодательство Российской Федерации в сфере оборота драгоценных металлов получив от Миндолина В.Т. незаконно добытую им золотосодержащую массу общим-л¹ весом ; 849 грамм, из корыстных побуждений, с целью извлечения материальной выгоды для себя,, осуществил незаконную перевозку и хранение на маломерном моторном судне «WYATBOAT», с идентификационным номером РС 0291 RUS, по маршруту участок ООО «Абсолют», расположенный в среднем течении ручья Хатынгнах с притоками ручьев Обязательный и Правый Хатынгнах, на территории Оймяконского района Республики Саха (Якутия) правый берег реки Индигирка, расположенном в 30 метрах от съезда с ул. Индигирская напротив дома №34 по ул. Индигирская, п. Усть-Нера, Оймяконского района Республики Саха (Якутия), где в 14 часов 47 минут 08 сентября 2022 года был остановлен сотрудниками полиции и федеральной службы безопасности, которые изъяли золотосодержащую массу общим весом 849 грамм.

Согласно заключению эксперта от. 30 января 2023 года №2 представленный на экспертизу золотосодержащий материала, изъятый 08 сентября 2022 года является драгоценным металлом - природным золотом, общим весом 849 грамм, из которых 763,1 грамм - расчетный вес химически чистого золота и 73,5 грамм ~ расчетный вес химически чистого серебра в составе золота.

Действия ответчика расцениваются судом, как осуществление, гражданских прав с намерением причинить вред недрам- путем добычи полезных ископаемых в отсутствие на это соответствующего права, а также как действия, совершенные в обход закона. В результате действий ООО «Абсолют» был причинен вред недрам.

Суд констатируя, что прокурор в иске обоснованно опирается на доказательства, добытые в ходе расследования уголовного дела о установлении размер иска о взыскании с ответчика в счет возмещения вреда 3 200 229 рублей 00 копеек, согласился на правильное определение расчета размера экологического вреда преступными действиями ответчика.

Общее количество незаконно добытого золота составляет 0,7631 кг., и 0,0735 кг. серебра, исходя из средне рыночной цены.

Суд констатировал, что в ходе рассмотрения дела нашел подтверждение факт о том, что в результате незаконной добычи полезных ископаемых ООО «Абсолют» причинён природным ресурсам вред на сумму 3 200 229 рублей 00 копеек.

На основании исследованных доказательств суд принял решение в полном объеме удовлетворить исковые требования прокурора Оймяконского района Республики Саха (Якутия). Взыскать с общества с ограниченной ответственностью «Абсолют» 3 200 229 (три миллиона двести тысяч двести двадцать девять) рублей в счет возмещения вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах, с зачислением в бюджет муниципального образования «Оймяконский улус» Республики Саха (Якутия).

16.01.2025 На сайте прокуратуры Республики Саха (Якутия) Прокуратура Оймяконского района провела проверку соблюдения законодательства об охране окружающей среды.

Установлено, что обществом с ограниченной ответственностью в отсутствие лицензии на добычу драгоценных металлов на участке среднего течения ручья Хатынгнах была организована добыча золота.

Сумма причиненного недрам ущерба составила более 3,2 млн рублей.

Прокуратура обратилась с иском в суд о взыскании с хозяйствующего субъекта причиненного вреда, которое удовлетворено в полном объеме.

В настоящее время решение суда исполнено, денежные средств в сумме свыше 3,2 млн рублей перечислены в местный бюджет. [7] ¹

Следовательно можно поставить окончательную точку в завершении результативной правозащитной деятельности органов прокуратуры Якутии в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) в осуществлении надзора о юридической ответственности виновных лиц и организаций в сфере нарушения природоохранного законодательства

Список литературы.

1. Пункт 19 приказа Генерального прокурора РФ № 198 от 15.04.2021 года «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». /СПК КонсультантПлюс.
2. Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». /СПК КонсультантПлюс.
3. Пункт 22 статьи 46 Бюджетного кодекса РФ. КонсультантПлюс.
4. epp.genprok.gov.ru. Генеральная прокуратура. Органы прокуратуры и организации прокуратуры. Прокуратура Оймяконского района. Делопроизводство.
5. Наряд № 10 Акты прокурорского реагирования. 2024 год. п. Усть-Нера, Оймяконский район, ул. Мацкеладзе, д.8, РС (Я)
5. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования недропользования в Арктике. //Lexrussia. 2022. № 7. С. 114–124.
6. Агафонов В.Б. Правовое регулирование недропользования в районах Крайнего Севера и на континентальном шельфе северных акваторий Российской Федерации. //Российская Арктика – территория права: альманах/отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП; Салехард: Юриспруденция, 2019. С. 155–160.
7. //epp.genprok.gov.ru Генеральная прокуратура РФ, органы прокуратуры и организации прокуратуры. Сайт Республики Саха (Якутия). 15.01.2025. г.

References:

1. Clause 19 of the order of the General Prosecutor of the Russian Federation No. 198 dated 15.04.2021 "About the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the environmental sphere". /SPK ConsultantPlus.
2. Clause 13 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 49 "About issues of application of legislation on compensation for damage caused to the environment". /SPK ConsultantPlus.
3. Clause 22 of Article 46 of the Budget Code of the Russian Federation. /SPK ConsultantPlus.
4. <http://www.epp.genprok.gov.ru>. General Prosecutor's Office. Prosecutor's Office and Prosecutor's Office institutions. Oymyakon District Prosecutor's Office. Office Work. Article No. 10 Prosecutor's Response Acts. 2024, Ust-Nera, Oymyakon District, Matskepladze St., 8, Republic of Sakha (Yakutia).
5. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Modern trends in legal support for strategic planning of subsoil use in the Arctic. //Lexrussia. 2022. No. 7. P. 114–124.
6. Agafonov V.B. Legal regulation of subsoil use in the regions of the Far North and on the continental shelf of the northern waters of the Russian Federation. // Russian Arctic - territory of law: almanac / ed. T.Ya. Khabrieva. Moscow: IZiSP; Salekhard: Jurisprudence, 2019. P. 155-160.
7. <http://www.epp.genprok.gov.ru> General Prosecutor's Office. Prosecutor's Office and Prosecutor's Office institutions. Website of the Republic of Sakha (Yakutia). 01.15.2025.

¹ 7. //epp.genprok.gov.ru Генеральная прокуратура РФ, органы прокуратуры и организации прокуратуры. Сайт Республики Саха (Якутия). 15.01.2025. г.

ПОТРЕБНОСТЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE NEED IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF DEPARTMENTAL PROCEDURAL CONTROL AND PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПЕРЯКИНА Марина Павловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности,
Юридический институт Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, д. 9.
E-mail: peryakina.mp@mail.ru

ПРИДАННИКОВА Ольга Андреевна,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: hramch@mail.ru;

PERYAKINA Marina Pavlovna,

candidate in law sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Expertise,
Law Institute of Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.
Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357532, Russia.
E-mail: peryakina.mp@mail.ru;

PRIDANNIKOVA Olga Andreevna,

Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.
664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.
E-mail: hramch@mail.ru

Краткая аннотация: совершенствование механизмов ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в органах внутренних дел (ОВД) Российской Федерации остается ключевым условием обеспечения законности и защиты прав граждан. В статье анализируются актуальные пробелы в нормативно-правовой базе, регулирующие данные институты, включая противоречия в регламентации полномочий сотрудников ОВД, недостаточную детализацию процедур внутреннего контроля, а также ограниченную эффективность прокурорского реагирования на нарушения. Авторы акцентируют внимание на дисбалансе между ведомственными проверками и надзорными функциями прокуратуры, что нередко приводит к дублированию задач или, напротив, их неполному выполнению. На основе изучения судебной практики, ведомственных отчетов и результатов прокурорских проверок обосновывается необходимость внесения изменений в федеральное законодательство и подзаконные акты. В частности, предложены меры по четкому разграничению компетенций контрольных подразделений ОВД и прокуроров, введению стандартизированных алгоритмов проверочных мероприятий, а также усилению публичной отчетности органов. Особое значение придается цифровизации процессов контроля, что позволит минимизировать субъективизм и повысить прозрачность. Реализация указанных инициатив, по мнению авторов, будет способствовать оптимизации правоохранительной деятельности, укреплению доверия граждан к институтам власти и соблюдению принципов верховенства права.

Abstract: Improving the mechanisms of departmental procedural control and prosecutorial supervision in the internal affairs bodies of the Russian Federation remains a key condition for ensuring the rule of law and protecting the rights of citizens. The article analyzes current gaps in the legal framework governing these institutions, including contradictions in the regulation of the powers of inner affairs body employees, insufficient detailing of internal control procedures, as well as the limited effectiveness of the prosecutor's response to violations. The authors focus on the imbalance between departmental inspections and supervisory functions of the prosecutor's office, which often leads to duplication of tasks or, conversely, their incomplete implementation. Based on the study of judicial practice, departmental reports and the results of prosecutorial inspections, the need to amend federal legislation and by-laws is substantiated. In particular, measures are proposed to clearly delineate the competencies of the control units of the IAB and prosecutors, introduce standardized algorithms for verification activities, and strengthen public reporting of the bodies. Particular importance is attached to the digitalization of control processes, which will minimize subjectivity and increase transparency. The implementation of these initiatives, according to the authors, will contribute to the optimization of law enforcement activities, strengthening citizens' trust in government institutions and compliance with the principles of the rule of law.

Ключевые слова: ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор, нормативно – правовое регулирование, органы внутренних дел РФ, стандартизация проверочных процедур, оптимизация правоохранительной деятельности.

Keywords: departmental procedural control, prosecutorial supervision, normative and legal regulation, internal affairs bodies of the Russian Federation, standardization of verification procedures, optimization of law enforcement activities.

Для цитирования: Перякина М.П., Приданникова О.А. Потребность в совершенствовании нормативно-правового регулирования ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в органах внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 593-595. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_593.

For citation: Peryakina M.P., Pridannikova O.A. The need improve the legal regulation of departmental procedural control and prosecutorial supervision in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 593-595. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_593.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Актуальность темы обусловлена необходимостью укрепления законности в деятельности органов внутренних дел Российской Феде-

рации (далее – ОВД РФ), обеспечения защиты прав граждан и минимизации правовых коллизий в правоохранительной практике. Несмотря на существующую правовую регламентацию, текущие механизмы ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора демонстрируют системные недостатки, такие как субъективизм в контроле, дублирование функций и недостаточная стандартизация проверочных алгоритмов. Указанные проблемы подчеркиваются в различных исследованиях ученых [1], [2], [3].

Действующая нормативная база, недостаточно детализирует порядок реализации прокурорского надзора за процессуальными действиями ОВД. Например, отсутствие четких критериев оценки законности процессуальных действий в ряде региональных инструкций провоцирует правовую неопределенность. Так, в докладе Генпрокуратуры за 2023 год отмечены случаи некорректного оформления отдельных протоколов следственных действий сотрудниками полиции, что напрямую связано с пробелами в стандартизации процедур [4].

Современные вызовы, такие как цифровизация контрольных механизмов и запрос общества на публичную подотчетность органов, требуют пересмотра устаревших подходов. Внедрение электронных платформ для автоматизации проверочных мероприятий могло бы снизить влияние человеческого фактора. Однако текущая правовая база не обеспечивает единых требований к таким технологиям, что создает риски нарушения прав граждан.

Оптимизация правоохранительной деятельности невозможна без совершенствования надзорных функций прокуратуры и преодоления правовых коллизий между ведомственными инструкциями и федеральным законодательством. Очевидно, что решение этих задач должно включать следующие меры:

1. Утверждение унифицированных стандартов проверочных алгоритмов для ОВД.
2. Расширение полномочий прокуроров в части контроля за цифровизацией процессуальных действий.
3. Усиление судебно-ведомственного взаимодействия для оперативного устранения нарушений.

Реализация указанных мер позволит не только повысить эффективность ведомственного контроля, но и укрепить доверие граждан к институтам власти, что соответствует стратегическим целям государства в сфере правопорядка.

Несовершенство существующей системы ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в ОВД РФ порождает три ключевые проблемы, которые угрожают эффективности правоохранительной деятельности и доверию граждан к государственным институтам.

1. Субъективизм в контроле и отсутствие стандартизации.

Действующие нормативные акты, не устанавливают унифицированных критериев оценки процессуальных действий сотрудников полиции. Это приводит к ситуациям, когда проверки проводятся на основе личных интерпретаций руководителей подразделений, а не объективных стандартов. К числу последствий следует отнести рост числа оспоренных в суде решений лиц, проводящих предварительное расследование, подрыв авторитета органов и увеличение бюджетных расходов на компенсации гражданам.

2. Дублирование функций и правовые коллизии.

Ведомственный контроль и прокурорский надзор нередко пересекаются в полномочиях, что закреплено в ст. 22 ФЗ «О прокуратуре РФ»¹ и ведомственных регламентах Министерства внутренних дел. На практике это выливается в параллельные проверки одних и тех же дел, что приводит к нерациональному использованию ресурсов, задержке в рассмотрении жалоб и юридической неопределённости для граждан.

3. Отставание цифровизации контрольных механизмов.

В большинстве случаев учёт ведётся в бумажных журналах, что приводит к высоким рискам манипуляций с документами, и невозможностью оперативного проведения проверок ввиду необходимости физической пересылки материалов уголовного дела.

Думается, что системная оптимизация законодательства, включая пересмотр уголовно-процессуальных процедур и внедрение для анализа решений, способна в значительной степени оптимизировать контрольно-надзорную деятельность рассматриваемых в данной статье субъектов.

Потребность реформирования механизмов ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в ОВД РФ неоднократно подчеркивалась экспертами в области права [5], [6]. Отсутствие единых стандартов проверочных алгоритмов и дуализм в регулировании полномочий прокуроров и ведомственных контролируемых субъектов создают «правовые ловушки» для сотрудников ОВД и граждан. Это неизбежно ведет к росту судебных споров и подрыву доверия к органам власти.

Следует акцентировать внимание на трёх приоритетных направлениях реформ:

1. Стандартизация проверочных процедур – разработка универсальных чек-листов для оценки законности процессуальных действий.
2. Цифровизация контрольных механизмов – внедрение программного обеспечения для автоматического анализа решений сотрудников ОВД, что снизит субъективизм.
3. Четкое разграничение компетенций между прокуратурой и ведомственными субъектами контроля, исключающее дублирование функций [6].

Проведённый анализ подтверждает, что отсутствие модернизации нормативно-правовых основ ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в ОВД РФ создаёт системные риски для правопорядка и правовых отношений. Выявленные проблемы – субъективизм в принятии решений, дублирование надзорных функций и архаичность контрольных механизмов – не только снижают эффективность правоохранительной деятельности, но и провоцируют социальную напряжённость.

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 05.12.2023). Ст. 21–25.

Необходимость реформ подтверждается не только академическими исследованиями, но и анализом правоприменительной практики.

Резюмируя, хочется отметить, что совершенствование правовой базы – не теоретическая, а прагматическая задача. Без унификации требований к процессуальным действиям, чёткого разграничения полномочий между прокуратурой и ОВД, а также внедрения технологий анализа данных, система контроля останется уязвимой для злоупотреблений. Реализация этих мер, как подчёркивает экспертное сообщество, – единственный путь к обеспечению публичной подотчетности органов и соблюдению баланса между силой закона и правами человека.

Список литературы:

1. Зобнин, И. Е. Ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор / И. Е. Зобнин, Ю. В. Деришев // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 36. – С. 866-871.
2. Махтыук, С. О. Процессуальный контроль руководителя следственного органа: понятие, субъекты, принципы / С. О. Махтыук // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 8-12. – DOI 10.18572/1812-3783-2020-6-8-12.
3. Нечаев, А. А. Процессуальный и ведомственный контроль как направление деятельности начальника подразделения дознания / А. А. Нечаев, С. И. Курилов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3(31). – С. 38-41.
4. Доклад Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии законности в деятельности ОВД за 2023 год». [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 07.03.2025).
5. Бурынин, С. С. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следственных органов / С. С. Бурынин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 2(32). – С. 136-145. – DOI 10.54217/2588-0136.2022.32.2.018.
6. Рудич, В. В. О толковании понятия «ведомственный процессуальный контроль» и практическом применении данного вида контроля на современном этапе / В. В. Рудич // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 122-129. – DOI 10.25799/Ni.2022.16.56.018.

References:

1. Zobnin, I. E. Departmental procedural control and prosecutorial supervision / I. E. Zobnin, Yu. V. Derishev // Innovations. Science. Education. – 2021. – No. 36. – pp. 866-871.
2. Makhtyuk, S. O. Procedural control of the head of the investigative body: concept, subjects, principles / S. O. Makhtyuk // Russian investigator. – 2020. – No. 6. – pp. 8-12. – DOI 10.18572/1812-3783-2020-6-8-12.
3. Nechaev, A. A. Procedural and departmental control as a line of activity of the head of the inquiry unit / A. A. Nechaev, S. I. Kurilov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 3(31). – Pp. 38-41.
4. Report of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation "On the state of legality in the activities of the Department of Internal Affairs for 2023". [Electronic resource] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (date of request: 03/07/2025).
5. Burynin, S. S. Departmental procedural control over the activities of investigative bodies / S. S. Burynin // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2022. – No. 2(32). – Pp. 136-145. – DOI 10.54217/2588-0136.2022.32.2.018.
6. Rudich, V. V. On the interpretation of the concept of "departmental procedural control" and the practical application of this type of control at a modern stage / V. V. Rudich // Modern pravo. – 2022. – No. 10. – pp. 122-129. – DOI 10.25799/Ni.2022.16.56.018.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_596

УДК 343.14

АНАЛИЗ ПРАВ ЗАЩИТНИКА КАК СУБЪЕКТА ДОКАЗЫВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ANALYSIS OF THE RIGHTS OF THE DEFENDER AS A SUBJECT OF EVIDENCE IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

САМАРКИН Пантелей Александрович,аспирант, юридический факультет, Ульяновский государственный университет.
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42.

E-mail: shlepkow2003@yandex.ru;

SAMARKIN Pantelei Alexandrovich,

postgraduate student, Faculty of Law, Ulyanovsk State University.

42 Lva Tolstogo str., Ulyanovsk, 432017, Russia.

E-mail: shlepkow2003@yandex.ru

Краткая аннотация: В рамках настоящего исследования автор анализирует набор прав защитника как субъекта доказывания в контексте уголовного процесса.

Abstract: Within the framework of this study, the author analyzes the set of rights of the defender as a subject of evidence in the context of criminal proceedings.

Ключевые слова: защитник, субъект доказывания, доказательство, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

Keywords: defender, subject of evidence, evidence, criminal procedure, criminal proceedings.

Для цитирования: Самаркин П.А. Анализ прав защитника как субъекта доказывания в контексте уголовно-процессуального законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 596-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_596.

For citation: Samarkin P.A. Analysis of the rights of the defender as a subject of evidence in the context of criminal procedure legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 596-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_596.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, судопроизводство в России осуществляется на основе принципов состязательности и равноправия сторон [1].

Статья 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляет принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. [2]

Одним из важнейших условий осуществления вышеуказанных принципов является участие защитника в процессе доказывания по уголовному делу.

Чтобы определить адвоката-защитника, как субъекта доказывания необходимо определиться с самим понятием доказывания. Согласно ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ.

Классическая доктрина уголовного судопроизводства не относит адвокатов к субъектам доказывания. Так А.В. Кудрявцева считает, что субъектами доказывания являются только те лица, на которых лежит обязанность по собиранию, проверке и оценке доказательств для принятия властных решений. К таким лицам следует относить следователя, дознавателя, прокурора и суд [3, с. 175].

Вместе с тем, исходя из норм УПК РФ защитник наделен полномочиями по собиранию и представлению доказательств, необходимых для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей ст. 86 УПК РФ (п.2 ч.1 ст. 53 УПК РФ). Согласно ч.3 ст. 86 УПК РФ адвокат-защитник может лишь собирать (отыскивать) доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, а далее ходатайствовать перед следователем о приобщении полученной информации к уголовному делу в качестве доказательств. При этом согласно ч.22 ст. 159 УК РФ защитнику не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, если обстоятельства о которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. [4]

В доктрине также имеются и иные точки зрения на этот счёт. Так, например, С. М. Дадонов считает, что что право защитника в силу ч. 3 ст. 86 УПК РФ самостоятельно собирать доказательства является принципиально важным проявлением принципа состязательности уголовного судопроизводства, что безусловно свидетельствует о том, что защитник является субъектом доказывания [5].

Наряду с этим, в науке высказывается точка зрения о том, что субъекты доказывания вправе не только собирать и принудительно изымать доказательства, имеющие отношение к уголовному делу, но и придавать ей надлежащую процессуальную форму [6].

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ законодатель регламентирует права защитника при участии в процессе доказывания, а именно: защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Однако, необходимо отметить, что данные права защитника по участию в процессе доказывания фактически не подкреплены соответ-

ствующими полномочиями. Право защитника на сбор доказательств вышеуказанными способами не корреспондирует обязанности других лиц по предоставлению таких доказательств, что на практике нередко вызывает у стороны защиты значительные трудности.

Кроме того, действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена обязанность следователя в рамках предварительного следствия приобщать к материалам дела доказательства, представленные стороной защиты.

На практике, указанные факты значительно затрудняют участие защитника в доказывании и существенно снижают круг возможностей защиты для представления своей позиции.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что вопрос о том, следует ли относить фигуру защитника к субъектам доказывания в рамках уголовного процесса, в настоящий момент является дискуссионным.

При этом, полагаем, что в целях реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве необходима дополнительная правовая регламентация прав защитника при участии в процессе доказывания по уголовному делу.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет- портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.02.2025.
3. Кудрявцева, А.В. Теория доказывания в юридическом процессе [Текст] / А.В. Кудрявцева - Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006.
4. Иванов Д. С. Адвокат как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вопросы российской юстиции. 2021. №11.
5. Дадонов, С. М. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы / С. М. Дадонов — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2012. — № 8. — С.52–55.
6. Косенко, И. В. Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе / И. В. Косенко — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 16 (254). — С. 94–96.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation : [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 22.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, No. 52 (Part I), Article 4921; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> , 02/24/2025.
3. Kudryavtseva, A.V. Theory of evidence in the legal process [Text] / A.V. Kudryavtseva - Chelyabinsk: Publishing house of LLC Polygraph-Master, 2006.
4. Ivanov D. S. Lawyer as a subject of evidence in the criminal proceedings of Russia // Issues of Russian justice. 2021. No. 11.
5. Dadonov, S. M. The right of the defender to collect evidence: the essence and limits / S. M. Dadonov — Text: direct // Russian justice. - 2012. — No. 8. — pp.52-55.
6. Kosenko, I. V. Defender as a subject of evidence in criminal proceedings / I. V. Kosenko — Text: direct // Young scientist. — 2019. — № 16 (254). — Pp. 94-96.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_598

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ SOME DIRECTIONS OF VIOLENT CRIME PREVENTION IN RUSSIA

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования.

ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.

394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort

Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются некоторые направления профилактики насильственной преступности в России. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что профилактика насильственной преступности заключается в разработке комплекса мер, включающих общее, специально-криминологическое и частное предупреждение насильственной преступности. При этом следует учитывать субъективные признаки, такие как черты личности преступника, склонность к употреблению алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ, способы их употребления и др.

Abstract: The article examines some areas of violent crime prevention in Russia. Based on the conducted research, the author concludes that violent crime prevention consists of developing a set of measures that include general, special criminological and specific prevention of violent crime. In this case, subjective characteristics should be taken into account, such as the personality traits of the criminal, the tendency to consume alcoholic beverages, narcotic and psychotropic substances, the methods of their use, etc.

Ключевые слова: насильственные преступления, профилактика насильственной преступности, предупреждение совершения насильственных преступлений.

Key words: violent crime, prevention of violent crime, prevention of violent crime.

Для цитирования: Прихожая Л.Е. Некоторые направления профилактики насильственной преступности в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 598-599. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_598.

For citation: Prikhodzaya L.E. Some directions of violent crime prevention in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 598-599. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_598.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Как известно, насильственные преступления являются одним из самых опасных видов противоправных деяний. Для профилактики их совершения важно определить с составами рассматриваемых противоправных деяний.

В настоящее время в научных кругах выделение составов насильственных преступлений является весьма спорным вопросом [1, с. 100]. Так, одни исследователи в данную группу включают все преступления, в которых насилие выступает самостоятельным деянием или есть указание на его применение (О.Р. Афанасьева) [2, с. 57]. Другие включают в эту группу преступления, представляющие наибольшую общественную опасность и посягающие на жизнь, здоровье, телесную и половую неприкосновенность (В.Н. Кудрявцев) [3, с. 408]. Группа авторов в числе С.В. Бородина, А.И. Числова, Р.Д. Шарапова относит к данному виду преступности все преступления, в результате которых личности был умышленно причинен физический или психический вред [4, с. 39, 5, с. 162].

При этом высокая общественная опасность насильственных преступлений, вне зависимости от конкретных составов, обуславливает необходимость разработки комплекса мер, включающих общее, специально-криминологическое и частное предупреждение насильственной преступности. В целом, для повышения эффективности общего предупреждения насильственной преступности в России видится целесообразным:

- содействовать повышению уровня благосостояния граждан;
- проводить мероприятия по облегчению домашнего труда и улучшению бытового обслуживания населения;
- улучшать жилищные условия нуждающимся категориям населения;
- создать во всех городах страны центры правовой и психологической помощи жертвам насильственных преступлений;
- проводить активную воспитательную работу с населением;
- рассмотреть возможность создания специализированного подразделения полиции по борьбе с насильственными преступлениями [1,

с. 103].

К основным направлениям профилактики (предупреждения) насильственных преступлений следует отнести следующие мероприятия:

- последовательная и настойчивая борьба с алкоголизмом и наркоманией на основе постановки четких и реальных целей, надлежа-

щей комплексности и координации;

- своевременность реагирования на правонарушения, совершаемые на почве семейных и других бытовых конфликтов и могущих перерасти в преступления;
- обеспечение решительной борьбы с хулиганством и эффективной охраны общественного порядка на улицах и в других общественных местах;
- решительное усиление борьбы с разжиганием расовой и межнациональной розни;
- пресечение криминогенных влияний на несовершеннолетних и молодежь рецидивистов и профессиональных преступников;
- улучшение качества профилактической работы в маргинальной среде;
- активизация деятельности по выявлению антиобщественных молодежных группировок со склонностью ее участников к насилию;
- активизация деятельности по ликвидации организованных преступных групп и сообществ;
- своевременность профилактического воздействия на лиц с повышенной степенью виктимности;
- активизация борьбы с фактами незаконного изготовления, сбыта, хранения и ношения холодного и огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, с их хищениями;
- использование уголовно-правовых мер так называемой двойной превенции для своевременного реагирования на угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, поноб, истязания, на приготовление к совершению тяжких насильственных преступлений, массовых беспорядков, группового хулиганства;
- обеспечение справедливой ответственности за насильственные преступления на основе ее дифференциации и индивидуализации;
- решительное противодействие пропаганде жестокости и насилия в СМИ; переориентация СМИ на пропаганду образа законопослушного гражданина.

Активизация работы на этих направлениях способствует стабилизации, а затем и сокращению уровня криминального насилия. Программы усиления борьбы с преступностью, другие целевые программы, а также документы межведомственного и ведомственно-отраслевого комплексного криминологического планирования содержат в этом отношении ряд важных положений. Особое значение имеют меры усиления профилактического воздействия в специфически криминогенных группах населения (представители маргинальной среды; несовершеннолетние и молодежь; лица, злоупотребляющие спиртными напитками, потребляющие наркотические средства или психотропные вещества; не занятые общественно полезным трудом; ранее судимые; лица с отклонениями в психике). Значимым было бы расширение правовой базы для дифференцированной работы с группами повышенного социального риска и для собственно профилактической работы по месту жительства.

При этом следует учитывать и субъективные признаки: такие характерологические черты личности, как грубость, дерзость, агрессивность, склонность к вспышкам гнева и аффектам, озлобленность, мстительность, циничность; порочные потребности (алкоголизм, наркомания и др.) и неразборчивость в средствах их удовлетворения; специфические болезненные состояния (психопатия, расстройство сексуальных влечений и др.).

Список литературы:

1. Федорова А.В. Криминологическая характеристика и направления предупреждения насильственной преступности в современных условиях // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 1 (41). – С. 100-103.
2. Афанасьева О.Р. Исходные начала соотношения «насильственной преступности» и «насильственных преступлений» // Вестник МФЮА. – 2013. – № 3. – С. 56-62.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Норма, 2009. – 800 с.
4. Насильственная преступность / Бородин С.В., Кригер Г.Л., Кудрявцев С.В., Лунеев В.В., и др.; Под ред.: Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. – М.: Спарк, 1997. – 139 с.
5. Числов А.И., Шарапов Р.Д. Понятие и виды насилия в уголовном праве // Борьба с преступным насилием: Материалы науч.-практ. конф., (26 сентября 2008 г.) – М., 2008. – С. 162.

References:

1. Fedorova A.V. Criminological characteristics and directions of prevention of violent crime in modern conditions // Skif. Issues of student science. - 2020. - No. 1 (41). - P. 100-103.
2. Afanasyeva O.R. Initial principles of the relationship between "violent crime" and "violent crimes" // Bulletin of the Moscow University of Finance and Law. - 2013. - No. 3. - P. 56-62.
3. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev. - M.: Norma, 2009. - 800 p.
4. Violent crime / Borodin S.V., Krieger G.L., Kudryavtsev S.V., Luneev V.V., et al.; Ed.: Kudryavtsev V.N., Naumov A.V. - M.: Spark, 1997. - 139 p.
5. Chislov A.I., Sharapov R.D. Concept and types of violence in criminal law // Combating criminal violence: Proceedings of the scientific and practical conf., (September 26, 2008) - M., 2008. - P. 162.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_600

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE ISSUE OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

СИЛЕНКОВ Виктор Иванович,

начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин инженерно-технического факультета
Университета ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

SILENKOV Viktor Ivanovich,

Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Faculty of Engineering and Technology,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.
E-mail: silenkov62@gmail.com

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы эколого-правовой защиты учреждений и органов УИС РФ. Вопросы экологии были и остаются значимыми в жизни граждан, так как это напрямую сказывается на нашей жизнедеятельности.

Abstract: This article discusses some problematic issues of environmental and legal protection of institutions and bodies of the Criminal Justice System of the Russian Federation. Environmental issues have been and remain significant in the lives of citizens, as this directly affects our livelihoods.

Ключевые слова: окружающая среда, проблемы, здоровье граждан, выбросы, вредные вещества, уголовно-исполнительная система.

Keywords: environment, problems, citizens' health, emissions, harmful substances, penal enforcement system.

Для цитирования: Моисеев Н.Д., Силенков В.И. К вопросу об экологической безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 600-602. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_600.

For citation: Moiseev N.D., Silenkov V.I. On the issue of environmental safety in the penal enforcement system of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 600-602. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_600.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Вопросы экологической безопасности были, есть и на наш взгляд, будут значимыми для нашей страны. Неоспорим тот факт, что с возрастанием различных отраслей промышленности, фабрик и заводов, ведения хозяйственной деятельности и продвижения цивилизации у нас ухудшается экология, в частности: ухудшается состояние земли, воды, воздуха. Без этих естественных природных ресурсов невозможна наша с вами жизнь, да и жизнь всего живого, что нас окружает. Так же мы не можем не согласиться с тем фактом, что при ухудшении экологии возрастает количество заболеваний и заболеваемости у населения. Падает уровень и качество жизни.

Так, в своем послании Федеральному собранию Владимир Путин в 2024 году особое внимание уделил вопросам экологии. Вот некоторые инициативы главы государства [1]:

– **Проект «Чистый воздух».** Путин заявил, что в рамках проекта в 12 индустриальных центрах России удалось снизить вредные выбросы в атмосферу. К инициативе присоединились ещё 29 городов. Глава государства поставил задачу сократить объём выбросов загрязняющих веществ в атмосферу вдвое. Для оценки результатов планируется создать комплексную систему мониторинга качества окружающей среды.

– **Сохранение и восстановление лесов.** Путин отметил, что с 2021 года в России восстанавливается больше лесов, чем вырубается. Президент заверил, что в стране продолжают восстанавливать леса, парки и сады, в том числе вокруг агломераций и промышленных центров.

– **Новый экологический фонд.** Путин заявил об учреждении фонда экологических и природоохранных проектов, который будет выделять по 1 миллиарду рублей в год на поддержку гражданских инициатив в сфере защиты окружающей среды.

– **Повышение зарплат специалистам.** Президент предложил повысить зарплаты специалистов в сферах лесного хозяйства, метеорологии и охраны окружающей среды.

– **Сортировка отходов.** Путин заявил, что к 2030 году регионы должны перейти на сортировку твёрдых бытовых отходов, и не менее четверти из них направлять на вторичную переработку.

– **Сохранение животного мира.** Путин обозначил, что в ближайшие шесть лет продолжится работа по сохранению особо охраняемых природных территорий, защите и восстановлению редких и исчезающих видов растений и животных. Президент предложил открыть сеть реабилитационных центров.

литационных центров для травмированных и конфискованных диких животных.

Ликвидация опасных объектов. Путин сообщил, что за последние пять лет было ликвидировано 128 крупных свалок в городах и 80 объектов накопленного экологического вреда в 53 регионах России.

На наш взгляд отмечены пути и способы решения основных проблем, способствующие охране и защите нашей окружающей среды.

Как правило, обеспечение экологической безопасности рассматривается по четырем основным направлениям:

- экологическая безопасность производственно-хозяйственной деятельности;
- экологическая безопасность в сфере управления природопользованием;
- экологическая безопасность природоохранной деятельности;
- экологическая безопасность личности.

Мы не можем не затронуть уголовно-исполнительную систему (далее УИС), так как в процессе ведения хозяйственной деятельности учреждений и органов УИС, производятся вредоносные выбросы в атмосферный воздух, земельные участки, водные объекты. И этим самым так же наносится вред окружающей среде. Источниками выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в учреждениях УИС являются коммунальные и производственные котельные, литейные, деревообрабатывающие, металлообрабатывающие, швейные, обувные производства, животноводческие хозяйства, переработка сельскохозяйственной продукции.

Учреждения УИС осуществляют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [2] и основные выбросы производят на основании разрешения, выданного территориальным Управлением Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор).

Природопользование в учреждениях УИС осуществляется в сфере земле-, лесо-, водопользования и осуществляется в соответствии с разрешительной системой. Земли учреждений и органов УИС являются государственной собственностью и предоставляются им на праве постоянного (бессрочного) пользования (ст. 39.9 Земельного кодекса (ЗК) РФ) [3] и изъяты из оборота (ст. 27 ЗК РФ). В связи с необходимостью обеспечения осужденных продуктами питания и решения проблемы продовольственной безопасности учреждений УИС усиливается нагрузка учреждений УИС России на земли сельскохозяйственного назначения.

В качестве водопользователей учреждения УИС обязаны не допускать вредного воздействия на окружающую среду, содержать в исправном состоянии эксплуатируемые ими очистные сооружения и гидротехнические и иные сооружения, вносить установленные законом платежи и сборы за пользование водными ресурсами и т.д. Очистка сточных вод, сбрасываемых в водные объекты, остается серьезной проблемой для учреждений УИС.

Учреждения УИС являются источниками отходов всех классов опасности для окружающей среды и здоровья человека, поэтому обязаны исполнять все требования закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [4].

Проблема экологически безопасного обращения с отходами остается одной из самых важных для производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС. Общий объем отходов, накопленных в учреждениях УИС в 2023 году, составил 209,3 тыс. тонн, (произошло снижение на 5,8 % по сравнению с 2020 годом). Особую тревогу вызывает накопление в учреждениях УИС отходов 1 класса опасности. К 1 классу опасности относятся ртутьсодержащие, хромсодержащие отходы и отходы гальванических производств. Наибольшее количество ртутьсодержащих отходов (отработанных люминесцентных ламп) скопилось в учреждениях УИС Тамбовской области (1500 кг), Республике Марий Эл (800 кг), Смоленской области (900 кг); 2 класса опасности – в Архангельской области (68 тонн) и некоторых других регионах [5].

На предприятиях УИС уже накоплен положительный опыт использования отходов на собственных предприятиях. Так, в учреждениях Архангельской области абразивную пыль, сварочный шлак используют в производстве сетки – рабицы, гвоздей, шлакоблочных кирпичей и тротуарной плитки. В ряде регионов отработанные масла используются для обработки деревянных конструкций, при изготовлении бетонных блоков – для смазки матриц, консервации неработающего технологического оборудования, для охлаждения деталей после закалки и т. д. [6].

Серьезной проблемой для учреждений УИС остается очистка сточных вод, сбрасываемых в водные объекты. Процент нормативно очищенных сточных вод к объему сточных вод, требующих очистки, по учреждениям УИС составляет лишь 5,3 %, тогда как в целом по России – 9 %, что является результатом отсутствия очистных сооружений (из 88 учреждений, сбрасывающих в поверхностные водоемы сточные воды, только 53 располагают собственными очистными сооружениями), а также их перегруженности, низкой эффективности работы и износа (срок функционирования большинства очистных сооружений составляет 30–40 лет).

В целом учреждения уголовно-исполнительной системы оказывают незначительное влияние на окружающую среду. Вместе с тем многие экологические проблемы в местах их дислокации сохраняют свою актуальность. Важная роль по обеспечению экологической безопасности в сфере управления природопользованием отводится экологическому мониторингу окружающей среды. Экологический мониторинг в УИС выполняется кустовыми лабораториями по охране окружающей среды.

Экологический мониторинг – это система регулярных наблюдений и оценки состояния окружающей среды с целью выявления изменений, вызванных природными процессами и деятельностью человека.

Учреждений УИС, имея низкие доходы, не позволяющие обновлять оборудование и транспорт, пользуясь котельными без газоочистки и пылеулавливания, оказывают негативное воздействие на атмосферу, и, как следствие, приводят к обязательству оплаты учреждениями больших средств за НВОС (негативное воздействие на окружающую среду), при экономии которых возможно бы было использовать данные средства на установку пылеулавливателей и газоочистных установок (ГОУ). Существующая система обязательной авансовой платы НВОС не отражает

реального возврата средств на природоохранные мероприятия.

Эффективность природоохранной деятельности учреждений и органов УИС обусловлена рациональной организацией экологической службы. В современных условиях экологические службы (отделы) играют важную роль на любом предприятии. Иногда малые предприятия отказываются от создания службы или добавления в штат эколога и предпочитают использовать услуги аутсорсинговых компаний, так как с финансовой точки зрения это выгоднее. В то же время для средних и крупных предприятий выгодно иметь собственную экологическую службу или штатную единицу эколога. Законодательство РФ не содержит положений, прямо устанавливающих необходимость организации экологической службы как структурной единицы предприятия, в отличие от подобных специальных требований в области охраны труда.

Серьезной проблемой в деятельности экологических служб в УИС является оснащение лабораторий необходимыми приборами оборудованием, которое сегодня не соответствует существующим нормативным требованиям, а периодичность инструментального контроля не всегда соблюдается.

Ведомственные образовательные учреждения ФСИН России реализуют программы переподготовки и повышения квалификации сотрудников, отвечающих за охрану окружающей среды и экологическую безопасность. Рациональное природопользование и неукоснительное соблюдение требований природоохранного законодательства позволит уголовно-исполнительной системе минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, избежать санкций со стороны органов, осуществляющих государственный экологический надзор, а также будет способствовать улучшению экологической обстановки в местах дислокации учреждений УИС [7].

Следует обратить внимание на то, что, какие бы хорошие решения в области экологической безопасности ни принимались на глобальных, региональных, муниципальных уровнях управления, проблема не будет решена положительно, если предприятия не станут экологически безопасными. Данная проблема непосредственно касается и учреждений УИС, деятельность которых связана с производством, а следовательно, с потреблением разнообразных ресурсов и образованием опасных отходов. Уменьшить воздействие на природу можно путём совершенствования систем управления природоохранной деятельностью на предприятии.

Существуют два основных направления природоохранной деятельности предприятий. **Первое** – очистка вредных выбросов. Этот путь в «чистом виде» малоэффективен, так как, следуя по нему, далеко не всегда удаётся полностью прекратить поступление вредных веществ в биосферу. **Второе** направление – устранение самих причин загрязнения, что требует разработки малоотходных, экологически чистых технологий производства, которые позволяли бы комплексно использовать исходное сырьё и утилизировать максимум вредных для биосферы веществ [8].

В связи с вышесказанным, мы согласимся с выводами А.Н. Ларина о необходимости разработать и принять Концепцию развития экологического законодательства России (в том числе затрагивающая экологическую безопасность в УИС), которая будет представлять собой взаимосвязанную и обоснованную систему положений о предмете правового регулирования в экологическом законодательстве, о путях и этапах развития экологического законодательства, о целях, задачах и принципах формирования экологического законодательства, о критериях, позволяющих определять последовательность принятия законодательных актов. Кроме того, необходима более тесная унификация норм в данной сфере с международным сообществом [9].

Список литературы:

1. Интернет ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения 16.05.2025).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – 14 января. – № 2. – Ст. 133.
3. Земельный кодекс Российской Федерации. - : Издательство «Омега-Л», 2022. – 192 с. – (Кодексы Российской Федерации).
4. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».
5. Ежегодник состояния окружающей природной среды учреждениями УИС за 2023 год. ФСИН России. ФГУ НИИИ и ПТ. – Тверь, 2024.
6. Обзор о результатах природоохранной деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России в 2023 году.
7. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 27.08.2012 № 169 (зарегистрировано в Минюсте России 13.09.2012 № 25452). Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».
8. Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».
9. А. Н. Ларин, К вопросу об экологической безопасности и её правовом обеспечении в уголовно-исполнительной системе // Вестник Кузбасского института. 2013. С. 66-73.

References:

1. Online resource: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (date of application 05/16/2025).
2. Federal Law of 01/10/2002 "On Environmental Protection" // Federal Law of the Russian Federation. – 2002. – January 14th. – No. 2. – Art. 133.
3. The Land Code of the Russian Federation. - : Omega-L Publishing House, 2022. 192 p. (Codes of the Russian Federation).
4. On production and consumption waste: Federal Law No. 89-FZ dated 06/24/1998 (latest edition). Access from the Consultant Plus legal reference system.
5. The Yearbook of the state of the environment by the institutions of the UIS for 2023. The Federal Penitentiary Service of Russia. Federal State University of the Russian Academy of Sciences and FRI. Tver, 2024.
6. Review of the results of environmental protection activities in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2023.
7. On approval of the Instruction on the organization of professional training of employees of the penal correction system: Order of the Ministry of Justice of Russia dated 08/27/2012 No. 169 (registered with the Ministry of Justice of Russia on 09/13/2012 No. 25452). Access from the Consultant Plus legal reference system.
8. On the protection of atmospheric air: Federal Law No. 96-FZ dated 05/04/1999. Access from the Consultant Plus legal reference system.
9. A. N. Larin, On the issue of environmental safety and its legal support in the penal system. \Bulletin of the Kuzbass Institute \. 2013. pp. 66-73.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, МОТИВЫ. HISTORICAL ASPECTS OF VOLUNTARY RENUNCIATION OF A CRIME: CONCEPT, SIGNS, MOTIVES

СКОРИЛКИН Николай Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Тулского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Тулский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет (РПА Минюста России)».

300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина, д. 104.

E-mail: nik.skorilkin@yandex.ru;

SKORILKIN Nikolay Mikhailovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

Tula Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Address: Tula Institute (branch) of the All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

104 Lenin Ave., Tula, 300026.

E-mail: nik.skorilkin@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются исторические аспекты понятия, признаки и мотивы добровольного отказа от преступления. Так, как в правовой литературе встречаются определения понятия добровольного отказа, отличающиеся детализацией основных его признаков, указанием на мотивы отказа и т.п. Понятие добровольного отказа определялось по-разному. Давая такое определение, некоторые авторы называли лишь один из его признаков, другие только называли условия добровольного отказа. Имелись определения, содержащие оба признака и условия, отличающиеся между собой лишь в редакционном плане.

Abstract: the article examines the historical aspects of the concept, signs and motives of voluntary renunciation of crime. Since in the legal literature there are definitions of the concept of voluntary refusal, differing in the details of its main features, indicating the motives for refusal, etc. The concept of voluntary refusal has been defined in different ways. When giving such a definition, some authors named only one of its features, others only named the conditions of voluntary refusal. There were definitions containing both signs and conditions, differing from each other only in editorial terms. A correct assessment of the circumstances under which the crime was not completed is very important for determining the voluntary nature of the refusal, criminality and punishability of the act.

Ключевые слова: уголовный закон; добровольный отказ; окончание преступления; признаки, мотивы добровольного отказа от преступления; уголовная ответственность.

Keywords: criminal law; voluntary refusal; the end of a crime; signs, motives for voluntary refusal of a crime; criminal liability.

Для цитирования: Скорилкин Н.М. Исторические аспекты добровольного отказа от преступления: понятие, признаки, мотивы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 603-605. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_603.

For citation: Skorilkin N.M. Historical aspects of voluntary renunciation of a crime: concept, signs, motives // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 603-605. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_603.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В правовой литературе вопросам добровольного отказа не всегда уделялось должное внимание. Даже в некоторых учебниках по уголовному праву вообще ничего не говорилось о добровольном отказе. Иногда добровольный отказ применительно к приготовлению, влекущему уголовную ответственность по УК РСФСР 1926г., вообще не рассматривался. Такую позицию занимал, например, профессор Герцензон А.А., связавший добровольный отказ лишь со стадией покушения [1, с. 305]. Давая такое определение, некоторые авторы называли лишь один из его признаков, другие только называли условия добровольного отказа. Имелись определения, содержащие оба признака и условия, отличающиеся между собой лишь в редакционном плане. А.А.Пионтовский определял добровольный отказ как отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца при наличии сознания фактической возможности ее окончания [2, с. 432]. В правовой литературе встречаются определения понятия добровольного отказа, отличающиеся детализацией основных его признаков, указанием на мотивы отказа и т.п. Н.В.Лясс, например, определяет добровольный отказ как окончательный отказ лица по собственной воле в силу любых мотивов от продолжения и доведения до конца задуманного преступления при сознании объективной возможности продолжения начатой преступной деятельности [3, с. 570].

В этой позиции, кроме двух признаков, содержится указание и на то, что отказ может иметь место в силу любых мотивов. "Под добровольным отказом понимается отказ от преступления, осуществленный без принуждения со стороны других лиц и при наличии у лица сознания возможности совершить это преступление [4, с. 224].

Характеризуя добровольный отказ, Г.Г.Криволапов, наряду с добровольностью в качестве самостоятельного признака, выделяет не доведение начатого преступления до конца [5, с. 120].

В.Д.Иванов выделяет три признака добровольного отказа:

- 1.добровольность оставления начатой преступной деятельности;
- 2.осознание лицом возможности доведения ее до конца
- 3.окончателность [6, с. 8-9].

Однако С.А.Тарарухин в числе признаков, характеризующих отказ от начатой преступной деятельности в качестве добровольного, вы-

делает следующие признаки: а) отказ должен быть окончательным,

б) зафиксированность объективных обстоятельств, не препятствующих завершению преступления, в) добровольно отказавшийся должен сознавать возможность продолжения начатого преступления и его завершения, г) добровольный отказ должен являться свободным волеизъявлением субъекта [7, с. 117].

Уголовный закон определяет добровольный отказ как прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действия (бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения до конца (ч.1 ст.31 УК РФ). Таким образом, суть добровольного отказа состоит в том, что лицо, начавшее преступление, по собственному желанию не доводит его до конца, хотя и имеет такую возможность. Так, согласно ч.2 ст.31 УК РФ добровольный отказ характеризуется двумя основными признаками: добровольностью и окончательностью. Не исключается признак добровольности и тогда, когда представление лица о возможном преодолении препятствий, возникнувших в ходе совершения преступления, не совпадает с реальной действительностью. Однако, если виновный сознает, что возникшие препятствия оказались для него непреодолимые, либо даже преодолимые, но более значительные, чем он считал когда планировал преступление, то добровольность отказа исключается. В уголовно-правовой литературе высказывалось мнение, что

“ добровольный отказ может быть в силу собственных побуждений лица, приготовлявшегося к совершению преступления, а не вследствие деятельности государственных органов, общественных организаций, либо отдельных лиц по прекращению преступной деятельности виновного “ [8, с. 69].

Таким образом, добровольность предполагает наличие у субъекта свободы выбора определенного варианта поведения, то есть возможности в данной ситуации поступать неоднозначно. Но этот выбор не может быть произвольным, так как, он ограничен соответствующими объективными обстоятельствами, которые воздействуют на сознание индивида, преломляются в нем, и в результате образуется субъективная картина объективной действительности. Из сказанного можно сделать вывод, что для определения добровольности в действиях субъекта следует руководствоваться объективными и субъективными критериями. Объективным критерием является наличие объективных условий, обуславливающих возможность продолжения преступления и свидетельствующих об отсутствии угрозы неизбежности привлечения виновного к уголовной ответственности. Субъективный критерий – осознание лицом этих условий и прекращение преступной деятельности.

Оба критерия тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, поэтому при установлении в действиях субъекта признака добровольности необходимо делать вывод на основании анализа обоих критериев.

Однако, по мнению Э.С.Течнова, прекращение преступной деятельности может быть признано добровольным, если имелась реальная возможность ее продолжения и субъект сознавал это [9, с. 23].

В.Н.Тихий считает, что добровольность поведения предполагает сознание фактической возможности продолжения преступной деятельности независимо от того, существовала ли в действительности такая возможность [10, с. 40].

Тем не менее в процессе преступной деятельности могут возникнуть различные препятствия, тем или иным образом влияющие на волеизъявление субъекта. В зависимости от характера влияния эти препятствия условно можно подразделить на преодолимые и непреодолимые.

Преодолимыми можно считать непредвиденные препятствия, возникающие в процессе осуществления преступной деятельности, которые не исключают, но затрудняют продолжение преступной деятельности и поэтому оказывают определенное воздействие на волю человека.

Непреодолимыми так же являются препятствия, которые исключают возможность продолжения преступной деятельности помимо воли субъекта, в результате чего он вынужден прекратить совершение преступления. В подобных случаях волевая направленность деятельности субъекта парализуется влиянием обстоятельств, не зависящих от его воли, в результате чего преступник оказывается в таких условиях, когда он лишен возможности свободно продолжать начатое преступление, так как данные препятствия не могут быть преодолены. Иными словами, препятствия, отражаясь в сознании лица, могут породить состояние напряженности, освободиться от которого можно либо отказавшись от их преодоления, либо преодолеть их. Правильная оценка обстоятельств, в силу которых начатое преступление не было доведено до конца, имеет весьма важное значение для определения добровольности отказа, преступности и наказуемости содеянного. Главная трудность заключается в том, чтобы определить в каждом конкретном случае наличие реальной возможности совершения преступления с учетом всех факторов – объективных и субъективных. Ограничиться здесь суммой абстрактных необходимых условий, очевидно, нельзя, поскольку разные люди по-разному воспринимают и оценивают одни и те же внешние обстоятельства. Окончательность выступает вторым обязательным признаком добровольного отказа и не предполагает временного прекращения преступной деятельности, либо переноса ее окончания на более поздний срок. Под окончательностью принято понимать полный и бесповоротный отказ лица от преступления. Отказ является окончательным лишь в том случае, если лицо полностью прекращает преступную деятельность и не имеет намерения продолжать ее в будущем. Поэтому в случаях временного прекращения преступной деятельности, вызванного теми или иными обстоятельствами, добровольного отказа не будет. Если субъект приостанавливает свои преступные действия для того, чтобы продолжить их при более благоприятных обстоятельствах, то в этих случаях не отпадает общественная опасность ни деяния, ни самого лица. От перерыва, временного прекращения преступной деятельности несколько отличаются случаи отказа от повторения преступного посягательства, не доведенного до конца при первом его совершении. Здесь также отсутствует добровольный отказ, так как первое деяние содержит полностью признаки приготовления или покушения и лицо отказывается лишь от попытки вновь повторить преступное посягательство. Следует отметить, что добровольный отказ не исключается, когда лицо сначала добровольно отказалось от совершения данного преступления, а затем все же это преступление совершило. Однако для признания добровольного отказа здесь необходимо наличие двух условий: а) в момент добровольного отказа лицо не имеет намерения совершить это преступление в будущем б) лицо совершает

это же преступление по вновь возникшему умыслу. В изменении характера начатой деятельности и в ее прекращении важная роль принадлежит мотивам, лежащим в ее основе, которые могут возникнуть без какого-либо воздействия различного рода внешних обстоятельств [11, с. 410].

Поэтому важно точно установить те внешние обстоятельства, которые побудили лицо прекратить свою деятельность.

Таким образом, хотя мотивы добровольного отказа и не имеют значения, но их исследование является обязательным, так как тем самым можно определить, действительно ли отказ от преступления был добровольным и окончательным. В связи с чем изложенное позволяет сделать некоторые выводы:

Добровольный отказ от преступления можно определить как добровольный и окончательный отказ лица по собственной воле в силу любых мотивов от доведения преступления до конца при сознании объективной возможности продолжения начатой преступной деятельности;

Для признания отказа добровольным безразлично какими мотивами руководствовалось лицо, отказываясь от продолжения и завершения начатой преступной деятельности;

“Лицо не подлежит уголовной ответственности за деяние, если оно добровольно отказалось от доведения этого преступления до конца” [12].

Список литературы:

1. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. Учебное пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. С.190,197; Следует отметить, что ранее в учебнике по уголовному праву А.А.Герцензон трактовал добровольный отказ применительно и к приготовлению./ См. Уголовное право. Общая часть Под ред. А.А.Герцензона, Н.Д.Дурманова и др. М., 1938. С.305.
2. Пионтковский А.А. Преступление. Курс советского уголовного права, т.2. М., 1970. С.432.
3. Лясс Н.В. Стадии совершения преступления. Курс советского уголовного права. Том 1. 1968. С.570.
4. Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969. С.224.
5. Криволапов Г.Г. Условия и основание освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе. Караганда.1966.вып.6.С.120.
6. Иванов В.Д. Добровольный отказ от совершения преступления. М., 1982. С.8-9.
7. Тарарухин С.А. Преступное поведение. М.,1974. С.117.
8. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. -М., 1964. С.55; Караулов В.Ф. Добровольный отказ от совершения преступления.-М., вып 18 ч.2. 1969.С.69.
9. Течнов Э.С. Добровольная сдача оружия и взрывчатых веществ.//Сов. юст. 1974, № 15. С. 23.
10. Тихий В.П. Условия освобождения от уголовной ответственности за незаконное владение огнестрельным оружием. // Соц. зак. 1978. № 1. С.40.
11. Как справедливо подчеркивается в литературе по психологии “ важнейшую роль в этих случаях играет мысль о моральных последствиях выполнения или невыполнения намеченного, об общественной оценке, которая будет дана продолжению или отказу от борьбы, об общественном одобрении или порицании”. См.: Психология. М., 1956. С.410.
12. В ч.2 ст.31 УК РФ говорится: “ Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца “. Эта формулировка, на наш взгляд неудачна, так как при добровольном отказе преступление не совершается.

References:

1. Herzenzon A.A. Criminal law. The General Part. Textbook for students of the Higher School of Economics, Moscow, 1946. pp.190,197; It should be noted that earlier in the textbook on criminal law, A.A.Hercenson interpreted voluntary refusal in relation to preparation./ See Criminal Law. General part Edited by A.A.Hercenson, N.D.Durmanov and others M., 1938. P.305.
2. Piontkovsky A.A. Crime. The course of Soviet criminal law, vol. 2. Moscow, 1970. P.432.
3. Lyass N.V. Stages of the commission of a crime. The course of Soviet criminal law. Volume 1. 1968. P.570.
4. Soviet criminal law. The general part. M., 1969. P.224.
5. Krivolapov G.G. Conditions and grounds for exemption from criminal liability in case of voluntary refusal.Karaganda.1966.issue 6. P.120.
6. Ivanov V.D. Voluntary refusal to commit a crime. Moscow, 1982. pp.8-9.
7. Tararukhin S.A. Criminal behavior. Moscow, 1974. P.117.
8. Mikhailenko P.P., Gelfand I.A. Crime prevention - the basis fighting for the eradication of crime. -M., 1964. P.55; Karaulov V.F. Voluntary refusal to commit a crime.- M., issue 18, part 2. 1969.P.69.
9. Technov E.S. Voluntary surrender of weapons and explosives.//Soviet Law 1974, No. 15. P. 23.
10. Tikhv V.P. Conditions of exemption from criminal liability for illegal possession of firearms. // Social. zak. 1978. No. 1. P. 40.
11. As is rightly emphasized in the literature on psychology, “the most important role in these cases is played by the thought of the moral consequences of fulfilling or not fulfilling what is planned, of the public assessment that will be given to the continuation or refusal of the struggle, of public approval or censure.” See: Psychology. M., 1956. P.410.
12. Part 2 of Article 31 of the Criminal Code of the Russian Federation states: “A person is not subject to criminal liability for a crime if he voluntarily and definitively refused to commit this crime to completion.” In our opinion, this formulation is unfortunate, since a crime is not committed with voluntary refusal.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_606

УДК 343.985.2

К ВОПРОСУ ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО «АРГО» ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА ON THE ISSUE OF THE ADMISSIBILITY OF USING CRIMINAL «ARGOT» DURING INTERROGATION

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
115191, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1.
старший научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1.

E-mail: matwcha@mail.ru;

ВОЛКОВ Дмитрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
юридического факультета ВИПЭ ФСИН России.
160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

E-mail: Harman1@yandex.ru;

ОСТАПЕНКО Василий Николаевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
юридического факультета ВИПЭ ФСИН России.

160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

E-mail: vas-ostap@yandex.ru;

RYANKOV Matvey Nikolaevich,

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the MFUA,
Moscow, Serpukhov Val str., 17, building 1 Senior Researcher at the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the penal system
FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1 Candidate of Law.

E-mail: matwcha@mail.ru;

VOLKOV Dmitry Yurievich,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities
of the Faculty of Law of the VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Vologda, Shchetinina str., 2. Candidate of Law.

E-mail: Harman1@yandex.ru;

OSTAPENKO Vasily Nikolaevich,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities
of the Faculty of Law of the VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Vologda, Shchetinina str., 2. Candidate of Law.

E-mail: vas-ostap@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье представляется исследование исторического развития криминального аргю в России и за рубежом, начиная с его зарождения во Франции и появления в российской среде. Прослеживается эволюция криминального жаргона от узкоспециализированного языка преступного мира до его широкого распространения в современном обществе. Рассматриваются первые научные исследования языка преступного мира, относящиеся к периоду отмены крепостного права в России, анализируется процесс расширения использования уголовного жаргона в 30-е годы XX века, связанный с увеличением количества осужденных и системой ГУЛАГ. Особое внимание уделяется современному периоду распространения криминального аргю через СМИ и интернет. В работе исследуется вопрос использования криминального жаргона в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, в частности при производстве следственных действий. Авторы приходят к выводу, что использование криминального аргю при допросе допустимо и даже необходимо в определенных случаях для установления психологического контакта с допрашиваемым, однако его применение должно быть обоснованным и грамотным, так как неумелое использование жаргона может привести к конфликту или потере авторитета допрашивающего. При этом важно, чтобы сотрудник правоохранительных органов обладал не только знанием криминального жаргона, но и высокой профессиональной культурой, глубокими познаниями в области психологии и коммуникативными навыками

Abstract: This article presents a study of the historical development of criminal argot in Russia and abroad, from its origins in France to its emergence in the Russian environment. The evolution of criminal jargon is traced from a highly specialized language of the criminal world to its widespread use in modern society. The paper examines the first scientific studies of criminal language dating back to the period of serfdom abolition in Russia, and analyzes the expansion of criminal jargon usage in the 1930s, associated with the increase in the number of convicts and the GULAG system. Special attention is paid to the modern period of criminal argot spreading through mass media and the Internet. The paper explores the use of criminal jargon in law enforcement officers' professional activities, particularly during investigative actions. The authors conclude that the use of criminal argot during interrogation is permissible and even necessary in certain cases to establish psychological contact with the interrogated, but its use must be reasonable and competent, since the inept use of jargon can lead to conflict or loss of authority of the interrogator. At the same time, it is important that a law enforcement officer has not only knowledge of criminal jargon, but also a high professional culture, deep knowledge of psychology and communication skills.

Ключевые слова: предварительное расследование, допрос, криминальная субкультура, жаргон, аргю.

Keywords: preliminary investigation, interrogation, criminal subculture, jargon, argot.

Для цитирования: Пьянков М.Н., Волков Д.Ю., Остапенко В.Н. К вопросу допустимости использования криминального «арго» при производстве допроса // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 606-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_606.

For citation: Pyankov M.N., Volkov D.Yu., Ostapenko V.N. On the issue of the admissibility of using criminal «argot» during interrogation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 606-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_606.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно «Большому академическому словарю русского языка» арго - речь какой-либо социально замкнутой группы, отличающаяся от общенародного языка лексикой, но не обладающая собственной фонетикой и грамматической системой; жаргон [1, с. 252].

Свое происхождение слово «арго» берет из французского языка и представляет собой искажённое эрго (фр. ergot) — «шпора петуха», символ воровского ремесла. «Шпору петуха», а именно петушину лапку, французские преступники в XIII—XIV веке носили на поясе как опознавательный знак, чтобы узнавать своих. С середины XIX века слово арго получило более широкое распространение и стало применяться во Франции для обозначения и лексики деклассированных элементов, различных жаргонов, а также фамиллярно-разговорной речи парижан [2].

В свою очередь отечественные исследователи жаргона уголовного мира чаще всего для его обозначения используют традиционное название — «феня» - с «офенями», с «офенским» языком, то есть языком бродячих торговцев корабельников XVII-XIX вв. Они часто становились жертвами преступлений, что и побудило их к разработке собственного «языка», необходимого для обеспечения собственной безопасности [7, с. 2842-2843].

В последующем «феня» дополнялась лексикой определенных социальных групп: кричевских мещан, профессиональных попрошаек, военных, моряков, который, в известной мере, интернационален, а также из языков разных народов жаргон [6, с. 60]. Отдельно выделяют влияние таких языков как немецкий, польский, а также частично прослеживаются еврейские корни [10, с.608].

Первые научные исследования языка преступного мира относятся к периоду отмены крепостного права в России. Так, 1859 году в журнале «Северная пчела» появился словник арготизмов под названием «Собрание выражений и фраз, употребляемых С.-Петербургскими мошенниками» (1859). Словник вышел без указания автора, но по названию, расположению материала и лексическому составу он был очень похож на неопубликованный словарь В. И. Даля «Условный язык петербургских мошенников», в котором последний охарактеризовал уголовный жаргон как «блатную музыку», которую в течение длительного периода времени использовали в большинстве своем только попрошайки, воры, плуты и другие [3, с. 134].

Другой исследователь уголовного жаргона - В. Трахтенберг, в 1908 году составил развернутый словарь тюремного жаргона, который также включал короткий свод тюремных пословиц и небольшое количество тюремных песен. Словарные статьи представляли собой целые истории, иногда укасные, например, как крестьяне мучали конокрадов, как развлекались арестанты [9].

Термин «феня», как наиболее распространенное неофициальное название арго, активно использовался и в начале XX века. Так, фразеологизм «по фене ботать» появился в 10-х годах XX века и означал «говорить на арго», т.е. являлся видоизменённым «по офене болтать», то есть говорить на условном языке офеней. Иногда свой «язык» уголовники называли несколько пренебрежительно - фенька. Позднее по аналогии слово феня заменили на соня. В 1920-х годах преступники не только ботали, но и стучали по фене (соне), кулика́ли по-свойски. Несколько позже уже стали курсать или кургать по фене (соне) [2].

До начала 20-х годов XX века уголовный жаргон оставался прерогативой лиц, ведущих противоправный образ жизни, и не имел повсеместного распространения. Широкое употребление уголовный жаргон получил в 30-е годы XX века в СССР, что было связано с увеличением количества осужденных и лагерей системы ГУЛАГ, а также в 50-е годы - после процессов по массовой реабилитации осужденных, когда в повседневную жизнь граждан состоялось проникновение жаргонной тюремно-лагерно-блатной лексики.

В данный период происходит и приостановление научного изучения уголовного жаргона, что было обусловлено «лингвистической концепцией» И. В. Сталина, который указывал на присущность жаргонов господствующим классам и слоям общества, в т.ч. дворянам, чиновникам, духовенству. Так как данные классы в советском государстве были ликвидированы, отпала и необходимость его изучения. Кроме того, в середине 30-х годов было официально заявлено, что с профессиональной преступностью в нашей стране покончено раз и навсегда [2].

С начала 90-х гг. XX в. страну захлестнула очередная волна преступности и, как следствие, начался новый виток проникновения криминальной субкультуры в повседневную жизнь обывателей. Язык преступного мира за последние двадцать лет изменился в качественном, количественном отношении и стал «ближе к народу». Криминальный жаргон в огромном количестве употребляется в разговорном языке, газетно-публицистическом, в художественной литературе и проник практически во все сферы жизни общества. Особенно стоит выделить негативную роль СМИ, средств сети Интернет и т.д., где использование криминального жаргона перестало являться чем-то зазорным. Фактически можно говорить о том, что криминальное меньшинство навязывает законопослушному большинству свою культуру, мораль, язык.

В связи с вышеизложенным представляется возможным согласиться с мнением Е.Б. Зверевой, которая говорит о современной повсеместной призонизации (от англ. prison - тюрьма), т.е. о стихийном распространении тюремной субкультуры в национальной культуре [4, с. 33]. И с сожалением приходится констатировать, что уголовный жаргон вышел далеко за пределы уголовного мира - он стал частью современного разговорного русского языка. В общенародный язык пришли слова, относящиеся к специализированному жаргону наркодельцов, грабителей, террористов и др., его используют лица всех возрастных, гендерных, профессиональных группы и т.д.

Основной функцией уголовного жаргона выступает - конспиративная, так как лица, ведущие противоправный образ жизни, вынуждены скрывать от сотрудников правоохранительных органов, а также скрывать свои планы, намерения, способы преступных действий от законопослушного населения. В качестве примера можно привести следующую широко распространенную в преступном сообществе лексику: «фомка» — воровской ломик, «удочка» — приспособление для квартирных краж через окно или форточку, «леща кинуть» — ограбить пьяного, «загнать» — продать краденые вещи и т. д.

Следующая функция криминального арго - обслуживание внутренней жизни криминального сообщества, связанную с распределением добычи, развлечениями, а также половыми отношениями. Уголовный жаргон обозначает также членов преступного сообщества, их права и обя-

занности, род их деятельности, систему их взаимоотношений.

Также следует отметить, что арго выступает в качестве средства самоутверждения в криминальной среде. С помощью уголовного жаргона преступники утверждают свое мнимое превосходство над обывателями, законопослушными гражданами [4, с. 34].

Наиболее остро вопрос использования данного вида жаргона стоит в повседневной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Так, результаты проведенного опроса показали, что 78% респондентов регулярно употребляют лексику «преступного мира», 15 % используют лишь ее отдельные слова и выражения, и только 7% опрошенных указали, что не пользуются данной терминологией вовсе¹. Объяснений такому широкому распространению жаргона можно найти множество, но основное кроется в том, что значительная часть профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов связана с общением с лицами, ведущими асоциальный, девиантный, а зачастую и преступный образ жизни, с присущими ей особенностями, в т.ч. и лексическими.

Регулярное общение с данными категориями граждан приводит к перениманию их речевых навыков, особенностей речи, используемой лексики и т.д. Все это происходит, как правило, нецеленаправленно, но в какой-то момент именно данный показатель может стать одним из индикаторов профессиональной деформации сотрудника. В тоже время мы должны признать и положительную сторону знания уголовного жаргона, с чем согласны и проанкетированные сотрудники (91 % опрошенных ответили утвердительно).

Как следует из результатов опроса и интервьюирования, значительная часть сотрудников допускает возможность использования уголовного жаргона при общении с носителями криминальной субкультуры, при производстве следственных действий, в частности при проведении допроса.

В тоже время стоит отметить, что в научном мире единого мнения по данному поводу нет: ряд исследователей говорит о невозможности использованием жаргонных слов и выражений в ходе проведения следственных действия [8], другая группа придерживается противоположной позиции, но с определенными ограничениями [5].

Так, например, Д. А. Полищук указывает, что следователь должен знать и уметь интерпретировать преступный жаргон, но не использовать данные познания при производстве следственных действий – «следователь не должен опускаться до употребления жаргонных слов» [8, с. 50, 164].

В свою очередь А. М. Лютынский, рассматривая использование уголовного жаргона, пишет, что лицу, проводящему допрос необходимо быть готовым к пониманию речи допрашиваемого лица, использующего в своей речи данную лексику. Также последний пишет, что зачастую использование арго допрашиваемым может быть обусловлено желанием продемонстрировать свое превосходство, либо для маскировки высказываний. Данные обстоятельства, в свою очередь, обуславливают необходимость в исключительных случаях употребления жаргона следователем. Автор указывает, что использовать жаргон следует осторожно, т.к. неправильное применение ряда жаргонизмов может привести к конфликтной ситуации.

Кроме того, ссылаясь на собственный опыт службы в правоохранительных органах, А. М. Лютынский указывает, что большинство осужденных, имеющих преступный опыт, неоднократно судимых, стараются общаться со следователем на обычном языке. К лагерно-блатному жаргону в общении со следователем, как правило, прибегают несовершеннолетние осужденные, также агрессивно настроенные молодые люди, что может говорить об их неуверенности в себе, желании самоутверждения, агрессивности по отношению к лицу, проводящему допрос [5, с.82-83].

Возвращаясь к результатам анкетирования, следует отметить, что значительная часть опрошенных 83 % - указала на то, что знакома лишь с общеуголовным жаргоном, т.е. лексикой используемой преступниками, рецидивистами, лицами, связанными с ними, а также целым кругом лиц, не имеющих никакого отношения к криминальной действительности. И лишь незначительная часть опрошенных (17%) признались во владении, кроме общеуголовного, тюремно-лагерным и «профессиональным» жаргоном (отдельные лексические подсистемы в речи воров-карманников разного рода, карточных шулеров, валютных аферистов, автомобильных кидал и прочих «специалистов преступного мира»). Следует отметить, что к последней группе опрошенных преобладают сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Автор данного исследования придерживается позиции, согласно которой, следователь, оперуполномоченные и т.д., должны знать и уметь использовать жаргон криминального мира, а в некоторых случаях, и использовать его. Так, жаргонную лексику логично использовать для достижения психологического контакта – для демонстрации знания норм и правил криминальной субкультуры, когда подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель воспринимает следователя как человека далекого от маргинальных слоев – «белого воротничка». В отдельных случаях уголовный жаргон может употребляться для лучшего восприятия повседневной лексики, которая незнакома допрашиваемому лицу в связи с низким интеллектуальным, образовательным уровнем. Основным условием применения данного приема будет являться его обоснованность, т.е. следователь, оперуполномоченный не должен использовать жаргон на постоянной основе и не должен прибегать к нему, когда недостаточно хорошо им владеет, т.к. неумелое использование жаргона может создать у подозреваемого, обвиняемого ощущение «заискивания» со стороны следователя, а неправильное употребление может даже привести к конфликту с допрашиваемым. Особенно «опасным» может оказаться некорректное и неуместное использование жаргона при допросе неоднократно судимых лиц и профессиональных преступников, когда знаний общеуголовного жаргона может оказаться недостаточно. В таких случаях, особенно если допрос происходит в СИЗО или исправительном учреждении, следователю следует прибегнуть к услугам «переводчика», которым может выступить сотрудник оперотдела, владеющий необходимыми познаниями.

¹ В опросе и интервьюировании приняли участие 72 сотрудника следственных и оперативно-розыскных подразделений МВД РФ, СК РФ, ФСИН РФ.

Данный вариант не является оптимальным, так как все равно укажет на недостаточную компетентность следователя, но в качестве «своеобразного» противовеса в данной ситуации может выступить именно оперуполномоченный УИС, который, как правило, является авторитетом для осужденного. Оперуполномоченному также может оказаться проще установить психологический контакт, в силу знания специфики норм криминальной субкультуры осужденных, и оказать поддержку в случае оказания психологического противодействия допросу со стороны допрашиваемого осужденного.

Таким образом, каждый сотрудник правоохранительных органов, в чьи полномочия входит возможность проведения допроса, должен обладать способностью применять на практике, уметь правильно оценить то, что сообщило допрашиваемое лицо, своевременно выявлять ложь, вовремя регулировать сложные следственные ситуации и не должен тратить время в попытках «изобличить» подозреваемого, обвиняемого, который в рамках допроса дал правдивые показания.

При этом допрашивающий обязан соблюдать высокую общепрофессиональную культуру, иметь глубокие познания в области человеческой психологии, психологии поведения личности, обладать высокими коммуникативными навыками, богатым лексиконом, включающим в себя не только общеупотребляемую лексику, но и лексику, присущую значительной доли допрашиваемых, а именно лиц, ведущих асоциальную и криминальную образ жизни, ранее и неоднократно судимых лиц.

Список литературы:

1. Большой академический словарь русского языка / ред. Л. И. Балахонova. – Москва : Наука, 2004. – 664 с.
2. Грачев, М. Интервенция криминального языка / М. Грачев // Наука и жизнь: официальный сайт. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574/> (дата обращения: 22.01.2025).
3. Даль, В. И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка / В. И. Даль // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 134-156.
4. Зверева, Е. Б. Социально-психологический механизм функционирования уголовного жаргона и необходимость его изучения / Е. Б. Зверева // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1 (6). – С. 33-36.
5. Лютынский, А. М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лютынский Антон Мечеславович. – Владимир, 2006. – 198 с.
6. Пархоменко, Е. В. Всегда ли мы понимаем? (опыт осмысления уголовного жаргона) / Е. В. Пархоменко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 4. – С. 59-65.
7. Пинегина, А. М. К вопросу об исторических корнях русской уголовной лексики / А. М. Пинегина // Общество. Наука. Инновации. Всерос. ежегод. науч.-практ. конф., 1-29 апреля 2017 г. – Киров, 2017. – С. 2841-2846.
8. Полищук, Д. А. Тактико-психологические особенности допроса при расследовании преступлений, совершаемых преступными сообществами : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Полищук Дмитрий Адольфович. – Москва, 2000. – 259 с.
9. Трахтенберг, В. Ф. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / В. Ф. Трахтенберг. СПб., 1908. – URL: <http://library6.com/books/707811.pdf> (дата обращения 11.01.2025).
10. Шкурятенко, Е. В. Уголовный жаргон - коммуникативный атрибут уголовной субкультуры (историко-правовой аспект) / Е. В. Шкурятенко // Правовая культура в современном обществе : Сборник научных статей, представленных на Международной научно-практической конференции «Правовая культура в современном обществе», посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД; Научное электронное текстовое издание, Могилев, 16 мая 2018 года / Отв. ред. И. А. Демидова. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018. – С. 606-610.

References:

1. Great Academic Dictionary of the Russian Language / Ed. L. I. Balakhonova. - Moscow: Nauka, 2004. - 664 p.
2. Grachev, M. Intervention of Criminal Language / M. Grachev // Science and Life: official website. - URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574/> (accessed: 01.22.2025).
3. Dal, V. I. Conditional Language of St. Petersburg Fraudsters, Known as Music or Baykovy Language / V. I. Dal // Questions of Linguistics. - 1990. - No. 1. - P. 134-156.
4. Zvereva, E. B. Socio-psychological Mechanism of Criminal Jargon Functioning and the Necessity of its Study / E. B. Zvereva // Bulletin of Vladimir Law Institute. - 2008. - No. 1 (6). - P. 33-36.
5. Lyutynsky, A. M. Tactics of Interrogation of Criminal Proceedings Participants Among Persons Sentenced to Imprisonment: specialty 12.00.09 «Criminal Procedure, Criminalistics; Operational-Search Activity»: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Lyutynsky Anton Mchleslavovich. - Vladimir, 2006. - 198 p.
6. Parkhomenko, E. V. Do We Always Understand? (Experience in Understanding Criminal Jargon) / E. V. Parkhomenko // Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. - 2010. - No. 4. - P. 59-65.
7. Pinegina, A. M. On the Question of Historical Roots of Russian Criminal Vocabulary / A. M. Pinegina // Society. Science. Innovation. All-Russian Annual Scientific-Practical Conference, April 1-29, 2017 - Kirov, 2017. - P. 2841-2846.
8. Polishchuk, D. A. Tactical and Psychological Features of Interrogation in the Investigation of Crimes Committed by Criminal Communities: specialty 12.00.09 «Criminal Procedure, Criminalistics; Operational-Search Activity»: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Polishchuk Dmitry Adolfovich. - Moscow, 2000. - 259 p.
9. Trakhtenberg, V. F. Criminal Music («Prison Jargon») / V. F. Trakhtenberg. St. Petersburg, 1908. - URL: <http://library6.com/books/707811.pdf> (accessed 01.11.2025).
10. Shkuratenko, E. V. Criminal Jargon - Communicative Attribute of Criminal Subculture (Historical and Legal Aspect) / E. V. Shkuratenko // Legal Culture in Modern Society: Collection of scientific articles presented at the International Scientific-Practical Conference «Legal Culture in Modern Society», dedicated to the 70th anniversary of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs; Scientific electronic text edition, Mogilev, May 16, 2018 / Ed. I. A. Demidova. - Mogilev: Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2018. - P. 606-610.

ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДМЕТА ЭКОЦИДА GAPS AND CONFLICTS OF RUSSIAN LEGISLATION IN DETERMINING THE SUBJECT OF ECOCIDE

УГЛОВА Евгения Анатольевна,

начальник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения
Дальневосточного юридического института (филиала)
федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования
«Университет прокуратуры Российской Федерации».

690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

E-mail: vladivostok200@mail.ru;

UGLOVA Evgeniia Anatolyevna,

Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support
of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

690091, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, st. Sukhanova, no. 8.

E-mail: vladivostok200@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения понятия «растительный мир» в контексте экоцида — умышленного уничтожения окружающей среды. Анализируются существующие правовые нормы, регулирующие охрану растительного мира, и выявляются пробелы и коллизии в российском региональном и федеральном законодательстве.

Abstract: The article examines the problems of defining the concept of «plant world» in the context of ecocide — the deliberate destruction of the environment. It analyzes existing legal norms governing the protection of plant world, and identifies gaps and conflicts in Russian regional and federal legislation.

Ключевые слова: экоцид, уголовное право, преступления против мира и человечества, растительный мир.

Key words: ecocide, criminal law, crimes against peace and humanity, flora.

Для цитирования: Углова Е.А. Пробелы и коллизии российского законодательства при определении предмета экоцида // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 610-613. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_610.

For citation: Uglova E.A. Gaps and conflicts of Russian legislation in determining the subject of ecocide // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 610-613. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_610.

Статья поступила в редакцию: 19.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Вопросы экологических угроз, стоящих перед мировым сообществом, приобретают все большую актуальность в условиях глобального экологического кризиса. Человечество оказалось вынужденным признать существование конфликта между ним и окружающей природой, а также тот факт, что решение конфликта лежит на пути изменения человеческого поведения по отношению к природе [1].

С начала прошлого века в международном праве обсуждаются вопросы признания природной среды в качестве самостоятельного объекта охраны, что закономерным образом обозначило постановку вопроса о выработке механизма реализации правовой ответственности за совершение деяний, посягающих на окружающую среду или её элементы. Как следствие, возникло понимание, что для эффективной борьбы с экоцидом и привлечения к ответственности за умышленное уничтожение окружающей среды необходима разработка новых дефиниций. Сторонники и противники привлечения к ответственности за экоцид указывают на несовершенство юридических формулировок и, как следствие, крайне малую эффективность этой нормы права как на международном, так и на национальных уровнях.

На сегодняшний день в международном праве деструктивное воздействие на природную среду подвержено только политико-правовому осуждению и запрещению в рамках конвенционных обязательств [2]. Вместе с тем ряд стран — Россия, Грузия, Вьетнам, Белоруссия и некоторые другие — всё же имплементировали в своё законодательство нормы международного права, включив экоцид в свои национальные акты и отнеся его к преступлениям против мира и безопасности человечества.

Российская Федерация решила вопрос об ответственности за экоцид при принятии в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) путём включения в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» статьи 358 «Экоцид», установив в ней ответственность за совершение действий, которые могут повлечь за собой массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

На сегодняшний день в Российской Федерации нет ни одного приговора, вынесенного судами по данной статье, хотя факты возбуждения уголовных дел по ст. 358 УК РФ имеются. Так, в августе 2021 г. Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма [3].

Полагаем, что отсутствие судебной практики по ст. 358 УК РФ является достаточной причиной для детального анализа законодательной формулы экоцида с целью выявления проблем, препятствующих правоприменению, и возможных путей их преодоления.

Предметами экоцида традиционно принято считать: растительный и животный мир, атмосферу, водные ресурсы. Это следует из содержания самой нормы об экоциде, содержащейся в ст. 358 УК РФ [4].

Ограничившись рамками статьи, детально проанализируем понятие «растительный мир» в современной системе российского права применительно к предмету экоцида, а также близкие к нему понятия «растения» и «растительность».

Представляется, что данная правовая проблема не является праздною в свете событий, произошедших в мире в последние десятилетия.

Исторически экоцид ассоциировался с масштабными катастрофами, такими как разливы нефти, вырубка лесов или ядерными испытаниями. Наиболее известными актами экоцида являются действия Вооружённых сил США во Вьетнаме с 1961 по 1973 гг. и иракских военных во время Второй войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Однако сегодня проявления экоцида становятся все более разнообразными, но от этого не менее разрушительными в перспективе. Ярким примером такого вмешательства в экологию планеты, поначалу незначительным, но приведшим к катастрофическим последствиям, является уничтожение лесов Амазонии.

Как известно, Амазония представляет собой крупнейший в мире тропический лес, на долю которого приходится около 40 процентов оставшихся в мире тропических лесов, а на воду, текущую в ее реках, приходится почти 15 процентов мирового речного стока в океаны [5].

Вырубка лесов в этом регионе началась ещё в XIX в. после прихода европейцев в Америку, активизировалась в период «каучукового бума» в конце XIX века и стала массовой в середине XX века, когда правительство Бразилии начало активно осваивать Амазонию в рамках политики экономического развития. Леса начали рубить для строительства дорог, создания сельскохозяйственных угодий и пастбищ для разведения крупного рогатого скота. Сегодня вырубка лесов Амазонии странами, расположенными в бассейне реки Амазонки – Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Гайаной, Колумбией, Перу, Суринамом, Французской Гвианой и Эквадором активно продолжается. По оценке регионального директора и представителя Программы Организации Объединённых наций по окружающей среде Хуана Белло по состоянию на май 2023 г. биом Амазонии уже потерял около 20 процентов своей первоначальной площади, и специалисты говорят, что он быстро достигает «точки невозврата» [5].

Многочисленные учёные, в том числе российские, указывают на то, что вырубка лесов Амазонии представляет собой серьёзную угрозу для глобальной экосистемы и климата, что, в свою очередь, влечет за собой и другие глобальные экологические проблемы, одной из ключевых среди которых является сокращение биоразнообразия [6,7].

По мнению некоторых международных экологических организаций, наиболее известной из которых является международный фонд «Стоп экоцид», уничтожение лесов Амазонии следует считать экоцидом, а бывшего президента Бразилии Жаира Болсонару необходимо привлечь за это к ответственности [8,9,10].

Другим, не менее показательным примером являются действия США во Вьетнаме. Как известно, разработанная ими программа дефолиации «Помощник фермера» для искусственного удаления листьев с деревьев во вьетнамских джунглях официально стартовала в декабре 1961 г. Задача программы состояла в том, чтобы улучшить видимость в труднопроходимых условиях, уничтожить урожай, который бойцы Вьетконга могли использовать в качестве пропитания, и обильную листву, среди которой они могли скрываться [11]. В дальнейшем распыление агента «оранж» привело к экологической катастрофе в Южном Вьетнаме, которая на сегодняшний день совершенно однозначно оценивается мировым сообществом как экоцид.

Представляется, что экологическая катастрофа в Амазонии и экоцид во Вьетнаме начинались с уничтожения растительности.

Артур Галстон – американский биолог, который ввел в 1970 г. в оборот сам термин «экоцид», писал: наша способность достигать дна океана или поверхности Луны, летать со сверхзвуковой скоростью, расщеплять атом и конструировать компьютеры заставляет нас поверить в то, что нерешаемых проблем не существует. Но человек живет в мире только по милости растительной среды. Он полностью зависит от нее и ничем не может заменить этот тонкий зеленый покров, кое-как существующий на частично разложившемся камне, который мы называем почвой [11].

Таким образом, со всей очевидностью следует вывод, что растительный мир – это одна из важнейших частей экосистемы планеты и именно он играет ключевую роль в поддержании баланса жизни на Земле. Правовое регулирование защиты растительности и существующих во взаимосвязи с ней иных организмов не просто юридическая формальность, а необходимое условие выживания человечества и поэтому его охрана в современных условиях критически важна.

Изучение современной научной разработанности в российском праве определения понятия «растительный мир», используемого статьёй 358 УК РФ, показало, что, как ни парадоксально бы это звучало, такое достаточно простое понятие не имеет нормативной основы, что приводит к различным его трактовкам, ни одна из которых не может быть настолько убедительной, чтобы исключить все другие.

В российском законодательстве понятие «растительный мир» раскрывается в основном в природоохранном, лесном и земельном законодательстве. Так, статьи 1 и 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [12] включают «растительный мир» в перечень компонентов «природной среды» – часть более широкого понятия – «окружающая среда», которая, в свою очередь, является одним из объектов охраны от загрязнения, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности.

Сам термин «растительный мир», как и понятие «объекты растительного мира», достаточно широко используется в законодательстве [13]. Например, в соответствии со статьями 56, 95, 104 Земельного кодекса Российской Федерации [14] могут устанавливаться особые условия охраны окружающей среды, в том числе животного и растительного мира. Здесь термин употребляется применительно к режиму использования земель особо охраняемых природных территорий и при перечислении целей установления зон с особыми условиями использования территорий.

Лесной кодекс Российской Федерации [15] упоминает «растительный мир» лишь однажды – в статье 60.15 применительно к регулированию вопросов особенностей охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения деревьев, кустарников, лиан, иных лесных растений, занесённых в Красную книгу Российской Федерации или красные книги субъектов Российской Федерации.

Объекты растительного мира упоминаются в статьях 3, 42, 63, 65, 67 Водного кодекса Российской Федерации [16].

Федеральный закон «О мелиорации земель» [17] в статье 32, в которой устанавливаются экологические требования к проведению мелиоративных мероприятий, также использует понятие «растительный мир».

Понятием «растительный мир» зачастую при принятии решений оперируют Конституционный и Верховный суды Российской Федерации [22,23,24]. Как видим, в основополагающих нормативных актах термин «растительный мир» используется законодателем преимущественно в

контексте объекта охраны, но определение его в этих актах не дается.

Следует отметить, что попытки раскрыть понятие «растительный мир» в российском законодательстве все же имеются. Так, на федеральном уровне есть только один документ, который определяет понятие «растительный мир» как «совокупность произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и насаждений» (п. 2.110). Это ГОСТ Р 57007–2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения» [18] (далее – ГОСТ). Однако данный правовой акт (и это прямо указано во «Введении») «не может рассматриваться как источник однозначных указаний на определения терминов». Более того, в разделе «Область применения» специально оговорено, что «термины, установленные настоящим стандартом, предназначены для добровольного применения в нормативно-правовой, нормативной, технической и проектно-конструкторской документации, а также в научно-технической, учебной и справочной литературе применительно к сохранению и охране биоразнообразия». Следовательно, возлагать на этот стандарт задачу приведения соответствующей терминологии к единообразию (в том числе применительно к растительному миру) вряд ли возможно.

В условиях многообразия коллизий федерального законодательства некоторые региональные законодатели предприняли попытки урегулировать этот вопрос на своем уровне. Так, в республике Крым ещё в 2014 г. был принят закон «О растительном мире» [19], в статье 3 которого дано определение растительного мира как «совокупности всех видов высших сосудистых растений, мхов, лишайников, водорослей и грибов как дикорастущих, так и культивируемых, произрастающих на территории Республики Крым, во всем их биологическом разнообразии и во взаимодействии с другими компонентами природной среды».

Другие регионы Российской Федерации не стали принимать таких отдельных специальных законов, пойдя по пути включения соответствующих норм в более общие законы об охране окружающей среды. Например, в Алтайском и Красноярском краях действуют законы «Об охране окружающей среды» [20,21], в которые включены нормы об охране «растительного мира» в контексте охраны городских и пригородных зелёных насаждений, лесных экосистем, редких и исчезающих видов растений.

Конечно, нельзя не обратить внимание, что данные законы распространяются только на территории тех субъектов, где они приняты, и в целом не оказывают значимого влияния на федеральную законодательную базу.

Таким образом, на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: законодатель признает необходимость охраны «растительного мира» как одного из компонентов природной среды, Уголовный кодекс Российской Федерации использует это понятие, но сам термин не определяется и не раскрывается в российском законодательстве [25].

Исследование вопроса урегулирования в российском праве очевидно достаточно близкого к «растительному миру» понятия «растения» показало, что законодатель также достаточно часто использует это понятие в различных нормативных актах, но его определение варьируется в зависимости от контекста. Например, уже упоминавшийся ГОСТ [18] при даче понятия «биоценоз» определяет его как «совокупность растений, грибов, животных и микроорганизмов...», «дикорастущих растений» как «растений, находящихся в их естественной среде произрастания и способных образовывать популяции, растительные сообщества или насаждения» и относит их к объектам растительного мира (организм растительного происхождения (дикорастущее растение)) (пп. 2.14, 2.26, 2.77). Однако, как уже указывалось ранее, термины, установленные настоящим стандартом, предназначены для добровольного применения.

Федеральный закон «О карантине растений» [26], устанавливающий правовые основы регулирования в области карантина растений, единственный федеральный закон, имеющий в своем понятийном аппарате «растения» (ст. 2), фактически всего лишь указывает, что растениями называются сами растения и их части, в том числе семена и генетический материал.

Достаточно большим блоком законодательных актов, которые повсеместно используют понятие «растения», являются: Красная книга Российской Федерации – официальный документ, содержащий свод сведений о редких и находящихся под угрозой исчезновения видах (подвидах, популяциях) диких животных, дикорастущих растений и грибов [27,28], и законы субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы ведения Красных книг регионов, охраны, включения и исключения из них отдельных видов растений, грибов, животных и т.д.

Одновременно с этим, несмотря на очевидную пробельность природоохранного, лесного и земельного законодательства, термин «растения» достаточно часто используется в уголовном законодательстве Российской Федерации. Так, не считая блок статей, устанавливающих ответственность за перевозку, сбыт и т.д. растений, содержащих наркотические средства, УК РФ устанавливает ответственность за контрабанду особо ценных растений (ст. 226.1); нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249); уничтожение, повреждение, незаконную добычу, сбор и оборот особо ценных растений, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (260.1).

Представляется, что исследованная нами проблема определения понятия «растительный мир» не носит исключительно теоретический характер и в свете уже имеющегося возбужденного Следственным комитетом Российской Федерации уголовного дела по ст. 358 УК РФ должна быть устранена совместными усилиями правоведов, экологов, биологов и иных специалистов в области охраны природы. Считаем целесообразным вырабатывать единый подход к терминологии, связанной с правовым регулированием основных понятий, лежащих в сфере законодательства об охране окружающей среды и смежных с ним областей права, и провести корректировку отдельных положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы:

1. Греченкова, О. Ю. Отдаленные последствия экоцида для природы и человечества / О. Ю. Греченкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 8 (142). — С. 101–103. — URL: <https://moluch.ru/archive/142/39616/> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Лобач, Д. В. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений / Д. В. Лобач, Е. А. Углова // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24, № 4. — С. 136–148. — DOI 10.24866/1813–3274/2022-4/136-148. — EDN AGOEAW.
3. СК возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2021/612525869a7947e9ce77e880> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Шидула, И. Р. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации / И. Р. Шидула, А. И. Проскуряков // Право: история и современность. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 200–212. — DOI 10.17277/pravo.2024.02.pp.200-212. — EDN WWZEWY.

5. Последний шанс спасти Амазонию. Выступление Хуана Белло (Juan Bello), регионального директора и представителя ЮНЕП в Латинской Америке и Карибском бассейне в честь Международного дня биологического разнообразия (22 мая 2023 года) URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (дата обращения: 28.02.2025).
 6. Российские климатологи подвели итоги семи лет работы. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/climate/articles/2023/03/20/967287-rossiiskie-klimatologi-podveli-itogi-semi-let-raboti>. (дата обращения: 01.03.2025).
 7. Данилов-Данильян, В. И. Экология и климат: где мы сейчас и где будем через два-три десятилетия общемировые тенденции / В. И. Данилов-Данильян, В. М. Катцов, Б. Н. Порфирьев // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93, № 10. – С. 930–941. – DOI 10.31857/S0869587323100031. – EDN HFTNRL.
 8. «Мощное решение»: активисты выступают за то, чтобы экодид стал международным преступлением | Окружающая среда | Хранитель. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/26/activists-push-make-ecocide-international-crime> (дата обращения: 26.02.2025).
 9. Экодид может быть признан международным преступлением. URL: <https://aussiedlerbote.de/2022/09/ekocid-mozhet-byt-priznan-mezhdunarodnym-prestupleniem/> (дата обращения: 02.03.2025).
 10. Преимущества, проблемы и ограничения криминализации экодид - IPI Global Observatory. URL: <https://theglobalobservatory.org/2022/03/the-benefits-challenges-and-limitations-of-criminalizing-ecocide/#:~:text=Possible%20Benefits%20of%20Criminalizing%20Ecocide&text=The%20proposed%20crime%20extends%20the,oil%20contamination%2C%20and%20air%20pollution.>
 11. Артур Галстон против агента «оранж»: как американский биолог боролся против экодиды во Вьетнаме и чем его история важна для современной биоэтики — Нож. URL: <https://knife.media/galston/> (дата обращения: 22.02.2025).
 12. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС КонсультантПлюс.
 13. Минина, Е. Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире / Е. Л. Минина // Журнал российского права. – 2016. – № 5(233). – С. 108–117. – DOI 10.12737/19221. – EDN VUTQXP.
 14. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС КонсультантПлюс.
 15. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.
 16. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
 17. Федеральный закон «О мелиорации земель» от 10.01.1996 № 4-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
 18. ГОСТ Р 57007–2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения», утверждён и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 июля 2016 г. № 810-ст. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200136903> (дата обращения: 28.02.2025).
 19. Закон республики Крым «О растительном мире» // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=219011945&page=1&rdk=4#10 (дата обращения: 22.02.2025).
 20. Закон Алтайского края от 01.02.2007 года № 3-ЗС «Об охране окружающей среды в Алтайском крае». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=168013891&page=1&rdk=13#10 (дата обращения: 26.02.2025).
 21. Закон Красноярского края от 20.09.2013 № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=169042298&backlink=1&nd=169060394> (дата обращения: 22.02.2025).
 22. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды - Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 июня 2022 года URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31275/> (дата обращения: 02.03.2025).
 23. Определение КС РФ от 13.05.2019 N 1197-О Определение КС РФ от 13.05.2019 N 1197-О URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052019-n-1197-o/> (дата обращения: 06.03.2025).
 24. Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № А40-12042/20 от 16.07.2024. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388544
 25. Минина, Е. Л. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения / Е. Л. Минина, Ю. И. Шуплецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 51. – С. 84–104. – DOI 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104. – EDN RPUVJL.
 26. Федеральный закон от 21.07.2014 № 206-ФЗ (ред. от 09.11.2024) «О карантине растений» // СПС КонсультантПлюс.
 27. Красная книга — Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/red_book/ (дата обращения: 07.03.2025).
 28. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 23.05.2023 № 320 «Об утверждении перечня объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
 29. ГОСТ Р 70005-2022 Сохранение объектов культурного наследия от биопоражений. Классификация, методы защиты и ликвидации последствий. Общие требования - docs.cntd.ru URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200183253> (дата обращения: 01.03.2025).
- References:**
1. Grechenkova O. Y. Long-term consequences of ecocide for nature and humanity / O. Y. Grechenkova. — Text: direct // Young scientist. — 2017. — № 8 (142). — Pp. 101-103. — URL: <https://moluch.ru/archive/142/39616/> / (date of access: 03/05/2025).
 2. Lobach, D. V. Prospects of criminalization of ecocide in the practice of international relations / D. V. Lobach, E. A. Uglova // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2022. – Vol. 24, No. 4. – pp. 136-148. – DOI 10.24866/1813-3274/2022-4/136-148. – EDN AGOEAW.
 3. The UK has opened a criminal case on ecocide due to the water blockade of Crimea. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2021/612525869a7947e9ce77e880> (date of reference: 02/26/2025).
 4. Shikula, I. R. Criminal law analysis of ecocide: objective and subjective signs, qualification issues / I. R. Shikula, A. I. Proskuryakov // Law: history and modernity. – 2024. – Vol. 8, No. 2. – pp. 200-212. – DOI 10.17277/pravo.2024.02.pp.200-212. – EDN WVVZEWY.
 5. Last chance to save the Amazon. Speech by Juan Bello, Regional Director and Representative of UNEP in Latin America and the Caribbean in honor of the International Day of Biological Diversity (May 22, 2023) URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (date of reference: 02/28/2025).
 6. Russian climatologists have summed up the results of seven years of work. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/climate/articles/2023/03/20/967287-rossiiskie-klimatologi-podveli-itogi-semi-let-raboti>. (date of request: 03/01/2025).
 7. Danilov-Daniilyan, V. I. Ecology and climate: where we are now and where we will be in two or three decades global trends / V. I. Danilov-Daniilyan, V. M. Kattsov, B. N. Porfiriev // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 93, No. 10. – Pp. 930-941. – DOI 10.31857/S0869587323100031. – EDN HFTNRL.
 8. "Powerful solution": activists advocate for ecocide to become an international crime | Environment | Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/26/activists-push-make-ecocide-international-crime> (date of request: 02/26/2025).
 9. Ecocide may be recognized as an international crime. URL: <https://aussiedlerbote.de/2022/09/ekocid-mozhet-byt-priznan-mezhdunarodnym-prestupleniem/> / (date of access: 03/02/2025).
 10. Advantages, problems and limitations of criminalization of ecocide - IPI Global Observatory. URL: <https://theglobalobservatory.org/2022/03/the-benefits-challenges-and-limitations-of-criminalizing-ecocide/#:~:text=Possible%20Benefits%20of%20Criminalizing%20Ecocide&text=The%20proposed%20crime%20extends%20the,oil%20contamination%2C%20and%20air%20pollution.>
 11. Arthur Galston vs. Agent Orange: How an American biologist fought against ecocide in Vietnam and how his story is important for modern bioethics— URL: <https://knife.media/galston/> / (date of application: 22.02.2025).
 12. Federal Law No. 7-FZ dated 10.01.2002 "On Environmental Protection" // SPS ConsultantPlus.
 13. Minina E.L. Trends in the development of legislation on the flora / E.L. Minina // Journal of Russian Law. 2016. № 5(233). Pp. 108-117. - DOI 10.12737/19221. - EDN VUTQXP.
 14. "The Land Code of the Russian Federation" dated October 25, 2001, No. 136-FZ (as amended on December 28, 2024) // SPS ConsultantPlus.
 15. Forest Code of the Russian Federation" dated 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 26.12.2024) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2025) // ATP Consultant Plus.
 16. The Water Code of the Russian Federation dated 06/03/2006 No. 74-FZ (as amended on 08/08/2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // ATP Consultant Plus.
 17. Federal Law "On Land Reclamation" dated 10.01.1996 No. 4-FZ // SPS ConsultantPlus.
 18. ГОСТ Р 57007-2016 "The best available technologies. Biological diversity. Terms and Definitions", approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated July 5, 2016 No. 810-art. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200136903> (date of reference: 02/28/2025).
 19. The Law of the Republic of Crimea "On Flora" // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=219011945&page=1&rdk=4#10 (date of request: 02/22/2025).
 20. The Law of the Altai Territory dated 02/01/2007 No. 3-ZS "On Environmental Protection in the Altai Territory". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=168013891&page=1&rdk=13#10 (date of application: 02.26.2025).
 21. The Law of the Krasnoyarsk Territory dated 09/20/2013 No. 5-1597 "On Environmental safety and environmental protection in the Krasnoyarsk Territory". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=169042298&backlink=1&nd=169060394> (date of request: 02/22/2025).
 22. Review of judicial practice on the application of legislation on environmental protection - Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 24, 2022 URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31275/> / (date of reference: 03/02/2025).
 23. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/13/2019 N 1197-On Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/13/2019 N 1197-On URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052019-n-1197-o/> / (date of request: 03/06/2025).
 24. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case no. A40-12042/20 dated 07/16/2024. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388544
 25. Minina, E. L. Forest and flora: legal problems of differentiation / E. L. Minina, Yu. I. Shupletsova // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. – 2021. – No. 51. – pp. 84-104. – DOI 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104. – EDN RPUVJL.
 26. Federal Law No. 206-FZ dated 07/21/2014 (as amended on 11/09/2024) "On Plant Quarantine" // SPS ConsultantPlus.
 27. Red Book — Ministry of Natural Resources of Russia. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/red_book/ / (date of reference: 03/07/2025).
 28. Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation dated 05/23/2023 No. 320 "On Approval of the List of flora listed in the Red Book of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
 29. ГОСТ Р 70005-2022 Preservation of cultural heritage sites from bio-contamination. Classification, methods of protection and elimination of consequences. General requirements - docs.cntd.ru URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200183253> (date of request: 03/01/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_614

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ SOME PROBLEMS OF APPOINTMENT OF CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE IN A SPECIAL ORDER

РАЗУВАКИНА Ирина Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой, подполковник полиции.
680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: irazuvakina86@gmail.com;

RAZUVAKINA Irina Igorevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel.
15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020, Russia.
E-mail: irazuvakina86@gmail.com

Краткая аннотация: В настоящей статье представлен анализ особенностей назначения уголовных дел в особом порядке, предусмотренном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также выделяются проблемы, с которыми сталкиваются участники уголовного процесса при реализации уголовно-процессуальных норм, регулирующих рассмотрение уголовных дел в особом порядке.

Abstract: despite the fact that the provisions of the law regulating the special procedure for criminal proceedings were put into effect in 2002, the legal institution under study is still the subject of ongoing discussions. The article presents an analysis of the features of appointment of criminal cases in a special order, and also highlights the problems faced by participants in criminal proceedings.

Ключевые слова: особый порядок, упрощенный порядок, согласие обвиняемого, досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка со следствием.

Keywords: special procedure, simplified procedure, consent of the accused, pre-trial agreement, transaction with the investigation.

Для цитирования: Разувакина И.И. Некоторые проблемы назначения рассмотрения уголовного дела в особом порядке // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 614-615. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_614.

For citation: Razuvakina I.I. Some problems of appointment of consideration of a criminal case in a special order // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 614-615. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_614.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно данным судебной статистики, годовой рост числа уголовных дел, подпадающих под особый порядок рассмотрения, является устойчивой тенденцией. Данные 2024 года свидетельствуют о том, что почти 70% всех дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, регулируются нормами главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – УПК РФ). В 2024 году, как следует из данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, особый порядок, основанный на согласии обвиняемого с предъявленными ему обвинениями, был использован в 553 990 уголовных процессах, рассмотренных в отношении 579 820 чел.

Такой подход к рассмотрению дел составил более половины всех уголовных дел [4], что свидетельствует о его широкой распространенности. В то же время, несмотря на широкое распространение, отечественный институт особого производства сталкивается с рядом проблем, нерешенных вопросов, которые оказывают прямое влияние на работу судов.

Статья 314 УПК РФ рассмотрение уголовных дел в особом порядке допускает только при условии согласия обвиняемого на предъявленные ему обвинения. В этом случае судебное решение основывается на воле обвиняемого, а не на объективных данных следствия и имеющихся доказательствах. Несмотря на это, учитывая масштаб применения особого порядка в уголовном судопроизводстве, существующая практика не лишена недостатков.

В действительности, как следует из статьи 314 УПК РФ, суд нередко упускает важную стадию уголовного процесса – объективное изучение доказательств, превращая свою функцию в фактически лишь определение наказания. Несложно предположить, что актуальность данной проблемы обусловлена исключительно практической необходимостью, поскольку при применении сокращенной формы судебного разбирательства судья в процессе непосредственного рассмотрения дела сам исследует обстоятельства, которые предусмотрены частью 5 статьи 316 УПК РФ.

В соответствии с положениями части 2 статьи 314 УПК РФ, судья имеет право в рассмотрении дела в особом порядке отказать. При этом важно подчеркнуть, что в данном случае судья не обязан предоставлять объяснения и обосновывать такое свое решение. В связи с этим рассмотрение дела в особом порядке допускается лишь в тех случаях, когда обвинение располагает вескими основаниями, то есть, когда оно опирается на убедительные факты. Однако анализ судебной практики показал, что суды не всегда придерживаются установленных законом требований.

Так, постановлением суда кассационной инстанции в августе 2022 года отменен приговор одного из районных судов Ростовской области в отношении М.В.В., уголовное дело передано в тот же суд на новое рассмотрение в ином составе суда. В данном случае суд не убедился в том, что обвинение, с которым согласился подсудимый М.В.В., обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному де-

лу, поскольку доказательствами, подтверждающими совершение М.В.В. преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, орган предварительного расследования указал признательные показания самого М.В.В., а также потерпевшей Л.М.Я., свидетелей М.А.Г. и Н.Г.П., которым был известен лишь факт кражи имущества потерпевшей [1]. Избранная процедура рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства препятствовала установлению всех необходимых обстоятельств и, как следствие, принятию законного судебного решения. В связи с этим правовых оснований для ее применения не имелось.

Все вышеизложенное подтверждает необходимость при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства тщательно убеждаться в том, что обвинение, с которым соглашаются подсудимые, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Приведенные выше примеры из судебной практики подтверждают, что судебным органам свойственно ограничиваются исключительно констатацией факта, указывающего на совершение преступления, в то время как детали совершения этого преступления или виновность подсудимого суды определяют не всегда. Решением этой проблемы, на наш взгляд, может стать законодательное закрепление обязанности судебного органа подвергать всесторонней оценке все обстоятельства дела, несмотря на применение упрощенного порядка его разрешения. Однако, этим трудности практической реализации положений гл. 40 УПК РФ не ограничиваются, некоторые из них возникают уже после того, как обвиняемый дал свое согласие на применение особого порядка судопроизводства. Трудно не согласиться с мнением А.Р. Прусса, который полагает, что в отличие от ситуаций, когда дело рассматривается в общем порядке и обвиняемый не обязан соглашаться с предъявленным ему обвинением, применение особого порядка судопроизводства (гл. 40 УПК РФ) права на отказ обвиняемому от предъявленного ему обвинения не оставляет [2, с. 78]. На практике бывают ситуации, когда подсудимые, не обладающие глубоким пониманием сути уголовно-процессуальных норм, склонны путать понятия одобрения с предъявлением обвинения и признания виновности, позиционируя их как равнозначные.

В рамках концепции раскаяния, согласно утверждению Н.А. Развейкиной, вина трактуется не только в узком смысле, но и приобретает более широкое значение, чем согласие с предъявленным обвинением, которое позиционируется автором в качестве его неотделимой части [3, с. 115].

Полагаем, что признание вины и согласие с предъявленным обвинением — два самостоятельных действия, которые нельзя смешивать. Такое различие обусловлено, в первую очередь, их различным юридическим значением: признание вины влечет за собой серьезные правовые последствия материального характера, тогда как согласие с обвинением имеет лишь процессуальное значение.

Вывод:

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что на практике институт рассмотрения уголовного дела в особом порядке, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, на практике не свободен от проблем, которые носят, как практический характер, так и теоретический. Говоря о практических проблемах функционирования анализируемого правового института, прежде всего, следует указать на те нарушения, которые допускает суд, изучая собранные по делу доказательства, а также при вынесении приговора, который не во всех случаях правильно соотносит согласие с предъявленным обвинением и факт признания вины. Представляется, что, исключив эти разногласия, можно свести к минимуму их негативное влияние на практику разрешения уголовных дел в порядке гл. 40 УПК РФ.

Список литературы:

1. Обобщение судебной практики Ростовского областного суда // URL: http://obsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=8.
2. Прусс А.Р. Основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Известия Алтайского государственного университета. 2017. С. 77-79.
3. Развейкина Н.А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. №3. С. 114-117.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.04.2025).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

References:

1. Summary of judicial practice of the Rostov Regional Court // URL: http://obsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=8
2. Pruss A.R. Grounds and conditions for the application of a special procedure for judicial proceedings with the consent of the accused to the charge brought against him // Proceedings of the Altai State University. 2017. pp. 77-79.
3. Razveikina N.A. Problems of applying a special procedure for judicial proceedings in criminal cases // Law Bulletin of Samara University. 2019. No. 3. pp. 114-117.
4. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2024 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of application: 04/24/2025).
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 05/29/2024) // URL: <http://consultant.ru> (date of notification: 04/27/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_616

УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ (СОТИРОВКЕ) КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL ATTACKS IN THE FIELD OF HEALTHCARE

ХАРЛАМОВ Валентин Станиславович,

профессор кафедры уголовного права

Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

E-mail: valentinx55@mail.ru;

ORCID 0000-0002-2009-197X;

KHARLAMOV Valentin Stanislavovich,

Professor of the Department of Criminal Law

of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: valentinx55@mail.ru;

ORCID 0000-0002-2009-197X

Краткая аннотация: Разрешение вопросов, связанных с качеством уголовно-правовой охраны здоровья российских граждан, весьма значимо для правоприменителей и деятелей науки. Многие преступные посягательства в сфере здравоохранения препятствуют эффективному развитию российского общества. В то же время в отечественной научной литературе недостаточно внимания уделено указанной проблематике. В представленном материале рассмотрены причины осложнений правоприменительной практики, связанные с пробелами понятийного аппарата и недостатков специализированной статистики преступлений в сфере здравоохранения страны. Дана оценка дифференциации криминальных проявлений в исследуемой сфере различными учеными. Предложены авторское определение преступлений в сфере здравоохранения и обобщенная структура рассматриваемых преступных посягательств.

Abstract: The resolution of issues related to the quality of criminal law protection of the health of Russian citizens is very important for law enforcement officers and scientists. Criminal encroachments in the field of healthcare hinder the effective development of Russian society. At the same time, the Russian scientific literature does not pay enough attention to these issues. The presented material examines the reasons for the difficulties of law enforcement practice related to the gaps in the conceptual framework and the shortcomings of specialized crime statistics in the health sector of the country. An assessment of the differentiation of criminal manifestations in the field under study by various scientists is given. The author's definition of crimes in the field of healthcare and the generalized structure of the considered criminal encroachments are proposed.

Ключевые слова: здравоохранение, криминальные посягательства, медицина, фармацевтическая помощь, должностные преступления.

Keywords: healthcare, crimes, medicine, pharmaceutical care, official offenses.

Для цитирования: Харламов В.С. К вопросу о дифференциации (сортировке) криминальных посягательств в сфере здравоохранения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 616-618. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_616.

For citation: Kharlamov V.S. On the issue of differentiation of criminal attacks in the field of healthcare // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 616-618. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_616.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Введение. Здоровое население – фундамент процветания страны и благополучия ее жителей. Отечественное здравоохранение представляет собой уникальную отрасль жизнедеятельности человека, приоритетным ориентиром которой является сохранение здоровья россиян и его укрепление. С уровнем общественного здоровья тесно коррелирует национальная безопасность, воспроизводство военного, правоохранительного и трудового ресурса, эффективность профессиональной деятельности. В то же время криминальные посягательства, происходящие как в сфере здравоохранения, так и в обществе в целом, блокируют усилия по повышению уровня и качества жизни населения. В фокусе внимания ученых и практиков находятся случаи противоправного поведения работников здравоохранения. Из общего числа работников рассматриваемой сферы наиболее часто уголовному преследованию подвергаются представители медицины. Так, в России в 2023 г. количество возбужденных уголовных дел в отношении медиков в связи с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи составило в 2023 г. – 2 332, в 2022 г. – 1 860, в 2021 г. – 2 095, в 2020 г. – 1 639, 2019 г. – 2 168, в 2018 – 2 229 дел [1; 2; 3, с. 136-140; 17].

Основное исследование. Специализированной статистики преступлений в сфере здравоохранения России не ведется. Указанную информацию исследователи и практики получают на основе выборочного анализа уголовных дел и других материалов. В формах официального ведомственного статистического наблюдения МВД России и Следственного комитета России сведения о работниках сферы здравоохранения из числа осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления отдельно не выделены. Кроме того, отсутствует официальное толкование таких значимых терминов как «преступление в сфере здравоохранения» и «врачебная ошибка». Наряду с указанным, анализ современной юридической литературы свидетельствует, что среди ученых и правоприменителей отсутствует единство для обозначения преступных посягательств, совершенных в здравоохранительной системе. Многие исследователи ограничивают структуру рассматриваемых криминальных посягательств лишь профессиональными преступлениями в сфере здравоохранения (Глушков В.А., Ерофеев С.В., Новоселов В.П., Сергеев Ю.Д.) [4, с. 13; 10, с. 35; 15, с. 12]. Отличительной особенностью объективной стороны указанных профессиональных преступлений, по мнению упомянутых исследователей, является обязательное наличие общественно опасных последствий в виде причиненного существенного вреда здо-

ровью отдельных граждан. Несколько иную точку зрения на криминальные проявления в сфере здравоохранения выражает правовед А.П. Соловьев, утверждая, что «преступность в сфере здравоохранения составляет совокупность преступлений, которые посягают на общественные отношения в области реализации прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь». [16, с. 8]. Представляется, указанное утверждение недостаточно полно раскрывает суть рассматриваемых посягательств, поскольку их объектом являются лишь «общественные отношения в области реализации прав граждан...» при том, что права и интересы других лиц автором исключены.

Наиболее значимой разновидностью криминальных проявлений в здравоохранении отечественный ученый Н.А. Огнерубов признает преступления непосредственно в сфере медицинской деятельности (в научной литературе их иногда именуют медицинскими преступлениями), предлагая заложить в основу их сущностного содержания дефиницию «ятрогения» [11, с. 253; 13, с. 13].

По мнению Н.А. Огнерубова, «профессиональные преступления медицинских работников (криминальные ятрогении) - это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, совершаемые при исполнении ими своих профессиональных обязанностей и ставящие под угрозу причинения вреда или причиняющие вред жизни, здоровью, иным правам и законным интересам пациента» [12, с. 8].

В современной научной литературе аналогичное понятие представлено под термином «ятрогенные преступления». Ятрогенные преступления определены как «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу здоровье или причиняющие вред жизни, здоровью и иным законным правам и интересам пациента» [9, с. 9; 14, с. 56; 18, с.49-50].

В виде модификации криминальных посягательств медицинских работников ряд специалистов обозначают так называемые врачебные преступления. Последние отличаются от медицинских преступлений наличием врача как основного субъекта такого преступления. [5, с. 37; 8, с. 9].

Разумеется, субъектами медицинских преступлений могут быть не только врачи, но и фельдшеры, медсестры, иные медики, реализующие полномочия по оказанию услуг в сфере здравоохранения, либо лица, не имеющие специализированного образования для оказания необходимого вида медицинской помощи, но осуществляющие медицинскую деятельность, не требующую такого образования. На наш взгляд, вышеприведенные толкования во многом похожи, но они охватывают криминальные деяния в сфере здравоохранения не в полном объеме. За рамками рассмотренного толкования остались такие объекты уголовно-правовой охраны как интересы негосударственных организаций, функционирующих в сфере фармацевтики, наряду с медициной, которые реализуются в ходе легального порядка своей служебной деятельности должностными лицами, выполняющими управленческие функции.

Правовед Д.В. Ильин понятие «преступления в сфере здравоохранения» интерпретирует как «виновно совершенные (умышленные и неосторожные деяния), совершенные лицами, оказывающими медицинские или фармацевтические **услуги** (выделено мной – В.Х.), повлекшие наступление смерти, вреда здоровью пациента, иные тяжкие последствия либо создавшие опасность наступления таких последствий». [6, с. 273]. Представляется, наступление тяжких последствий у потерпевших могут произойти в результате совершения преступных деяний лицами, оказывающими не только фармацевтические или медицинские услуги, как указывал автор, а также персонами, осуществляющими иную медицинскую либо фармацевтическую деятельность, в том числе, проведение медицинских экспертиз и оказание фармацевтической помощи, а также хранение и изготовление лекарственных препаратов. Известно, медицина и фармацевтика – два автономных взаимодействующих компонента системы здравоохранения. Ученые иногда выражают противоречивые мнения о соотношении упомянутых компонентов. Так, вызывает сомнение утверждение авторов монографии «Медицинское уголовное право» о том, что фармацевтическая помощь является составной частью медицинской помощи, поскольку фармацевтическая помощь является неотъемлемой частью системы здравоохранения, а не медицинской помощи [7, с. 27].

В научной литературе отсутствует единая дифференциация преступлений в сфере здравоохранения. Такая дифференциация проводится каждым автором по различным основаниям. В частности, Д.В. Ильин выделяет следующие группы криминальных посягательств в исследуемой сфере: 1) должностные медицинские преступления; 2) преступления, связанные с невыполнением профессиональных обязанностей, требований медицинской этики, а также в незаконном осуществлении медицинской (фармацевтической) деятельности;

3) преступления, связанные с незаконным производством, оборотом, а также склонением к употреблению наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов; 4) преступления, связанные с производством и сбытом недоброкачественных лекарственных средств и медицинских изделий [6, с. 275].

Исследователь Е.В. Червонных подразделяет рассматриваемые посягательства на следующие группы: 1) преступления в сфере лечебной и эстетической медицины; 2) умышленные преступления медицинских работников, использующих свои профессиональные навыки и знания в качестве способа их совершения; 3) должностные преступления медицинских работников; 4) иные преступления медицинских работников [19, с. 7-8].

Правовед А.П. Соловьев систематизирует рассматриваемые посягательства на следующим образом: 1) профессиональные преступления сотрудников сферы здравоохранения; 2) должностные преступления сотрудников исследуемой сферы; 3) преступления, ответственность за которые наступает для данных субъектов, наряду с другими лицами [16, с. 15].

Ряд авторов (Никитина И.О., Огнерубов Н.А.) дифференцирует ятрогенные преступления и другие разновидности посягательств в рассматриваемой сфере в зависимости от элементов состава преступления [9, с. 23-24; 11, с. 254-257].

Наличеству и другие группировки исследуемых криминальных проявлений. Так, исследователь Мирошниченко Н.В. дифференциру-

ет врачебные преступления на две группы: 1) преступное неоказание медицинской помощи; 2) преступно-неадекватное оказание медицинской помощи [8, с. 7].

Следует отметить, что в юридической литературе применяется более широкая криминологическая категория, именуемая как «преступность здравоохранения», под которой понимается свойство сферы врачевания и изготовления лекарств воспроизводить множество преступлений [20, с. 52].

Заключение. В итоге настоящего исследования вышеизложенный материал позволяет сформулировать авторское определение преступлений в сфере здравоохранения, которые представляют собой общественно опасные деяния, совершенные в связи с осуществлением лицами медицинской и/или фармацевтической деятельности, причиняющие либо создающие угрозу причинения вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства, а также законному порядку работы публичной власти, государственного управления и служебной деятельности персон, не являющихся служащими органов публичной власти и выполняющих управленческие функции.

В зависимости от направлений функционирования системы здравоохранения массив преступлений исследуемой сферы можно дифференцировать на следующие виды: 1) на медицинскую преступность, включающую: а) ятрогенную преступность; б) преступность в сфере экспертной деятельности; в) преступность в сфере медицинского страхования; г) лечебно-информационную преступность; д) должностную преступность и е) преступность недолжностных лиц; а также 2) фармацевтическую преступность; 3) преступность против прав потребителей в сфере здравоохранения, преступность в области санитарно-эпидемиологического надзора; 4) преступность в области санаторно-курортной и реабилитационной деятельности. За рамками медицинской преступности в каждом из оставшихся указанных видов преступности рассматриваемой сферы (предусмотренных выше в п.п. 2-4) целесообразно выделить должностную преступность и преступность недолжностных лиц.

Список литературы:

1. Бескаравайная Т. Количество уголовных дел против медработников выросло в 2023 году на 25%. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvo-ugolovnyh-del-protiv-medrabotnikov-vyroslo-v-2023-godu-na-fone-snizheniya-jalob.html> (дата обращения: 14.04.2025).
2. Бескаравайная Т. СК привел новые данные о количестве обвиняемых в ятрогенных преступлениях медработников. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/SK-privel-novye-dannye-o-kolichestve-obvinyаемых-v-yatrogennyh-prestupleniyah-medrabotnikov.html> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Бимбинов А.А. Медицинские преступления: понятие и состояние // Юридический вестник ДГУ. Т. 28. 2018. № 4. С. 136-140.
4. Глушков В.А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев, 1987. 200 с.
5. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Российский следователь. 2018. № 11. С. 37-41.
6. Ильин Д. В. Преступления в сфере здравоохранения: проблемы систематизации и законодательной регламентации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. №5. С. 271-279.
7. Медицинское уголовное право: монография / отв. Ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2025. 576 с.
8. Мирошниченко Н.В. Причинение медицинскими работниками смерти и вреда здоровью пациентов: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 23 с.
9. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения: автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 32 с.
10. Новоселов В.П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. Новосибирск, 1998. 232 с.
11. Огнерубов Н.А. Проблемы и основания дифференциации преступлений в сфере медицинской деятельности // Вестник ТГУ, 2010. С. 253- 259.
12. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2014. 31 с.
13. Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
14. Профессиональные преступления медицинских работников / А.Л. Хлапов и др. // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Д. Сергеева, С.В. Ерофеева – Иванова; Владимир, 2008. С. 55-58.
15. Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. Иваново, 2001. 251 с.
16. Соловьев А.П. Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 32 с.
17. Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1480196/?print=1> (дата обращения: 14.04.2025).
18. Улезко С.И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. №2 (64). С. 49-50.
19. Червоных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 23 с.
20. Шестаков Д.А. Преступность сферы здравоохранения в условиях идеологии корысти: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 52-57.

References:

1. Beskaravaynaya T. The number of criminal cases against healthcare workers increased by 25% in 2023. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvo-ugolovnyh-del-protiv-medrabotnikov-vyroslo-v-2023-godu-na-fone-snizheniya-jalob.html> (date of access: 14.04.2025).
2. Beskaravaynaya T. The Investigative Committee presented new data on the number of healthcare workers accused of iatrogenic crimes. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/SK-privel-novye-dannye-o-kolichestve-obvinyаемых-v-yatrogennyh-prestupleniyah-medrabotnikov.html> (date of access: 14.04.2025).
3. Bimbinov A.A. Medical crimes: concept and status // Legal Bulletin of DSU. Vol. 28. 2018. №. 4. Pp. 136-140.
4. Glushkov V.A. Responsibility for crimes in the field of healthcare. Kyiv, 1987. 200 p.
5. Golubovsky V.Yu., Kunts E.V. Medical crimes: problems of bringing to criminal responsibility and their investigation // Russian investigator. 2018. № 11. Pp. 37-41.
6. Ilyin D.V. Crimes in the field of healthcare: problems of systematization and legislative regulation // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16. № 5. Pp. 271-279.
7. Medical criminal law: monograph / Ed. A.I. Rarog. M.: Prospect, 2025. 576 p.
8. Miroshnichenko N.V. Causing death and harm to health of patients by medical workers: criminal-legal aspects: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. Saratov, 2007. 23 p.
9. Nikitina I.O. Crimes in the field of health care (legislation, legal analysis, qualification, causes and preventive measures: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2007. 32 p.
10. Novoselov V.P. Responsibility of health care workers for professional offenses. Novosibirsk, 1998. 232 p.
11. Ognerubov N.A. Problems and bases for differentiation of crimes in the field of medical activity // Bulletin of TSU, 2010. Pp. 253-259.
12. Ognerubov N.A. Professional crimes of medical workers: author's abstract. dis. candidate of legal sciences. Moscow, 2014. 31 p.
13. Pavlova N.V. Criminal-legal regulation of medical activity: author's abstract. dis. candidate of legal sciences. Moscow, 2006. 24 p.
14. Professional crimes of medical workers / A.L. Khlapov et al. // Materials of the All-Russian scientific-practical conf. / edited by Yu.D. Sergeev, S.V. Erofeev – Ivanovo; Vladimir, 2008. Pp. 55-58.
15. Sergeev Yu.D., Erofeev S.V. Unfavorable outcome of medical care. Ivanovo, 2001. 251 p.
16. Soloviev A.P. Prevention of crimes in the field of healthcare: author's abstract. dis. candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 32 p.
17. Website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1480196/?print=1> (date of access: 14.04.2025).
18. Ulezko S.I. The concept of iatrogenic crimes // Society and Law. 2018. № 2 (64). P. 49-50.
19. Chervonykh E.V. Crimes committed in the field of healthcare: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. Saratov, 2009. 23 p.
20. Shestakov D.A. Crime in the healthcare sector under the ideology of self-interest: problem statement // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016. No. 3 (42). P. 52-57.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ CURRENT ISSUES OF INCREASING ANTI-CORRUPTION CULTURE IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM OF THE MIA OF RUSSIA

ФАРАХИЕВ Динар Минзеферович,

оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан, адъюнкт Академии управления МВД России.

420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 9/30.

ORCID: 0000-0001-6419-7701

E-mail: dfarakhiev@mail.ru;

МИНЗЯНОВА Дилара Фарильевна,

кандидат педагогических наук старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России.

420011, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128.

ORCID: 0000-0003-1980-7632

E-mail: Dilayra_444@bk.ru;

FARAKHIEV Dinar Minzeferovich,

Detective Officer of the Department of Economic Security and Anti-Corruption

of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tatarstan, Adjunct

of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Lobachevsky str., 9/30.

ORCID: 0000-0001-6419-7701

E-mail: dfarakhiev@mail.ru;

MINZYANOVA Dilyara Farilyevna,

Candidate of Pedagogical Sciences Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

420011, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Orenburgsky tract str., 128.

ORCID: 0000-0003-1980-7632

E-mail: Dilayra_444@bk.ru

Краткая аннотация. В современных сложившихся общественных отношениях в области противодействия коррупции и преступлению коррупционной направленности большое внимание уделяется повышению антикоррупционной культуры, и, прежде всего, в образовательных организациях системы МВД России. Актуальность исследования обуславливается высокими показателями преступности коррупционной направленности, в том числе в органах внутренних дел. Ставится проблема повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России посредством привлечения к учебному процессу специалистов – сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК). В целях наиболее эффективной деятельности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, направленной на повышение антикоррупционной культуры, предлагается ввести в действие приказ МВД России, который бы регулировал взаимодействие подразделений ЭБиПК с образовательными учреждениями системы МВД России в процессе повышения антикоррупционной культуры обучающихся.

Abstract. In modern established public relations in the field of combating corruption and corruption-related crimes, much attention is paid to increasing the anti-corruption culture, and, above all, in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. The relevance of the study is determined by the high rates of corruption-related crime, including in internal affairs bodies. The problem of increasing the anti-corruption culture in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system is posed by involving specialists in the educational process – employees of economic security and anti-corruption units (hereinafter referred to as EBiPK). In order to ensure the most effective activities of the teaching staff of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system, aimed at increasing the anti-corruption culture, it is proposed to introduce an order of the Russian Ministry of Internal Affairs, which would regulate the interaction of EBiPK units with educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs system in the process of increasing the anti-corruption culture of students.

Ключевые слова: повышение, антикоррупционная культура, образовательные организации, МВД России, подразделения ЭБиПК.

Keywords: promotion, anti-corruption culture, educational organizations, Ministry of Internal Affairs of Russia, departments of EBiPK.

Для цитирования: Фарахиев Д.М., Фарахиева Г.Р., Минзянова Д.Ф. Актуальные вопросы повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 619-622. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_619.

For citation: Farakhiev D.M., Farakhieva G.R., Minzyanova D.F. Current issues of increasing anti-corruption culture in educational organizations of the system of the MIA of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 619-622. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_619.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Преступления коррупционной направленности являются одними из наиболее общественно опасных деяний, подрывающих нормальное функционирование органов власти. Принимая во внимание высокие показатели преступлений коррупционной направленности в органах внутренних дел, возникает необходимость в раннем предупреждении фактов коррупции. Раннее предупреждение коррупции в органах внутренних дел, в первую очередь зарождается в процессе получения высшего специального образования в образовательных организациях системы МВД России.

Именно в образовательных организациях системы МВД России необходимо совершенствовать правовую антикоррупционную культуру в целях дальнейшей минимизации коррупционных составляющих среди сотрудников органов внутренних дел.

Органы внутренних дел, являясь основным субъектом противодействия и борьбы с преступлениями коррупционной направленности, подвергаются коррупционным воздействиям. Основным оперативным подразделением органов внутренних дел, деятельность которого связана с выявлением, предупреждением и оперативным сопровождением уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности – это подразделения ЭБиПК.

На наш взгляд, сотрудники исследуемого подразделения в большей степени подвержены коррупционным рискам в силу специфики их деятельности.

Повышение антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России в современных условиях возможно посредством проведения теоретико-практических занятий с привлечением сотрудников подразделений ЭБиПК, то есть в рамках регионального и федерального взаимодействия.

Именно практическая составляющая и профессиональный опыт сотрудников подразделений ЭБиПК формирует костяк повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России, поскольку обучающиеся в дальнейшем продолжают службу в различных подразделениях органов внутренних дел и несомненно будут подвергаться коррупционным проявлениям со стороны физических лиц и лиц, выступающих от имени или в интересах юридических лиц.

Согласно статистическим данным МВД России, в 2023 году на территории Российской Федерации зарегистрировано 36 407 преступлений коррупционной направленности (3%), из них: 27 020 преступления выявлены органами внутренних дел (3,3%). Несмотря на весьма высокие показатели выявления исследуемых видов преступлений, органы внутренних дел, являясь и являются основным субъектом предупреждения преступлений коррупционной направленности, в связи с чем сами подвергаются коррупционным проявлениям. В результате данных проявлений, сотрудниками органов внутренних дел нередко совершаются коррупционные преступления [1-3]. К сожалению, в правоприменительной практике таких случаев большое количество, в связи с чем в настоящем исследовании нами рассматривается вопрос повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России, преимущественно в рамках взаимодействия подразделений ЭБиПК и образовательных организаций системы МВД России.

Следует отметить, что подразделение ЭБиПК является самостоятельным подразделением полиции, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своих компетенций функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции в части, касающейся выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений [4].

Антикоррупционная культура курсантов, слушателей и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России представляет собой средство социализации субъектов с точки зрения получения качественно новых свойств и признаков.

Вопрос антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России является малоизученным. В настоящее время исследованием данной проблемы занимались такие авторы, как: С.В. Верзоров [5], Л.В. Ковтуненко [6], И.М. Лебеденко [7] и О.А. Титова [8].

Антикоррупционная культура – это важнейшие качества личности, которые охватывают познания о негативной составляющей коррупции в целях безопасности общества [9].

Необходимо отметить, что вышеуказанные авторы рассматривали повышение антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России, как правило, с точки зрения осуществления мер на внутреннем уровне, т.е. в образовательных организациях. В настоящем же исследовании, авторы рассматривают особенности повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России посредством взаимодействия с подразделениями ЭБиПК, деятельность которых связана с предупреждением преступлений коррупционной направленности, в том числе с повышением антикоррупционной культуры сотрудников, т.е. в целях повышения антикоррупционной культуры в исследуемой сфере необходимо участие сотрудников подразделений ЭБиПК.

В исследуемой нами проблеме, основными задачами подразделений ЭБиПК являются: организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности; организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений ЭБиПК; разработка рекомендаций по противодействию преступлениям коррупционной направленности.

В условиях тотальной информатизации использование инновационных технологий в образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России является основополагающим элементом учебного процесса, так как именно они обуславливают основные направления формирования личностно-профессиональных качеств будущих сотрудников правопорядка [10, с. 84]. Кроме того, часть выпускников образовательных организаций системы МВД России после окончания обучения продолжают свою служебную деятельность в подразделениях ЭБиПК, в связи с чем проведение сотрудниками подразделений ЭБиПК профилактических и иных мероприятий в образовательных организациях системы МВД России является неотъемлемым элементом, способствующим повышению антикоррупционной культуры.

Если рассматривать курсанта и слушателя в качестве будущего полицейского и как человека с высоким уровнем правовой культуры, обязанностью которого является соблюдение законов и правил поведения, и который при вступлении в должность принимает на себя ответственность за строгое соблюдение требований нормативных актов, направленных на борьбу с преступностью, то именно в этом случае необходимо обеспечить, чтобы содержание антикоррупционного образования было направлено на разъяснение антикоррупционной политики и положений антикоррупционного законодательства, а также организацию антикоррупционной деятельности [11, с. 168].

В целях полноценного противоборства коррупционным проявлениям курсантами и слушателями в своей будущей профессиональной деятельности они должны не только знать антикоррупционное законодательство и быть информированными, но и уметь эффективно и правильно-

но оценивать определенные коррупционные факторы [7, с. 336].

Эффективное осуществление антикоррупционных мер и программ по укреплению и повышению антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России позволит сэкономить ресурсы и сохранить профессорско-преподавательский потенциал.

Необходимо повышать антикоррупционную культуру курсантов и слушателей посредством субъектов, которые сами нетерпимы к проявлениям коррупции, соблюдают ограничения и запреты, установленные законодательством, противодействуют преступлениям коррупционной направленности и являются государственными служащими. К данным субъектам необходимо относить профессорско-преподавательский состав образовательных организаций системы МВД России и сотрудников подразделений ЭБиПК. При этом, при правильной организации антикоррупционной деятельности, с участием сотрудников подразделений ЭБиПК, образовательный процесс станет лучшим методом укрепления антикоррупционной культуры курсантов и слушателей, а также создания здорового морально-психологического климата в рядах переменного и постоянного составов образовательных организаций системы МВД России.

Кроме того, в процессе формирования антикоррупционного поведения курсантов и слушателей, приоритетом для образовательных организаций системы МВД России и подразделений ЭБиПК должно стать решение следующих задач:

- систематизация и обобщение личного опыта, знаний, убеждений, поведенческих, моральных и правовых норм, особенно связанных с коррупцией и противоправными действиями коррупционеров, путем закрепления их в профессиональной деятельности, в системе обучения и воспитания;

- формирование устойчивой антикоррупционной позиции личности;

- глубокое осознание своей причастности к правоохранительным органам и ведению честного и достойного образа жизни в целях их укрепления, признания государством, общественностью и бизнесом;

- защита личности от этих явлений путем формирования необходимой для этого активной жизненной позиции и уважительного отношения к закону, обществу, особенно к своему государству [12, с. 219].

Основные направления системы повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России:

- формирование солидарного и ответственного поведения в служебной и трудовой деятельности с учетом социокультурных и правовых особенностей сотрудников полиции и общественных организаций;

- создание необходимых условий для всестороннего развития личности сотрудника, сохранение условий для естественного развития и проявления всех сторон ее личности;

- формирование у курсантов интереса и потребности в систематической деятельности по изучению вопросов коррупции;

- воспитание честного, уважительного, творческого отношения к правам, свободам и обязанностям человека, а также к его труду и репутации;

- формирование личностно-профессионального самоопределения антикоррупционного сознания в системе антикоррупционных ценностей;

- профилактика и исправление случаев коррупции; профилактика и устранение последствий преступлений коррупционной направленности [12, с. 219].

Для повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России, на основании проведенного исследования, нами предлагается ввести в действие Приказ МВД России, который бы регламентировал деятельность образовательных организаций системы МВД России в лице профессорско-преподавательского состава и территориальных подразделений ЭБиПК в лице уполномоченных на то должностных лиц, направленную на повышение антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России.

Содержательная часть проекта Приказа должна включать в себя общую характеристику, задачи и функции, а также основные направления взаимодействия между вышеуказанными субъектами в целях повышения антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России.

Формирование и повышение антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России основывается на оптимизации антикоррупционного образовательного процесса [10, с. 88].

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, необходимо заявить, что любая педагогическая деятельность, направленная на формирование антикоррупционной культуры, охватывается следующими видами деятельности: организаторской, аналитической и проективной, которые создаются в соответствии с целями и задачами учебно-воспитательной деятельности.

Деятельность, направленная на формирование активной позиции в противодействии коррупции среди обучающихся образовательных организаций МВД России, представлена как сложная система, имеющая свою иерархию, включающую многочисленное количество элементов образовательной деятельности.

В настоящее время созданы юридические основы антикоррупционной культуры, воспитания и просвещения обучающихся образовательных организаций системы МВД России, имеются программы, сформированы методические рекомендации. Вместе с тем совокупность междисциплинарных исследований дает возможность создать общие и специализированные подходы к применению современных психологических и педагогических технологий в образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России при формировании антикоррупционной культуры и поведения будущих сотрудников органов внутренних дел.

Кроме того, в целях эффективного повышения антикоррупционной культуры и просвещения в вузах необходимо осуществлять мони-

торинг отношений к коррупционным проявлениям среди постоянного и переменного составов вузов системы МВД России [13, с. 476].

Повышение антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России основывается на дальнейших исследованиях при проведении конкретных сформированных мероприятий, направленных на обучающихся. В целях повышения эффективности антикоррупционной культуры в образовательных организациях системы МВД России необходимо привлекать практических сотрудников – сотрудников подразделений ЭБПК, деятельность которых непосредственно связана с выявлением, документированием, пресечением, предупреждением, раскрытием и оперативным сопровождением преступлений коррупционной направленности.

Список литературы:

1. ФСБ уличила в коррупции сотрудника института МВД России. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/22/bendzjakk/> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Красноярский полицейский взял 150 тысяч и рассказал подозреваемому в убийстве, как его ищут. URL: <https://ngs24.ru/text/incidents/2023/09/08/72683243/> (дата обращения: 05.10.2023).
3. Российский полицейский получил взятку от наркоторговца и попал в колонию. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/24/sudnarksamara/> (дата обращения: 10.02.2024).
4. Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jeconomicheskoi_bezop/Polozhenie (дата обращения: 05.10.2023).
5. Титова О.А., Невзоров С.В. Формирование антикоррупционной культуры курсантов вузов МВД как фактор противодействия коррупции // Педагогическое образование: методология, теории и технологии (посвящается 100-летию кафедры педагогики ВГУ) : материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, Воронеж, 17-18 февраля 2022 года / под общ. ред. Л.В. Ковтуненко, Л.А. Кунаковской, О.Б. Мазкиной. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. С. 89-92.
6. Ковтуненко Л. В., Титова О. А. Особенности формирования антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России // Перспективы науки. 2021. № 4(139). С. 147-150.
7. Лебеденко И. М., Баринов С. В. Формирование антикоррупционного поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России как важная составляющая профессиональной подготовки // Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2015. С. 335-337.
8. Титова О.А. Педагогические условия формирования антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 мая 2021 года. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. С. 567-568.
9. Ибрагимова Е.М., Хамдеев А.Р. Сущность понятия «антикоррупционная культура» и ее функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/109-9329> (дата обращения: 05.10.2023).
10. Минзьянова Д.Ф., Фарахiev Д.М., Лазарева И.Ю. Повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 83-88. DOI 10.24412/1999-6241-2023-192-83-88.
11. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
12. Ковтуненко Л.А., Титова О.А. Формирование антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России как мера профилактики коррупционных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. №4 (98). С. 216-221.
13. Страхов А. П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2019. № 3. С. 470-502.

References:

1. The FSB accused an employee of the Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia of corruption. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/22/bendzjakk/> (access date: 05.10.2023).
2. A Krasnoyarsk policeman took 150 thousand and told the murder suspect how they were looking for him. URL: <https://ngs24.ru/text/incidents/2023/09/08/72683243/> (access date: 05.10.2023).
3. A Russian policeman received a bribe from a drug dealer and ended up in a colony. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/24/sudnarksamara/> (access date: 05.10.2023).
4. Regulations on the Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mia.rf/> https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavniemvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jeconomicheskoi_bezop/Polozhenie (date of access: 05.10.2023).
5. Titova O.A., Nevzorov S.V. Formation of an anti-corruption culture of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs as a factor in counteracting corruption // Pedagogical education: methodology, theories and technologies (dedicated to the 100th anniversary of the Department of Pedagogy of Voronezh State University): materials of the International scientific and practical online conference, Voronezh, February 17-18, 2022 / under general ed. L.V. Kovtunencko, L.A. Kunakovskaya, O.B. Mazkina. Voronezh: Voronezh State University, 2022. pp. 89-92.
6. Kovtunencko L.V., Titova O.A. Features of the formation of anti-corruption culture of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Perspectives of science. 2021. No. 4(139). pp. 147-150.
7. Lebedenko I.M., Barinov S.V. Formation of anti-corruption behavior of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an important component of professional training // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 10. 2015. pp. 335-337.
8. Titova O.A. Pedagogical conditions for the formation of an anti-corruption culture among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Current problems of the activities of units of the penal system: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 20, 2021. Voronezh: IPC «Scientific Book», 2021. pp. 567-568.
9. Ibragimova E.M., Khamdееv A.R. The essence of the concept of «anti-corruption culture» and its functions // Modern problems of science and education. 2013. No. 3. URL: <http://www.science-education.ru/109-9329> (access date: 05.10.2023).
10. Minzyanova D.F., Farakhiev D.M., Lazareva I.Yu. Increasing the anti-corruption culture of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2023. T. 28, No. 1(92). pp. 83-88. DOI 10.24412/1999-6241-2023-192-83-88.
11. Golik Yu.V., Karasev V.I. Corruption as a mechanism of social degradation. St. Petersburg: Legal Center Press, 2005. 329 p.
12. Kovtunencko L.A., Titova O.A. Formation of an anti-corruption culture among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a measure for the prevention of corruption crimes // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (98). pp. 216-221.
13. Strakhov A.P. The fight against corruption in the countries of the Anglo-Saxon tradition (on the example of Great Britain, India, Singapore and the USA) // Bulletin of RUDN University. Series «Political Science». 2019. No. 3. pp. 470-502.

О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ON THE PROBLEMS OF COUNTERING CRIMES OF EXTREMIST ORIENTATION: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

KNARCHENKO Oleg Vital'evich,

PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
190000, 67 Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы противодействия преступлению экстремистской направленности. Анализируется состояние и тенденции принимаемых мер уголовно-правового характера. Приводится криминологический анализ принимаемых мер уголовно-правового противодействия в данной сфере. Обращено внимание на значительное увеличение в 2,1 раза числа регистрируемых преступлений экстремистской направленности и выявленных лиц за последние пять лет.

Abstract: The article discusses the problems of countering extremist crimes. The article analyzes the state and trends of the criminal law measures taken. The article provides a criminological analysis of the measures taken to counteract criminal law in this area. The attention is drawn to a significant 2.1-fold increase in the number of registered extremist crimes and identified individuals over the past five years.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, криминологическая характеристика, современное состояние преступлений, динамика и тенденции преступных посягательств.

Keywords: crimes of extremist orientation, criminological characteristics, current state of crimes, dynamics and trends of criminal encroachments.

Для цитирования: Харченко О.В. О проблемах противодействия преступлениям экстремистской направленности: криминологический анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 623-626. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_623.

For citation: Kharchenko O.V. On the problems of countering crimes of extremist orientation: criminological analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 623-626. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_623.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Президент России В.В. Путин выступая на заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации 28 февраля 2025 г. отметил, что решительно и наступательно нужно бороться с экстремизмом и терроризмом, пресекать любые попытки разобщить и расколоть наше общество, сдвинуть между собой представителей разных национальностей и религий [5].

По данным МВД России в 2024 г. было зарегистрировано 3714 преступлений террористического характера (+55,9%) и 1719 преступлений экстремистской направленности (+28,3%). Раскрываемость данных преступлений составила, соответственно, 71,8% и 93,8%, выявлено лиц – 1 215 и 1 387 [7].

Учитывая актуальность проблемы, Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 № 1124 утверждена новая Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации – документ стратегического планирования, который определяет цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз и направлен на консолидацию усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества, организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей [2].

Экстремистская активность представляет собой непосредственную угрозу для конституционного устройства государства, является сложным и многогранным явлением, формирование которого обусловлено широким спектром факторов. Важно не только учитывать социально-экономические условия, но и подробно проанализировать политическую обстановку, которая играет ключевую роль в развитии данного феномена.

Значительное влияние на развитие экстремистских движений оказывают не только социально-экономические и политические условия, но и идеологические аспекты. Идеологические факторы играют значимую роль в формировании общественных и политических структур. Прежде всего, идеология формирует концепцию идеального общественного устройства, устанавливая параметры того, каким это сообщество должно и не должно быть. Также не следует упускать из виду сценарии, когда государство не имеет единой идеологической платформы, принятой подавляющим большинством граждан, что может привести к социальной нестабильности. Кроме того, мировые противоречия между различными идеологическими лагерями, представляющими диаметрально противоположные методы решения социальных проблем, становятся источником конфликта.

В современном контексте религиозные факторы приобретают всё больший вес. Политизация религиозных идей усиливается в той ме-

ре, в какой религия увязывается с социальными проблемами. Исследование культурных факторов также представляет большой интерес.

Важнейшими факторами, влияющими на развитие экстремизма, являются психологические детерминанты, где изучение мотивов, ведущих к экстремистским действиям, имеет фундаментальное значение. Ряд исследователей выделяет два основных типа мотивов, которые могут двигать экстремистской деятельностью: личностные и политико-идеологические [8].

Эти детерминанты иллюстрируют сложность и многогранность причин и условий, которые подталкивают к экстремистской активности, и подчеркивают необходимость всестороннего подхода для противодействия подобным угрозам.

Рассмотрим феномен политико-идеологической мотивации с научной и аналитической точки зрения. Основой подобных движений часто является глубокая убежденность в эксклюзивности определенной истины, которая формирует ядро идеологии. Это убеждение предлагает уникальный путь «спасения» для конкретной нации, этнической группы, социальной единицы или даже человечества в целом. Подобные идеологические устремления нередко стимулируют развитие экстремистских идей и способствуют возникновению радикально настроенных организаций.

Экстремизм, как социальное явление, часто базируется на комплексном взаимодействии религиозных, политических и культурных факторов, создавая почву для радикализации. Эти идеи находят отклик в умах людей, которые стремятся к изменениям или видят в предлагаемой программе средство достижения желаемой социальной справедливости. Необходимо отметить, что именно глубокое убеждение в правоте своей идеологии делает такие группы особенно устремленными к активным и агрессивным действиям.

Экстремистские преступления представляют собой сложный феномен, который нельзя рассматривать в отрыве от более широкого криминального контекста. Индивиды с радикальными убеждениями, стремящиеся реализовать свои идеи через насилие, часто объединяются в организованные преступные структуры. Эти группы не только содействуют осуществлению экстремистских замыслов, но и активно участвуют в традиционных преступлениях, предоставляя свои ресурсы для их реализации. Организационный потенциал таких структур повышает их эффективность и позволяет манипулировать социумом на более глубоком уровне.

Экономическая деятельность экстремистских организаций тесно связана с необходимостью финансирования своей повседневной и оперативной деятельности. Эта потребность часто приводит к совершению преступлений, связанных с экономикой, таких как отмывание денег и незаконное финансирование. Таким образом, их деятельность имеет двойной негативный эффект: она не только нарушает правопорядок, но и дестабилизирует экономическую безопасность государства.

Влияние экстремистской деятельности выходит за пределы прямой угрозы безопасности. Оно влечет за собой глубокие социальные последствия, разрушающие общественные структуры и нормы. Экстремизм, сочетая элементы насилия и идеологической обработки, подрывает основы социальной стабильности.

Для определения необходимости криминализации экстремистской деятельности недостаточно лишь указать на объект преступления. Ключевым аспектом, который должен учитываться при оценке социальной опасности таких действий, является методика их осуществления.

В отличие от преступлений экономического характера, где можно оперировать такими показателями, как размер ущерба или незаполненная прибыль, у экстремистских деяний отсутствуют подобные четкие критерии оценки.

Определенная позиция государства в отношении экстремистских преступлений отражается в назначаемых мерах уголовного наказания, выделяющихся своей жесткостью. Уголовные санкции за подобные деяния часто отличаются высокой степенью строгости, подчеркивая серьезность отношения к подобной угрозе. Это подчеркивает необходимость внедрения комплексных мер, которые будут учитывать не только виды и размеры применяемых наказаний, но и общую стратегию профилактики экстремизма.

Указанием Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 г. [3] утвержден перечень статей Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ [1]), используемых при формировании статистической отчетности, где в Перечне № 20 перечислены преступления экстремистской направленности. Так, к преступлениям, относящиеся к перечню без дополнительных условий: п. "е" ч. 2 ст. 111, п. "е" ч. 2 ст. 112, п. "б" ч. 2 ст. 115, п. "з" ч. 2 ст. 117, п. "д" ч. 2 ст. 207.3, п. "б" ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 280.2, п. "д" ч. 2 ст. 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357 УК РФ.

Проведем криминологический анализ данных МВД России за последние пять лет о зарегистрированных преступлениях экстремистской направленности и выявленных лицах: в 2020 г. – 833 (+42,4%) и 664; в 2021 г. – 1 057 (+26,9%) и 925; в 2022 г. – 1 566 (+48,2%) и 1 078; в 2023 г. – 1340 (-14,4%) и 1 035; в 2024 г. – 1 719 (+28,3%) и 1 387 [7]. Таким образом, при сравнении показателей 2020 и 2024 гг. число зарегистрированных преступлений и выявленных лиц одновременно увеличилось в 2,1 раза.

Исходя из сведений, которые публикует Судебный департамент при Верховном Суде РФ, не представляется возможным отдельно рассмотреть общую ситуацию о судимости за совершения преступлений экстремистской направленности. Проведем криминологический анализ основных статистических показателей состояния судимости в России за 2020-2024 гг. за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. ст. 275-284.3 УК РФ). Так, за совершение преступлений рассматриваемой группы (Глава 29 УК РФ) было осуждено: в 2020 г. – 304 (+10,1%); в 2021 г. – 527 (+73,4%); в 2022 г. – 668 (+26,8%); в 2023 г. – 862 (+29,0%); 6 месяцев 2024 г. – 521 (+45,1%) [4]. Следует сделать вывод, что при сравнении числа осужденных за 12 месяцев 2020 г. и за 6 месяцев 2024 г. выросло в 1,7 раза, а удельный вес осужденных за рассматриваемые преступления увеличивается с 0,1% до 0,2 % в общем числе осужденных.

Криминологический анализ числа осужденных за преступления экстремистской направленности за последние пять лет показывает, что происходит наработка судебной практики как по нормам, которые совершенствуются, так и тем, которые приняты недавно. Так, по ст. ст. 280 и 282 УК РФ было осуждено, соответственно: в 2020 г. – 147/12; в 2021 г. – 255/43; в 2022 г. – 276/42; в 2023 г. – 185/48; за 6 месяцев 2024 г. – 88/14. В 2013 и 2014 гг. были введены нормы – ст. ст. 280.1 и 282.3 УК РФ, судебная практика показывает, что осуждены, соответственно: в 2020

г. – 3/0; в 2021 г. – 0/4; в 2022 г. – 0/8; в 2023 г. – 0/8; за 6 месяцев 2024 г. – 1/25. Новая норма, которая была введена в 2022 г., ст. 282.4 УК РФ, уже имеет опыт судебной практики, в 2023 г. было осуждено 39, а за 6 месяцев 2024 г. – 53 [4].

Судебная практика совершенствуется и это находит свое отражение в редакциях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (от 03.11.2016 № 41, от 20.09.2018 № 32, от 28.10.2021 № 32) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», где отмечено, что при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов, а с другой – защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина [6].

Необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-правовых средств противодействия экстремистской деятельности на основе анализа следственной и судебной практики, с учетом действующей системы [10].

При этом, следует отметить, что преступления экстремистского характера обладают значительной латентностью. С учетом этого можно утверждать, что анализ преступлений экстремистской направленности должен опираться на основные принципы уголовного права, такие как оценка характера и степени общественной опасности этих деяний, а также частота их совершения. Таким образом, понимание социальной обусловленности уголовной ответственности в отношении этих посягательств является ключевой задачей. Важно, чтобы правовая доктрина учитывала изменяющуюся природу экстремизма и адаптировалась к меняющимся условиям с целью эффективного противодействия данной угрозе.

Эффективная борьба с преступлениями экстремистской направленности требует реализации комплексного и систематического подхода. Это включает не только непосредственное пресечение противоправной деятельности, но и противодействие экстремистской идеологии, ставящей под угрозу общественный порядок и национальную безопасность. Комплекс мер должен охватывать превентивные стратегии, которые учитывают все аспекты данного явления, от социально-экономических до культурных и информационных.

Анализ мотивации лиц, совершающих преступления с экстремистским уклоном, показывает, что часто подобные действия являются следствием недостаточного уровня образования, которое должно охватывать не только исторические и религиозные аспекты, но и этические нормы. Молодежь, которую характеризует отсутствие социальной принадлежности и четкого представления о своем будущем и роли в обществе, более восприимчива к радикализации.

Обнаружение и привлечение лиц, причастных к экстремистской деятельности, представляет значительную сложность в современных условиях. Это связано с тем, что необходимо доказать умысел в их действиях, что зачастую является проблематичной задачей. Кроме того, экстремистский мотив зачастую ориентирован на деяния против людей или групп, которые не только не принадлежат к социальному кругу преступника, но и представляют собой иную, часто враждебную, общность. Это обуславливает дополнительную сложность в оценке субъективной стороны подобного рода преступлений.

Часто выводы о мотивах основываются только на анализе объективных характеристик преступления, таких как типовые личностные черты подозреваемых и потерпевших, особенно учитывая их разнообразие в национальном контексте. Однако данный подход может упускать из виду сложные динамические взаимодействия между сторонами, включая длительные межличностные связи и конфликты, которые не обязательно связаны с этнической принадлежностью, религиозными убеждениями, или другой формой групповой идентичности.

Исследование и раскрытие преступлений, связанных с экстремизмом, требуют тщательно выявления и понимания специфических мотиваций, побуждающих злоумышленников к таким действиям. Помимо основных мотивов экстремистских правонарушений, существуют также важные обстоятельства, которые требуют внимания.

Одним из таких факторов является принадлежность к организациям или группировкам, которые могут направлять и усиливать экстремистскую активность.

Этническая преступность представляет собой комплексное и динамично развивающееся социальное явление, оказывающее влияние на государственные институты и традиционные общественные структуры. Эта форма преступлений охватывает различные виды противоправных деяний, которые осуществляются на определенной территории и в конкретный период времени, зачастую в контексте действий, направленных против определенной этнической группы.

Для более глубокого понимания природы и механизмов этнической преступности, важно изучить многообразие психологических факторов, которые играют роль в её формировании и проявлениях. Анализ этих факторов может способствовать более раннему и точному определению квалификации экстремистских преступлений, что, в свою очередь, упростит принятие мер по их предупреждению и предотвращению.

Когда человек становится частью экстремистского сообщества, его поведение, ценностная система и способ мышления претерпевают значительные изменения. В процессе присоединения к экстремистской группе индивиды начинают адаптировать общепринятые идеи и цели, часто отвергая предыдущие жизненные ценности и нормы. В этом сообществе происходит интенсивный обмен знаниями и мнениями, что может привести к ускоренному принятию решений о совершении незаконных действий.

Феномен уверенности в собственной правоте, возникающий при участии в экстремистской деятельности, позволяет более легко идентифицировать тех, кто подвергается влиянию внешнего контроля. Это может быть, как недостаточная приверженность идеям группы, так и возможное внедрение представителей правоохранительных органов в такие сообщества.

Мотивация, движущая каждого члена группы, может существенно отличаться от коллективной мотивации. Эти различия связаны с интенсивностью и направленностью действий, которые выполняются как индивидуально, так и группой в целом. Интенсивность мотивации зависит от уровня идеологического воздействия внутри группы и степени убежденности каждого члена в правильности их общих целей и действий.

Изучение экстремистских организаций показывает, что ключевой характеристикой их функционирования является высокая степень скрытности и конспиративности. Эти группы часто состоят из высокозакрытых коллективов, где дисциплина и поддержка между членами играют критически важную роль. Внутри подобных сообществ наблюдается глубокое доверие, спаянные убеждениями, будь то религиозные, политические или идеологические, которое формирует настоящие связи по братству.

Такие внутренние связи дают экстремистам ощущение принадлежности и преданности своим идеалам и группе, что ведет к интенсивным психологическим стрессам при утрате этих связей. Это фактор делает крайне сложным внедрение сторонних агентов или проведение вербовочной работы в рядах руководства данных организаций. Эффективное нарушение таких структур требует сложных и деликатных подходов в контртеррористической деятельности.

Призывы выступают важной частью коммуникативных процессов, являясь выражением намерений и мотивов, которые привлекают внимание и воздействуют на других людей. Функция призывов заключается в их способности изменять восприятие, убеждения и даже побуждать к действию. Основной целью призывов является инициирование в аудитории специфических реакций или действий. Категории призывов определяются их многообразными формами, включая письменный, устный, визуально-демонстративный, плакатный и изобразительный форматы.

В контексте публичных призывов слушателями или зрителями, к которым они обращены, является широкая аудитория, пребывающая в неопределенном численном составе – так называемая «публика». Напротив, обращенные к единственному индивиду призывы не охватывают необходимые черты публичного обращения в силу узкой направленности.

Некоторые исследователи указывают на проблему с законодательным определением понятия публичности в российском праве. На практике это создает сложности в применении соответствующих правовых норм, так как отсутствие четких законодательных параметров приводит к непоследовательности в интерпретации и правоприменении.

В заключение, представляется возможным сделать следующие выводы. Криминологический анализ состояния и тенденций на фоне принимаемых мер уголовно-правового характера показывает значительное увеличение в 2,1 раза числа регистрируемых преступлений экстремистской направленности и выявленных лиц за последние пять лет. В 2013 и 2014 гг. были введены нормы – ст. ст. 280.1 и 282.3 УК РФ, а в 2022 г. – ст. 282.4 УК РФ, которые пока приобретают опыт судебной практики.

Сегодня важнейшая задача по реализации Стратегии противодействия экстремизму заключается в решении важной проблемы – создание системы взаимодействия и непрерывного обмена данными между всеми заинтересованными участниками, занимающимися борьбой с экстремизмом. Такое сотрудничество позволит организациям, получившим информацию о возможной экстремистской деятельности, но не обладающим необходимыми полномочиями для реагирования, незамедлительно передавать сведения в инстанции, которые имеют компетенции предпринять необходимые меры.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 № 501-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/ccce54d19f7a6f992d42ff50f79cb7a2a427eae4/ (дата обращения: 01.03.2025).
3. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МБД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (дата обращения: 01.03.2025).
4. Данные судебной статистики (Форма № 10-а, Форма № 11.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 01.03.2025).
5. Заседание коллегии ФСБ России // – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338> (дата обращения: 01.03.2025).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021 № 32) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 01.03.2025).
7. Состояние преступности // Министерство внутренних дел РФ. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 01.03.2025).
8. Арипшев, А. М. Криминологические аспекты мотивации лиц, входящих в организованные преступные группы экстремистской направленности / А. М. Арипшев // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 316-322.
9. Хлебущкин, А. Г. Уголовно-правовые средства противодействия деятельности террористических, экстремистских и диверсионных объединений / А. Г. Хлебущкин // Междисциплинарные проблемы противодействия терроризму и экстремистской деятельности : Сборник материалов круглого стола, Самара, 17 мая 2024 года. – Самара: Самарский федеральный исследовательский центр РАН, 2024. – С. 24-27.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended, dated 12/28/2024 No. 501-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
2. The Decree of the President of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/ccce54d19f7a6f992d42ff50f79cb7a2a427eae4/ (accessed March 01, 2025).
3. The Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 462/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 dated June 25, 2024 "On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (accessed March 01, 2025).
4. Judicial statistics data (Form No. 10-a, Form No. 11.1) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed March 01, 2025).
5. Meeting of the Board of the FSB of Russia // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338> (accessed March 01, 2025).
6. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 (as amended dated October 28, 2021, No. 32) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (accessed March 01, 2025).
7. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф> (accessed March 01, 2025).
8. Aripshv, A.M. Criminological aspects of motivation of persons belonging to organized criminal groups of extremist orientation / A.M. Aripshv // Baikal Research Journal. – 2024. – Vol. 15, No. 1. – P. 316-322.
9. Khebuskin, A. G. Criminal law means of countering the activities of terrorist, extremist and sabotage associations / A. G. Khebuskin // Interdisciplinary problems of countering terrorism and extremist activity : A collection of materials from the round table, Samara, May 17, 2024. Samara: Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2024. – P. 24-27.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С СИСТЕМОЙ НАКАЗАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN RUSSIA IN THE SOVIET PERIOD. COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE PUNISHMENT SYSTEM OF THE MODERN PERIOD

ХОДЖАЛИЕВ Салех Айсаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».

364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru;

KHOJALIEV S.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security

Kadyrov Chechen State University.

32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru

Краткая аннотация. Автор показывает, что вопросы возникновения, становления и развития того или иного правового явления актуальны не только для специалистов в области истории, но и для юристов. По мнению автора, изучение истории развития системы уголовных наказаний помогает более глубоко понять настоящее такой системы, причины и условия появления или упразднения тех или иных наказаний, а также выявить тенденции и закономерности, которые будут способствовать прогнозированию возможных изменений в данной области. Автор делает вывод, что российское законодательство отказалось от таких видов наказаний, использовавшихся в советский период как: увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, конфискация имущества. При этом возложение обязанности загладить причиненный вред происходит в рамках гражданско-правовых обязанностей. Спецификой советской системы являлось выделение смертной казни и наказаний, которые могли применяться только к военнослужащим из общей системы наказаний. Такие наказания стояли в кодексе как бы вне системы. В современном российском законе система уголовных наказаний включает в себя абсолютно все такие наказания (в том числе и указанные). Наказания, не включенные в такую систему – не применяются. Кроме того, в современном законодательстве система наказаний начинается с самого мягкого из них – штрафа, что подчеркивает гуманизированность уголовного закона. Автором показано, что российское законодательство более гуманизировано. Происходит процесс увеличения видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Автором сделан вывод, что российская уголовно-правовая политика основной целью наказания провозглашает исправление осужденного, тогда как в советский период фактически наказание носило карательный характер.

Abstract: The author shows that the issues of the emergence, formation and development of a particular legal phenomenon are relevant not only for specialists in the field of history, but also for lawyers. In the author's opinion, the study of the history of the development of the system of criminal punishments helps to understand more deeply the present of such a system, the causes and conditions of the appearance or abolition of certain punishments, as well as to identify trends and patterns that will contribute to the prediction of possible changes in this area. The author concludes that the Russian legislation has abandoned such types of punishment used in the Soviet period as: dismissal from office, imposition of the obligation to make amends for the harm caused, public censure, confiscation of property. At the same time, the imposition of the obligation to make amends for the harm caused occurs within the framework of civil law obligations. The specificity of the Soviet system was the separation of the death penalty and punishments that could only be applied to military personnel from the general system of punishments. The author shows that Russian legislation is more humanized. There is a process of increasing the types of punishment that are not related to isolation from society. The author concludes that the Russian criminal law policy proclaims the correction of the convict as the main goal of punishment, while in the Soviet period the punishment was actually punitive in nature.

Ключевые слова: уголовное наказание, система наказаний, лишение свободы, расстрел, смертная казнь.

Keywords: criminal punishment, system of punishments, imprisonment, shooting, death penalty.

Для цитирования: Ходжалиев С.А. Историческое развитие системы наказаний в России в советский период. Сравнительный анализ с системой наказания современного периода // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 627-629. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_627.

For citation: Khojaliev S.A. Historical development of the penal system in Russia in the soviet period. Comparative analysis with the punishment system of the modern period // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 627-629. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_627.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Вопросы возникновения, становления и развития того или иного правового явления актуальны не только для специалистов в области истории, но и для юристов. Изучение истории развития системы уголовных наказаний помогает более глубоко понять настоящее такой системы, причины и условия появления или упразднения тех или иных наказаний, а также выявить тенденции и закономерности, которые будут способствовать прогнозированию возможных изменений в данной области.

Революционные события существенно изменили существующую систему наказания и практику её применения.

До декабря 1917 года действовало и применяло в части, не противоречащей «идеям пролетарской диктатуры и мировой революции» имперское законодательство.

Но вскоре 1917 года были изданы первые нормативные акты новой власти, касающиеся уголовного наказания: Декрет о Революционном трибунале печати [2] и Инструкция "О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний" [4]. При этом наказания назначать рекомендовалось «руководствуясь классовым чутьем и революционными

законами» [Цит. по: 5, с. 10].

В 1919 году были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, где содержался перечень из 16 уголовных наказаний:

- а) внушение;
- б) выражение общественного порицания;
- в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения);
- г) объявление под бойкотом;
- д) исключение из объединения на время или навсегда;
- е) восстановление, а при невозможности его - возмещение причиненного ущерба;
- ж) отрешение от должности;
- з) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу;
- и) конфискация всего или части имущества;
- к) лишение политических прав;
- л) объявление врагом революции или народа;
- м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы;
- н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события;
- о) объявление вне закона;
- п) расстрел;
- р) сочетание вышеназванных видов наказания.

Можно заменить наличие весьма специфических видов наказаний, которые по своей сущности даже сложно отнести к уголовным (в современном понимании уголовного наказания). Речь идет, прежде всего, о бойкоте или исключении из объединений. В дальнейшем такие наказания, являющиеся революционным экспериментом, в нормах уголовного закона использоваться не будут.

Приговоры в этот период часто выносились в упрощенном порядке. К категории «врагов народа» применялись или смертная казнь в виде расстрела или длительное тюремное заключение, почти всегда в сочетании с конфискацией имущества. А к членам их семей – ссылки и поражение в правах.

После смерти в 1953 году В. И. Сталина, ситуация стала постепенно меняться. Хотя еще долгое время сроки лишения свободы назначались несоразмерно деяниям, а заключенные использовать как бесплатная рабочая сила.

В этот период, с одной стороны, продолжали активно применять существующую систему наказаний, а с другой – декларировали принцип законности и активно проводили процессы реабилитации политических заключенных.

В 1958 г. и 1960 г., соответственно, в связи с принятием Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик [3] и УК РСФСР 1960 г. [9] были исключены следующие виды наказаний:

- объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда;
- удаление из пределов СССР на срок;
- поражение политических прав;
- предостережение.

В кодекс было включено наказание, которое могло применяться исключительно к военнослужащим. Речь идет о помещении их в дисциплинарный батальон. Также в качестве новых видов наказания были добавлены «увольнение от должности» и «возложение обязанности загладить причиненный вред».

В качестве исключительного наказания сохранялась смертная казнь.

Наказания в кодексе классифицировались следующим образом:

- основные наказания.
- дополнительные наказания и
- наказания, которые могли применяться и как основные, и как дополнительные.

Некоторые изменения произошли и применительно к свойствам наказаний. Так, новый кодекс стал признавать конфискацию имущества исключительно дополнительным наказанием (ст. 21 Основ и ст. 22 УК РСФСР). Ранее такое наказание могло применяться и как основное или как дополнительное по выбору суда.

Интересно и такое специфическое наказание как общественное порицание. Кодекс называл это наказание основным, тем самым подчеркивал приоритет коллектива для всего советского общества.

В последней редакции УК РСФСР 1960 года система наказаний выглядела следующим образом:

- 1) лишение свободы;
- 2) исправительные работы без лишения свободы;
- 3) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- 4) штраф;
- 5) увольнение от должности;

- 6) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- 7) общественное порицание;
- 8) конфискация имущества;
- 9) лишение воинского или специального звания.

К военнослужащим срочной службы может также применяться наказание в виде направления в дисциплинарный батальон.

Исключительное наказание – смертная казнь.

Обращаясь к современному уголовному законодательству, можно выделить следующую систему наказаний [1]:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение по военной службе;
- ограничение свободы;
- принудительные работы;
- арест;
- содержание в дисциплинарной воинской части;
- лишение свободы на определенный срок;
- пожизненное лишение свободы;
- смертная казнь.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Российское законодательство отказалось от таких видов наказаний, использовавшихся в советский период как: увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, конфискация имущества. При этом возложение обязанности загладить причиненный вред происходит в рамках гражданско-правовых обязанностей. Конфискация же имущества не является в действующем УК РФ видом наказания.

2) В советском законодательстве практиковалось изложение системы наказаний начиная от наиболее жесткого. Спецификой советской системы являлось выделение смертной казни и наказаний, которые могли применяться только к военнослужащим из общей системы наказаний. Такие наказания стояли в кодексе как бы вне системы. В современном российском законе система уголовных наказаний включает в себя абсолютно все такие наказания (в том числе и указанные). Наказания, не включенные в такую систему – не применяются. Кроме того, в современном законодательстве система наказаний начинается с самого мягкого из них – штрафа, что подчеркивает гуманизированность уголовного закона.

3) Российское законодательство более гуманизировано. Происходит процесс увеличения видов наказаний не связанных с изоляцией от общества.

4) Российская уголовно-правовая политика основной целью наказания провозглашает исправление осужденного, тогда как в советский период фактически наказание носило карательный характер.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. ст. 2954.
2. Декрет о Революционном трибунале печати от 28.01.1918 г. // <http://museumreforms.ru/node/13719> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. "Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" // Ведомости ВС СССР. 1959. N 1. Ст. 6.
4. Инструкция "О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний" от 19.12.1917 // <https://istmat.org/node/28274> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Лавицкая М.И. Система и различные виды наказаний в отечественном уголовном законодательстве (историко-правовой аспект) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. N 1. С. 8 - 13.
6. Постановление народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. "Руководящие начала по уголовному праву РСФСР". // <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Стромов В. Ю., Дворецкий М. Ю. Этапы развития отечественной системы уголовных наказаний в контексте совершенствования уголовной ответственности (XIX - XX вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. N 12(68). С. 586 - 594.
8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // <http://constitutions.ru/?p=5341> (дата обращения: 10.05.2024).
9. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. N 25. art. 2954.
2. Decree on the Revolutionary Press Tribunal of 28.01.1918 // <http://museumreforms.ru/node/13719> (date of reference: 05/10/2024).
3. USSR Law of December 25, 1958 "On the approval of the Fundamentals of criminal legislation of the USSR and the Union republics" // Vedomosti VS USSR. 1959. N 1. Art. 6.
4. The Instruction "On the Revolutionary Tribunal, its composition, the cases subject to its jurisdiction, the punishments imposed by it and the procedure for conducting its sittings" dated 12/19/1917 // <https://istmat.org/node/28274> (date of application: 05/10/2024).
5. Lavitskaya M.I. The system and various types of punishments in domestic criminal legislation (historical and legal aspect) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2022. N 1. pp. 8-13.
6. Resolution of the People's Commissariat of Justice of December 12, 1919 "Guidelines on criminal law of the RSFSR". // <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (date of reference: 05/10/2024).
7. Stromov V. Yu., Dvoretzky M. Yu. Stages of development of the domestic system of criminal penalties in the context of improving criminal responsibility (XIX - XX centuries) // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2008. N 12(68). pp. 586 - 594.
8. The Criminal Code of the RSFSR of 1922 // <http://constitutions.ru/?p=5341> (date of request: 05/10/2024).
9. The Criminal Code of the RSFSR: approved by VS RSFSR October 27, 1960 // Vedomosti VS RSFSR. 1960. N 40. St. 591.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_630

УДК 343.3/.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ COUNTERING CORRUPTION. PROBLEM ASPECTS OF LAW UNDERSTANDING

ТОМАЩУК Яна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru;

ЛОМАНОВ Егор Андреевич,

Слушатель Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: egorlomanov@yandex.ru;

ФРОЛОВА Наталья Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: natalia170884@yandex.ru;

TOMASHCHUK Yana Yuryevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Criminal Law Disciplines.
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru;

LOMANOV Egor Andreevich,

Student of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: egorlomanov@yandex.ru;

FROLOVA Natalya Yuryevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines.
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: natalia170884@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье проводятся исследования дискуссионной проблемы понимания коррупции в правовом аспекте. Помимо этого, мы проведем параллели между дефинициями «коррупция» и «противодействие коррупции». Здесь же выделены основные аргументы авторов, ранее исследовавших рассматриваемую тематику. Стоит отметить, что актуальность данной темы обусловлена высокими показателями коррупционных случаев на территории нашей страны. Пробелы в законодательстве, проблемы правопонимания, высокая латентность данных преступлений – основные факторы, влияющие на показатели скорости криминализации среды.

Abstract: This article studies the controversial problem of understanding corruption in the legal aspect. In addition, we will draw parallels between the definitions of "corruption" and "anti-corruption". The main arguments of the authors who previously studied the topic under consideration are also highlighted here. It is worth noting that the relevance of this topic is due to the high rates of corruption cases in our country. Gaps in legislation, problems of legal understanding, high latency of these crimes are the main factors influencing the rates of criminalization of the environment.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, проблемные аспекты, правопонимание.

Keywords: corruption, anti-corruption, problematic aspects, legal understanding.

Для цитирования: Томащук Я.Ю., Ломанов Е.А., Фролова Н.Ю. Противодействие коррупции. Проблемные аспекты правопонимания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 630-632. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_630.

For citation: Tomashchuk Ya. Yu., Lomanov E.A., Frolova N. Yu. Countering corruption. Problem aspects of law understanding // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 630-632. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_630.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Коррупционные преступления, как и саму коррупцию в целом, необходимо рассматривать через призму политологической, социологической, правовой и криминологической научных сред. Однако такое многообразие подходов к изучению данного явления многими учеными объясняется отсутствием единого, однозначного определения этой дефиниции, поскольку прийти к такому пониманию возможно только при законодательном закреплении понятия «коррупция» [1, с. 11].

В настоящее время проблематика коррупции является достаточно обширной темой, которую необходимо рассматривать под разными углами. В то же время формирование доктринального понятия данной дефиниции не будет единым, поскольку мнения авторов не складываются в одно, а лишь пересекаются. Однако в действующем ФЗ о противодействии коррупции сформулировано также достаточно абстрактно.

По мнению многих исследователей законодательно закрепленные дефиниции «коррупции» являются не совсем идеальным, однако считается немаловажным в системе борьбы с коррупционными преступлениями [4, с. 51; 6, с. 3].

Очевидным становится тот факт, что на уровне государственных и муниципальных ветвей власти распространение коррупционной проявленности блокирует исполнение обязанностей сотрудников таких учреждений. Поэтому данное явление было и по сей день находится на вершине пирамиды наиболее значимых для общества проблем. Коррупционные случаи проявляются практически на всех уровнях общественной жизни: от верхушки государственной власти, до обычных бытовых укладов [2, с. 48].

Закон, содержащий суть рассматриваемого явления, вызывает множество критики и осуждающих оценок со стороны ученых, которые считают, что его положения совершенно не соответствуют сегодняшним реалиям и не предусматривают различные социальные и экономические риски.

Так, В.И. Гладких полагал основательно неправильным позиционирование коррупции с уголовным законодательством, в связи с чем стало распространено понятие «преступления коррупционной направленности». Данная позиция не идеальна, поскольку отношение коррупции к уголовно-правовой сфере весьма очевидно [8, с. 178].

Помимо этого, он считает законное понятие коррупции необъективным, что связано с использованием исключительно правовых подходов к данной тематике. Однако на данном этапе возникает вопрос о том, какие подходы необходимо задействовать при изучении данного, в первую очередь, социального явления? По мнению автора, здесь происходит подмена понятий. Итогом этой подмены – выдвигание правовой оценки коррупционных явлений на передний план и отдаление возможно применимого комплексного подхода к определению коррупции.

Всем известно, что определение не может быть слишком детальным, в таком случае необходимо наиболее кратко и точно выделить сущность того или иного явления. Не вникая в дискуссии по поводу объективности законодательного определения, стоит отметить, что законодателем было сформулировано довольно краткое, но лаконичное понятие [8, с. 142].

Стоит учитывать, что в рассматриваемом законе закреплены два понятия по нашей тематике: «коррупция» и «противодействие коррупции». Так, положения 1 статьи действующего ФЗ позволяют заметить, что целью законодателя является комплексное юридическое решение проблемы подавления данных преступлений [8, с. 142].

Профилактика и борьба с коррупцией несет в себе комплекс слаженных действий правоохранительных органов, местного самоуправления, государственной власти, а также обычных рядовых граждан.

Так, если коррупция считается сложным общественно-опасным явлением, то и подход к противодействию таким преступлениям становится общественно-необходимой мерой [3, с. 45].

Обращаясь к уже названным нормам права, можно заметить, что основополагающие принципы борьбы с коррупцией, организационные и правовые основы ее профилактики закреплены на законодательном уровне. Главной задачей по борьбе с распространением коррупционных явлений выступает подавление данного феномена, которое уже стало внедренной реальной практикой [5, с. 26].

По мнению уже известного ранее профессора В.И. Гладких, при реализации проектов направленных на профилактику коррупции формируются детерминанты пересечения государственных интересов и коррумпированной части верхних слоев общества, поскольку многие аспекты политической и экономической сферы деятельности государства закрыты от общества, что также дает возможность исключить барьеры для преступников, путем вывода из так называемой игры партнеров. Это создается для перераспределения ролей и полномочий власти. Однако данное мнение является лишь некоторой абстракцией [8, с. 200].

Практическая составляющая по борьбе с коррупцией позволяет полагать, что раскрыть коррупционные преступления достаточно сложно. Многие такие факты носят латентный характер, потому лишь малая часть фигурантов получают реальные сроки.

За 12 месяцев 2022 года зарегистрировано 35140 дел коррупционной направленности. В 2023 году за получение взяток были осуждены 1914 человек, что на 13,6% выше, чем в 2022 году. Еще на 10% увеличилось число приговоренных за дачу взятки — их 2363. За девять месяцев 2024 года возбуждено 9 тыс. уголовных дел о коррупции, что на 14,4% больше, чем за аналогичный период в прошлом году, при этом половина уголовных дел связаны со взяточничеством, 13% — с мошенничеством, 5% — с присвоением и растратой. Среди фигурантов дел 14 судей, 70 адвокатов, 94 депутата органов местного самоуправления [7, с. 21].

Так, возвращаясь к дефинициям «коррупция» и «противодействие коррупции», отметим, что правовую основу последней составляют: Конституция РФ; ФКЗ; международные конвенции и договоры Российской Федерации; ФЗ «О противодействии коррупции»; общепризнанные принципы и нормы международного права и другие нормативные акты Президента и Правительства РФ и иных федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов России.

Таким образом, в систему институтов борьбы с коррупцией входят все ветви федеральной и муниципальной власти нашей страны.

Список литературы:

1. Алексеев, С.Л. Влияния цифровой трансформации на методы антикоррупционного контроля как составляющая экономической безопасности субъекта Российской Федерации / С.Л. Алексеев // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 3. – С. 10-14.
2. Алексеев, С.Л. Основные подходы к понятию коррупции как угрозы экономической безопасности субъекта РФ / С.Л. Алексеев // Казанский экономический вестник. - 2019. - № 4 (42). - С. 49-53.
3. Алексеев, С.Л. Расчет показателей экономической безопасности методами антикоррупционного контроля в российских регионах / С.Л. Алексеев // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2020. – № 2. – С. 42-50;
4. Ахатов, Р.Р. Коррупция как угроза экономической безопасности региона / Р.Р. Ахатов // Экономика предприятий, регионов, стран: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 186-191.

5. Барсукова, С. Ю. Лекции по неформальной экономике: кратко, понятно, наглядно. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 232 с;
6. Божко Е.А. К вопросу о коррупции на современном этапе / Е.А. Божко // Бизнес и общество. – 2023. – № 4(40). – С. 1-6.
7. Валиахметова, А.А. Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции / А.А. Валиахметова, А.А. Сотников, И.Д. Черкашин. // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 173-175. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81197/> (дата обращения: 14.06.2024).
8. Гладких, В.И. Противодействие коррупции на государственной службе: учебное пособие для вузов / В. И. Гладких, В.М. Алиев, В.Г. Степанов-Егиянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 207 с.

References:

1. Alekseev, S.L. The impact of digital transformation on anti-corruption control methods as a component of economic security of a subject of the Russian Federation / S.L. Alekseev // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 3. pp. 10-14.
2. Alekseev, S.L. Basic approaches to the concept of corruption as a threat to the economic security of a constituent entity of the Russian Federation / S.L. Alekseev // Kazan Economic Bulletin. - 2019. - № 4 (42). – Pp. 49-53.
3. Alekseev, S.L. Calculation of economic security indicators by methods of anti-corruption control in Russian regions / S.L. Alekseev//Bulletin of the Moscow University of Finance and Law. – 2020. – No. 2. – pp. 42-50;
4. Akhatov, R.R. Corruption as a threat to the economic security of the region / R.R. Akhatov//Economics of enterprises, regions, and countries: current issues and modern aspects: Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ., 2020, pp. 186-191.
5. Barsukova, S. Y. Lectures on the informal economy: briefly, clearly, visually. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 232 p.;
6. Bozhko E.A. On the issue of corruption at the present stage / E.A. Bozhko // Business and society. – 2023. – № 4(40). – С. 1-6.
7. Valiakhmetova, A.A. Modern digital technologies in the field of anti-corruption / A.A. Valiakhmetova, A.A. Sotnikov, I.D. Cherkashin. // Young scientist. – 2021. – № 21 (363). – Pp. 173-175. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81197/> (date of access: 06/14/2024).
8. Gladkikh, V.I. Anti-corruption in public service : a textbook for universities / V. I. Gladkikh, V.M. Aliyev, V.G. Stepanov–Egiyants. - 2nd ed., reprint. and additional – М.: Yurayt Publishing House, 2023. – 207 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА – «СМЕШАННОЕ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ EXPERT'S CONCLUSION - «MIXED» EVIDENCE IN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS

РУСАКОВ Алексей Геннадьевич,

старший преподаватель Красноярского государственного аграрного университета.

660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.

E-mail: rusalger@mail.ru;

RUSAKOV Alexey Gennadievich,

Senior Lecturer at Krasnoyarsk state agrarian university.

660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Ave., 90.

E-mail: rusalger@mail.ru;

Научный руководитель:

БЕРТОВСКИЙ Лев Владимирович,

доктор юридических наук, профессор,

профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: bgl1980@yandex.ru;

Scientific supervisor:

BERTOVSKY Lev Vladimirovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

E-mail: bgl1980@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы классификации доказательств на основе концепции унифицированного (универсального) доказательства в универсальной системе доказательств - единого (общего) для всех видов судопроизводства института доказательств. Рассмотрен пример заключения специалиста, входящего в данную группу доказательств, исследованы групповые и индивидуальные свойства и признаки заключения специалиста как доказательства в российском судопроизводстве.

Abstract: This article examines current issues related to the classification of evidence within the framework of a universal system of proof, based on the concept of unified (universal) evidence as a single (common) institution applicable to all types of legal proceedings. An example of an expert opinion, which falls within this category of evidence, is analyzed. The study identifies both the group and individual characteristics and features of expert opinions as a form of evidence in Russian legal proceedings.

Ключевые слова: российское судопроизводство, институт судебных доказательств, универсальная система доказательств, группа «смешанных» доказательств, свойства и признаки заключения специалиста.

Keywords: Russian legal proceedings, institution of judicial evidence, universal system of proof, «mixed» evidence category, characteristics and feature, expert opinion.

Для цитирования: Русаков А.Г. Заключение специалиста – «смешанное» доказательство в российском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 633-634. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_633.

For citation: Rusakov A.G. Expert's conclusion - «mixed» evidence in Russian legal proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 633-634. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_633.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В юридической науке, судебной и иной правоприменительной практике в настоящее время используется несколько классификаций судебных доказательств. В настоящей работе исследуется элемент системы судебных доказательств в рамках общей для всех видов судопроизводства единого института судебных доказательств, основанной на модели универсального (унифицированного) судебного доказательства. В основе данной классификации лежит диалектическая взаимосвязь, отражающая закономерности формирования информации о юридически значимых фактах, а совокупность свойств и признаков доказательств сформировались в зависимости от закономерностей формирования. В связи с этим доказательства полагаем необходимым разделить на четыре группы: личные, вещественные, смешанные (письменные, заключения специалистов и экспертов, иные документы) и комбинированные (аудиовидеозаписи и электронно-цифровые доказательства).

Смешанные доказательства формируются по социальным законам, и в ходе формирования доказательственной информации субъект переносит ее с использованием классической (традиционной) машинописной или рукописной технологии на классический бумажный носитель. Смешанными они называются потому, что представляют совокупность трех элементов: 1) юридически значимой личной информации; 2) традиционной технологии написания; 3) классический бумажный носитель указанной информации.

Данную группу образуют письменные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, заключения специалистов, экспертов, материалы служебных, административных расследований и иные документы. Указанные доказательства включают в себя элементы личных и вещественных доказательств и, по нашему мнению, обладают следующими свойствами: 1) объективная фиксация сведений, имеющих значение для дела; 2) информацию с бумажного носителя способен воспринимать человек; 3) возможность исследования специалистами или экспертами.

Групповые признаки смешанных доказательств: 1) наличие бумажного носителя информации; 2) соответствующий способ фиксации информации (буквы, цифры), доступный для восприятия человеком; 3) нормативная формализованность, то есть установление жестких нормативных требований к форме и содержанию смешанных доказательств.

Таким образом, смешанными доказательствами являются доказательства (формально-определенная информация об юридически значимых фактах), содержание которых составляет личная информация, нанесенная с помощью технологий написания на бумажный носитель.

Согласно действующего законодательства под специалистом понимается физическое лицо, обладающее специальными познаниями,

которое привлекается для оказания помощи надлежащим субъектам доказывания при формировании и исследовании доказательств (ст. 188 ГПК РФ [2], ст. 25.8 КоАП РФ [4], ст. 56.1 АПК РФ [1] и ст. 56 УПК РФ [5]).

Однако, единообразия в оформлении результатов деятельности специалиста в российском законодательстве нет: консультация и пояснения в устной или письменной форме (ст. 188 ГПК РФ); разъяснения и консультация в устной форме (ст. 87.1 АПК РФ); заключение, т.е. суждение в письменной форме (ст. 80 УПК РФ); разъяснения в устной или письменной форме (ст. 169 КАС РФ [3]).

Е.А. Мацун в своем диссертационном исследовании утверждает, что заключение и показания специалиста являются двумя формами «одного доказательства, содержание которого составляют сведения по специальным вопросам, поставленным перед специалистом». Она полагает, что в заключении специалиста могут содержаться: сведения справочного характера, данные о фактах (ранее неизвестных субъекту доказывания), которые «не могли быть установлены без использования специальных познаний» [7, с. 10-11].

А.И. Таркинский и Х.А. Таркинская написали, что заключение специалиста фиксирует суждение об обстоятельствах дела [12, с. 102-104].

В.Ю. Стельмах утверждает, что «заключение специалиста отражает проведение исследования объекта лицом, обладающим специальными знаниями» [11, с. 90].

Полагаем возможным выделить следующие основные признаки заключения специалиста: 1) письменная форма; 2) специальный субъект, дающий консультацию; 3) консультация или заключение - результат проведенного исследования; 3) надлежащее оформление результата деятельности специалиста.

Таким образом, по нашему мнению, заключение специалиста — это смешанное доказательство, составленное в письменной форме результат исследования, проведенного специальным субъектом, сведущим в определенной области знаний или навыков,

Вместе с тем, применительно к письменной форме заключения специалиста, письменная форма является предметом дискуссии.

Е.А. Семенов и В.В. Власов отмечают отсутствие регламентации процессуальной формы исследования, проведенного специалистом [10, с. 55]. Также Е.А. Семенов настаивает на необходимости процессуальной регламентации формы заключения специалиста как «главное направление» реформирования уголовного судопроизводства [8, с. 27-28].

И.В. Азаренко считает, что «отсутствие установленной формы усложняет реализацию принципа достоверности», считает необходимым внедрение письменной формы для консультаций и пояснений [6, с. 12].

Полагаем, что в результате унификации института доказательств в законе должна быть закреплена единая универсальная терминология, заключение специалиста должно быть закреплено в качестве доказательства.

Также должны быть легально закреплены формальные требования к содержанию (структуре) — письменного по форме заключения специалиста, а именно: вводная часть, описательная часть, исследовательская и мотивировочная часть, а также - резолютивная (итоговая) часть заключения специалиста. Полагаем, что реализация указанных предложений повысит эффективность российского судопроизводства.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 14.06.2002 г. № 96-ФЗ (в ред. от 01.04.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 01.04.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 г. (в ред. от 01.04.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.05.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 21.04.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
6. Азаренко, И.В. Участие эксперта и специалиста в гражданском судопроизводстве России: автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / И.В. Азаренко. — Санкт-Петербург, 2007. — 23с.
7. Мацун, Е.А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Е.А. Мацун. — Челябинск, 2013. — 23с.
8. Семенов, Е.А. Специалист в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Е.А. Семенов. — Орел, 2010. — 31с.
9. Винокуров, Э.А., Проблемные аспекты использования заключения специалиста при производстве по уголовным делам / Э.А. Винокуров, В.В. Лукьянчикова // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2021. - № 2. - С. 38-42. // [Электронный источник] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-ispolzovaniya-zaklyucheniya-spetsialista-pri-proizvodstve-po-ugolovnym-delam> (дата доступа: 12.05.2025).
10. Семенов, Е.А. Процессуальные и криминалистические аспекты производства предварительных исследований в рамках уголовного судопроизводства (по результатам анкетирования следователей, дознавателей, экспертов МВД России) / Е.А. Семенов, В.В. Власов // Научный портал МВД России. - 2017. - № 1. - С. 51-56. // [Электронный источник] - URL: <https://dokumen.pub/339-2017.html> (дата доступа: 12.05.2025).
11. Стельмах, В.В. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании / В.В. Стельмах // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2017. - № 4. - С. 77-92. // [Электронный источник] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproduzvodstve-pravovaya-priroda-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-dokazyvanii> (дата доступа: 12.05.2025).
12. Таркинский, А.И. Заключение специалиста: понятие, виды и особенности использования в судопроизводстве / А.И. Таркинский, Х.А. Таркинская // Право и управление. - 2025. - № 1. - С. 101-105. // [Электронный источник] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-spetsialista-ponyatie-vidy-i-osobennosti-ispolzovaniya-v-sudoproduzvodstve> (дата доступа: 12.05.2025).

References:

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 96-FZ dated 06/14/2002 (as amended dated 04/01/2025) // SPS ConsultantPlus.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated 11/14/2002 (as amended dated 04/01/2025) // SPS ConsultantPlus.
3. The Code of Administrative Procedure of 08.03.2015 (as amended dated 04/01/2025) // SPS ConsultantPlus.
4. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended dated 05/23/2025) // SPS ConsultantPlus.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended dated 04/21/2025) // SPS ConsultantPlus.
6. Azarenko, I.V. Participation of an expert and specialist in the civil proceedings of Russia: the abstract. diss. He is a scientist for the job. step. Candidate of Sciences. jurid. Sciences / I.V. Azarenko. — Saint Petersburg, 2007. — 23s.
7. Matsun, E.A. The procedural status of a specialist in criminal proceedings in Russia: the abstract. diss. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. Sciences / E.A. Matsun. — Chelyabinsk, 2013. — 23c.
8. Semenov, E.A. Specialist in criminal proceedings: abstract. diss. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. Sciences / E.A. Semenov. Orel, 2010. 31c.
9. Vinokurov, E.A., Problematic aspects of using a specialist's opinion in criminal proceedings / E.A. Vinokurov, V.V. Lukyanchikova // Problems of law enforcement. 2021. No. 2. pp.38-42 // [Electronic source] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-ispolzovaniya-zaklyucheniya-spetsialista-pri-proizvodstve-po-ugolovnym-delam> (access date: 12.05.2025).
10. Semenov, E.A. Procedural and criminalistic aspects of conducting preliminary research in the framework of criminal proceedings (based on the results of a survey of investigators, interrogators, experts of the Ministry of Internal Affairs of Russia) / E.A. Semenov, V.V. Vlasov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 1. - pp.51-56. // [Electronic source] - URL: <https://dokumen.pub/339-2017.html> (access date: 12.05.2025).
11. Stelmakh, V.V. Expert opinion in criminal proceedings: the legal nature and prospects of use in evidence / V.V. Stelmakh // Electronic supplement to the Russian Law Journal. - 2017. - No. 4. - pp.77-92. // [Electronic source] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproduzvodstve-pravovaya-priroda-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-dokazyvanii> (access date: 12.05.2025).
12. Tarkinsky A.I. Specialist's conclusion: the concept, types and features of use in legal proceedings / A.I. Tarkinsky, H.A. Tarkinskaya // Law and management. 2025. No. 1. pp.101-105. // [Electronic source] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-spetsialista-ponyatie-vidy-i-osobennosti-ispolzovaniya-v-sudoproduzvodstve> (access date: 12.05.2025).

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ON THE QUESTION OF DETERMINANTS OF THEFT COMMISSION IN MODERN CONDITIONS

ГОРОВОЙ Владислав Викторович,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФОА.

117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования

ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.

394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

GOROVOY Vladislav Viktorovich,

Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy.

117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort

Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы причин и условий совершения краж в современных условиях. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу, что кражи занимают одно из ведущих мест среди преступлений против собственности. Для предупреждения совершения краж важно воздействовать на те элементы, которые обуславливают преступность и ее развитие. Авторами приводятся факторы, которые подталкивают людей к совершению преступлений против собственности.

Abstract: The article examines the issues of causes and conditions of theft in modern conditions. Based on the study, the authors come to the conclusion that theft occupies one of the leading places among crimes against property. To prevent theft, it is important to influence those elements that determine crime and its development. The authors cite factors that push people to commit crimes against property.

Ключевые слова: кража, преступления против собственности, причины и условия совершения краж, потерпевший, уголовно-исполнительная система.

Key words: theft, crimes against property, reasons and conditions for committing thefts, victim, penal system.

Для цитирования: Горовой В.В., Прихожая Л.Е. К вопросу о детерминантах совершения краж в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 635-639. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_635.

For citation: Gorovoy V.V., Prikhodzaya L.E. On the question of determinants of theft commission in modern conditions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 635-639. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_635.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Анализ статистических и криминологических данных о распространенности краж в общем контексте преступности, а также их социально-правовых особенностях представляет собой важный элемент не только для всестороннего исследования, но и для решения ключевых вопросов. Это касается как соответствия уголовного законодательства текущей криминогенной ситуации, так и соотношения практики его применения с основными направлениями уголовной политики в стране.

В 2025 году, по сведениям МВД России, может быть зафиксирована тенденция к увеличению числа краж по стране. Так, 51,5% всех правонарушений составляют преступления, связанные с хищением чужого имущества, из которых: кражи – 587 тыс. (-12,8%), мошенничество – 162,2 тыс. (+4,0%), грабежи – 43,6 тыс. (-7,6%), разбои – 6,7 тыс. (-21,1%). Каждая четвертая кража (28,2%), каждое двадцатое грабежное нападение (4,6%) и 10,2% разбойных действий были связаны с незаконным проникновением в жилье или иные помещения.

Каждое тридцать второе (3,1%) зарегистрированное преступление относится к квартирным кражам. В январе-сентябре 2023 года их

количество уменьшилось на 7,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что является положительной тенденцией.

Также следует рассмотреть общую картину преступности по стране за текущий год (таблица 1).

Таблица 1
Общие сведения о состоянии преступности

	Зарегистрировано (в отчетном периоде)		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде	
	Всего	+, - в %	Раскрыто	
			Всего	+, - в %
Против собственности,	861810	-9,0	345127	-11,1
<i>из них:</i>				
разбой	6716	-21,1	6301	-17,1
грабеж	43630	-7,6	28350	-5,2
кража	586970	-12,8	229643	-15,4
грузов на ж/д, воздушном, водном транспорте	1540	-17,6	1158	-14,5
транспортных средств	22078	-18,2	5169	-17,9

Из приведенной таблицы видно, что преступления в виде краж занимают преобладающее место среди противоправных деяний против собственности.

В юридической литературе подчеркивается, что кражи являются самыми распространенными и наиболее быстро растущими правонарушениями [1, с. 37]. Общие закономерности преступности как на глобальном уровне, так и в каждой конкретной стране определяются изменениями в сфере краж.

В настоящее время в России уровень краж остается высоким, однако наблюдается тенденция к его сокращению. Так, результаты проведенного исследования показывают, что преступления против собственности имеют наибольший удельный вес [2, с. 207].

Теперь проанализируем статистические данные по кражам в России (таблица 2), а также в Москве и Московской области за период с 2020 по 2024 годы (таблица 3).

Таблица 2
Статистика краж по России за 2020-2024 годы

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Количество, тыс.	992,2	922,6	908,9	1018,5	871,1

Таблица 3
Статистика краж по г. Москве и Московской области за 2020-2024 годы

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Количество, тыс.	14,9	14,9	14,3	15,8	13,7

Для объективной оценки тенденций по кражам в Московской области необходимо проанализировать статистические данные и выявить долю краж в общей структуре преступлений (таблица 4).

Таблица 4
Динамика и удельный вес краж в Московской области и России за период 2020-2024 гг.

Год	Всего преступлений по России	В т.ч. кражи		Всего преступлений по г. Москве и Московской области	В т.ч. кражи	
		Абсолютный показатель	Удельный вес (в %)		Абсолютный показатель	Удельный вес (в %)
2020	2302200	992200	43,09	14888	8365	56,19
2021	2206200	922600	41,82	14930	8185	54,82
2022	2190600	908900	41,49	14296	7796	54,53
2023	2388500	1018000	42,62	15792	7262	45,99
2024	2160100	871100	40,33	13715	5622	40,99

Как видно из представленных данных, с 2022 по 2024 годы наблюдается относительная стабилизация как общего уровня преступности, так и пропорции краж в общей массе зарегистрированных правонарушений. Это можно объяснить, прежде всего, стабилизацией экономической и политической ситуации в обществе.

В 2023 году отмечается некоторое увеличение числа зарегистрированных преступлений в России, количество которых сопоставимо с 2022 годом. Однако доля краж в общем объеме преступлений снизилась на 0,47% в Москве и на 10,2% в Московской области.

В 2024 году произошло общее снижение зарегистрированных преступлений, включая кражи, по сравнению с 2023 годом, составившее 146 900 дел по России и 1640 по столице и области, что является положительным знаком.

Таким образом, с 2022 по 2024 годы динамика преступности в значительной мере зависит от состояния краж. Пропорция краж в преступной структуре удерживалась выше 40%, к 2024 году она составила около 40% от общего числа зарегистрированных преступлений. Рассмотрим различные виды краж в динамике по России (таблица 5).

Таблица 5
Динамика по видам краж по России за 2020-2024 годы

Год	Кража группой лиц по предварительному сговору	Кража с причинением значительного и крупного ущерба	Кража в особо крупном размере и организованной группой	Кража с незаконным проникновением в хранилище либо жилище	Кража из одежды, сумки или ручной клади
2020	85485	128974	120994	189457	201140
2021	85747	125487	118777	180698	205845
2022	80652	123555	117254	175021	204213
2023	89221	121457	125020	200441	210564
2024	79554	120231	116221	176532	202010

Анализ таблицы показывает, что ситуация с различными типами краж остается неоднозначной. Если рассматривать общее количество краж, можно заметить, что показатели существенно упали.

Однако по отдельным категориям, таким как кражи, совершенные группами по предварительному сговору, кражи из одежды, сумок или ручной клади в период с 2020 по 2024 годы, наблюдались как увеличение, так и снижение.

Кражи, повлекшие за собой значительный ущерб и кражи крупного размера, показали заметное снижение в абсолютных цифрах.

В то же время, другие виды краж в период с 2020 по 2024 годы снижались, после чего в 2023 году зафиксирован рост, однако в 2024 году снова произошло снижение [3]. Рассмотрим различные виды краж в динамике по г. Москве и Московской области (таблица 6).

Таблица 6
Динамика по видам краж по г. Москве и Московской области за 2020-2024 годы

Год	Кража группой лиц по предварительному сговору	Кража с причинением значительного и крупного ущерба	Кража в особо крупном размере и организованной группой	Кража с незаконным проникновением в хранилище либо жилище	Кража из одежды, сумки или ручной клади
2020	1900	2054	1214	1502	1695
2021	1812	1901	989	1308	1475
2022	1722	1759	895	1285	1374
2023	1506	1425	756	1185	1116
2024	1232	1158	520	899	1002

Таким образом, основываясь на данных таблицы, можно констатировать, что в Москве и Московской области наблюдается позитивная динамика в снижении всех типов краж.

Изучение преступности, ее трансформаций и региональных особенностей является основополагающим этапом в криминологическом анализе. Прежде чем перейти к оценке уровня преступности и налаживанию мероприятий по ее предотвращению, необходимо определить факторы и причины, влияющие на ее возникновение. Важно воздействовать на те элементы, которые обуславливают преступность и ее развитие. В то же время, рекомендуется начинать криминологическое исследование с анализа конкретных причин и условий для определенных видов преступлений и их тенденций.

Условия – это факторы, которые не вызывают преступность напрямую, но влияют на ее происхождение и развитие. Процесс детерминации представляет собой сложное взаимодействие различных типов связей: причинных, функциональных, статистических и других.

Функциональная связь показывает объективное соответствие, например, между увеличением безработицы и ростом краж, что обусловлено удовлетворением базовых потребностей. В отличие от причинной, здесь связи взаимозависимые.

В свою очередь, статистическая связь иллюстрирует, как изменение одного фактора влияет на распределение другого, какое наблюдается при росте преступности в условиях увеличения населения.

Причинность рассматривается как одна из форм универсального взаимодействия и определяет детерминацию, указывая на генетическую, производящую связь. В этом контексте раскрывается происхождение явления, ход его возникновения и устанавливается связь между причиной и следствием.

Детерминация – это понятие, образованное от термина «детерминант» и глагола «детерминировать». Латинское слово *determinare* переводится как «определять». Соответственно, детерминант означает «определитель», а детерминация – это процесс определения или обусловливания [4, с. 65].

Когда речь идет о детерминизме, подразумевается признание всеобъемлющей взаимосвязи и взаимодействия всех вещей, объектов, явлений и процессов. В таком значении термин «детерминизм» используется в русском языке, при этом не уточняются различные виды взаимосвязей, хотя их существует более трех десятков. Упоминаются лишь детерминанты или «обстоятельства». Слово «обстоятельства» служит обобщающим термином для причин и условий. Детерминизм, опираясь на причинное происхождение, объясняет, почему процесс произошел именно так, какие условия способствовали его возникновению и какова степень устойчивости соответствующего процесса [5, с. 114].

Кражи, связанные с незаконным доступом в жилища граждан, вызывают значительное общественное беспокойство, причиняя серьезный ущерб населению и оказывая отрицательное воздействие на моральное и психологическое состояние людей. Это также подрывает уверенность граждан в своей безопасности и сохранности их имущества, что в свою очередь негативный эффект на общий уровень жизни и функционирование общества. Прогнозы относительно преступности в ближайшие годы не предполагают снижения таких правонарушений, что делает их предотвращение одной из ключевых и сложных задач криминологии.

Примером служат квартирные кражи, которые чаще всего происходят в дневное время в летний период. В качестве мест совершения таких преступлений могут выступать как дачи, так и квартиры в центральной части города. Кражи на дачных участках занимают одно из ведущих мест среди всех типов краж.

Помимо этого, существуют кражи, происходящие на железнодорожном транспорте. Эффективное предупреждение преступлений в этой сфере, в частности краж личного имущества, требует выявления причин, способствующих таким деяниям.

В криминологии вопрос детерминант преступности вызывает множество споров. Некоторые исследователи выделяют факторы, способствующие преступному поведению, другие акцентируют внимание на единой причине преступности, включая в нее второстепенные причины и условия, а третьи делят детерминанты на причины, условия и сопутствующие факторы.

Причины преступности представляют собой явления социальной жизни, способствующие формированию преступности, ее поддержанию и колебаниям в уровне проявлений. Условия, в свою очередь, не вызывают преступные действия, но способствуют их осуществлению, то есть без условий причины не смогут проявляться [6, с. 88].

Различные философы и публицисты на протяжении истории исследовали вопрос причин преступлений, включая и имущественные преступления. Например, древнегреческий философ Аристотель полагал, что основным мотивационным фактором сознательных преступлений являются честолюбие и корысть. Стремление к ничтожной выгоде он считал причиной воровства и разбоя. Аристотель описывал карманных воров как «позорно алчных людей», а древнеримские мыслители, такие как Лукреций, добавляли к причинам преступлений и ужасную нищету.

Проблему причин имущественной преступности среди юристов первыми обсудили Ч. Беккариа, Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) и Ж. Марат. Так, Ч. Беккариа заявлял, что «кража в основном является преступлением, вызванным бедностью и отчаянием, порожденным теми несчастными людьми, которым право собственности (ужасное и, возможно, ненужное право) позволяет лишь существовать в условиях голода» [6, с. 93]. Так, основными факторами, способствующими кражам, являются стремление к материальному богатству, зависть к достатку других и корыстные мотивы.

Факторы преступности не создают и не определяют ее, а выступают как соединяющее звено между множеством социальных явлений. Кроме того, выделение всех возможных причин носит условный характер, поскольку в реальности они тесно переплетены, образуя единую криминогенную социальную картину.

В последние годы ученые все чаще рассматривают детерминанты преступного поведения через призму причинного комплекса, разделяя их на уровни. Это подход представляется наиболее подходящим для анализа явлений и процессов, способствующих кражам на железнодорожном транспорте.

К факторам, способствующим кражам личного имущества граждан, стоит отнести легкомысленное отношение людей к сохранности своих вещей и документов.

Кражи на транспортных объектах чаще всего происходят у тех граждан, которые не уделяют внимания своим вещам, в результате чего у них похищают сумки, чехлы и пакеты, оставленные без присмотра на скамейках в залах ожидания, столиках и вблизи билетных касс. В здании вокзала можно увидеть много людей с ценными вещами: кто-то покупает билеты, кто-то ждет поезд, а кто-то провожает близких. Однако среди них присутствуют и лица, свободно проводящие время на вокзале и окрестностях, зачастую занимающиеся бродяжничеством. Эти люди обычно совершают кражи у спящих пассажиров. Причина заключается в том, что не на всех вокзалах имеется система контроля доступа, которая запрещает находиться на территории без билета.

Существует множество методов классификации условий, в зависимости от исследовательских критериев и целей. Деление условий на объективные и субъективные, а также внешние и внутренние позволяет определить, как внешние факторы воздействуют на человеческое поведение и как личностные качества влияют на его действия.

Среди факторов, способствующих росту краж, важным является низкий уровень раскрываемости преступлений. Безнаказанность повторных краж делает их прибыльным занятием, демонстрируя слабость правоохранительных органов и вызывая недоверие у населения. Это нарушает необходимое взаимодействие органов внутренних дел с гражданами в борьбе с преступностью, что усугубляет оперативную обстановку.

Причины преступлений можно разделить на объективные и субъективные. Объективные факторы включают в себя реальные возможности и условия для совершения преступления, тогда как субъективные относятся к личным желаниям, стремлениям и готовности человека воспользоваться этими возможностями. Чтобы кража состоялась, необходимо одновременно наличие желания и соответствующих возможностей для реализации задуманного действия. Без тесной связи желания с возможностями и объективного с субъективным преступление невозможно.

Важно отметить, что в большинстве случаев краж главную роль играют экономические факторы. На человека также существенно влияет окружающая среда – семья, друзья, коллектив и другие. Эти объективные факторы имеют близкое отношение к субъективным причинам.

Объективные причины могут полностью влиять на личность лишь в сочетании с субъективными аспектами. Часто жертвы краж находятся под воздействием алкоголя, что ослабляет их привычные связи, снижает самоконтроль и делает их более уязвимыми к внешним воздействиям.

Кражи, осуществляемые в отношении нетрезвых граждан, происходят как в общественных местах, так и в пассажирских поездах, где наиболее часто злоумышленники забирают мобильные телефоны, деньги и одежду.

В современном российском обществе наблюдаются значительные финансовые дисбалансы, которые подталкивают людей к нарушениям собственности. Статистика МВД России на 2022–2024 годы иллюстрирует текущее состояние общества, включая его криминальные аспекты.

Среди основных факторов первой группы можно выделить:

- неумное стремление некоторых индивидов (в том числе ранее судимых) вести паразитический образ жизни, что проявляется в чрезмерном удовлетворении материальных нужд за счет незаконного присвоения благ, полученных другими лицами;
- воздействие преступных и антиобщественных групп на уязвимых лиц без стабильных моральных ценностей, стремящихся вовлечь их в преступные деятельности и формирование воровских сообществ среди молодежи;
- отсутствие адекватной реакции со стороны семьи, общественных организаций и правоохранительных органов на проявления девиантного поведения молодежных групп, а также недостаточная организация досуга и быта подрастающего поколения;
- проблемы в политике, экономике и социальной сфере, которые способствовали бедности большинства населения как в материальном, так и в моральном плане [7, с. 63].

Перечисленные выше факторы являются одними из наиболее устойчивых в формировании корыстных воровских намерений. В основном они служат стимулом для совершения квартирных краж, воспринимаемых как один из простейших способов быстрой наживы и комфортного существования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кражи занимают одно из ведущих мест среди преступлений против собственности. Более половины всех преступлений совершаются с целью неправомерного завладения чужим имуществом. Основной функцией современного государства является защита прав и свобод своих граждан, включая защиту их имущественных прав. Несмотря на усилия, направленные на охрану собственности, преступления в этой сфере продолжают оставаться наиболее частыми, поэтому для предупреждения их совершения важно изучать факторы, которые подталкивают людей к совершению преступлений против собственности.

Список литературы:

1. Шарапов А.П. Криминологическая характеристика кражи // Столыпинский вестник. – 2021. – Т. 3. – № 3. С. 36-39.
2. Тимошина Е.М. Криминологическая характеристика краж // Общество и право. – 2010. – № 4 (31). – С. 206-214.
3. Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: mvd.ru/ (дата обращения: 04.04.2025).
4. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф., д-р экон. наук А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 1008 с.
5. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 368 с.
6. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Нераскрытая преступность: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 208 с.
7. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Криминология и предупреждение преступлений. Учебник и практикум для СПО. – М.: Юрайт, 2022. – 360 с.

References:

1. Sharapov A.P. Criminological characteristics of theft // Stolypin Bulletin. – 2021. – T. 3. – No. 3. P. 36-39.
2. Timoshina E.M. Criminological characteristics of thefts // Society and law. – 2010. – No. 4 (31). – pp. 206-214.
3. State of crime. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] // Access mode: mvd.ru/ (access date: 04/04/2025).
4. Criminology: a textbook for universities / edited by. ed. Prof., Doctor of Economics Sciences A.I. Dolgovoy. 4th ed., revised. and additional – M.: Norma: INFRA-M, 2023. – 1008 p.5. Appeal ruling of the Moscow Regional Court dated December 19, 2023 in case No. 3/10-485/2023 [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/REnmPsFT5l6x/> (date of access: 02.12.2025).
5. Kleimenov I.M. Comparative criminology: monograph. – M.: Norma: INFRA-M, 2023. – 368 p.
6. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. Unsolved crime: monograph. M.: Norma: INFRA-M, 2021. 208 p.
7. Afanasyeva O. R., Goncharova M. V., Shiyani V. I. Criminology and crime prevention. Textbook and workshop for open source software. – M.: Yurayt, 2022. – 360 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_640

СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ ДИВЕРСИИ (СТ. 281.1 УК РФ): ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СКЛОНЕНИЯ, ВЕРБОВКИ И ИНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ ASSISTANCE IN THE COMMITMENT OF SABOTAGE (ART. 281.1): CERTAIN ASPECTS OF THE CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF INDUCTION, RECRUITMENT AND OTHER INVOLVEMENT

ИГНАТЕНКО Евгений Александрович,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.
E-mail: iea13@mail.ru;

СМЫСЛОВА Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ОЧУ ВО «Международный юридический институт».
127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.
E-mail: veramyshh@mail.ru;

IGNATENKO Evgeniy Alexandrovich,
senior researcher at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
123022, Moscow, st. 2nd Zvenigorodskaya, 15.
E-mail: iea13@mail.ru;

SMYSLOVA Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines The International Law Institute.
4, Street Kashenkin lug, Moscow, 127427, Russia.
E-mail: veramyshh@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлен уголовно-правовой анализ форм содействия совершения диверсии. Подчеркивается, что склонение, вербовка и иное вовлечение лица могут представлять собой продолжаемое преступление. Авторами акцентируется, что вовлечение в совершение диверсии, в отличие от склонения к ее совершению, не охватывает собой применение насилия.

Abstract. The article presents a criminal-legal analysis of forms of assistance in committing sabotage. It is emphasized that inducement, recruitment and other involvement of a person may constitute a continuing crime. The authors emphasize that involvement in committing sabotage, unlike inducement to commit it, does not include the use of violence.

Ключевые слова: диверсия, диверсионные преступления, склонение, вербовка, вовлечение.

Keywords: sabotage, sabotage crimes, inducement, recruitment, involvement.

Для цитирования: Игнатенко Е.А., Смыслова В.Н. Содействие совершению диверсии (ст. 281.1 УК РФ): отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики склонения, вербовки и иного вовлечения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 640-642. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_640.

For citation: Ignatenko E.A., Smyslova V.N. Assistance in the commitment of sabotage (Art. 281.1): certain aspects of the criminal-legal characteristics of induction, recruitment and other involvement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 640-642. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_640.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ) является особой полифункциональной формой соучастия, в рамках которой реализуется уголовно-правовая оценка фактических преступлений иных соучастников диверсии [1]. Следует отметить, что используемый законодателем в ст. 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ термин «диверсионная деятельность» официально не раскрывается ни в одной норме и воспринимается исходя из содержательного анализа указанных статей буквально как совершение диверсии.

Законодатель рассматривает названное содействие через совокупность следующих альтернативно предусмотренных форм (способов), направленных на совершение хотя бы одного из преступлений, указанных в ст. 281 УК РФ:

- по ч. 1, 2 ст. 281.1 УК РФ: 1) склонение; 2) вербовка; 3) иное вовлечение; 4) вооружение; 5) подготовка; 6) финансирование диверсии;

- по ч. 3 ст. 281.1 УК РФ: пособничество;

- по ч. 4 ст. 281.1 УК РФ: 1) организация совершения хотя бы одного такого преступления; 2) руководство его совершением; 3) организация финансирования диверсии.

В уголовном законе содержатся и иные статьи, устанавливающие ответственность за содействие преступной деятельности, например, содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284.3 УК РФ). Такой подход к обособлению признаков содействия в качестве отдельного состава преступления не является новым, но справедливо оспаривается в научном сообществе.

Так, критикует выделение подобных форм содействия А. Н. Игнатов, утверждая, что «законодатель вынуждает правоприменителей проводить между ними различия, которые, по сути, носят умозрительный характер, что осложняет правоприменительную практику» [2, с. 57]. О создании законодателем конкуренции положений Общей и Особенной частей УК РФ, приводящей к их коллизии и нарушению системности уго-

ловного закона, дублированию норм пишет в своем исследовании А. М. Абдулатипов [3, с. 110-112]. Все же разделяем позицию авторов, которые считают, что частные случаи подстрекательства и пособничества справедливо получили свою уголовно-правовую оценку в качестве индивидуально определенных особо опасных преступлений диверсионной направленности [4, с. 173-176] и рассмотрим такие формы содействия, как: склонение, вербовка и иное вовлечение в совершение диверсии.

Склонение лица к совершению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, согласно судебному толкованию понимается в качестве альтернативных умышленных действий вербального (уговоры, убеждения, просьбы, предложения, угрозы) так и невербального (применение физического воздействия, подкуп) характера [5; 6]. Что именно понимается под физическим воздействием, к сожалению, не поясняется, более того, уголовный закон ни в одной статье не содержит подобной формулировки. Полагаем, что сюда можно относить любое применение насилия в отношении потерпевшего, либо его близких, а также повреждение или уничтожение его имущества, либо имущества близких ему лиц.

По факту причиненного вреда, либо имущественного ущерба, такие действия виновного подлежат дополнительной квалификации по признакам соответствующих преступлений против жизни и здоровья, а также против собственности. Но одновременно подобное физическое воздействие, направленное на потерпевшего с целью склонить его к совершению диверсии, требует правовой оценки в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния потерпевшего, а именно – физического принуждения (ст. 40 УК РФ), в случаях, когда потерпевший не мог руководить своими действиями (бездействием). Например, вина лица, не принявшего мер по своевременному ремонту вышедшей из строя автомашины по переключению рельс на железной дороге, приведших к столкновению поездов, будет исключена, если такое лицо в указанный момент было физически изолировано (находилось без сознания после применения в отношении него насилия, связано, лишено возможности самостоятельно передвигаться и т.д.). К тому же акт диверсии предполагает исключительно активное поведение субъекта.

Понимание *вербовки* лица для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, необходимо основывать на судебном толковании, данном в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», в котором указано, что «вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека [7]. Для получения согласия потерпевшего могут быть использованы, например, обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием.

Положительно оценивая установление уголовной ответственности за вербовку лица в целях совершения диверсии по отечественному УК РФ, отметим, что такой подход коррелирует с нормами уголовного законодательства ФРГ и Франции, в которых установлены аналогичные запреты.

Иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, трактуется, на наш взгляд, весьма широко. Осуществление так называемого расширительного толкования встречается в отношении многих норм отечественного УК и, по справедливому мнению, отдельных ученых не придает силы данному закону [8, с. 8-12]. Все же полагаем, что в современных условиях стремительного развития всех форм взаимодействия граждан между собой просто невозможно предугадать, какие именно способы будут использовать преступники для вовлечения потерпевших в диверсионную деятельность. Такой подход позволяет правоохранным и судебным органам рассматривать в качестве преступных любые иные ненасильственные деяния, направленные в отношении лица с целью возбудить у него желание совершить диверсии.

Считаем, что вовлечение, в отличие от склонения, не охватывает собой применение насилия. Это следует из позиции, которую занял Верховный Суд Российской Федерации относительно квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий (ст. ст. 150, 151 УК РФ) в п. 42 постановления Пленума от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», а именно: «под вовлечением ... следует понимать действия ... направленные на возбуждение желания совершить преступление ... Действия ... могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление ...» [9].

Склонение, вербовка и иное вовлечение лица могут представлять собой продолжаемое преступление, которое состоит из различных действий, направленных на одно лицо (реже – группу лиц), обладающих определенным тождеством и охватываемых единой целью – заставить или побудить лицо (группу лиц) дать согласие на предложенных условиях совершить диверсию. При этом временной промежуток между осуществлением этих тождественных действий может быть любым, а выбранные виновным способы могут повторяться или быть различными.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ, принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. Игнатов А.Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2018. С. 55-58.
3. Абдулатипов А.М. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за содействие террористической деятельности // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 38, № 2. С. 108-114.
4. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции // Военное право. 2023. № 2(78). С. 173-176.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.
8. Бондаренко О.А. Судебная практика и уголовное правотворчество: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. □ 242 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation on June 13, 1996, No. 63-FZ, adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996 (as amended on December 28, 2024) (with amendments and additions, intro. effective from 01/08/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. art. 2954.
2. Ignatov A.N. Problems of legislative regulation of criminal liability for facilitating terrorist activities // Problems of application of criminal and criminal procedure legislation: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference Simferopol: Arial, 2018, pp. 55-58.
3. Abdulatipov A.M. Problems of criminal law regulation of responsibility for facilitating terrorist activities // Legal Bulletin of the DSU. 2021. Vol. 38, No. 2. pp. 108-114.
4. Kirichenko N.S., Alexandrova N.G. On criminal liability for acts related to sabotage activities: a brief legal analysis based on the conditions of a special military operation // Military law. 2023. No. 2(78). pp. 173-176.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 (as amended on 03.11.2016) "On certain issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 No. 11 (as amended on 10/28/2021) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 11.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 No. 58 "On judicial practice in cases of kidnapping, unlawful imprisonment and human trafficking" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 3.
8. Bondarenko O.A. Judicial practice and criminal law-making: dis. ... kand. jurid. Nauk. M., 2013. 24 242 p.
9. Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 (as amended dated October 28, 2021) "On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОДКБ ПО ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ ON IMPROVING THE LEGISLATION OF THE CSTO MEMBER STATES ON MILITARY- PATRIOTIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич,

ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России;
профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД.
ул. Академика Волгина, 12, корп. 1, г. Москва, 117437, Россия.

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com;

ТАРАСОВ Максим Юрьевич,

профессор кафедры надзорной деятельности Академии государственной противопожарной службы МЧС России,
доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.
129336, Россия, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4 стр. 2.

E-mail: tarasov0123@gmail.com;

GRIGORYEV Viktor Nikolaevich,

leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
Doctor of Law, professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs.
Akademika Volgina str., 12, building 1, Moscow, 117437, Russia.

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com;

TARASOV Maxim Yuryevich,

Professor of the Department of Supervision Activities of the Academy of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Doctor of Law, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Boris Galushkin str., 4, building 2, Moscow, 129336, Russia.

E-mail: tarasov0123@gmail.com

Краткая аннотация. В статье показывается рост актуальности проблемы совершенствования законодательства государств – членов ОДКБ по военно-патриотическому воспитанию в условиях специальной военной операции. Приведены сведения о проделанной в этом направлении работе и ее результатах. Рекомендованы ряд положений о военно-патриотическом воспитании и просвещении для отражения в законодательстве государств – членов ОДКБ в целях его гармонизации и достижения системности правового регулирования. Приведены сведения о промежуточных результатах рассмотрения соответствующих рекомендаций.

Abstract. The article shows the growing relevance of the problem of improving the legislation of the CSTO member states on military-patriotic education in the context of a special military operation. Information is provided on the work done in this direction and its results. A number of provisions on military-patriotic education and enlightenment are recommended for reflection in the legislation of the CSTO member states for the purpose of its harmonization and achieving systematic legal regulation. Information is provided on the interim results of the consideration of the relevant recommendations.

Ключевые слова: общественная безопасность; национальная безопасность; молодежные организации; государственная молодежная политика; военно-патриотическое воспитание; законодательство государств – членов ОДКБ; гармонизация и системность правового регулирования.

Keywords: public safety; national security; youth organizations; state youth policy; military-patriotic education; legislation of the CSTO member states; harmonization and systematicity of legal regulation.

Для цитирования: Игнатенко Е.А., Смыслова В.Н. Содействие совершению диверсии (ст. 281.1 УК РФ): отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики склонения, вербовки и иного вовлечения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 643-646. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_643.

For citation: Ignatenko E.A., Smyslova V.N. On improving the legislation of the csto member states on military-patriotic education in the context of a special military operation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 643-646. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_643.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Государства – члены Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) столкнулись в современный период с проблемой обострения международной обстановки, связанной прежде всего с желанием ряда государств сохранить за собой политическое, экономическое и военное доминирование над остальными странами, поставив их в зависимое от себя положение и тем самым обеспечив своей экономике процветание за счет использования чужих природных и людских ресурсов. Данная политика неизбежно вызывает противодействие, которое в ряде случаев переходит в форму открытого военного противостояния. Декларируемая на протяжении последних десятилетий направленность на стирание национальных границ, выстраивание глобальных экономических цепочек, мировое разделение труда со всей очевидностью терпит крах. В этой связи начинается перегруппировка государств в иные экономические блоки, выстраивание новых систем обеспечения безопасности, укрепление национальной и коллективной обороноспособности, что очевидным образом должно привести к изменениям в ряде секторов общественного сознания.

Одним из важнейших факторов формирования у российских граждан психологических установок на непосредственное участие в обеспечении обороны и безопасности своего государства является военно-патриотическое воспитание. Он оказывает непосредственное позитивное влия-

ние на общественное сознание. Данная ситуация существенно видоизменилась в связи с началом Россией в соответствии с Решением Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и разрешением Советом Федерации на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации [2].

В условиях геополитической напряженности, обусловленной процессами, происходящими в мире в последние два года, вопрос патриотического воспитания современной молодежи является одним из важнейших постулатов развития отечественной науки. Новым направлением здесь является исследование патриотического воспитания в условиях осадного положения, чрезвычайного положения и других правовых режимов жизнедеятельности; Такое направление предусмотрено информационно-справочной системой, описывающей универсальную десятичную классификацию (УДК) накопленных человечеством знаний. Речь идет о разделах Личной области действия военного уголовного права (УДК 344.123; 342.77), которые в меньшей мере подверглись научным исследованиям.

Проведение специальной военной операции высветило ряд проблем, имеющих место в нашем социуме, которые во многом обусловлены тем, что на определенном этапе его развития в 90-х годах 20 века и начале 2000-х годов на первый план выдвинулись вопросы функционирования гражданских и правовых институтов в условиях осадного положения, чрезвычайного положения и других особых правовых режимов жизнедеятельности. Вопросам военно-патриотического воспитания современной молодежи здесь явно не уделялось должного внимания. Старые институты работы с молодежью, функционировавшие в СССР, были разрушены, а новые созданы не были [3, с. 95].

Учитывая военно-оборонительную направленность Договора о коллективной безопасности [4], требуется системная гармонизация нормативно-правового регулирования отношений в сфере военно-патриотического воспитания во всех государствах – членах ОДКБ, комплекс модельных норм, которые могут быть в дальнейшем в той или иной степени имплементированы в национальное законодательство. Тем самым будет обеспечено сближение подходов в важном вопросе обеспечения национальной безопасности.

Заметный вклад в систему гармонизации нормативно-правового регулирования военно-патриотического воспитания вносит Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (далее – РЭУ имени Г.В. Плеханова), который определен в Программе деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы по данному вопросу Главным исполнителем наряду с ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» и ДОСААФ России; Ответственным за выполнение определена Постоянная комиссия ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству (п. 14) [5]. Творческий коллектив РЭУ имени Г.В. Плеханова представил на заседании Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности проекты модельных актов ОДКБ, в числе которых – по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ в области военно-патриотического воспитания и просвещения (с разработкой проекта модельного закона ОДКБ о военно-патриотических молодежных организациях). Разработки созданы в рамках Программы деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы, в реализации которых РЭУ им. Г.В. Плеханова входит в число основных исполнителей [6].

Гармонизация законодательства государств – членов ОДКБ в области военно-патриотического воспитания и просвещения должна осуществляться с учетом действующих международных норм и принципов. В настоящее время наиболее значимыми в данной сфере регулирования являются следующие международные акты:

Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (принята резолюцией 2037 (XX) Генеральной Ассамблеи от 7 декабря 1965 года) [7];

Декларация о воспитании народов в духе мира (принята резолюцией 33/73 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1978 года) [8];

Модельный закон «О патриотическом воспитании» СНГ (принят Постановлением МПА СНГ от 16.04.2015 г. № 42-6) [9].

Указанный модельный закон определяет правовые, экономические и организационные основы деятельности в сфере патриотического воспитания граждан. Его положения являются основой для разработки и принятия законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере патриотического воспитания в государствах – участниках СНГ и организации международного сотрудничества между ними. При этом в положениях данного закона не содержится какой-либо градации граждан по возрастным критериям, что означает возможность его применения в процессе патриотического воспитания не только молодежи, но и иных граждан. В целях исследования вопроса о военно-патриотическом воспитании молодежи указанный модельный закон представляет интерес постольку, поскольку в нем содержатся определения таких понятий, как «патриотизм», «гражданственность», «Отечество», «патриотическое воспитание», «духовно-нравственное воспитание» и другие. Из дефинитивных норм данного модельного закона усматриваются следующие разновидности патриотического воспитания: гражданско-патриотическое и военно-патриотическое.

Гражданско-патриотическое воспитание в соответствии со ст. 1 данного Модельного закона представляет собой комплекс мероприятий, направленных на воспитание у граждан осознанной необходимости самоотверженного, бескорыстного служения Отечеству при выполнении служебных, трудовых и общественных обязанностей, любви к родному краю, формирование правовой культуры и законопослушности, высокой нравственности и общей культуры, четкой гражданской позиции, постоянной готовности к выполнению своего конституционного долга и гражданских обязанностей, гордости за сопричастность к выдающимся деяниям предков и их традициям.

Военно-патриотическое воспитание, сказано там же, – это комплекс мероприятий, направленных на формирование у граждан осознанной необходимости защиты Отечества, подготовку к военной службе, воспитание гордости за принадлежность к своему народу, к его свершениям, за Вооруженные силы своей страны, уважения к отечественной истории, военной службе и форме одежды, формирование ориентации

на сохранение, приумножение славных воинских традиций предков, увековечение памяти воинов, погибших при защите Родины.

Указанный закон определяется исследователями как важный, хотя и не до конца востребованный (пусть и рекомендательного характера), заложивший основу для правового регулирования патриотического воспитания. Его положения, как и ключевые дефиниции обоснованно предлагается вновь подвергнуть критическому осмыслению и использовать в предстоящей законотворческой работе [10, с. 42].

На основе сравнительного анализа современного состояния нормативного правового обеспечения военно-патриотического воспитания в государствах – членах ОДКБ (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан) можно отметить следующие тенденции и закономерности: наблюдаются разные подходы к пониманию военно-патриотического воспитания; не во всех государствах – членах ОДКБ имеется легальное определение понятия «военно-патриотическое воспитание», а при его наличии возникают сложности с его соотношением с понятием «патриотическое воспитание» и «гражданско-патриотическое воспитание»; в ряде государств – членов ОДКБ отношения в сфере военно-патриотического воспитания должным образом не урегулированы, в ряде случаев имеющиеся нормы носят декларативный характер или характер норм-принципов, не получивших развития в конкретных актах подзаконного характера; зачастую отсутствует четкое представление об исчерпывающем числе субъектов отношений по организации и осуществлению военно-патриотического воспитания, и, соответственно, о разграничении их полномочий; военно-патриотическое воспитание молодежи как самостоятельное направление государственной молодежной политики, как правило, не выделено в законодательных нормах об основах государственной молодежной политики [12].

В связи со сказанным обоснованно рекомендованы ряд положений о военно-патриотическом воспитании и просвещении для отражения в законодательстве государств – членов ОДКБ в целях его гармонизации и достижения системности правового регулирования.

В частности, в законодательных актах *об образовании* необходимо:

- предусмотреть военно-патриотическое воспитание в качестве обязательной составляющей образования на всех его уровнях.
- возложить на учебные заведения, реализующие образовательные программы любого уровня, обязанность по осуществлению военно-патриотического воспитания на основании утвержденных программ внеучебных мероприятий, а также путем внедрения соответствующих разделов (тем, отдельных элементов содержания тем) в программы учебных дисциплин гуманитарной направленности;
- изложить требования к распространению в образовательных организациях сведений о деятельности военно-патриотических общественных организациях и возможных формах участия обучающихся в их деятельности.

В законодательных актах *о культуре* целесообразно предусмотреть нормы:

- о сохранении объектов культуры военно-патриотического характера и обеспечении бесплатного доступа к ним, об организации поддержки и развития отношений по созданию произведений живописи, музыки, скульптуры, литературы, кинематографии военно-патриотического содержания, в то числе посредством размещения государственного и муниципального заказа на создание таких произведений на регулярной основе;
- о требованиях к комплектации библиотечных фондов произведениями военно-патриотического содержания;
- о разработке и реализации совместной программы взаимодействия с образовательными организациями в целях осуществления военно-патриотического воспитания обучающихся.

В законодательных актах *об основах государственной молодежной политики* было бы целесообразно отразить, что военно-патриотическое воспитание молодежи является частью ее патриотического воспитания, а также то, что военно-патриотическое воспитание осуществляется среди гражданской молодежи и молодежи из числа военнослужащих.

В законодательных актах *о воинской обязанности и военной службе, о статусе военнослужащего* целесообразно было бы закрепить единое определение понятия «военно-патриотическое воспитание», а также систему государственных органов и органов местного самоуправления, которые участвуют в организации и осуществлении военно-патриотического воспитания, перечень видов и форм осуществления военно-патриотического воспитания.

В *гражданском законодательстве* в части, устанавливающей основы правового статуса юридических лиц и их организационно-правовые формы, а также в специальном законе о некоммерческих организациях рекомендуется включить нормы о военно-патриотических молодежных организациях, которые представляют собой разновидность некоммерческих юридических лиц.

В законодательных актах *о средствах массовой информации* целесообразно дополнение о возложении обязанности на государственные и муниципальные средства массовой информации об учреждении и ведении рубрики патриотического, в том числе военно-патриотического, содержания; об обязанности на безвозмездной основе публиковать информацию военно-патриотического содержания (анонсы запланированных к проведению военно-патриотических мероприятий с указанием даты, места и времени их проведения, информацию о состоявшихся мероприятиях военно-патриотического характера, организатором которых являются уполномоченные в сфере обороны, образования и культуры органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также военно-патриотические молодежные организации).

В законодательные акты *о добровольческой деятельности (волонтерстве)* целесообразно включение в перечень целей деятельности волонтерских организаций содействие патриотическому, в том числе военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Проекты соответствующих рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ в области военно-патриотического воспитания и просвещения включены, как уже отмечалось, в Программу деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025

годы (п. 14) [5], рассмотрены на заседаниях Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ [13, с. 177].

Список литературы:

1. Торопыгин А. В. Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022; 16 (4): 149–156.
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 10.02.2025].
3. Клименко П. В., Шлырня О. В. Приоритетные направления патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 93 – 100.
4. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Организация Договора о коллективной безопасности // https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасnosti/#loaded // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 10.02.2025].
5. Программа деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы // <https://www.paodkb.org/documents/programma-deyatelnosti-parlamentskoy-assamblei-odkb-po-sblizheniyu-43f64b44-9f0d-419d-babe-aa4bfbfc0299> [дата обращения – 10.02.2025].
6. РЭУ им. Г.В. Плеханова разработал проекты модельных актов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // РЭУ.РФ им. Г.В. Плеханова. 27 октября 2023 года // <https://www.pecy.pf/news/36648-reu-im-gv-plehanova-razrabotal-proektyi-modelnyih-aktov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezопасnosti-odkb-> [дата обращения – 10.02.2025].
7. Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (принята резолюцией 2037 (XX) Генеральной Ассамблеи от 7 декабря 1965 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml [дата обращения – 10.02.2025].
8. Декларация о воспитании народов в духе мира (принята резолюцией 33/73 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1978 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/life_in_peace.shtml [дата обращения – 10.02.2025].
9. Модельный закон «О патриотическом воспитании» СНГ (принят Постановлением МПА СНГ от 16.04.2015 г. № 42-6) // <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/318.pdf> [дата обращения – 10.02.2025].
10. Исаков В.П., Павлинов А.В. О разработке федерального закона о патриотическом воспитании: концепция, содержание и перспективы // Современная наука. 2024. № 4. С. 40–46.
11. Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан)». Паспортные данные // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7?ysclid=lojq7oijxa18628880> [дата обращения – 10.02.2025].
12. Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ в области военно-патриотического воспитания и просвещения (с разработкой проекта модельного закона ОДКБ о военно-патриотических молодежных организациях). Приложение к п. 4 (Проект) [дата обращения – 10.02.2025].
13. Отчет о самообследовании федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (за 2023 год). – М.: 2024. – 266 с. // <https://pecy.pf/mnt/sveden/document/reportEduDocLink/Отчет%20о%20самообследовании%20РЭУ%20им.%20Г.В.%20Плеханова%20за%202023г.pdf> [дата обращения – 10.02.2025].

References:

1. Toropygin A. V. Collective Security Treaty Organization: Realities and Prospects of Crisis Response. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022; 16 (4): 149–156.
2. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of February 22, 2022 No. 35-SF "On the Use of the Armed Forces of the Russian Federation Outside the Territory of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus [date of access - 02/10/2025].
3. Klimentko P. V., Shlyrnya O. V. Priority Areas of Patriotic Education of Modern Youth in the Context of a Special Military Operation // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, No. 4. Pp. 93–100.
4. Collective Security Treaty of May 15, 1992 (as amended by the Protocol on Amendments to the Collective Security Treaty of May 15, 1992, signed on December 10, 2010) // Collective Security Treaty Organization // https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасnosti/#loaded // SPS ConsultantPlus [accessed on 10.02.2025].
5. Program of activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization on the approximation and harmonization of national legislation of the CSTO member states for 2021–2025 // <https://www.paodkb.org/documents/programma-deyatelnosti-parlamentskoy-assamblei-odkb-po-sblizheniyu-43f64b44-9f0d-419d-babe-aa4bfbfc0299> [date of access - 10.02.2025].
6. Plekhanov Russian University of Economics has developed draft model acts of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) // Plekhanov Russian University of Economics. October 27, 2023 // <https://www.pecy.pf/news/36648-reu-im-gv-plehanova-razrabotal-proektyi-modelnyih-aktov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezопасnosti-odkb-> [accessed on February 10, 2025].
7. Declaration on the Dissemination among Young People of the Ideals of Peace, Mutual Respect and Understanding among Peoples (adopted by General Assembly resolution 2037 (XX) of December 7, 1965) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml [accessed on February 10, 2025].
8. Declaration on the Education of Nations in the Spirit of Peace (adopted by UN General Assembly Resolution 33/73 of 15 December 1978) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/life_in_peace.shtml [accessed on 10.02.2025].
9. Model Law "On Patriotic Education" of the CIS (adopted by the Resolution of the CIS IPA dated 16.04.2015 No. 42-6) // <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/318.pdf> [accessed on 10.02.2025].
10. Isakov V.P., Pavlinov A.V. On the development of a federal law on patriotic education: concept, content and prospects // Modern Science. 2024. No. 4. P. 40–46.
11. Bill No. 315234-7 "On Patriotic Education in the Russian Federation (in terms of determining the goals, principles and directions of patriotic education of citizens)". Passport data // System for ensuring legislative activity of the State Automated System "Lawmaking" (SOZD GAS "Lawmaking") // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7?ysclid=lojq7oijxa18628880> [date of access - 10.02.2025].
12. Recommendations for the harmonization of the legislation of the CSTO member states in the field of military-patriotic education and enlightenment (with the development of a draft model law of the CSTO on military-patriotic youth organizations). Appendix to paragraph 4 (Draft) [date of access - 10.02.2025].
13. Self-assessment report of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics" (for 2023). - M.: 2024. - 266 p. // <https://pecy.pf/mnt/sveden/document/reportEduDocLink/Отчет%20о%20самообследовании%20РЭУ%20им.%20Г.В.%20Плеханова%20за%202023г.pdf> [date of access – 10.02.2025].